

ISSN: 2411-197X
e-ISSN: 2500-0896

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. HUMANITATES

2021. Том 7. № 4 (28)

Журнал основан в 1998 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72166 выдано 29 декабря 2017 г.
(ранее: ПИ № ФС77-60411 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Н. Н. Белозёрова, д. филол. н., проф.

Заместители главного редактора:

Н. В. Дрожжащих, д. ф. н., проф.; *А. А. Медведев*, к. ф. н., доц.; *А. Г. Еманов*, д. и. н., проф.

Контактная информация:

Главный редактор Белозёрова Н. Н.:

✉ 625003, г. Тюмень,
ул. Ленина, 23, каб. 212
natnicbel@gmail.com

Центр научных периодических изданий:

✉ 625003, г. Тюмень,
ул. Перекопская, 15а
vestnik-humanities-r@utmn.ru
☎ +7 (3452) 59-74-32

Печатная версия журнала
распространяется по подписке:

Каталог Российской прессы (индекс ПА252)

Журнал выходит 4 раза в год

Прием статей:

vestnik-humanities-r@utmn.ru

Публикация статей для авторов бесплатна

Информация для авторов:

<http://vestnik.utmn.ru>

Электронный вариант журнала
находится в открытом доступе:

<http://www.e-library.ru>

<http://vestnik.utmn.ru>

Учредитель, издатель:

ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

© Вестник Тюменского государственного университета.

Гуманитарные исследования. Humanitates, 2021

(Вестник Тюменского государственного университета, 1998-2014)

<http://vak.ed.gov.ru/87>



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Белозёрова Наталья Николаевна	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Вирдис Даниела Франческа	Ph.D., профессор, Университет Кальяри (Италия)
Гартон Сью	Ph.D., профессор, Университет Астон (Англия)
Дрожащих Наталия Владимировна	доктор филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Лабунец Наталья Вадимовна	доктор филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Марийо Пьер	хабилированный доктор лингвистики, профессор, Университет Тулузы имени Жана Жореса (Франция)
Хомутова Тамара Николаевна	доктор филологических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет
Хшановска-Ключевска Эльжбета	хабилированный доктор наук (лингвистика), профессор, Ягеллонский университет (Польша)
Медведев Александр Александрович	кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Арустамова Анна Альбертовна	доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный научно-исследовательский университет
Викторова Татьяна Владимировна	доктор филологических наук, профессор, хабилированный доктор наук (HDR), Страсбургский государственный университет (Франция)
Зырянов Олег Васильевич	доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Комаров Сергей Анатольевич	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Кононова Алла Владимировна	кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет, ответственный секретарь
Саббатини Марко	доктор филологических наук, хабилированный ординарный профессор по славистике, ассоциированный профессор, Пизанский университет (Италия)
Эртнер Елена Николаевна	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Еманов Александр Георгиевич	доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Вюнш Томас	доктор истории, профессор, Университет Пассау (Германия)
Кинг Рональд	Ph.D., профессор, Государственный университет Сан-Диего (США)
Нефёдкин Александр Константинович	доктор исторических наук, Белгородский национальный исследовательский университет
Парфентьев Николай Павлович	доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Южно-Уральский национальный исследовательский университет
Пашин Сергей Станиславович	доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Чая Роман	доктор истории, профессор, Торуньский университет имени Николая Коперника (Польша)

ISSN: 2411-197X
e-ISSN: 2500-0896

TYUMEN STATE UNIVERSITY

HERALD

HUMANITIES RESEARCH. HUMANITATES

2021. Vol. 7. No. 4 (28)

The journal was founded in 1998

The certificate of registration PI No. FS77-72166 issued on 29 December 2017
(prev. PI No. FS77-60411 on 29 December 2014) by RF Press Committee

This journal is included in the list of leading peer-reviewed journals published
in the Russian Federation disseminating the most notable findings of postgraduate research

EDITOR-IN-CHIEF:

N. N. Belozero, Dr. Sci. (Philol.), Prof.

Deputy Editors-in-Chief:

N. V. Drozhashchikh, Dr. Sci. (Philol.), Prof.; *A. A. Medvedev*, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.;

A. G. Yemanov, Dr. Sci. (Hist.), Prof.

EDITORIAL BOARD

N. N. Belozero, Dr. Sci. (Philol.), Prof.

D. F. Virdis, Ph. D., Prof. (Italy)

S. Garton, Ph. D., Prof. (UK)

N. V. Drozhashchikh, Dr. Sci. (Philol.), Prof.

N. V. Labunets, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.

P. Marillaud, Dr. of Ling., HDR (France)

T. N. Khomutova, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.

E. Chrzanowska-Kluczevska, Dr. Sci. (Ling.), Prof.
(Poland)

A. A. Medvedev, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.

A. A. Arustamova, Dr. Sci. (Philol.), Prof.

T. V. Viktorova, Dr. Sci. (Philol.), HDR (France)

O. V. Zyryanov, Dr. Sci. (Philol.), Prof.

S. A. Komarov, Dr. Sci. (Philol.), Prof.

A. V. Kononova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. —
executive secretary

M. Sabbatini, Dr. Sci. (Philol.), Prof. Ordin. (Italy)

Ye. N. Ertner, Dr. Sci. (Philol.), Prof.

A. G. Yemanov, Dr. Sci. (Hist.), Prof.

T. Wünsch, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Germany)

R. King, Ph.D., Prof. (USA)

A. K. Nefedkin, Dr. Sci. (Hist.), Lead. Researcher

N. P. Parfentiev, Dr. Sci. (Hist.), Prof.

S. S. Pashin, Dr. Sci. (Hist.), Prof.

R. Czaja, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Poland)

Contact information:

Editor-in-chief Natalia Belozero

of. 212, 23 Lenina St., Tyumen, 625003, Russia

natnicbel@gmail.com

Published by the Center for Research Periodicals:

15a Perekopskya St., Tyumen, 625003, Russia

vestnik-humanities-r@utmn.ru

+7 (3452) 59-74-32

Subscription to the printed edition of the journal:

No. IIA252 in the Russian Post catalogue

The journal is released 4 times a year

No publication charges

For article submission or any requests contact:

vestnik-humanities-r@utmn.ru

http://vestnik.utmn.ru

E-version of the journal can be accessed at:

http://www.e-library.ru

http://vestnik.utmn.ru

Founded and published by the University of Tyumen:

6 Volodarskogo St., 625003, Tyumen, Russia

© Tyumen State University Herald.
Humanities Research. Humanitates, 2021
(Tyumen State University Herald, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>



<p>В НОМЕРЕ:</p>	<p>Грамагичикова Н. Б. Историко-культурный ландшафт малого уральского города: образы ирбитской ярмарки в очеркистике XIX века 115</p>
<p>ЯЗЫКОЗНАНИЕ</p> <p>Марийо П. Элементы семиотического анализа картины Рут Шранц Ратинген8</p> <p>Кушнина Л. В., Гейхман Л. К. Функциональная вариативность перевода как фактор успешного межкультурного взаимодействия субъектов.....26</p> <p>Чепига В. П. О языковой субъективности. Советская пресса и русская пресса42</p> <p>Купчик Е. В., Сюнь Ма Антропоморфные метафорические модели концептуальной сферы «природа» в поэзии С. Есенина и Хай Цзы60</p> <p>Трофимова О. В. Знаки препинания в региональном деловом тексте второй половины XVIII века: к проблеме формирования русской пунктуационной системы..... 78</p> <p>ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ</p> <p>Зырянов О. В. О драматургических принципах Д. Н. Мамина-Сибиряка: комедия «На золотом дне» («Золотопромышленники»)101</p>	<p>Непомнящих Н. А. Образ города в прозе С. Н. Дурылина.....136</p> <p>Подлубнова Ю. С. «Я одно время жила на севере Урала...» Уральский период творчества Е. А. Николаевой (Рановой)..... 150</p> <p>Никулина Н. А. Прошлое, настоящее и будущее в расстрельном дневнике Андрея Аржиловского: мотивный анализ темпоральной основы эго-документа.....163</p> <p>Мартьянова С. А. Пушкинско-Достоевский миф о «бесовстве» в творчестве Т. Ю. Кибирова180</p> <p>Першина А. И., Эртнер Е. Н. Читаем о Сибири: проза Н. А. Лухмановой в иностранной аудитории192</p> <p>ИСТОРИЯ</p> <p>Богданова А. А. Некоторые пенитенциальные аспекты древнеирландских «Плаваний» (Immrama).....209</p> <p>Евстюнин В. А. Документы архива Датини как источник изучения этических представлений делового человека эпохи преמודерна...219</p>

Кондратьев С. В.
Статья 29/39 Великой хартии
вольностей в публичной полемике
конца XVI века236

Чеканов Д. Д.
Следственные дела как источник
изучения политических репрессий
1930-х гг.: дискуссии в постсоветской
историографии.....247

ОБЗОРЫ

Иванова Н. А., Огнёва Е. Я.
Мария Николаевна Колокольникова:
неизвестные факты биографии
и родословной262

CONTENTS

LINGUISTICS

Marillaud P.
**Elements of Semiotic Analysis
of Ruth Schranz Ratingen's Painting** 8

Kushnina L. V., Geykhman L. K.
**Functional Variation of Translation
as a Factor in Successful
Intercultural Interaction** 26

Chepiga V. P.
**About Linguistic Subjectivity.
The Soviet Press
and the Russian Press** 42

Kupchik E. V., Xun Ma
**Anthropomorphic Metaphorical
Models in Conceptual Field "Nature"
in the Poetry of S. Yesenin
and of Hǎi Zi** 60

Trofimova O. V.
**Punctuation Marks in the Regional
Business Text of the Second Half
of the 18th Century: On the Problem
of the Formation of the Russian
Punctuation System** 78

LITERATURE STUDIES

Zyryanov O. V.
**About Dramaturgical Principles
of D. N. Mamin-Sibiryak: Comedy
"The Owners of Gold Mines"** 101

Gramatchikova N. B.
**Historical and Cultural Landscape
of a Small Ural Town: Images
of the Irbit Fair in the Essay
on the 19th Century** 115

Nepomnyaschikh N. A.
**The Image of the City in the Prose
of S. N. Durylin** 136

Podlubnova Yu. S.
**"I Once Lived in the North
of the Urals..." Ural Period
of E. A. Nikolaeva's Creativity
(E. A. Ranova's Creativity)** 150

Nikulina N. A.
**Past, Present and Future in the Execution
Diary of Andrei Arzhilovsky:
A Motivational Analysis of the Temporal
Basis of the Ego-Document** 163

Martyanova S. A.
**Pushkin-Dostoevsky Myth about "Devilry"
in the Works of T. Yu. Kibirov** 180

Pershina A. I., Ertner E. N.
**Reading about Siberia: N. A.
Lukhmanova's Prose in a Foreign
Audience** 192

HISTORY

Bogdanova A. A.
**Some Penitential Aspects of the Old Irish
"Voyages" (Immrama)** 209

Evstiunin V. A.
**Datini Archive Documents
as a Source for Studying
the Ethical Concepts
of the Premodern Business Man** 219

Kondratiev S. V.
**Article 29/39 of the Magna Carta
in the Public Controversy
of the Late 16th Century**.....236

Chekanov D. D.
**Investigative Cases as a Source
for Studying Political Repression
in the 1930s: Discussions
in Post-Soviet Historiography**.....247

OVERVIEWS

Ivanova N. A., Ogniova E. Ya.
**Maria Nikolaevna Kolokolnikova:
Unknown Facts of the Biography
and the Genealogy**.....262

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Pierre MARILLAUD¹

UDC 80=133.1

ÉLÉMENTS D'ANALYSE SÉMIOLOGIQUE D'UN TABLEAU DE RUTH SCHRANZ RATINGEN

¹ docteur et HDR en Sciences du Langage,
chercheur associé, l'université Jean Jaurès de Toulouse (France);
inspecteur d'académie honoraire
p.marillaud.cals@orange.fr

Avant-propos

Notre analyse ne constitue qu'une *approche* de la sémiotique planaire conçue, entre autres références, à partir à celle du chapitre IX du *Précis de sémiotique générale* de Jean-Marie Klínenberg (1996). Bien sûr, nous avons apporté nos remarques personnelles, nos points de vue à cette analyse. Pourquoi avoir écrit ce texte ? C'est sans doute, même si l'importance de l'icône dans notre civilisation remonte à la nuit des temps, parce que cette importance est grandissante à un très haut degré, et que notre société vit dans une prolifération quotidienne d'images de toutes sortes. Nous avons établi des rapports entre la structure iconique et la structure linguistique, comme par exemple celui de la narrativité, mais il va de soi que les processus de construction du sens restent différents selon qu'on travaille sur un texte ou sur une icône. Si notre approche veut tendre le plus possible vers l'objectivité, nous savons bien à quel point la subjectivité du spectateur entre dans les considérations d'ordre esthétique et nous avons tenté de cerner l'importance des influences culturelles dans la conception et l'interprétation d'un tableau. Nous avons évidemment voulu aller plus loin que l'obéissance au vieil adage « *les goûts et les couleurs, ça ne se discute pas !* »... L'usage du carré sémiotique cher à A. J. Greimas nous a peut-être permis de clarifier quelque peu notre démarche, du moins c'est ce que nous souhaitons.

Citation: Marillaud P. 2021. « Éléments d'analyse sémiotique d'un tableau de Ruth Schranz Ratingen ». Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 8-25.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-8-25

Mots-clés

Opposition, signifiant/signifié, expression/contenu, formème, chromème, isotopie, programme narratif, énonciation.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-8-25

Introduction

Quand Jean-Paul Sartre, dans *L'Être et le Néant* se pose la question du fonctionnement et de l'origine de la négation, il avance le principe que dans la perception il y a toujours la constitution d'une forme qui se dégage sur un fond. Sur ce point on peut penser que l'anthropogéniste Henri Van Lier, qui insiste sur la capacité de l'humain à découper, et considèrerait que si les animaux supérieurs avaient déjà *arraché*, aucune espèce avant l'humain n'avait « *segmentarisé* », a été influencé par Sartre sur qui il avait travaillé. Certes Sartre ne parlait pas de *segmentarisation*, mais en parlant de forme se dégageant sur un fond, il anticipait d'une certaine façon sur le processus décrit par Henri Van Lier dans le chapitre 8 de *Anthropogénie* [5, pp. 167-177]. Ce qui intéresse Sartre dans *L'être et le Néant* c'est justement ce qui est hors du segment, ce qui serait le non-segment, c'est-à-dire l'ensemble des objets qui par rapport à la forme principale tombent dans l'indifférenciation.

C'est ce qu'il désigne par le processus de néantisation. Il illustre ce processus en donnant l'exemple suivant : il a rendez-vous dans un café avec Pierre, mais quand il entre dans le café il constate que Pierre n'y est pas. Si Pierre était là il se détacherait sur le fond que constituerait l'ensemble des objets et des personnages présents dans le café :

« Le café que je néantise par mon regard, je le réduis à ce moindre degré d'existence parce que j'y constate l'absence de Pierre : mes yeux passant sur chacun des consommateurs l'éclairent fugacement pour le replonger aussitôt dans l'inintéressant *pour moi* puisque ce consommateur n'est pas Pierre. De la même façon, dans un syntagme dont tous les sèmes sont positifs sauf un, l'ensemble de ces sèmes positifs reste dans l'ombre. Ils sont non significatifs en eux-mêmes et, lorsque je parcours (métaphoriquement) le syntagme, ces sèmes ne sont pas autre chose qu'une présence muette. Mais le café sartrien, néantisé par mon regard, il existe pourtant, et cela par le seul fait qu'il est habité par Pierre absent : d'une part il est anéanti par cette absence, mais d'autre part et en même temps, il surgit du néant par la vertu propre de celle-ci. Si je ne cherchais pas Pierre, ce café n'existerait pas pour moi, mais c'est aussi parce que je cherche Pierre que je répands la néantisation sur cet endroit. L'absence de Pierre possède, parce que je le cherche, cette vertu exorbitante de faire naître et de tuer à la fois ce café : elle est, en un même mouvement, le procréateur et le meurtrier et, pour comble, c'est le même acte qui est simultanément procréateur et meurtrier » [4, p. 46].

Si nous avons tenu faire référence à Sartre et Van Lier, c'est parce que d'une part un tableau qu'on regarde en se détachant de tout ce qui l'entoure (salle de musée, vitrine d'exposition, etc.) néantise en quelque sorte le milieu où se trouve le spectateur qui

le regarde. Mais dans le tableau que nous avons sous les yeux il se peut qu'un élément iconique se détache sur le fond du tableau, et il y a alors de la part du spectateur une deuxième néantisation à l'intérieur du tableau. Que la peinture soit figurative ou abstraite, nous devons donc la considérer comme un système *Signifiant/Signifié*, en admettant que *le signifié figuratif* permette d'attribuer plus aisément un statut sémiotique aux unités discrètes composant l'ensemble du tableau. Disons que nous posons là une pétition de principe car dans la mesure où l'on ne peut jamais dissocier un signifié de son signifiant, une peinture abstraite signifie toujours quelque chose. Tout signe ne peut d'ailleurs que signifier, que ce soit positivement ou négativement...

Mais il va de soi que le commentaire d'un tableau s'inscrit dans un ensemble infini de commentaires possibles échappant à l'objectivité d'une analyse scientifique, même s'ils arrivent parfois à être asymptotiques à ce type d'analyse. Dès qu'il est question d'esthétique, se pose la question des critères. Le tableau que nous allons analyser peut fort bien être regardé avec le critère très ancien, celui de la reconnaissance de la vérité dans l'art (voir Platon dans le *Philèbe*). C'est-à-dire que le monument, la végétation, la cabane, le ciel dégagé, la lumière etc. semblent se situer dans un ordre cosmique, et en ce sens le tableau renvoie au critère de vérité. Mais le tableau n'échappe pas au temps, à l'histoire, et le monument identifié comme étant une église nous renvoie alors au temps des religions monothéistes, et par conséquent à la sublimité du divin. Après Nietzsche, c'est-à-dire aujourd'hui, la vérité de l'œuvre n'est plus dans le tableau mais dans la subjectivité de l'auteur qui l'a créé, et c'est peut-être contre cette dernière tendance que la sémiotique planaire, dans l'esprit de Greimas, a voulu revenir à l'œuvre seule... Certes les œuvres dites d'avant-garde renvoient presque toutes à la personnalité de leurs créateurs.

Commenter une œuvre d'art pose également un problème de critères car après tout l'explication d'un tableau peut donner lieu à de multiples manières de s'exprimer, et il serait même possible d'imiter Raymond Queneau et ses *Exercices de style*. Le tableau pourrait alors être décrit dans un style « négatif » :

« Ce paysage n'est ni un désert , ni une rue, et le bâtiment central n'est ni une usine, ni un gratte-ciel... etc. »

ou un style « d'hésitation »:

« On ne sait pas si l'église, de rite catholique ou orthodoxe, qui occupe une position plutôt centrale dans ce qui nous semble être un paysage urbain qui serait cependant occupé de part et d'autre par des arbres à un moment sans doute proche de midi ... etc. »

Cessons de plaisanter ! Les réserves que nous faisons en imitant Raymond Queneau ont pour fin de montrer que l'analyse d'un tableau est marquée par le temps de celui qui le regarde, que le tableau lui-même est marqué par le temps de sa création, et que par exemple l'ordre (les grecs auraient dit le cosmos) dans lequel il est construit à la fois lui est spécifique, mais en même temps il contient une sorte de vérité très difficile à définir, et qui pourtant peut finir par faire de l'œuvre un classique comme la Joconde de Léonard de Vinci. L'analyse qui fait suite a pour finalité de montrer comment on

peut aborder l'analyse d'un tableau avec les outils de la sémiotique mais nous savons que la logique aujourd'hui ne prétend plus imposer son sens au discours, qu'il s'agisse de textes ou d'œuvres d'art, et le travail que nous présentons n'est seulement qu'un moyen d'élucidation parmi d'autres. Wittgenstein n'a-t-il pas démontré que les signes sont inertes et que seul l'usage qu'on fait d'eux leur donne vie ?

I. Le cadre et les réseaux qu'il génère

Même si d'autres canaux entrent en jeu dans la perception d'un tableau, nous nous en tiendrons au canal visuel et donc aux signes visuels. Certes tous les signes visuels ne fonctionnent pas de la même façon et on ne peut pas mettre sur le même plan ceux qui ont une valeur indicielle comme la fumée signifiant l'existence d'un feu, ceux qui sont chargés d'une valeur symbolique comme les couleurs, les flèches, les croix, etc., ceux qui sont des icônes, et enfin ceux qui sont des signes au sens le plus strict du terme.

Par ailleurs, puisque la pragmatique reste incontournable, l'analyse ne portera pas seulement sur les contenus du tableau, mais aussi sur les dispositifs que l'énoncé met en œuvre pour que le tableau soit interprétable par le spectateur.

Le tableau (fig. 1) est inscrit dans une structure rectangulaire qui, bien qu'élément plutôt externe, a des échos sur sa structure interne. Ainsi à la fin du XIXe siècle et au début du XXe il était courant de peindre des portraits, ou d'en photographier, et de les insérer dans un cadre ovale qui s'adapte bien aux portraits. Dans le cas d'« Omsk » (le nom du tableau que nous allons étudier) le cadre rectangulaire est en écho, ou génère, (il y a interaction) d'une certaine façon la structure orthogonale qui sous-tend l'ensemble du paysage représenté.



Fig. 1. Omsk de Ruth Schranz Ratingen

Fig. 1. Omsk by Ruth Schranz Ratingen

A. La verticalité

La verticalité n'est pas a priori un signe iconique ; elle est plutôt un signe plastique qui fait partie de l'ensemble des codes qui reposent sur les lignes, les couleurs sans référence au moindre mimétisme.

Ainsi, à la largeur du cadre fait écho tout un réseau de parallèles à cette largeur comme par exemple la ligne verticale qui, dans la partie gauche du tableau, sépare

les arbres de l'église. Mais cette structure verticale prend un sens dès qu'on considère les bâtiments représentés et plus particulièrement le lieu de culte, très marqué par ses lignes de construction et par les trois croix qui subliment, en quelque sorte, cette verticalité. Les ouvertures de l'église sont plus hautes que larges et soulignent elles aussi cette verticalité que pour l'instant nous ne faisons que constater mais à laquelle nous donnerons du sens quand nous la comparerons à d'autres éléments discrets.

On découvre alors qu'une des verticales générées, celle qui est à peu de choses près l'axe de symétrie du clocher central, est en fait l'axe de symétrie verticale du tableau.

Sans anticiper sur l'interprétation, nous notons alors que cette axe de symétrie ne se réduit pas au rôle d'une structure abstraite car il divise le paysage assez harmonieusement, puisqu'on trouve, à droite comme à gauche, de cet axe :

- une moitié du bâtiment central ;
- un bâtiment de part et d'autre de ce bâtiment central ;
- de la végétation à l'extrême gauche comme à l'extrême droite du tableau.

B. L'horizontalité

La longueur du rectangle dans lequel le tableau est inscrit trouve également un écho dans un réseau de lignes horizontales à l'intérieur du tableau.

La ligne des toits du bâtiment masqué par le feuillage au centre, coïncidant presque avec la courbe peu accentuée de la coupole de droite, est parallèle à la ligne du sol, à la base de la cabane de bois située à gauche du tableau, en premier plan.

Les ouvertures plus larges que hautes, ainsi que la ligne qui sépare les deux éléments superposés de cette cabane sont également très marquées d'horizontalité.

Bref, ce tableau est construit sur une trame orthogonale qui nous conduira à prendre en compte la signification de l'opposition *horizontalité VS verticalité*.

C. Le réseau des obliques

Il est à première vue beaucoup moins affirmé que le réseau orthogonal : trois parallèles des deux lignes des deux toits de la maison en bois avec la ligne du côté gauche du bâtiment central masqué par de la verdure.

A noter que la ligne de faîte de ce bâtiment central se retrouve sur l'axe de symétrie vertical du tableau.

Enfin, les trois coupoles s'inscrivent respectivement dans 3 triangles dont les angles au sommet sont de valeur sensiblement égales.

D. Les courbes

Elles correspondent au tracé des galbes des clochers à bulbe, aux bases des coupoles et aux parties supérieures des fenêtres de l'église.

En résumé, les « formèmes » que nous venons de recenser permettent de mettre en évidence des oppositions qui pour l'instant restent peu significatives :

- orthogonalité VS oblicité ;
- verticalité VS horizontalité ;
- droite VS courbe.

II. La couleur et les chromèmes

Le tableau est entièrement réalisé avec des couleurs froides, le bleu, le blanc avec sa contre-couleur le noir, et le vert, à l'exception de l'or des croix et des clochetons terminaux. Le vert atténue la froideur du tableau car il se situe à mi-chemin entre les couleurs froides et les couleurs chaudes. Mais nous n'interpréterons pas les couleurs, c'est-à-dire nous n'analyserons pas le rôle de ces chromèmes tant que nous n'aurons pas abordé l'iconicité du tableau.

Ce qui frappe dans ce tableau c'est la grande luminance du blanc et du bleu qui impose en quelque sorte l'infini du ciel et l'aspect éblouissant de l'édifice religieux.

III. Les signes iconiques

Si nous pouvons décrire ce tableau, c'est en fonction d'un référent, c'est-à-dire d'un objet que nous pouvons comparer à un modèle. Cet objet appartient à la classe d'objets « paysage », perçu à partir du stimulus visuel que constitue le signifiant. Entre le stimulus visuel et le référent s'établit une relation de co-typie, puisque l'un et l'autre ont chacun une texture, une forme et une couleur, c'est-à-dire qu'ils peuvent être décrits en termes de spatialité. Remarquons que le stimulus et le référent peuvent être comparés, bien qu'ils soient à des échelles différentes (rapport entre le paysage qui a été peint et sa reproduction qui mesure 25,5x19 cm).

IV. Les isotopies

Deux isotopies dominent le tableau, et correspondent à des noèmes : *monde naturel VS monde humain*. Nous éviterons ici une discussion métaphysique, non sans avoir affirmé que l'homme relève à part entière de la nature, mais ce qui oppose ici l'architecture humaine au monde végétal est du même ordre que ce qui opposerait le nid de guêpes, avec ses alvéoles, aux végétaux se trouvant dans son voisinage immédiat.

L'isotopie de l'humain s'articule sur un contraste mis en évidence par :

- l'opposition des formèmes *grand (pour l'église) VS petit (pour la cabane de bois)* ;
- l'opposition des chromèmes *blanc (pour l'église) VS noir-violet (pour la cabane de bois)* ;
- l'opposition de la luminance *intense (pour l'église) VS faible (pour la cabane de bois)* ;
- l'opposition de la *brillance des ors de l'église VS aspect terne de la cabane de bois*.

Structure répétitive des formèmes et des chromèmes imposant un rythme ternaire les triangles de l'église VS architecture modeste et moins harmonieuse pour la cabane de bois.

D'où cette première et très schématique récapitulation (tableau 1).

Il apparaît ainsi que les caractéristiques qui relèvent de l'humain, l'église et la cabane de bois, s'opposent dans un sens positif pour l'église et plutôt négatif pour la cabane de bois, qui se trouve dans un endroit sombre et est en elle-même d'une couleur sombre, presque noire, c'est-à-dire à la limite de l'achromatisme. Le formème /verticalité/ dominant pour l'église s'oppose à l'/horizontalité/ de la cabane, c'est-à-dire, en terme plus dynamique, que l'église est métaphoriquement projetée dans **un mouvement ascendant vers le ciel** alors que l'horizontalité de la cabane symbolise **l'enracinement dans la terre**.

Tableau 1

Isotopie de l'humain

	Orientation	Dimension	Couleur	Luminosité	Décoration	Architecture
Église	Verticale	+	+	+	+	+
Cabane	Horizontale	-	-	-	-	-

Table 1

Isotopy of things related to the human's world

Il n'y a pas besoin de pousser l'analyse dans les moindres détails des deux édifices pour comprendre à quel point l'édifice sacré est valorisé par rapport au modeste édifice de la cabane de bois.

En outre le /**blanc**/ de la pierre des murs de l'église s'oppose au /**noir-brun-violet**/ du bois avec lequel la cabane est construite. On a donc une opposition /**minéral**/ VS /**végétal**/ qui concerne les matériaux de constructions des deux édifices, opposition qui fonctionne apparemment toujours dans le même sens d'une mise en valeur de l'édifice sacré par rapport à l'édifice commun.

La cabane de bois fonctionne par ailleurs comme un terme connecteur d'isotopies puisqu'elle relie /**l'humain**/ au /**végétal**/. Cette connexion est très marquée par la répartition de la luminance en deux grande zones qui partagent le tableau : en effet à une zone claire, et de forte luminance englobant l'église et le ciel, s'oppose une zone de faible luminance comprenant l'ensemble du végétal dans lequel est enfouie la cabane de bois, qui ainsi, ne se détache pas de la matière avec laquelle elle est fabriquée.

On peut alors affirmer que le végétal et l'humain sont signifiés par un égal enracinement terrestre.

Mais l'église dénote également l'œuvre de l'homme, or le chromème bleu se retrouve dans la coloration de ses toits et de certaines de ses ouvertures. Elle est en outre dans la zone de forte luminance qui la réunit au ciel, symboliquement lieu de spiritualité, et ce d'autant que dans le tableau il est peint d'un bleu pur sans nuages. L'église fonctionne elle aussi comme un terme connecteur d'isotopies, terme qui réunit l'isotopie de l'humain et celle du ciel.

Si nous avons à traduire ces connections d'isotopies en programmes narratifs, nous dirions que l'énonciateur met en place deux programmes dont chacun est l'anti-programme de l'autre.

$$PN1 F(S2) \Rightarrow [(S1 \vee O1c) \rightarrow (S1 \wedge O1c)]$$

Ce programme se traduit par la conjonction de l'humain avec l'objet O1 = objet céleste (spiritualité). Ce qui peut s'expliquer ainsi !

Le sujet énonciateur et opérateur S2 fait en sorte que le sujet d'état, sujet humain S1, disjoint de l'objet céleste O1c lui soit conjoint. Le ciel dans la tradition chrétienne est le lieu symbolique où se tiennent les saints et Dieu. Mais sur le plan physique le ciel fait partie de l'atmosphère que nous respirons. En peignant un ciel bleu et pur, l'énonciateur du tableau rend facile la métaphore qui permet de passer de la pureté du ciel à la pureté

des âmes. C'est en ce sens qu'il y a interférence entre les clochetons terminaux et les croix d'une part qui sont des parties d'un édifice religieux, et le ciel pur qui métaphorise le paradis des chrétiens. Disons que le tableau manipule son observateur en l'incitant à passer d'une simple observation du monde physique à une sorte de contemplation spirituelle, religieuse que nous représentons dans le processus narratif par le symbole O1c (objet céleste et spirituel). Mais l'énonciateur-peintre ne laisse pas le spectateur s'imprégner de la seule spiritualité, d'où le programme narratif (PN2) suivant :

$$\text{PN2 } F(S2) \Rightarrow [(S1 \vee O1t) \rightarrow (S1 \wedge O1t)]$$

Le sujet du *faire*, le sujet énonciateur et opérateur S2, ne se contente pas d'un discours mettant en valeur la lumière et la spiritualité, il renvoie son destinataire, le spectateur et sujet d'état S1, à un objet situé à l'ombre d'un arbre, une cabane en bois de couleur sombre qui manifestement ne connote ni richesse ni grandeur, à la différence de l'église qui la domine. Notons que du côté droit du tableau on a symétriquement une zone d'ombre à la base d'un feuillage. Disons que le spectateur qui peut subir un tropisme le conduisant à privilégier la zone lumineuse de tableau, ne peut cependant pas ne pas voir la cabane dont l'architecture renvoie plutôt à la pauvreté, à moins qu'il ne s'agisse d'un atelier où l'on travaille... De toute façon c'est à une réalité terrestre, banale que nous renvoie la partie inférieure du tableau. C'est ce que nous traduisons par la conjonction du sujet d'état avec l'objet terrestre, ou commun, ou banal, que nous désignons par O1t.

Ce programme se traduit par la conjonction de l'humain avec l'objet terrestre.

Nous pourrions traduire la double réalisation de ces programmes antinomiques comme une double implication :

$$\text{PN1} \Leftrightarrow \text{PN2}$$

Car ces deux programmes interagissent l'un sur l'autre, le PN1 donnant une vision lumineuse et spirituelle du monde mise en valeur par le contraste avec le PN2 qui renvoie à l'obscurité, la pauvreté du matériau de couleur sombre avec lequel est construit la cabane, bref à un objet plus sombre et plus modeste. A ce stade de l'analyse du tableau nous nous contentons de constater que les termes connecteurs d'isotopies que sont la cabane de bois et l'église, mettent en évidence la condition de l'homme, à la fois matérielle et spirituelle, sans que nous cherchions à voir si le tableau ne donne cependant pas une orientation préférentielle, ce qui nous conduira à affiner l'analyse syntaxique.

V. L'énonciateur

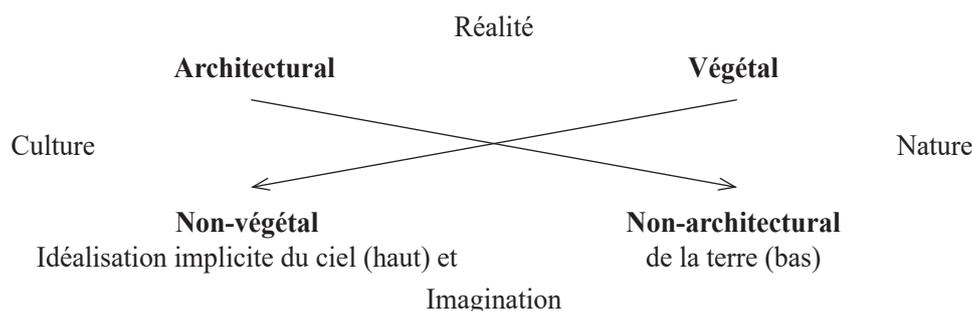
Si nous considérons le tableau dans son ensemble, certaines oppositions s'imposent.

1° l'opposition nature VS culture

Ce couple oppositionnel est presque incontournable mais il est intéressant de noter que si l'on compare les surfaces consacrées aux images se référant à ces deux concepts, on constate qu'elles sont à peu près équivalentes. D'où l'accentuation de cette impression d'équilibre donnée par la construction du tableau.

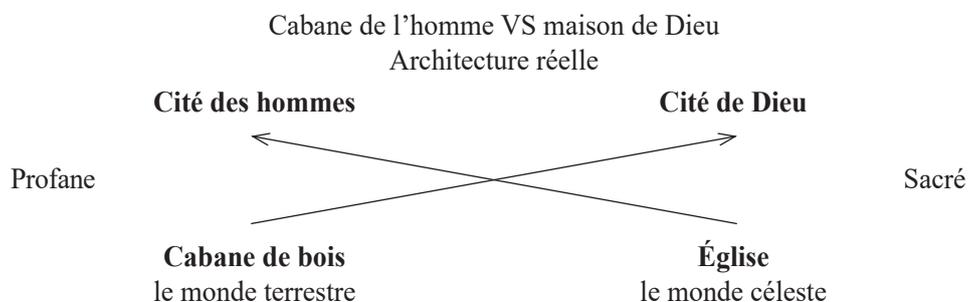
On remarque que le feuillage (nature) constitue une sorte d'écrin, de nid, dans lequel la cabane de bois est enfouie et duquel émerge l'église. L'énonciateur du tableau aurait pu isoler par exemple, dans sa représentation, les bâtiments des arbres, en ne maintenant comme conjonction avec les éléments naturels que le sol (la terre) et le ciel. On aurait eu alors, du point de vue sémiotique, une disjonction. Il n'en est rien et l'énonciateur a cherché au contraire à ne pas dissocier le culturel, signifié par les éléments architecturaux, du naturel signifié par le monde végétal.

On peut alors proposer comme première articulation le schéma thématico-narratif suivant :



Nous savons tout ce que ce schéma a d'approximatif mais on ne travaille pas sur un tableau avec la même aisance que sur un texte. Ce schéma ne constitue qu'une étape dans la progression de l'analyse du tableau.

Il est vrai qu'on peut contester le métaterme « idéalisation de ... », mais une autre articulation sous-tend ce tableau :



De telles oppositions n'ont de sens que par rapport au tableau analysé et ne peuvent à aucun titre être généralisées. Peut-on parler d'un parcours syntaxique ?

Oui, si l'on considère les jonctions des chromèmes : ainsi la cabane de bois, dont la couleur est proche de celle du sol, ce qui renforce sa vocation terrestre, est en contact direct avec le blanc lumineux de l'église à l'endroit du décrochement des deux lignes de toits, vers le centre du tableau. On peut alors donner le sens du parcours narratif *cité de l'homme* → *église* → *cité de Dieu*, ce qui peut être une façon pour le croyant (que

nous ne sommes pas !) de dire qu'en partant de sa cabane pour aller à l'Église, l'homme accède finalement à la cité de Dieu. Le parcours narratif symétrique signifierait que Dieu, en ayant le regard sur la cabane de bois, vient habiter la cité de l'homme. Si nous étions dans un texte littéraire nous parlerions de compétence narrative de l'énonciateur.

En effet l'énonciateur a placé l'église en position centrale et l'a peinte d'un blanc lumineux, c'est-à-dire d'un blanc qui loin de relever de l'achromatisme semble au contraire être la somme de toutes les couleurs. Les ombres n'ayant pas été représentées, on peut penser qu'il est midi dans le tableau... , mais ce qui frappe le plus est que la lumière semble surgir de la terre, du feuillage, de la zone sombre du bas du tableau, comme si elle était elle-même animée d'un mouvement ascendant vers le ciel, accompagnant celui des clochers et des croix, ce mouvement étant dû à l'importance du réseau des formèmes que sont les verticales. La symbolique du blanc est riche, complexe, diverse et contradictoire même, selon les cultures, mais il semble bien qu'ici le blanc connote la pureté et la spiritualité.

Quant à l'or des croix, outre qu'il nous rappelle le temps de la perfection, celui de l'âge d'or, n'oublions pas qu'il évoque chez les grecs de l'Antiquité le soleil, la chaleur, la fécondation, l'amour, or l'église, par son architecture nous apparaît être orthodoxe, ou catholique de rite oriental, c'est-à-dire très en rapport avec la culture grecque. Apollon était habillé d'or et le Christ est souvent représenté auréolé d'or.

Les croix ont elles aussi des valeurs symboliques multiples dans toutes les cultures, mais retenons que la croix est d'abord un symbole d'orientation qui a pour première fonction de montrer, de donner la direction, or il est clair que dans le tableau la direction indiquée est le ciel. Le ciel est donc l'objet visé par un signe religieux, ce qui en fait beaucoup plus qu'une masse d'air colorée jouant le rôle de toile de fond du tableau. Les croix sont des opérateurs de transformation du ciel banal situé au-dessus de nos têtes en lieu céleste du sacré et du divin.

VI. La temporalité

Nous en avons dit deux mots, mais nous pouvons maintenant l'aborder plus aisément. Il est vrai qu'il peut paraître curieux de parler de temporalité d'une image fixe, l'icône dénotant un état ponctuel, un instant figé par le peintre ou le photographe, et renvoyant à un référent sans temporalité. Jean-Marie Klinkenberg parle d'injection du trait "durée" dans des types iconiques:

- injection par l'encyclopédie ;
- injection par les indices ;
- injection par les signes indexicaux ;
- injection par des sémiotiques extérieures [3].

Si nous nous référons au premier type d'injection, rien dans les objets représentés postule une temporalité immédiatement antérieure comme par exemple une des vitres des bâtiments représentés cassée présupposerait que ce bris vient de se produire.

On ne voit pas non plus quelle temporalité immédiatement postérieure pourrait être signifiée, ni comment le référent de l'icône se situerait dans un instant intermédiaire entre deux actions.

Peut-on parler d'une temporalité énonciative du fait du tremblé pour rendre le feuillage des arbres? A notre avis cela ne présente aucun intérêt.

On ne trouve pas non plus de signes indexicaux, du type sillage dessiné derrière un bateau, ou tourbillon derrière une voiture, qui indiqueraient le déplacement des objets, ni d'interférence avec une sémiotique extérieure, comme par exemple un titre au tableau du type « Printemps sur un lieu de prière ».

Et pourtant, pour reprendre le terme de Klinkenberg, il y a bien une injection de la temporalité dans ce tableau, mais peut-être faut-il la considérer d'abord comme relevant de la « longue durée »...

On perçoit d'abord dans ce tableau ce que nous appellerons une *temporalité naturelle* : le manque d'ombre portée permet de situer le moment de la journée où le soleil occupe sa position la plus haute au-dessus de l'horizon. Disons, pour simplifier, qu'il est midi.

S'il ne s'agissait pas d'un paysage d'été, le peintre aurait également dû représenter les ombres portées car le soleil ne serait pas aussi haut .

Le feuillage des arbres nous donne également des indications sur le moment de l'année : on est à la fin du printemps ou au début de l'été : la végétation est luxuriante. Notons que ce feuillage est le résultat d'une croissance végétale, donc d'un mouvement, donc du temps.

Enfin le ciel bleu confirme l'impression de belle saison dans laquelle se situe l'anecdote.

Mais nous parlerons également d'une *temporalité culturelle*. En effet les deux édifices représentés portent en eux :

le temps qu'il fallu pour les construire, et sans doute l'édifice religieux, est-il le résultat d'un temps de travail beaucoup plus long que la modeste cabane de bois.

Le style de construction renvoie à des périodes différentes de l'histoire, les vitres rectangulaires de la cabane étant la marque d'une époque assez récente de la construction par rapport à l'église qui a sans doute plusieurs siècles d'existence.

Les vitres de la cabane évoquent la présence d'un atelier, d'où l'opposition entre un lieu et un temps du travail par rapport à un lieu et un temps de la prière.

L'église est un lieu du rituel, donc elle signifie le temps des traditions; en outre elle signifie 2000 ans de culture chrétienne.

Enfin, dans le prolongement de ce que nous venons d'affirmer, les croix, outre qu'elles signifient la mort du Christ, en désignant le ciel, désignent l'éternité. Disons que ce tableau relève, d'une façon peut-être indirecte, de l'iconographie chrétienne, et de ce fait ne peut échapper au temps.

Nous pensons d'ailleurs que tout tableau, sauf s'il est totalement abstrait, contient des indices de temporalité, même dans le cas où aucune anecdote n'est explicitement relatée, comme c'est justement le cas de celui que nous analysons. Même en peinture rien n'échappe au temps...

VII. La spatialité

Dans un tableau non abstrait il y a conversion d'un espace tridimensionnel en un espace bidimensionnel. C'est donc une syntaxe topologique qui se met en place en organisant les formèmes et les chromèmes. Cette syntaxe s'inscrit automatiquement dans un contexte socio- culturel, celui du public visé. Nous venons de parler d' iconographie

chrétienne et il est clair que l'énonciateur du tableau a sans doute cherché à mettre en évidence des stéréotypes (église, croix, cabane, etc.) qui fonctionnent dans la société où le tableau est exposé. Qu'on le veuille ou non, le tableau a été peint pour dire quelque chose : il établit une conjonction entre l'espace planaire et l'espace tridimensionnel du spectateur. Le spectateur, s'il reconnaît dans le stimulus, c'est-à-dire dans telle et telle taches de couleurs, telle ou telle formes géométriques, une église, une cabane, des croix, etc., c'est parce que la fonction iconique met ces objets peints en équivalence avec les représentations mentales du public.

Le tableau, comme tous les tableaux figuratifs, est une reconstruction complètement artificielle d'une certaine situation pseudo-quotidienne, c'est-à-dire que le lecteur du tableau peut imaginer qu'il est sans l'intermédiaire de personne, du moins en apparence, dans un espace qu'il identifie globalement comme un paysage de la ville d'Omsk (s'il a pris en considération le titre du tableau), voire comme un paysage dont les éléments, église, cabane, arbres, ciel, etc., sont des éléments qui lui sont familiers, au point que cette reconstruction artificielle peut se faire oublier en tant qu'image. Il est des tableaux d'horreur qui déclenchent des craintes chez certains lecteurs qui finissent par oublier qu'il ne s'agit que de traits et de taches de peinture sur une toile, car l'image figurative dit toujours quelque chose. Si nous oublions un instant Omsk pour considérer une image publicitaire, nous constatons que cette image publicitaire rassure son spectateur-lecteur. Des signifiés comme la beauté, l'élégance, la jeunesse etc., finissent par traduire à la fois le bonheur et la modernité. J. Baudrillard publia « *Le système des objets* » en 1968. Il disait de la publicité :

« La publicité rassure les consciences par une sémantique sociale dirigée, et dirigée à la limite sur un seul signifié, qui est la société globale elle-même. Celle-ci se réserve ainsi tous les rôles : elle suscite une foule d'images dont elle s'emploie en même temps à réduire le sens » [1, pp. 246-249].

Résultats et discussion

Le tableau « Omsk », même s'il porte un nom de ville, suscite chez le lecteur une impression de calme, de bonheur de vivre dans une nature dans laquelle Dieu a cependant sa place. Que Ruth Schranz Ratingen l'ait voulu ou pas, son tableau signifie une quiétude naturelle et religieuse, y compris pour l'athée que nous sommes ! Il est intéressant en effet de chercher à comprendre quels dispositifs l'énoncé met en œuvre pour assurer, du moins susciter, le positionnement du spectateur. En ce sens, l'œuvre picturale figurative fonctionne comme un texte, comme un discours, comme un acte de langage qui dépend des propriétés objectives de l'espace communicationnel. Certes nous ne confondons pas texte linguistique et image, mais pour en revenir au tableau d'Omsk, l'analyse sémiotique débouche, qu'on le veuille ou non, sur une mise en évidence de certaines valeurs illocutoires qui influent sur les rapports entre le tableau et ses spectateurs. Le positionnement du spectateur dépend alors de sa culture personnelle, mais aussi des rapports sociaux, voire des valeurs de la civilisation dont il est imprégné. N'oublions pas qu'en sémiotique visuelle, « l'image est considérée comme une unité de manifestation autosuffisante, comme un tout de signification,

susceptible d'être soumis à l'analyse. [...] De même, alors que pour la sémiologie de l'image, l'iconicité des signes fait partie de la définition même de l'image, la sémiotique planaire considère l'iconicité comme un effet de connotation véridictoire, relative à une culture donnée, qui juge certains signes *plus réels* que d'autres et qui conduit, dans certaines conditions, le producteur de l'image à se soumettre aux règles de construction d'un *faire semblant* culturel » [2, p. 181].

Un événement d'ordre esthétique se produit en ce moment à Paris [N.D.L.R. Septembre-Octobre 2021] : on enveloppe l'Arc de Triomphe, selon la volonté de Christo Vladimir Javacheff (1935-2020). Son épouse Jeanne-Claude a en effet obtenu l'autorisation de réaliser cet emballage qu'avait préparé feu son époux. Certes nous ne sommes pas dans le « planaire » puisque l'œuvre, dite d'art, produite est tri-dimensionnelle, mais il est possible d'aborder cette œuvre dans le même état d'esprit que celui qui présida à notre analyse de « Omsk ».

L'Arc de triomphe emballé par 25 000 m² de polypropylène, donc par du plastique obtenu par polymérisation du propylène (C₃H₆), un hydrocarbure éthylénique... (Bravo pour les écologistes !) apparaît donc aux parisiens couvert de bandes argentées. Christo aurait expliqué qu'il voulait attirer l'attention du public sur des œuvres d'art que ce même public ne voit plus, tant il a l'habitude de les côtoyer, de passer devant, de les contourner, etc..., œuvres qu'il regardera de nouveau quand elles seront désenveloppées. Notre propos n'est pas faire ici l'analyse du monument tel qu'il apparaît quand il est emballé. Nous nous contentons d'affirmer, en référence à la théorie de la véridiction telle que l'a développée Greimas [2, pp. 417-419], que Christo a sans doute pensé que ce retour désiré à l'œuvre démasquée, était de l'ordre du certain, de l'évidence, et qu'en conséquence le public, devenu complice, comprendrait sans doute ce qu'il a voulu dire au niveau de la dénotation. Mais nul n'échappe à son environnement culturel, or nous oserons affirmer que cet emballage connote très explicitement une civilisation de la consommation à outrance, une civilisation du *paquet-cadeau*, une civilisation de *la vente par correspondance* dominée par de grandes firmes. Une deuxième connotation, moins explicite que la première certes, est celle du triomphe, non pas de l'Arc ..., mais du plastique !.. au moment où les recherches les plus sérieuses nous montrent que l'air et nos océans véhiculent d'immenses quantités de microparticules de plastiques divers qui empoisonnent notre milieu naturel. Mais bien sûr tout spectateur de l'Arc de Triomphe emballé découvrira ou ne découvrira pas ces connotations, soit parce qu'il les censure inconsciemment, soit par ignorance...

Conclusion

Ce que nous avons retrouvé en analysant un tableau, c'est le problème de l'objectivité et de la subjectivité dans le langage, même quand ce langage est constitué de formèmes et chromèmes déposés sur une toile. Nous avons trouvé au moins des traces dans le tableau d'un fonctionnement social (sens religieux) et d'une activité énonciative (calme, sérénité, équilibre). En fait, sans l'avoir vraiment voulu, en faisant allusion aux connotations de l'Arc de triomphe emballé, nous avons mis en évidence en réalité une métaphore de notre analyse du tableau de Ruth Schranz Ratingen, qui d'une certaine mesure, peut être considérée comme un dés-enveloppement de l'énonciation du tableau... !

RÉFÉRENCES

1. Baudrillard J. 1968. Le système des objets. Paris: Gallimard.
2. Greimas A. J., Courtés J. 1979. Sémiotique, dictionnaire raisonné de la théorie du langage. Hachette Université.
3. Klinkenberg J. M. 2000. Précis de sémiotique générale. Paris: Seuil, Points Essais.
4. Sartre J.-P. 1957. L'Être et le Néant. 53e édition. Paris: Gallimard, Bibliothèque des idées.
5. Van Lier H. 2010. Anthropogénie. Les Impressions nouvelles.

Pierre MARILLAUD¹

UDC 80=133.1

ELEMENTS OF SEMIOTIC ANALYSIS OF RUTH SCHRANZ RATINGEN'S PAINTING

¹ Dr. of Linguistics, Associate Researcher,
University Toulouse-Jean Jaurès (France);
Inspector of the Honorary Academy
p.marillaud.cals@orange.fr

Abstract

Our analysis consists of one approach of planar semiotics presented and thoroughly explained in chapter 9 of “Précis de Sémiotique Générale” by Jean-Marie Klinkenberg (1996) with a nod to other references. It goes without saying that we suggested our personal remarks and points of view in such analysis. The reason for writing this article is due to our persuasion that the importance of signs, even if it has been increasing since the past, is of such high level nowadays and that our society lives in day-to-day proliferation of images of different sorts. In our research, we have established relations between sign and linguistic structures like narrativity, for instance. However, it is utmost obvious that processes of sense construction are different whether we study a text or an image. Given an intention for our approach to be the most objective, we took into consideration the fact that spectator's subjectivity interferes with esthetic considerations and we tried to highlight the importance of cultural influence in conception and interpretation of a painting. We did not want to limit our findings to the old idiom “tastes differ”. We hope that we were able to avoid that as well as to clarify our approach with the application of A. J. Greimas' semiotic square.

Keywords

Opposition, signifier/signified, expression/content, formeme, chromeme, isotopy, narrative program, enunciation.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-8-25

Citation: Marillaud P. 2021. “Elements of Semiotic Analysis of Ruth Schranz Ratingen's Painting”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 8-25.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-8-25

REFERENCES

1. Baudrillard J. 1968. *Le système des objets*. Paris: Gallimard.
2. Greimas A. J., Courtés J. 1979. *Sémiotique, dictionnaire raisonné de la théorie du langage*. Hachette Université.
3. Klinkenberg J. M. 2000. *Précis de sémiotique générale*. Paris: Seuil, Points Essais.
4. Sartre J.-P. 1957. *L'Être et le Néant*. 53e édition. Paris: Gallimard, Bibliothèque des idées.
5. Van Lier H. 2010. *Anthropogénie. Les Impressions nouvelles*.

Пьер МАРИЙО¹

УДК 80=133.1

ЭЛЕМЕНТЫ СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАРТИНЫ РУТ ШРАНЦ РАТИНГЕН

¹ доктор лингвистики,
ассоциированный исследователь,
Университет Тулузы им. Жана Жореса (Франция);
член Почетной академии
p.marillaud.cals@orange.fr

Аннотация

Наш анализ построен на одном из подходов семиотики двумерного пространства, подробное описание которого, помимо упоминаний в других источниках, Жан-Мари Клинкаберг (Jean-Marie Klinkenberg) привел в главе 9 работы под названием «Обзор общей семиотики» (“Précis de Sémiotique Générale”, 1996). Безусловно, в настоящем исследовании мы предлагаем личные замечания и точки зрения. Причина для написания данной статьи состоит в том, что, по нашему убеждению, важность знаков с давних времен и по сей день продолжает расти и достигает значительной степени. Кроме того, каждодневный рост числа разных по своему роду изображений оказывает прямое влияние на современное общество. В нашем исследовании мы установили связи между знаковой и языковой структурами, например, нарративность. Однако, несомненно, процесс построения и выявления смыслов при анализе текста и изображения различны. Чтобы придать нашему подходу как можно большую объективность, в своем исследовании мы брали во внимание тот факт, что субъективность наблюдателя влияет, порой негативно, на соображения эстетического порядка и интерпретацию произведения искусства, картины в частности. В своих выводах мы не ограничивались старой поговоркой «о вкусах не спорят», а имели намерение добраться до сути. Считаем, что нам удалось сделать это, а также объяснить наш подход к анализу благодаря применению семиотического квадрата А. Ж. Греймаса.

Цитирование: Марийо П. Элементы семиотического анализа картины Рут Шранц Ратинген / П. Марийо // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 8-25.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-8-25

Ключевые слова

Оппозиция, обозначающее/обозначаемое, план выражения / план содержания, формема, хромема, изотопия, типы нарратива, акт высказывания.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-8-25

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Baudrillard J. Le système des objets / J. Baudrillard. Paris: Gallimard, 1968.
2. Greimas A. J. Sémiotique, dictionnaire raisonné de la théorie du langage / A. J. Greimas, J. Courtés. Hachette Université. 1979
3. Klinkenberg J. M. Précis de sémiotique générale / J. M. Klinkenberg. Paris: Seuil, Points Essais, 2000.
4. Sartre J.-P. L'Être et le Néant / J.-P. Sartre. 53e édition. Paris: Gallimard, Bibliothèque des idées, 1957.
5. Van Lier H. Anthropogénie / H. Van Lier. Les Impressions nouvelles, 2010.

Людмила Вениаминовна КУШНИНА¹
Любовь Кимовна ГЕЙХМАН²

УДК 81'255

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПЕРЕВОДА КАК ФАКТОР УСПЕШНОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ

¹ доктор филологических наук, профессор
кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
lkushnina@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4360-7243

² доктор педагогических наук, профессор
кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
lyubageykhman7@gmail.com

Аннотация

Авторы статьи обсуждают одну из актуальных проблем современного когнитивного переводоведения — функциональную вариативность как естественное свойство переводческой деятельности и как императив успешного межкультурного взаимодействия коммуникантов. В основе теоретического и эмпирического анализа лежат следующие концепции: скопос-теория перевода К. Норд, функциональная типология перевода Ж. Делиля, синергетическая модель переводческого пространства Л. В. Кушниковой. В качестве ведущих методов анализа выступают полевой метод, интерпретативный метод, концептуальный метод, функциональный метод. Цель работы состоит в обосновании идеи функциональной вариативности перевода, что обуславливает его гармоничность. Материалом для анализа послужил монолог Гамлета из бессмертного творения У. Шекспира и его переводы на русский и французский языки. В ходе исследования установлено, что функциональная вариативность перевода прослеживается

Цитирование: Кушнина Л. В. Функциональная вариативность перевода как фактор успешного межкультурного взаимодействия субъектов / Л. В. Кушнина, Л. К. Гейхман // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 26-41.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-26-41

наиболее ярко в двух функциях перевода: идентифицирующей и культууроформирующей. Показано, что идентифицирующая функция перевода при трансляции одних и тех же смыслов в разные лингвокультуры проявляется в синергетическом приращении новых смыслов, которые выражены определенными культурными маркерами, идентифицируемые реципиентами с представлениями, суждениями, ассоциациями, свойственными их родной культуре. В то же время в фатическом поле переводческого пространства культурная вариативность смысловых приращений и переносов приобретает свойства культурной детерминации, отвечающей требованиям иноязычных и инокультурных реципиентов. В этом заключается новизна предпринятого исследования. В результате исследования подтверждено, что каждая культура накладывает свой отпечаток на формирование образов, идей и концептов, близких и понятных читателю. Авторы пришли к следующему выводу: успешность межкультурного взаимодействия обусловлена приращением новых смыслов как предпосылкой переводческой гармонии, в результате которой текст перевода естественным образом вписывается в принимающую культуру и обогащает ее.

Ключевые слова

Переводческое пространство, функции перевода, культууроформирующая функция, идентифицирующая функция, синергия смыслов, гармония.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-26-41

Введение

Импульсом к созданию данной статьи послужили идеи основателя отечественного переводоведения А. В. Федорова, изложенные в предисловии Т. А. Казаковой и А. В. Ачкасова к юбилейному сборнику научных статей «О художественном переводе. Работы 1920-1940 годов», опубликованному в Санкт-Петербурге в 2006 г.

«Федоровская „крамольная“ неопределенность, допускающая колебание оценок, переводческую индивидуальность, функциональные варианты и даже позитивность переводческих нарушений, явно не вписывались в строго соответствующую установкам соцреализма модель „реалистического перевода“» [8, с. 4].

По существу, в этом высказывании заложены многие актуальные проблемы когнитивной парадигмы перевода, которые до сих пор волнуют исследователей: и неопределенность переводческих решений, и их индивидуальный характер, и их неоднозначность, обусловленная отсутствием жестких границ между переводческой неудачей и переводческой находкой, и функциональная вариативность, которая стала предметом нашего ближайшего рассмотрения.

Цель работы состоит в обосновании идеи функциональной вариативности перевода, что обуславливает его гармоничность.

Целесообразное в контексте данной проблемы понимание функциональной вариативности перевода формируется на следующих основаниях, которые послужили теоретическими предпосылками проводимого исследования.

Во-первых, понятие функции в переводе претерпело существенные изменения и уточнения, что связано с принципами скопос-теории в представлении современного немецкого исследователя Кристианы Норд, которые активно применяются в отечественном переводоведении [6].

Во-вторых, номенклатура переводческих функций расширилась за счет обобщения результатов научных наблюдений, что представлено в работах современного канадского ученого Жана Делиля, который описал эти функции в их культурном измерении [11].

В-третьих, исследование актуальных проблем перевода мы проводим сквозь призму концепции переводческого пространства, разработанной одним из авторов данной статьи (см. работы Л. В. Кушниковой). Согласно основным положениям синергетической концепции перевода, она ориентирует переводчика на достижение переводческой гармонии как смысловой соразмерности между текстами оригинала и перевода. При этом гармоничных текстов может быть бесконечное множество как при переводе на один и тот же язык, так и при переводе того же текста на разные языки, в пространство разных культур, реципиенты которых имеют особенные, уникальные, неповторимые ожидания. Это означает, что переводческая вариативность есть неотъемлемое свойство данного процесса, обоснование которого выступает важнейшей исследовательской задачей нашей работы.

В связи с тем, что переводческое пространство есть абстрактный конструкт, формируемый в сознании переводчика, особое значение в работе приобретает проблема языкового сознания. Главная причина непонимания в межкультурном общении кроется, в сознании бикультурного билингва, т. е. переводчика, а также «в различиях национальных сознаний коммуникантов» [1, с. 31].

Материалом для анализа послужил монолог Гамлета из бессмертного творения У. Шекспира и его переводы на русский и французский языки. Выбор материала объясняется тем, что успешное межкультурное взаимодействие субъектов возможно лишь в том случае, если переводчик гармонизирует смыслы в соответствии с требованиями принимающей культуры. Иными словами, гармоничность перевода — это культурно обусловленное явление: то, что признается гармоничным в русской культуре, может оказаться дисгармоничным во французской культуре. Нам важно проследить динамику смыслов в представлении переводчиков, принадлежащих к разным лингвокультурам.

Методология

Методологическим основанием исследования выступает синергетическая концепция перевода, разрабатываемая одним из ее авторов [7, 12]. Синергетика перевода базируется на ключевых идеях синергетической идеологии, а также на положениях и принципах синергетической лингвистики. В широком смысле синергетика является «...теорией самоорганизации нелинейных динамических сред, задающая новую матрицу видения объекта в качестве сложного» [5, с. 903]. В лингвистическом аспекте язык рассматривается как «саморазвивающаяся

и саморегулирующаяся система, которая в ходе эволюции адаптируется к окружающей среде... Будучи сложной системой, язык вписывается в парадигму синергетики» [2, с. 7]. Единая теория синергетики перевода еще не создана, но накоплен обширный теоретический и эмпирический материал, подтверждающий, что в основе перевода лежат механизмы самоорганизации, аттракции, продуцирования новых смыслов, асимметрии, что можно проследить на примере переводческого пространства. В его полях происходит взаимодействие и гармонизация гетерогенных эксплицитных и имплицитных смыслов, благодаря тому, что в сознании переводчика формируется некий смысловой континуум, который объединяет когнитивные пространства субъектов переводческой коммуникации, текст и дискурс. В качестве ведущих методов анализа переводческого пространства выступают полевой метод, гештальт-метод, интерпретативный метод, концептуальный метод, функциональный метод. Их совокупное использование позволит нам выяснить проявления функциональной вариативности переводческих решений, обуславливающих успешную межличностную, межкультурную, межкультурную коммуникацию.

Теоретические предпосылки исследования функциональной вариативности перевода в современном зарубежном переводоведении

К. Норд формулирует идеи о том, что функции исходного текста могут не совпадать с функциями текста перевода, в связи с тем, что они не всегда вызывают желаемый эффект у целевой аудитории [6]. Функции автора могут не совпадать с функциями реципиента, т. е. один и тот же текст функционирует по-разному. Переводчик ищет в тексте маркеры функций. В каждом тексте можно установить иерархию функций. Но единого правила для передачи определенной функции нет. Иными словами, нельзя заранее предсказать, можно ли оставить данную функцию в переводе, или ее желательно заменить другой функцией. В основу принятия решения берется понятие переводческого заказа.

Признавая функцию важнейшим свойством перевода, К. Норд создает типологию текстов, которая детерминирована их функцией, а именно, документальный перевод и инструментальный перевод. Функция документального перевода состоит в документировании, что определяет соответствующие коммуникативные действия. При инструментальном переводе транслят служит инструментом для достижения коммуникативной цели [6].

Как видим, К. Норд последовательно развивает идею о функциональной вариативности. Переводчик должен принять решение о характере вариативности в зависимости от переводческого заказа.

Новое видение функций перевода и переводчика содержится в статье Ж. Делиля «Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction» [10]. Автор акцентирует внимание на том, что он не рассматривает традиционные, общеизвестные функции, а вычленяет новые, которые до него не были описаны. Исходная позиция Ж. Делиля состоит в том, что перевод он рассматривает как социокультурный феномен. При этом он подчеркивает необходимость изучения

переводчика как субъекта, на которого раньше почти не обращали внимания. Это был для исследователей некий фантом, хотя на самом деле, он является «немым вестником культуры» («heraut muet de la culture»). Ж. Делиль призывает к созданию творческих портретов переводчиков, к изучению роли переводчиков в истории и др. Ж. Делиль сформулировал восемь функций перевода.

- 1. Перевод как источник вдохновения.** Художественные произведения мигрируют из одной культуры в другую, что позволяет им служить источником вдохновения для писателей. Ученый приводит в качестве примера переводы трудов Плутарха, выполненные в XVI в. Ж. Амьо, которые затем были снова переведены на английский язык с французского Т. Норт. Именно перевод Т. Норт послужил для У. Шекспира источником вдохновения. Тем самым не только Плутарх вышел из забвения, но и Шекспир создал свои романские пьесы.
- 2. Перевод как школа стиля.** В качестве примера автор приводит труды Ж.-Ж. Руссо, который учился писать, переводя Тасита. Можно назвать многих известных писателей, таких как Поль Клодель, Мишель Турнье, Маргерит Юрсенар и др., для которых перевод стал школой стиля. Можно сказать, что писательское творчество и переводческое творчество влияют друг на друга.
- 3. Трансгрессивный перевод.** По мнению Ж. Делиля, трансгрессивная функция перевода состоит в том, чтобы поместить на территории одной страны произведения, которые запрещены цензурой в другой. Перевод не является нейтральным видом деятельности. Он требует определенных убеждений и мужества от переводчиков. В качестве примера могут служить переводы Библии и Корана. Примером является также перевод романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» на английский и французский язык до того, как он был опубликован на русском.
- 4. Паллиативный перевод.** Эта функция перевода близка предыдущей. В то время, когда некоторые писатели не могут опубликоваться у себя на родине, они занимаются переводами. Свои творческие ресурсы они реализовывали в переводческой деятельности. Осознавая, что переводы способствуют взаимному обогащению культур, писатели, чьи работы не были опубликованы, обращались к переводам мировой классики на родной язык.
- 5. Перевод как культуроформирующий фактор.** В рамках современной культуроориентированной парадигмы перевода данная функция представляется нам наиболее важной. Ж. Делиль цитирует высказывание вице-президента Ассоциации переводчиков Китая Сюй Цзюнь (Xu Jun): «Перевод — это не только то, что обеспечивает диалог культур, но это то, что очень часто их формирует» (“La traduction n’est pas seulement ce qui permet le dialogue des cultures: elle est ce qui bien souvent les façonne”). В течение пяти тысяч лет своей истории в Китае имели место четыре этапа подхода к переводу. Так, только на первом этапе, когда, на фоне введения буддизма в Китай, произошло знакомство китайской культуры с мировой цивилизацией, китайская

лексика обогатилась 35 000 слов благодаря переводам. Влияние этого знакомства превзошло религиозные рамки, затронув философию, литературу, живопись, скульптуру и язык. На следующих этапах, по мнению Сюй Цзюнь (Xu Jun), стало очевидно, что перевод — это не механический, нейтральный перенос содержания текста из одной культуры в другую, но развитие этого содержания в принимающей культуре. Жан Делиль метафорически называет этот процесс «иностранной прививкой в дух нации». Он приводит примеры строительства новой культуры на основе произведений переводной литературы. В начале XX в. произошло становление израильской литературы, когда еврейское сообщество Палестины использовало достояние мировой литературы для выражения своих национальных устремлений. Автор приходит к выводу, что самостоятельно, без опоры на достижения мировой литературы, израильская литература была бы неспособна достойно развиваться. Иными словами, расцвет и ренессанс литературы начинаются именно с переводов.

- 6. Перевод-барометр.** Эта функция раскрывает значимость социоперевода как самостоятельного направления исследований. Речь идет о публикационной активности той или иной страны относительно издания переводных произведений. Наиболее заметны в этом отношении такие страны как Германия, Испания, Франция, где объемы переводной литературы превосходят все остальные. И напротив, французская литература почти не экспортируется в США, хотя французы издают множество переводных американских произведений. Ученые создали своего рода «мировую биржу переводов», которая отражает литературные пристрастия в мире. Так, среди великих прозаиков XIX в. самыми публикуемыми во всех странах являются следующие: Толстой, Диккенс, Достоевский и Бальзак.
- 7. Идентифицирующий перевод.** Речь идет о такой функции перевода, благодаря которой каждый народ познает свою идентичность тем лучше, чем глубже он познает представителя другой культуры. «Другой» становится не объектом познания, но зеркалом, глядя в которое каждый видит себя. Так, например, при переводе пьесы А. П. Чехова «Три сестры» канадский переводчик описывает не трех русских сестер, а трех квебекских сестер, которые мечтают жить не в Москве, а в Монреале. В подтверждение такого метода перевода приводится высказывание известного французского теоретика перевода Анри Мешонника (Henri Meschonnic): «Traduire, ce n'est pas dire la même chose que l'original, c'est dire autre chose autrement» [10, с. 51] — «Переводить — это сказать то же самое, что оригинал, но сказать другое другими словами» (перевод наш — Л. К.). Эта идея ранее была высказана У. Эко в его знаменитой книге «Сказать почти то же самое» [9]. Ученый приводит примеры несоизмеримости различных языковых систем и отдельных языковых единиц, подчеркивая при этом, что «несоизмеримость не означает несопоставимости...» [9, с. 62]. Как мы покажем ниже, наша концепция гармоничного перевода солидаризуется с этими идеями.

8. Перевод как способ переноса литературных жанров. Литературные жанры, как известно, мигрируют из одного литературного поля в другое, из одной культуры в другую. Так, в настоящее время постоянно растет престиж переводов с английского языка, что приводит и к переносу жанров. В некоторых случаях такой процесс имеет негативные последствия, т. к. он приобретает массовый характер. Таким образом, происходит своего рода «насаждение» американской культуры на франкоязычной почве, примером чему являются детективные романы. Именно переводчики способствуют импорту новых жанров, что вносит новую эстетику в литературный пейзаж принимающей культуры.

Таким образом, изучение концепций современных исследователей — немецкого ученого Кристианы Норд и канадского ученого Жана Делиля — позволило нам выдвинуть идею функциональной вариативности перевода. Ясно, что перевод обладает множеством функций, но идея функциональной вариативности прослеживается наиболее ярко в двух из них: идентифицирующей и культуроформирующей. Их реализацию проследим в русле концепции переводческого пространства.

Синергетические принципы как основание культурной вариативности перевода

А теперь обозначим ключевые принципы нашей концепции переводческого пространства [7, 12].

Во-первых, процесс перевода мы представляем как полевую структуру, содержащую ядро и периферию, как некий континуум динамически развивающихся гетерогенных смыслов, которые характеризуются двумя взаимодополняющими тенденциями: текстоцентричностью и субъектоцентричностью. К текстоцентричным полям и смыслам мы относим следующие: содержательное поле и фактуальный смысл, энергетическое поле и эмотивно-эмпатийный смысл, фатическое (культурологическое) поле и когнитивный смысл. К субъектоцентричным мы относим такие поля и смыслы: поле автора и интенциональный смысл, поле переводчика и индивидуально-образный смысл, поле реципиента и рефлексивный смысл.

Во-вторых, в каждой конкретной переводческой ситуации формируется уникальная конфигурация переводческого пространства с доминированием тех или иных смыслов в зависимости от контактирующих языков, культур, типов текстов и языковых личностей. Мы считаем, что идентифицирующая функция перевода при трансляции одних и тех же смыслов в разные лингвокультуры проявляется в том, что в каждом случае возникают новые культурные маркеры, идентифицируемые реципиентами с национально обусловленными представлениями, суждениями, ассоциациями и пр.

В-третьих, процесс транспонирования смыслов в переводческом пространстве осуществляется разными путями с использованием различных переводческих стратегий и тактик. Для передачи фактуального смысла достаточно изучить темы

и ремы текста и найти их словарные соответствия. При передаче смыслов полей субъектов и энергетического поля реализуются различные факторы, определяющие порождение и восприятие текста: рациональные/интуитивные, творческие/креативные, симметричные/асимметричные, алгоритмичные/эвристичные, осознаваемые/неосознаваемые, субъективные/объективные и др. Речь идет об использовании разнообразных языковых переводческих приемов и трансформаций.

В-четвертых, в фатическом поле как поле культуры характер преобразований существенно отличается. Эти преобразования осуществляются на уровне культур и межкультурных взаимодействий. Фатическое поле выполняет иную функцию по сравнению со всеми другими полями переводческого пространства: текст перевода должен стать неотъемлемым компонентом целевой культуры, он должен естественно восприниматься реципиентами, отвечать их ожиданиям и пристрастиям. Выполнение этой функции возможно лишь в результате достижения синергетического эффекта, т. е. приращения новых смыслов, которых не было в оригинале, но которые востребованы в переводе. Очевидно, в процесс синергии включаются и другие смыслы, но вершина синергетических приращений находится в фатическом поле, т. к. именно здесь культурная вариативность смысловых приращений и переносов приобретает свойства культурной детерминации, отвечающей требованиям иноязычных и инокультурных реципиентов.

В-пятых, в результате синергии в переводческом пространстве осуществляется гармонизация смыслов, т. е. смыслы текстов оригинала и перевода не идентичны, не тождественны, но соразмерны и соотносимы. Разумеется, весь текст не может быть переведен исключительно гармонично. Он включает и адекватные соответствия, и эквивалентные преобразования. Но самое главное — он отражает культурную согласованность, приводящую к взаимопониманию. Если же понимания нет, смысловая соразмерность нарушена, мы констатируем проявление дисгармонии.

Подчеркнем, что концепция переводческого пространства, ключевыми понятиями которой выступают синергия и гармония, и которая была введена в научный оборот Л. В. Кушниковой в 2004 г., предполагает, что гармоничный текст перевода характеризуется согласованностью смыслов оригинала и перевода. При этом важнейшим условием достижения гармоничности является синергетическое приращение новых смыслов, приемлемых и/или необходимых для реципиентов принимающей культуры. Что касается языковых средств выражения гармоничности, они вариативны и уникальны для каждого переводчика, т. к. в переводческом пространстве формируется поле переводчика, в котором образуется индивидуально-образный смысл как отражение в его сознании образа-гештальта текста.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим в свете данной концепции, как решается проблема функциональной вариативности, и почему успешность межкультурного взаимодействия определяется данной категорией.

Совершенно ясно, что вариативность перевода зиждется на его культуроформирующей функции, которая проявляется в фатическом поле переводческого пространства. Достаточно отметить, что каждая культура имеет свои ожидания при переводе одного и того же текста, что вызывает различный синергетический эффект. Более того, в разные исторические эпохи для одной и той же культуры свойственны различные ожидания, что находит отражение в теории и практике повторного перевода.

Материалом для анализа послужил монолог Гамлета из бессмертного творения У. Шекспира и несколько вариантов его перевода на французский и русский языки. Были проанализированы переводы на французский язык, выполненные Гюго, Вольтером, Маркович, Жид, а также переводы на русский язык, выполненные Пастернаком и Набоковым.

В качестве примера приведем гениальные строки Шекспира в оригинале, а также трех вариантах перевода на французский язык [16]:

Монолог Гамлета — оригинал (английский язык)

To be, or not to be, that is the question.
Whether 'tis nobler in the mind to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune
Or to take arms against a sea of troubles...

Voltaire (1761) — перевод (французский язык)

Deumeure: il faut choisir, et passer à l'instant
De la vie à la mort, et de l'état au néant.
Dieux justes, s'il en est, éclairez mon courage.
Faut-il vieillir courbe sous la main qui m'outrage,
Supporter ou finir mon malheur et mon sort?

François Victor Hugo (1865) — перевод (французский язык)

Etre ou ne pas être, c'est la question. Y a-t-il plus
De noblesse d'âme à subir la fronde et les flèches de
la fortune outrageante, ou bien à s'armer contre une
mer de douleurs et à l'arrêter par une révolte? Mourir
... dormir, rien de plus! Et dire que par ce sommeil
Nous mettons fin aux maux de Coeur...

André Gide (1938) — перевод (французский язык)

Etre ou ne pas être: telle est la question. Y a-t-il pour l'âme
Plus de noblesse à endure les coups et les revers d'une
injurieuse fortune, ou à s'armer contre elle pour mettre fin
à une marée de douleurs? Mourir: dormir, c'est tout.

André Markowicz (1996) — перевод (французский язык)

Etre
Ou ne pas être, la question est là:
L'esprit est-il plus noble quand il souffre
Le fouet d'une fortune avilissante
Ou quand il s'arme contre un flot de troubles,
Se dresse et leur met fin? Mourir, dormir;
Pas plus...

Ниже приведены два варианта перевода этого же фрагмента на русский язык.

Владимир Набоков (1930) — перевод (русский язык)

Быть иль не быть — вот в этом
вопрос, что лучше для души — терпеть
пращи и стрелы яростного рока
или, на море бедствий ополчившись,
покончить с ними? Умереть: уснуть
не более...

Борис Пастернак (1941) — перевод (русский язык)

Быть иль не быть, вот в чем вопрос.
Достойно ль
Смиряться под ударами судьбы.
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? Умереть. Забыться
И знать, что с этим обрываешь цепь
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу...

Новизна полученных результатов состоит в том, что обозначенная нами культурная вариативность перевода выступает одной из форм выражения функциональной вариативности.

Дискуссия

Идеи культурной вариативности перевода получили широкий отклик в современных исследованиях, начиная с работ в сфере постмодернизма в теории перевода [3], завершая исследованиями в области когнитивного переводоведения [10, 12, 15].

В работах классика мирового переводоведения и ныне работающего ученого Ж. Р. Ладмираля дискутируется проблема культурной рецепции перевода, представленная во франкоязычных терминах: «sourcier ou cibliste» [14]. Речь идет

о приверженности переводчика как бикультурного билингва либо к культуре автора, либо к культуре реципиента. Переводчик должен выбрать вектор своих действий, исходя из этого принципа. Третьего не дано.

В наших исследованиях мы выбираем вектор «сiбliste», ориентируясь на культуру реципиента. Проиллюстрируем нашу позицию на представленных выше вариантах переводов.

Сравнивая англо-французские варианты переводов, убеждаемся, что их функциональная вариативность связана с культурными предпочтениями той эпохи, в которую жили и творили выдающиеся французские писатели Вольтер и Гюго, которые подарили французским читателям шедевр Шекспира. Каждый из переводов можно признать гармоничным, раскрывающим смыслы автора.

Известный французский переводчик А. Маркович создал современную версию бессмертного поэтического текста, которая находит отклик в душе читателей нового времени. Перевод А. Марковича воспринимается естественно и легко ввиду своей лаконичности, прозрачности. Текст перевода близок современному читателю, и мы также признаем его гармоничным.

Вместе с тем, нетрудно заметить существенные расхождения в выборе языковых средств, ритма, интонации, свойственные каждому тексту перевода.

Обратимся к анализу англо-русских вариантов перевода, которые принадлежат выдающимся отечественным писателям В. Набокову и Б. Пастернаку. Сравнивая эти переводы, нельзя не отметить их гармоничности. Можно сказать, что эти переводы не менее уникальны, чем оригинал, и они стали достоянием русской культуры, обогатив ее литературное пространство.

Заметим, что, несмотря на незначительную разницу во времени их публикации, В. Набоков чаще обращается к архаизмам, детализируя повествование (*праици, рок*), в то время как Б. Пастернак использует современную лексику, которая носит обобщающий, абстрактный, метафорический характер (*удары судьбы, смертная схватка, море бед*).

Нужно иметь в виду, что перевод Б. Пастернака был создан в 1941 г., когда над страной нависла угроза войны, и поэт-переводчик обращается к своим читателям, призывая их к смертной схватке с врагом. Тем самым его перевод не только отражает заложенные Шекспиром смыслы, но и отвечает вызовам времени, ожиданиям современного ему поколения. Можно предположить, что дух борьбы, которым пронизан перевод Б. Пастернака, направлен и на такую функцию перевода как источник вдохновения.

Что касается функциональной вариативности перевода, мы считаем, что и в переводах с английского языка на французский, и в переводах с английского языка на русский наиболее ярко проявляется именно культурная вариативность. Так, если мы продолжим сравнение переводов не только на внутриязыковом, но и на межъязыковом уровне, мы можем наблюдать проявление идентифицирующей функции перевода, ориентированной на принимающую культуру. Сравним русский поэтический перевод Б. Пастернака и французский прозаический перевод А. Жида, выполненные в одну ту же эпоху. Если А. Жид говорит

о благородстве души, то Б. Пастернак — о мужестве и достоинстве человека. Их творческое видение отражает картину мира своего народа и вдохновляет человека, провозглашая, в одном случае, благородство души, в другом случае, мужество и достоинство в зависимости от того, как представляют переводчики своих читателей, кому они адресуют свое творчество.

Подчеркнем, что опора на синергетическую концепцию переводческого пространства, где, среди прочих, вычленяется фатическое поле как поле культуры, позволила нам проанализировать результаты взаимодействия субъектов, представляющих разные культуры: британскую, русскую, французскую. Если гипотетически предположить, что мы анализируем перевод данного фрагмента на другие языки, диапазон функциональной вариативности перевода расширится вслед за расширением поля гармоничности. Принципиально важно, что гармоничный текст перевода становится достоянием принимающей культуры, обогащая тем самым сокровищницу мировой культуры.

Выводы

Таким образом, сравнивая переводы одного и того же текста на разные лингвокультуры в разные исторические эпохи, мы осознаем их субъектоцентричность не только по отношению к переводчику, но, главным образом, по отношению к читателю, являющемуся современником переводчика. Именно переводчик осуществляет полноценный диалог автора с читателем, и чем ближе продукт его деятельности к читателю, тем успешнее понимание и взаимодействие.

Как показали сопоставление англо-французских и англо-русских переводов Шекспира, выполненных выдающимися писателями Франции и России, каждая лингвокультура накладывает свой отпечаток на художественное и поэтическое творчество поэта-переводчика, писателя-переводчика. Каждый из них выбирает те образы и идеи, те концепты, которые наиболее близки и понятны читателям их родного языка. С синергетических позиций это означает, что приращение смыслов, как предпосылка переводческой гармонии, является культурно-специфичным.

Мы констатируем, что ведущие функции перевода, обуславливающие его функциональную вариативность — культууроформирующая и идентифицирующая, которые отражают потребность автора и читателя в успешной коммуникации, что является важнейшей переводческой задачей.

Анализируя вариативность перевода, мы можем заключить, что переводы, которые ориентированы на гармонизацию смыслов, нуждаются в обновлении, т. к. каждое новое поколение читателей ожидает нового варианта, приемлемого, понятного, согласуемого с его культурными пристрастиями, с его пониманием национальной языковой картины мира. Данная проблема решается в рамках другой, не менее важной проблемы — повторного перевода, которую мы рассматриваем в системе переводческого хронотопа — переводческого пространства в совокупности с переводческим временем. В этом нам видится перспектива данного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубнова И. А. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология / И. А. Бубнова, И. В. Зыкова, В. В. Красных, Н. В. Уфимцева. Москва: Гнозис, 2017. 392 с.
2. Дрожжих Н. В. Синергетическая модель интеграции иконических единиц разных уровней. Диахрония / Н. В. Дрожжих. Тюмень: ТюмГУ, 2006. 256 с.
3. Енбаева Л. В. Постмодерн и переводоведение / Л. В. Енбаева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород: НГЛУ, 2018. Вып 44. С. 40-49.
4. Казакова Т. А. Предисловие к 100-летию А. В. Федорова / Т. А. Казакова, А. В. Ачкасов // О художественном переводе. Работы 1920-1940-х годов. Санкт-Петербург, 2006. С. 3-18.
5. Новейший философский словарь (НФС). Минск: Книжный дом, 2003. 1280 с.
6. Норд К. Функции в текстах и в переводах. Избранные произведения / К. Норд. Под редакцией Е. Ю. Мощанской. Пермь: ПНИПУ, 2020. 209 с.
7. Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология. Коллективная монография под ред. Л. В. Кушниной. Москва: Флинта, 2020. 336 с.
8. Федоров А. В. О художественном переводе. Работы 1920-1940-х годов / А. В. Федоров. Санкт-Петербург, 2006. 256 с.
9. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыт о переводе / У. Эко. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2015. 736 с.
10. Delisle J. Les traducteurs, artisans de l'histoire et des identités culturelles / J. Delisle // Atelier de traduction. Dossier: Le traducteur-un ambassadeur culturel. Roumanie, Suceava, 2010. Numero 13. Pp. 23-36.
11. Delisle J. Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction / J. Delisle // Atelier de traduction. Dossier: La dimension culturelle du texte littéraire en traduction. Roumanie, Suceava, 2014. Numero 21. Pp. 37-60.
12. Durieux Ch. Un paradigme cognitif pour la traductologie / Ch. Durieux // Cognitivism et traductologie. Approches sémantiques et psychologiques. Sous la direction de Guy Achard-Bayle. Classiques Garnier, 2020. Pp. 27-38.
13. Kushnina L. Knowledge transfer in intercultural technical communication in view of translation synergetical paradigm / L. Kushnina, L. Perlova, K. Permiakova // Proceeding of 6th International Congress on Information and Communication Technology. London: ICICT, 2021. Vol. 1. Pp. 227-237.
14. Ladmira J.-R. Sourcier ou cibliste. Les profondeurs des la traduction. Traductologiques / J.-R. Ladmira. Les Belles Lettres, 2016. 311 p.
15. Monneret Ph. Les analogies impliquées de la traduction / Ph. Monneret // Cognitivism et traductologie. Approches sémantiques et psychologiques. Sous la direction de Guy Achard-Bayle. Classiques Garnier, 2020. Pp. 39-58.
16. Richard-Diamond F. To Be or not to Be: Shakespeare, Le Monologue d'Hamlet / F. Richard-Diamond. Bordeaux: PU Bordeaux, 2011. 48 p.

Lyudmila V. KUSHNINA¹
Lyubov K. GEYKHMEN²

UDC 81'255

FUNCTIONAL VARIATION OF TRANSLATION AS A FACTOR IN SUCCESSFUL INTERCULTURAL INTERACTION

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation,
Perm National Research Polytechnic University
lkushnina@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4360-7243

² Dr. Sci. (Ped.), Professor,
Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation,
Perm National Research Polytechnic University
lyubageykhman7@gmail.com

Abstract

The authors discuss functional variability as an urgent problem of modern cognitive translation studies and consider it both as a natural property of translation activity and as an imperative for successful intercultural interaction of communicants. Kushnina's synergetic model is the basis for theoretical analysis of translation space alongside with skopos-theory of translation by K. Nord and functional typology of translation by J. Delilah. The leading methods of analysing translation space are the field, Gestalt, interpretative, conceptual and functional methods. The aim of the work is to substantiate the idea of the translation functional variation, which determines its harmony. Hamlet's monologue from Shakespeare's immortal work and its translations into Russian and French are used as material for the analysis.

The authors prove that functional variability of translation most clearly can be traced in the two functions of translation: identifying and culture-forming. The identifying function while translating the same meanings into different linguistic cultures manifests itself in the synergetic accretion of new meanings. The meanings are expressed by certain cultural markers, identified by the recipients with perceptions, judgments, associations that

Citation: Kushnina L. V., Geykhman L. K. 2021. "Functional Variation of Translation as a Factor in Successful Intercultural Interaction". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 26-41.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-26-41

are peculiar to their native culture. At the same time, the cultural variability of semantic increments and transfers in the phatic field of translation space acquires the properties of cultural determination. The properties meet the requirements of foreign-language and foreign-cultural recipients. And that is the novelty of the research undertaken. As a result of the study, it has been established that the culture-forming function of translation is the leading one: each culture imposes its own imprint on the formation of images, ideas and concepts that are close and understandable to the reader.

The authors conclude that the success of intercultural interaction is due to the addition of new meanings as a prerequisite for translation harmony, whereby the text of the translation naturally integrates into and enriches the host culture.

Keywords

Translation space, translation functions, culture-forming function, identification function, synergy of meanings, harmony.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-26-41

REFERENCES

1. Bubnova I. A., Zykova I. V., Krasnykh V. V., Ufimtseva N. V. 2017. (Neo-)Psycholinguistics and (psycho-)Linguoculturology. Moscow: Gnozis. 392 p. [In Russian]
2. Drozhashchikh N. V. 2006. The Synergetic Model of Integration of Iconic Units of Different Levels. In *Diachrony*. Tyumen: TyumGU. 256 p. [In Russian]
3. Enbaeva L. V. 2018. "Postmodern in translation studies". *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, no. 44, pp. 40-49. [In Russian]
4. Kazakova T. A., Achkasov A. V. 2006. "Foreword to 100 anniversary of A. V. Fedorov". In: *Fedorov A. V. 2006. On Literary Translation. Works of 1920-1940s*, pp. 3-18. Saint Petersburg: SpbGU. [In Russian]
5. Gritsanov A. A. (ed.). 2003. *The Newest Philosophical Dictionary*. Minsk: Knizhnyi dom. 1280 p. [In Russian]
6. Nord K. 2020. *Functions in Texts and Translations. Selected Works*. Edited by E. Yu. Moshchanskaya. Perm: PNIPU. 209 p. [In Russian]
7. Kushnina L.V. (ed.). 2020. *Translation Theory in Classical and Contemporary Research Paradigm: Ontology, Methodology, Axiology*. Moscow: Flinta. 336 p. [In Russian]
8. Fedorov A. V. 2006. *On Literary Translation. Works of 1920-1940s*. Saint Petersburg: SpbGU. 256 p.
9. Eco U. 2015. *Say Almost the Same. Experience of Translation*. Moscow: AST: CORPUS. 736 p.
10. Delisle J. 2010. "Les traducteurs, artisans de l'histoire et des identités culturelles". *Atelier de Traduction. Dossier: Le traducteur — un ambassadeur culturel*, no. 13, pp. 23-36. [In French]
11. Delisle J. 2014. "Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction". *Atelier de Traduction. Dossier: La dimension culturelle du texte littéraire en traduction*, no. 21, pp. 37-60. [In French]

12. Durieux Ch. 2020. “Un paradigme cognitif pour la traductologie”. In: Achard-Bayle G. (ed.). 2020. *Cognitivism et Traductologie. Approches Sémantiques et Psychologiques*, pp. 27-38. Paris: Classiques Garnier. [In French]
13. Kushnina L., Perlova I., Permiakova K. 2021. “Knowledge transfer in intercultural technical communication in view of translation synergetical paradigm”. *Proceedings of 6th International Congress on Information and Communication Technology, ICICT 2021 (25-26 February 2021, London, UK)*. Vol. 1. Edited by X.-S. Yang, S. Sherratt, N. Dey, A. Joshi. Pp. 227-237. London: Springer.
14. Ladmiraal J.-R. 2016. *Sourcier ou Cibliste. Les Profondeurs de la Traduction. Traductologiques*. Paris: Les Belles Lettres. 311 p. [In French]
15. Monneret Ph. 2020. “Les analogies impliquées de la traduction”. In: Achard-Bayle G. (ed.). 2020. *Cognitivism et Traductologie. Approches Sémantiques et Psychologiques*, pp. 39-58. Paris: Classiques Garnier. [In French]
16. Richard-Diamond F. 2011. *To Be or not to Be: Shakespeare, Le Monologue d’Hamlet*. Bordeaux: PU Bordeaux. 48 p. [In French]

Valentina Petrovna CHEPIGA¹

UDC 81

**AUTOUR DE LA SUBJECTIVITÉ LINGUISTIQUE.
LA PRESSE SOVIÉTIQUE ET LA PRESSE RUSSE**

¹ docteur en Philologie,
maître de conférences invité au Département des Langues Slaves,
Université de Strasbourg
valentina.chepiga@gmail.com

Avant-propos

Le présent article met en lumière certaines particularités liées à la subjectivité linguistique dans la presse soviétique et russe couvrant les périodes de la vie de la société : les années soviétiques jusqu'en 1985, la perestroïka (1985-1991), les années « démocrates » (jusqu'en 1999), la vie actuelle. Dans un travail de journaliste, le recours à la subjectivité est son outil principal. Toutefois, dans le travail journalistique, le sujet de la parole est capable de produire non seulement les assertions subjectives mais des assertions objectives. La particularité générale du langage totalitaire c'est sa composante idéologique, la politisation. Les normes langagières, usuelles, y acquièrent un caractère dogmatique. Après la perestroïka qui a duré de 1985 à 1991, on assiste à un renouvellement rapide et brusque du langage de la presse. Actuellement, on assiste de nouveau en Russie à la stylisation médiatique. L'émotivité subjective entre en jeu, à l'échelle des valeurs actuelles. Ainsi, chaque époque a sa vision de l'auteur idéal : l'auteur-journaliste est fait de deux entités, sociale et privée [12, p. 20]. La période soviétique mettait en premier plan la composante sociale (le *nous* explicite), la période de la perestroïka et de Eltsine, la composante individuelle, privée (le *je* explicite), la période actuelle, de nouveau, la composante sociale implicite où le *je* cache le *nous*.

Mots-clés

Presse soviétique, presse russe, paradigme langagier, perestroïka, langage des médias.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-42-59

Citation: Chepiga V. P. 2021. « Autour de la subjectivité linguistique. La presse soviétique et la presse russe ». Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 42-59.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-42-59

Introduction

La question de la subjectivité linguistique dans la presse soviétique et russe, des changements des paradigmes langagiers, de certaines particularités propres à la langue et à la presse russe attirent, depuis les années 1990, l'attention des chercheurs russes. Je me baserai sur plusieurs sources, et notamment, sur trois recherches de taille, celle de Tatiana Krasnova, de l'Université de l'Économie et des Finances de Saint-Petersbourg, qui a longtemps travaillé sur la subjectivité et la modalité ; celle de Grigori Solganik, qui est un spécialiste russe en *médialinguistique*, branche de la linguistique fonctionnelle, et sur l'important travail d'Alexander Zelenine, de l'Université de Tampere, de Finlande, qui s'occupe de l'histoire de la presse des diasporas russes entre 1919 et 1939. Les périodes étudiées sont : la période soviétique jusqu'en 1985, les années de la perestroïka (1985-1991), les années « démocrates » (jusqu'en 1999), la vie sous Poutine (en cours). Les textes étudiés proviennent de la presse dite officielle et leur analyse ne peut pas s'appliquer à l'ensemble des textes de la presse russe contemporaine : les changements qui s'opèrent constamment au sein de la presse russophone demandent une étude comparative basée sur plusieurs autres points de comparaison et exigent une importante étude socio-politique.

Le modèle journalistique de la subjectivité

Les médias qui existent dans les conditions actuelles de la communication « démocratique »¹ en Russie ont un modèle pluridimensionnel : ce modèle prend en compte différentes opinions, connaissances et conceptions à caractère individuel et social. Cela dit, un des objectifs de la diffusion de l'information par la presse actuelle est une introduction de *changements* dans les systèmes de connaissances et de concepts d'un citoyen lambda et de la société tout court.

Dans un travail de journaliste, le recours à la subjectivité est son outil principal, il est souvent sujet à critique et s'oppose au principe d'objectivité². (Mais la nature gnoséologique de ces concepts est telle que l'objectivité n'exclut pas la subjectivité).

Il est commun maintenant d'admettre que le changement idéologique³ en Russie a touché de manière importante les outils linguistiques de travail journalistique. Un message

¹ Notons la difficulté de l'application de ce terme à la presse russe actuelle : la censure, opérée actuellement au sein de la presse russe, n'est pas comparable avec celle des années soviétiques, toutefois, il est possible actuellement de parler de deux phénomènes bien distincts : de l'existence de la presse officielle qui, tout en étant hétérogène, accompagne la ligne politique de l'état, et de la presse d'opposition, faible ou forte, qui ne fera pas objet du présent article.

² Larousse propose les définitions de l'objectivité et de la subjectivité suivantes : l'objectivité est la qualité de quelqu'un, d'un esprit, d'un groupe qui porte un jugement sans faire intervenir des préférences personnelles, la subjectivité, en revanche, se définit par rapport à l'objectivité : c'est la qualité de quelqu'un, d'un esprit, d'un groupe qui porte un jugement à travers ses états de conscience (cf. <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/objectivite%C3%A9/55365>. Dernière consultation : 09/05/2021).

³ Le changement idéologique en Russie, depuis les années de perestroïka, peut être défini comme la quête de la sortie d'un système totalitaire vers un système démocratique. Toutefois, il est plus intéressant de parler d'une quête d'un consensus socio-politique, sans coller des étiquettes sur les processus au sein de tel ou tel système politique qui a ses particularités historiques et sociales.

informatique a cessé d'être un simple rapport de tel ou tel événement. Dans un contexte démocratique, le journaliste accentue davantage les éléments qu'il trouve, lui, conséquents et intéressants pour le lecteur.

Tout ce qui peut être perçu comme un signal d'un certain égocentrisme de l'auteur, implique l'élargissement des limites du genre journalistique et, de ce fait, ouvre la voie à une introduction d'éléments de jugement dans l'acte de la parole.

Quand on parle du problème du jugement subjectif par les journalistes, on doit partir du point que cette subjectivité — « leur » subjectivité — est une notion de la vie courante. Dans le cadre de l'activité sociale qui vise l'idéologie dans tous les cas, la parole subjective de tel ou tel journaliste devient un instrument de l'impact social qui a plusieurs objectifs. Le mot, la grammaire sont des outils, et la fonction pragmatique de la langue est *ouvertement* fondée, basée, sur des priorités et des valeurs consciemment choisies. L'objectivité est bien vue, la subjectivité est souvent critiquée, elle est souvent perçue comme une sorte d'engagement (un certain mélange de l'idéalisme et de l'intérêt, du profit). Cet équilibre, fragile, entre l'objectif (*mais présenté comme subjectif, individuel*) et subjectif (*mais objectif car reflétant l'opinion unique de l'état*) est une particularité des textes produits au sein de la société russe actuelle.

En plus, dans les médias russes, deux tonalités subsistent actuellement : la tonalité occidentale, moins expressive, et la tonalité russe, plus expressive. Ces deux tonalités sont souvent opposées dans les médias russes. Et, deuxièmement, deux styles différents et entrant en concurrence existent.

Certains journalistes sont exemplaires, ici, il s'agit d'Evguéni Kiselev ou de Mikhaïl Osokine (de la chaîne russe NTV), ces deux personnages parlent lentement et « pèsent » leurs paroles, ce qui donne l'impression d'avoir en face une certaine objectivité d'élocution ; sur la chaîne russe ORT, on trouve tout autre personnage, Mikhaïl Leontiev, dont la parole se caractérise par un style combattant et ironique [3, p. 12]. À propos, Mikhaïl Osokine a dévoilé une fois son secret de cette prétendue objectivité : « on évite les adjectifs », dit-il [3, p. 12]. Toutefois, les deux chaînes sont subventionnées par l'état.

Tout de même, si la conscience ordinaire, de tous les jours, reflète ce qui se passe dans la société, ce reflet reste minimal. L'approche professionnelle demande une certaine maîtrise de la linguistique : les journalistes se réfèrent beaucoup à la notion *linguistique* de la subjectivité¹.

La subjectivité en tant que catégorie linguistique

Ici, la compréhension de la subjectivité tâche d'embrasser toutes les pratiques de son utilisation dans la société. L'objectif de cette compréhension est de prendre en compte l'activité langagière de tous les sujets, qui — souvent — peuvent être très abstraits. Il s'agit également d'admettre, dans le travail journalistique, que le sujet de la parole

¹ Emploi de formes personnelle / impersonnelle de verbes, omission volontaire ou présence de je, etc.

est capable de produire non seulement les assertions subjectives mais des assertions objectives, dans le sens philosophique du terme¹. Tout d'abord, il s'agit du sujet « impersonnel ».

Ce sujet impersonnel peut être le *nous* collectif (par exemple, dans les phrases comme « l'opinion de la rédaction, du parti, du groupe... »).

L'implication du sujet parlant dans le message est exprimée en premier lieu par le simple fait de dire ou d'écrire. Quelque part, tout énoncé est déjà subjectif, de ce fait, on voit bien à quel point la notion linguistique de la subjectivité diffère de la notion pragmatique et sociale².

La langue de la presse : *pro* et *contre*

Le collectif

En 1975, dans la ville de Taganrog, sur la mer Noire, Boris Grouchine réalise une enquête sociologique parmi les lecteurs de journaux soviétiques³.

La partie psycholinguistique de cette enquête a donné des résultats intéressants.

L'idée de cette expérience est la suivante : on montrait un mot à un lecteur et il devait, sans réfléchir, le mettre dans une chaîne verbale. Il s'agissait de comprendre quelle est la place des mots liés au langage de la presse de l'époque.

Pour une personne sur trois, l'association avec la presse s'est révélée non seulement être la seule mais unique. Ainsi, une « vague » n'est pas bleue, maritime, salée, mais « une vague de protestation », l'« argent » n'est pas lié à la « banque » mais à « la proposition rationaliste ».

Il est intéressant, également, de noter que l'influence de la presse n'était pas rationnelle mais émotionnelle : ainsi, on décrivait le mot « victoire » comme « rapide », « rond », « heureux », le mot « libéral » comme « douçâtre », « baveux », « dégoûtant » [17, p 248].

¹ L'assertion subjective ici fera partie de l'implication de l'auteur de l'assertion (le journaliste) dans le sujet donné. L'assertion objective se réfère à la possibilité de l'auteur d'analyser tel ou tel sujet de façon plus « neutre », moins « personnelle ». On comprend que cette différence se joue sur le plan linguistique : tournure de phrases, emploi de « nous », de « je », de « on » etc. [3]

² Nous n'analysons pas dans le présent article le niveau morphologique. Notons simplement, qu'au niveau morphologique, les valeurs subjectives, en russe, peuvent être explicites ou implicites. La valeur explicite c'est tout d'abord la suffixation connotée. Dans la syntaxe, le discours officiel, neutre, correspond à une proposition. Les phrases, les constructions elliptiques, ont un caractère parlé et subjectif. La subjectivité est exprimée également par l'inversement de l'ordre des mots, par les constructions segmentées, par les répétitions, etc. Encore une caractéristique propre au langage médiatique c'est de jouer sur les mots, de parler à demi-mot, liée à l'impossibilité d'exprimer ouvertement telle ou telle pensée.

³ Boris Grouchine (1929-2007) est un des fondateurs de la sociologie russe et des sondages de l'opinion. Il a fondé la première chaîne de sondages en Union soviétique (1987-1989). Cette étude a été menée par une équipe de spécialistes : dans le cadre du projet, ils ont fait 23 études ciblées, 8882 formulaires ont été remplis par les répondants, 10762 interviews réalisés. Pour plus d'informations [19].

Que signifient les résultats de cette expérience ? Ils montrent clairement les particularités du langage de la presse de cette période de stagnation. La langue est un filet de rapports à travers lequel l'homme regarde le monde, et on peut dire que l'homme soviétique regarde le monde à travers le langage de la presse. Le langage même ordinaire est empeigné des mots de la presse.

La particularité générale du langage totalitaire c'est sa composante idéologique, la politisation. Les normes langagières, usuelles, acquièrent un caractère dogmatique. Dans la presse, cela mène à la standardisation de la langue et du langage où le discours « littéraire » domine sur le discours « parlé ».

En effet, la voie d'acquisition de l'information peut être « barrée » par l'emploi de formules de langue stéréotypées qui, toujours selon cette étude, deviennent des clichés de la conscience. Ainsi, ces clichés qui ne sont plus réfléchis, mènent à des creux dans le champ informatif mais aussi, l'information en partie n'est plus digérée par l'homme.

Le même Grouchine, dans une expérience similaire, a pu relever certains clichés qui n'étaient plus « neutres » pour les locuteurs mais ont changé de pôle, passant presque du côté négatif de leur perception. À titre d'exemple, ce sont *клеимить позором* [*diaboliser*], *вскрывать недостатки* [*pointer les défauts*], *крепить дружбу* [*consolider l'amitié*], *воля к победе* [*aspiration à la victoire*], *путевка в жизнь* [*feuille de route*], *трудовая вахта* [*poste de garde*], *ознаменовать победами* [*marquer de victoires*] [17, p. 247], etc.

Ajoutons que le département de la langue russe de la faculté du journaliste de l'Université d'État de Lomonosov de Moscou, pendant la période soviétique, menait des enquêtes régulières sur le langage de la presse, comparant les journaux centraux, régionaux et ceux des républiques de la périphérie. Il s'avère qu'ils sont tous pareils. Non seulement les tournures et les mots sont les mêmes, mais aussi les genres journalistiques¹. Par exemple, tous utilisent les expressions figées telles que *человек — это звучит гордо* [*l'Homme cela sonne fier*], *человек с большой буквы* [*l'Homme avec un grand H*], *мобилизованы и призваны Революцией* [*Mobilisés et appelés par la Révolution*], *кристально чистый человек* [*l'Homme à la conscience immaculée*], *чувство единства* [*le sentiment de la famille unie*]², etc. La tonalité dans les revues était hautement solennelle.

Dans son essai sur Andreï Platonov, Joseph Brodski disait que la langue peut créer un monde illusoire et la nation peut entrer dans une dépendance grammaticale de ce dernier [1, p. 1]. L'Union soviétique a créé des descriptions standards, des informations standards, des commentaires standards où les phrases comme « répondre aux intérêts du peuple » [*отвечать интересам народа*] ou « dévoiler les ambitions soviétiques » [*указывать на советские устремления*] devenaient des phrases-clés.

¹ Jean-Paul Adam oppose deux pôles, « information » et « commentaire » sur le critère de l'information délivrée, le pôle « commentaire » inclut l'implication des journalistes. Ainsi, selon cette distinction, on va de la revue de presse et du compte rendu à l'analyse ou au portrait. Le genre journalistique (en russe, *информационный*, d'information) ne fait pas objet du présent article, mais nous avons cru utile de l'indiquer pour des recherches à venir [1].

² Archives personnelles de l'auteur de l'article.

Cette période se caractérise également par un certain type d'écrivain-auteur qui concentre en lui les exigences idéologiques et politiques de l'époque. Le trait commun de ces auteurs c'est d'être le représentant du Parti, hautement collectif. La vision individualisée de la réalité est absente. Le *nous* collectif avale complètement le *je* de l'auteur pour refléter une uniformité de la pensée ; pour ce faire, on recourrait aux formes impersonnelles (« on », « il »), mais également, on peut aisément passer d'une forme active où le *je* ou le *nous* seront explicités, aux formes passives. Ainsi, encore dans la revue *Pravda*, du 1 janvier 1935, nous pouvons lire que « Страна охвачена энтузиазмом стройки прекрасной, радостной жизни. Контурсы завершённого здания социализма уже видны каждому ». [Le pays est saisi par l'enthousiasme de la construction d'une vie magnifique, heureuse. Les contours d'un bâtiment abouti du socialisme sont déjà perçus par tous et chacun. »] [10, *sp*].

Les articles, toutefois, pouvaient porter la signature de leurs auteurs. Ainsi, si l'on regarde, à titre d'exemple, un article de *Pravda* du 16 mai 1968, signé par l'académicien G. Petrov, directeur de l'Institut de recherche spatiale, nous n'y trouverons aucun pronom personnel [5].

Et voici un des exemples de *nous* collectif qui avale le *je* de l'auteur : regardons la *Pravda* n°300 du 27 octobre 1970 avec un article intitulé «Запас учительских знаний. Проблемы и суждения» [« Le fonds des connaissances de professeurs. Problématiques et discussions »]¹ : «Примем во внимание интерес к факультативам, широкую волну олимпиад, рост любознательности...» [« Prenons / il faut prendre en compte l'intérêt aux études optionnelles, une apparition passive des olympiades, l'accroissement de la curiosité... »]. Les conseils sont également dépersonnalisés : «Важную роль в формировании высококвалифицированного преподавателя-предметника мог бы сыграть значительный по объёму и глубокий по содержанию комплексный курс...» [Un cours complet et volumineux pourrait jouer un rôle important dans la formation d'un professeur de telle ou telle matière...] [5]. Et ainsi de suite.

Comme le note très justement Sergueï Kassatkine, les médias soviétiques ont été subventionnés par l'État, ainsi, il serait même étonnant d'attendre de leur part un avis personnalisé. De ce fait, le lecteur soviétique avait une certitude presque innée que l'opinion d'un journaliste de la revue *Pravda* était le même que celle de ses collègues des revues *Sovietskaja Rossija* ou encore, *Sovietskij Sport* [4, p. 68].

L'individuel

Après, vient la perestroïka qui a duré de 1985 à 1991. On assiste à un renouvellement rapide et brusque du langage de la presse. Et on reste souvent frappé, actuellement, par la variété de styles, des moyens linguistiques, des contenus et des idéologies. Plus de censure, plus de tabous idéologiques. La langue normée depuis des décennies se libère, il s'agit, psychologiquement, surtout du refus du passé, de la réaction au monde révolu. Comme le note très justement David Teurtrie : « Contrairement aux médias dans les autres États de la CEI qui sont largement contrôlés par le pouvoir

¹ Le nous « dépersonnalisé » fait partie du style dit académique, toutefois, il s'agit toujours de l'avalement du je personnel.

et ont gardé des habitudes “soviétiques”, les médias russes ont réussi à acquérir une certaine indépendance dans les années 1990, et à utiliser avec succès les techniques occidentales » [22, p. 67].

On peut parler de la démocratisation de la langue de la presse. Un nouveau style apparaît, on défie les stéréotypes. Le lexique de la revue s’élargit considérablement, il accueille avec hâte le jargon de la rue ; et, bien entendu, le type de l’écrivain-auteur change. Maintenant, le journaliste, c’est une personne qui résonne librement, qui dit *je*, qui se réalise dans un discours libre et — chose importante — émotionnel, qui évite à tout prix tout cliché, surtout ceux qui rappellent le langage totalitaire. Ainsi, le *je* journalistique commence à avoir un côté très personnel, si personnel qu’on connaît par cœur la manière de présenter l’information de tel ou tel journaliste.

Cette période est aussi une période où le *je* journalistique est doux, compréhensif, le *je* qui ne jure pas, le *je* qui réfléchit. On peut dire au fait que ce nouveau langage, né dans les années 1990, a refait complètement les traditions et les usages journalistiques.

Il y a une tendance très intéressante dans les revues : les genres se mélangent, l’essai documentaire, l’article à la une, le feuilleton disparaissent au profit d’un genre commun qu’on peut appeler « article individuel » où en premier lieu entre le *je* de l’auteur. Je voudrais illustrer mes propos par les mots du journaliste Léontiev, déjà cité dans le présent article.

(1) А вообще пафос и высокопарность выглядят неестественно, тем более уж на телевидении. Мы же не живём в эпоху романтизма начала XIX века, писем декабристов и проч. Тогда такой стиль, такой язык выглядел естественным. К тому же очень мало что заслуживает, чтобы к нему относились серьёзно. В принципе все настолько дерьмово, что если все время по этому поводу ныть и страдать, то это на зрителя будет производить болезненное впечатление. Вот я и стараюсь ко всему относиться иронично» [4].

[Le côté pathétique et les grands mots ont l’air peu naturel, surtout à la télévision. Nous ne vivons pas l’époque du romantisme du début du XIXe siècle, des lettres des décembristes etc. L’époque faisait que son style avait l’air naturel. En plus, peu de choses méritent une attitude sérieuse. En principe, tout est si merdique que si l’on s’en plaignait et l’on en souffrait, le spectateur aurait une impression malade. J’essaye donc d’avoir une attitude ironique vis-à-vis de tout ce qui se passe].

En 1939, dans le rapport intitulé « La langue de l’écrivain et la norme » [14, p. 19-33], un célèbre historien de la langue russe Vladimir Vinokur souligne, avec inquiétude, que le langage normé commence à s’effacer, que les dialectes prennent une place trop importante dans la littérature, que le langage de la rue touche non seulement les personnages mais le discours du narrateur. C’étaient les années difficiles, de l’avant-guerre, où la presse devait s’adresser à tous les gens de tous les niveaux sociaux. Actuellement, la situation qu’évoquait Vinokur se répète. Seulement, ce ne sont pas les dialectes, maintenant, mais le jargon qui occupe tout l’espace médiatique.

Actuellement, on assiste de nouveau en Russie à la stylisation médiatique. L'émotivité subjective entre en jeu, à l'échelle des valeurs actuelles. Curieusement, le *je* très personnel, très reconnaissable de tel ou tel journaliste implique de nouveau le *nous* collectif du Parti actuellement au pouvoir ou devient complètement dépersonnalisé, incluant les mots de « partie », « Moscou », « Russie », etc. Regardons à titre d'exemple un passage de la revue *Izvestija* du 30 janvier 2021 :

(2) Крым вернулся в состав России в 2014 году путем референдума, на котором большинство жителей региона проголосовали за воссоединение с РФ. Несмотря на это, Украина, США и ряд западных стран отказались признавать итоги голосования и применили санкции в отношении Москвы. Россия неоднократно подчеркивала, что референдум прошел с соблюдением международных норм и является легитимным [18].

[La Crimée est retournée dans la Russie en 2014 *via* un référendum où la plupart des habitants de cette région ont voté pour la réunification avec la Fédération de Russie. Malgré cela, l'Ukraine, les USA et d'autres pays occidentaux ont refusé de reconnaître les résultats de votes et ont appliqué des sanctions vis-à-vis de Moscou. La Russie a plusieurs fois souligné que le référendum avait été organisé selon les normes internationales et reste légitime].

La différence avec le langage médiatique de la période soviétique est nette, linguistiquement parlant, mais la période de la perestroïka et de Boris Eltsine est finie.

On assiste de nouveau à la création d'oppositions *nous / ils*, par exemple, les agents secrets ou les officiers de renseignement sont des *nôtres*, et les espions sont des *leurs*, la certitude est *notre*, le fanatisme est *leurs*, les partenaires sont des *nôtres*, les acolytes sont des *leurs*, etc. Regardons, par exemple, dans les articles de la Pravda :

(3) В центре внимания были бывшие юные партизаны, а сейчас седовласые ветераны партизанского движения: Николай Иванович Приходько и Михаил Иванович Подик, который стал партизаном в 15 лет, был *бесстрашным разведчиком* и связистом [13].

[Nikolai Ivanovitch Prikhodko et Mikhail Ivanovitch Podik qui est devenu résistant à 15 ans, a été *un officier de renseignement* et un agent de transmission *sans peur*, jeunes résistants à l'époque et vétérans actuellement, ont été au centre d'intérêt de la conversation.]

La même Pravda écrit que :

(4) Стратегия информационной безопасности, утвержденная указом президента, не допускает агрегирования нескольких баз данных. Запрещено это и законом о персональных данных. А здесь 30 баз данных сводятся воедино. К ним будут иметь доступ в том числе и нотариусы, которые работают в международных юрисдикциях. О таком подарке *иностранные шпионы* и мечтать не могли! [6]

[La stratégie de la sécurité informatique approuvée par le décret présidentiel, n'admet pas l'agrégation de plusieurs bases de données. Une loi sur les données personnelles l'interdit également. Et ici, trente bases de données sont unies. Les notaires qui travaillent dans les circonscriptions juridiques internationales pourront y avoir accès. Cadeau dont *les espions étrangers* ne pouvaient même pas rêver !]

Cette échelle de valeurs n'est pas stable, elle varie. Par exemple sous l'influence des facteurs extra-linguistiques, ainsi, après la Révolution de 1917, le monde se brise en deux unités opposantes, les *nôtres* et les *leurs*, ce qui a simplifié à « jamais », on peut dire (sauf la courte période de 1985-1999) le langage de la presse.

Et cette même période, de 1985 à 1999, qui se caractérise par un certain pluralisme d'opinions, fait que le champ sémantique des *leurs* devient positif et le champ sémantique des *nôtres* devient négatif. On assiste à la naissance de nouvelles oppositions : *leurs* pays civilisés contre *notre* pays surmilitariste ; *leur* démocratie contre *notre* totalitarisme, *leur* liberté d'expression contre *notre* mentalité totalitaire, mais aussi, paradoxalement, *leurs exemples pitoyables* contre *nos valeurs sûres*. Regardons de près deux exemples du quotidien *Izvestija*, le premier étant « négatif », et le second, « positif ». Le premier exemple, qui pourrait étonner un lecteur moderne par son ton, traite de la validité des résultats des élections, et cela sur les pages d'un des quotidiens les plus lus : le second, où le journaliste emploie l'adjectif péjoratif *жалкий* [*misérable, maigre, pitoyable*], est tout aussi représentatif de la presse écrite des années 1990 :

(5) На выборах 17 декабря я голосовал за одну из партий, не набравших 5 процентов голосов. Но не надо причислять меня к избирательскому меньшинству. Я принадлежу к большинству. К тому большинству, которое сегодня лишено права на представительство в парламенте. В связи с этим и сама Государственная дума, не включающая выразителей взглядов и интересов большинства, вряд ли имеет право именоваться, в соответствии с Конституцией, представительным органом [7].

[Aux élections du 17 décembre, j'ai voté pour un des partis qui n'ont pas atteint 5 pourcents des voix. Mais il ne faut pas me mettre dans le panier minoritaire. Je fais partie de la majorité. La majorité qui est actuellement privée de droit d'être représentée au parlement. Ainsi, la Douma qui ne prend pas en compte les représentants des points de vue et des intérêts de la majorité n'a probablement pas le droit — selon la Constitution — de s'appeler organe politique.]

(6) Культура тостов на нашем родном пространстве давно приобрела антикварный характер. Её не сравнить с *жалкими западными образцами* [...] [10].

[La culture de toasts sur notre espace paternel a depuis longtemps acquit un caractère ancien. Elle n'est pas comparable avec *de maigres exemples occidentaux* [...]

À l'étape actuelle, cette échelle de valeurs change de nouveau, tout ce qui est russe (ou panrusse) prend une connotation positive. Elle est certes plus diversifiée, par exemple, *notre* (qui est devenu *mien*, comme j'ai dit plus haut) et *leurs* touchent non seulement les deux mondes, totalitaire et non totalitaire, mais aussi le social (par exemple, *le monde civilisé* contre *les terroristes*), la guerre des classes politiques (*les démocrates* contre *les communistes*), les groupes (*le gouvernement* et *l'opposition*).

Conclusion

Chaque époque a sa vision de l'auteur idéal : l'auteur-journaliste est fait de deux entités, sociale et privée [11, p. 20]. La période soviétique mettait en premier plan la composante sociale (le *nous* explicite), la période de la perestroïka et de Eltsine, la composante individuelle, privée (le *je* explicite), la période actuelle, de nouveau, la composante sociale implicite où le *je* cache le *nous*.

Mais tout de même, si, avant, l'interlocuteur était aussi un certain *nous* collectif, actuellement, le *nous* est composé de plusieurs *je* qui peuvent avoir un choix, car la presse est diversifiée. De ce fait, le journaliste actuel russe diffère du journaliste soviétique. Ce dernier devait savoir choisir dans une panoplie donnée des clichés à sémantique « vide », le journaliste actuel est une personne qui parle à son propre nom, tant bien que mal, son *je* se réalisant dans une liberté langagière et émotionnelle différentes.

Le public visé a également changé : avant, les journalistes parlaient « simplement », ils excluaient toute approche dialectale ou à expression argotique. Actuellement, le journaliste peut jurer, cracher ou, inversement, parler de façon très soutenue.

Le degré de la subjectivité est différent, aussi. Actuellement, contrairement à l'époque soviétique, le *je* auctorial se caractérise par l'emploi de la première personne, par les formes verbales de la première et de la deuxième personnes (*je* contre *vous*, et non *eux*), par les composantes modales, par le recours au lexique émotionnel.

RÉFÉRENCES

1. Brodski J. 1973. La postface au Chantier. Consultable sur : http://www.lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt. Dernière consultation : 08/07/2020. [In Russian]
2. Kassatkine S. 2013. Les particularités du fonctionnement des médias sous les périodes soviétique et post-soviétique. P. 68. Consultable sur : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-raboty-smi-v-sovetskiy-i-postsovetskiy-periody-1>. Dernière consultation : 30/01/2021. [In Russian]
3. Krasnova T. 2002. Subjectivité — Modalité. Saint-Petersbourg : Éditions de l'Université d'État d'Économie et de Finances. ISBN : 5-7310-1620-8. [In Russian]
4. Leontiev M. 1999. "Entretien". Le monde en une semaine. Consultable sur : <http://evartist.narod.ru/text12/15.htm>. Dernière consultation : 01/02/2021. [In Russian]
5. Les archives ouvertes de l'Académie des sciences de Russie. Consultables sur : http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshhtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_1917. Dernière consultation : 08/06/2021. [In Russian]

6. Kolomejtsev I. 2020. "La lutte des classes". Pravda, n°74 (31006). Consultable sur : https://gazeta-pravda.ru/issue/74-31006-2124-avgusta-2020-goda/klassovoe-stolknovenie/?sphrase_id=102959. Dernière consultation : 1/02/2021. [In Russian]
7. Latsis O. 1995. "Les résultats des élections le prouvent : les droits de millions d'électeurs sont bafoués". Izvestija, n°243. Consultable sur : [https://dlib.eastview.com/browse/doc/3189171#/?](https://dlib.eastview.com/browse/doc/3189171#/). Dernière consultation : 1/02/2021. [In Russian]
8. Ovsepian R. 2005 [1996]. L'histoire du journalisme russe contemporain, du février 1917 jusqu'au début des années 1920. Manuel. Moscou, Éditions de l'Université d'État de Moscou. ISBN : 5-211-06156-X. Consultable sur : <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook723/01/part-004.htm>. Dernière consultation : 01/02/2021. [In Russian]
9. Sokolov You. 1995. "Buvons donc à ce que...". Izvestija, n°248. Consultable sur : [https://dlib.eastview.com/browse/doc/3189367#/?](https://dlib.eastview.com/browse/doc/3189367#/). Dernière consultation : 1/02/2021. [In Russian]
10. Solganik G. 2010. Les essais sur la syntaxe modale. Monographie. Moscou, Flinta. ISBN : 978-5-9765-0835-4. Consultable sur : <https://litlife.club/books/211655/read?page=2>. Dernière consultation : 10/07/2020. [In Russian]
11. Solganik G. 2007. "La caractéristique générale du langage médiatique actuel par rapport au langage médiatique de la période précédente". La langue de la Communication Collective et Individuelle. Moscou, 2007. [In Russian]
12. Solganik G. 1981. Lexiques de revues (aspect fonctionnel). Moscou : Vyschaïa shkola. Consultable dans les fonds de la bibliothèque nationale russe sur : <https://search.rsl.ru/ru/record/01001066330>. [In Russian]
13. V. M. T. 2020. "À la mémoire de véritables héros". Pravda, n°89 (31021), Consultable sur : https://gazeta-pravda.ru/issue/89-31021-2528-sentyabrya-2020-goda/v-pamyat-o-nastoyashchikh-geroyakh/?sphrase_id=102830. Dernière consultation : 1/02/2021. [In Russian]
14. Vinokur V. 1992. "La langue d'écrivain et la norme". In Honor of Professor Victor Levin : Russian Philology and History. Edité par W. Moscovich et al. Jerusalem. Pp. 19-33. Consultable sur : <https://danefae.org/pprs/levin/vinokur.htm>. Dernière consultation : 10/10/2020. [In Russian]
15. Zelenine A. 2015. La langue de la presse d'immigrés russes, de 1919 à 1939, Moscou, Zlatoust. ISBN : 978-5-86547-458-6. Consultable sur : <https://www.litres.ru/aleksandr-zelenin/yazyk-russkoy-emigrantskoy-pressy-1919-1939/>. [In Russian]
16. La linguistique de la parole. Médiastylistique: monographie collective consacrée à 80 ans de G. Ya. Solganik. Edité par I. B. Alexandrova et al. Moscou : Flinta, Nauka, 2012. ISBN : 978-5-9765-1466-9. [In Russian]
17. L'information de masses dans une ville ouvrière soviétique. Expérience d'une recherche sociologique complexe. Sous la rédaction de B. A. Grouchine et L. A. Onikov. Moscou : Politizdat, 1980. [In Russian]
18. "L'ambassadeur des USA a évoqué le refus au Washington d'annuler les sanctions contre la Russie". 2021. Izvestija. Consultable sur : <https://iz.ru/1118374/2021-01-30/posol-ssha-rasskazal-ob-otkaze-vashingtona-otmeniat-sanktcii-protiv-rossii>. Dernière consultation : 1/02/2021. [In Russian]
19. La sociologie russe des années 1960. Souvenirs et documents. Saint-Pétersbourg : Institut Chrétien des Sciences Humaines Russe, 1999. ISBN : 5-887516-246-5. [In Russian]

20. Le langage médiatique actuel. Recueil d'articles sous la direction de Grigori Solganik. Moscou : Flinta, Nauka, 2007. ISBN : 978-5-89349-743-4. [In Russian]
21. Adam J.-P. 1997. Unités rédactionnelles et genres discursifs : cadre général pour une approche de la presse écrite. *Pratiques* n°94, Crem. Université de Lorraine. Pp. 3-18. Consultable sur : https://www.persee.fr/issue/prati_0338-2389_1997_num_94_1. Dernière consultation : 08/05/2021.
22. Teurtrie D. 2004. "Un enjeu dans les relations entre la Russie et son étranger proche". *Le Courrier des Pays de l'Est*, n°3 (1043), pp. 67-75, extrait 30. Consultable sur : <https://www.cairn.info/revue-le-courrier-des-pays-de-l-est-2004-3-page-67.htm#pa2>. Dernière consultation : 10/10/2020.

Valentina P. CHEPIGA¹

UDC 81

**ABOUT LINGUISTIC SUBJECTIVITY.
THE SOVIET PRESS
AND THE RUSSIAN PRESS**

¹ Dr. Sci. (Plylol.), Professor,
Departement of Slavistic Studies,
Strasbourg University (France)
valentina.chepiga@gmail.com

Abstract

This article highlights certain peculiarities linked to linguistic subjectivity in the Soviet and Russian press covering periods in the life of society: the Soviet years until 1985, the perestroika (1985-1991), the “democratic” years. (until 1999), current life. In a journalist’s work, the recourse to subjectivity remains his main tool. However, in journalistic work, the subject of the speech is capable of making not only subjective assertions but objective assertions too. The general peculiarity of totalitarian language is its ideological component, its politicization. Usual language standards acquire a dogmatic character. After the perestroika, which lasted from 1985 to 1991, we see a rapid and abrupt renewal of the language of the media. Currently, we are witnessing media stylization in Russia again. Some subjective emotionality comes into play, on the scale of current values. Thus, each era has its vision of the ideal author: the author-journalist is made up of two entities, social and private. The Soviet period put in the foreground the social component (the explicit us), the period of perestroika and Yeltsin, the individual, private component (the explicit I), the current period, again, the implicit social component where an I hides an us.

Keywords

Soviet media, Russian media, language paradigm, perestroika, language of the media.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-42-59

Citation: Chepiga V. P. 2021. “About Linguistic Subjectivity. The Soviet Press and the Russian Press”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 42-59.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-42-59

REFERENCES

1. Brodsky I. 1973. Afterword to Platonov's "Foundation Pit". http://www.lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt. Accessed on 8 July 2020. [In Russian]
2. Kasatkin S. 2013. Features of the Work of the Media in the Soviet and Post-Soviet Periods. Pp. 68. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-raboty-smi-v-sovetskiy-i-postsovetskiy-periody-1>. Accessed on 30 January 2021. [In Russian]
3. Krasnova T. 2002. Subjectivity — Modality. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University of Economics and Finance Publishing House. ISBN: 5-7310-1620-8. [In Russian]
4. Leontiev M. 1999. "Interview". World in a Week. <http://evartist.narod.ru/text12/15.htm>. Accessed on 1 February 2021. [In Russian]
5. Open archive of the Russian Academy of Sciences. http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pav1_635212335135781250_1917. Accessed on 8 June 2021. [In Russian]
6. Kolomeytshev I. 2020. "Class clash". Pravda, no. 74 (31006). https://gazeta-pravda.ru/issue/74-31006-2124-avgusta-2020-goda/klassovoe-stolknovenie/?sphrase_id=102959. Accessed on 1 February 2021. [In Russian]
7. Latsis O. 1995. "The election results confirmed: the rights of millions of voters were violated". Izvestia, no. 243. [https://dlib.eastview.com/browse/doc/3189171#/. Accessed on 1 February 2021. \[In Russian\]](https://dlib.eastview.com/browse/doc/3189171#/)
8. Ovsepyan R. 2005 [1996]. History of the latest domestic journalism (February 1917 — early 90s). Textbook. Moscow: Moscow State University Publishing House. ISBN: 5-211-06156-X. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook723/01/part-004.htm>. Accessed on 1 February 2021. [In Russian]
9. Sokolov Y. 1995. "So let's drink to...". Izvestia, no. 248. [https://dlib.eastview.com/browse/doc/3189367#/. Accessed on 1 February 2021. \[In Russian\]](https://dlib.eastview.com/browse/doc/3189367#/)
10. Solganik G. Essays on Modal Syntax. Monograph. Moscow: Flinta, 2010. ISBN: 978-5-9765-0835-4. <https://litlife.club/books/211655/read?page=2>. Accessed on 10 July 2020. [In Russian]
11. Solganik G. 2007. "General characteristics of the language of modern media in comparison with the language of the media of the previous period". Language of Mass and Interpersonal Communication. Moscow. [In Russian]
12. Solganik G. 1981. Newspaper Vocabulary (Functional Aspect). Moscow: Higher School. <https://search.rsl.ru/ru/record/01001066330>. [In Russian]
13. V. M. T. 2020. "In memory of real heroes". Pravda, no. 89 (31021). https://gazeta-pravda.ru/issue/89-31021-2528-sentyabrya-2020-goda/v-pamyat-o-nastoyashchikh-geroyakh/?sphrase_id=102830. Accessed on 1 February 2021. [In Russian]
14. Vinokur V. 1992. "Writer's language and norm". In Honor of Professor Viktor Levin: Russian Philology and History. Edited by V. Moskovich et al. Jerusalem. Pp. 19-33. <https://danefae.org/pprs/levin/vinokur.htm>. Accessed on 10 October 2020. [In Russian]
15. Zelenin A. 2015. Language of the Russian Emigré Press (1919-1939). Moscow, Zlatoust. ISBN: 978-5-86547-458-6. <https://www.litres.ru/aleksandr-zelenin/yazyk-russkoy-emigrantskoy-pressy-1919-1939/>. [In Russian]
16. Aleksandrov I. B. (ed.). 2012. Linguistics of Speech. Mediastilistics: A Collective Monograph Dedicated to the 80th Anniversary of Professor G. Ya. Solganik. Moscow: Flint, Nauka. ISBN: 978-5-9765-1466-9. [In Russian]

17. Grushina B. A., Onikova L. A. (ed.). 1980. Mass Information in the Soviet Industrial City: Experience of a Comprehensive Sociological Research. Moscow: Politizdat. [In Russian]
18. Izvestia. 2021. The US Ambassador spoke about Washington's refusal to lift sanctions against Russia. <https://iz.ru/1118374/2021-01-30/posol-ssha-rasskazal-ob-otkaze-vashingtona-otmeniat-sanktcii-protiv-rossii>. Accessed on 1 February 2021. [In Russian]
19. Russian sociology of the sixties. In memoirs and documents. Saint-Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 1999. ISBN: 5-887516-246-5. [In Russian]
20. Solganik G. Ya. (ed.). 2007. The Language of Modern Journalism: A Collection of Articles. 2nd edition. Moscow: Flinta, Nauka. ISBN: 978-5-89349-743-4. [In Russian]
21. Adam J.-P. 1997. "Unités rédactionnelles et genres discursifs : cadre général pour une approche de la presse écrite". *Pratiques*, no. 94, Crem. Université de Lorraine. Pp. 3-18. https://www.persee.fr/issue/prati_0338-2389_1997_num_94_1. Accessed on 8 May 2021.
22. Teurtrie D. 2004. "Un enjeu dans les relations entre la Russie et son étranger proche". *Le Courrier des pays de l'Est*, no. 3 (1043), pp. 67-75, extrait 30. <https://www.cairn.info/revue-le-courrier-des-pays-de-l-est-2004-3-page-67.htm#pa2>. Accessed on 10 October 2020.

Валентина Петровна ЧЕПИГА¹

УДК 81

О ЯЗЫКОВОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ. СОВЕТСКАЯ ПРЕССА И РУССКАЯ ПРЕССА

¹ кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры славянских языков,
Страсбургский государственный университет (Франция)
valentina.chepiga@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые особенности, связанные с лингвистической субъективностью в советской и российской прессе, освещающие периоды жизни общества: советские годы до 1985 года, перестройка (1985-1991), «демократические» годы (до 1999 года), текущая жизнь. В работе журналиста обращение к субъективности — его главный инструмент. Однако в журналистской работе субъект выступления способен делать не только субъективные утверждения, но и объективные утверждения. Общая особенность тоталитарного языка — его идеологическая составляющая, политизация. Обычные языковые стандарты приобретают догматический характер. После перестройки, длившейся с 1985 по 1991 годы, мы наблюдаем быстрое и резкое обновление языка прессы. Сейчас мы снова наблюдаем изменения языка прессы в России. Субъективная эмоциональность вступает в игру в соответствии со шкалой текущих ценностей. Таким образом, у каждой эпохи есть свое видение идеального автора: автор-журналист состоит из двух сущностей: социальной и частной. Советский период выдвинул на первый план социальную составляющую (явное «мы»), период перестройки и Ельцина, индивидуальный, частный компонент (явное «я»), текущий период, опять же, неявный социальный компонент, где «мы» скрывает «я» автора.

Ключевые слова

Советская пресса, российская пресса, лингвистическая парадигма, перестройка, язык прессы.

Цитирование: Чепига В. П. О языковой субъективности. Советская пресса и русская пресса / В. П. Чепига // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 42-59.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-42-59

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-42-59

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродский И. Послесловие к «Котловану» Платонова / И. Бродский. 1973. URL: http://www.lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt (дата обращения: 08.07.2020).
2. Касаткин С. Особенности работы СМИ в советский и постсоветский периоды / С. Касаткин. 2013. С. 68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-raboty-smi-v-sovetskiy-i-postsovetskiy-periody-1> (дата обращения: 30.01.2021).
3. Краснова Т. Субъективность — Модальность / Т. Краснова. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 2002. ISBN: 5-7310-1620-8.
4. Леонтьев М. Интервью / М. Леонтьев // Мир за неделю. 1999. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/15.htm> (дата обращения: 01.02.2021).
5. Открытый архив Российской академии наук. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_1917 (дата обращения: 08.06.2021).
6. Коломейцев И. Классовое столкновение / И. Коломейцев // Правда, № 74 (31006). 2020. URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/74-31006-2124-avgusta-2020-goda/klassovoe-stolknovenie/?sphrase_id=102959 (дата обращения: 1.02.2021).
7. Лацис О. Итоги выборов подтвердили: нарушены права миллионов избирателей / О. Лацис // Известия, № 243. 1995. URL: https://dlib.eastview.com/browse/doc/3189171# (дата обращения: 1.02.2021).
8. Овсепян Р. История новейшей отечественной журналистики (Февраль 1917 — начало 90-х годов). Учебник / Р. Овсепян. Москва: Издательство Московского государственного университета, 2005 [1996]. ISBN: 5-211-06156-X. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook723/01/part-004.htm> (дата обращения: 01.02.2021).
9. Соколов Ю. Так выпьем же за то, чтобы... / Ю. Соколов // Известия, № 248. 1995. URL: https://dlib.eastview.com/browse/doc/3189367# (дата обращения: 1.02.2021).
10. Солганик Г. Очерки модального синтаксиса. Монография / Г. Солганик. Москва: Флинта, 2010. ISBN: 978-5-9765-0835-4. URL: <https://litlife.club/books/211655/read?page=2> (дата обращения: 10.07.2020).
11. Солганик Г. Общая характеристика языка современных СМИ в сопоставлении с языком СМИ предшествующего периода / Г. Солганик // Язык массовой и межличностной коммуникации. Москва, 2007.
12. Солганик Г. Лексика газеты (функциональный аспект) / Г. Солганик. Москва: Высшая школа, 1981. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001066330>
13. В. М. Т. В память о настоящих героях / В. М. Т. // Правда, № 89 (31021). 2020. URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/89-31021-2528-sentyabrya-2020-goda/v-pamyat-o-nastoyashchikh-geroyakh/?sphrase_id=102830 (дата обращения: 1.02.2021).
14. Винокур В. Язык писателя и норма / В. Винокур // В честь профессора Виктора Левина: русская филология и история. Ред.: В. Москович и др. Иерусалим, 1992. С. 19-33. URL: <https://danefae.org/pprs/levin/vinokur.htm> (дата обращения: 10.10.2020).
15. Зеленин А. Язык русской эмигрантской прессы (1919-1939) / А. Зеленин. Москва, Златоуст, 2015. ISBN: 978-5-86547-458-6. URL: <https://www.litres.ru/aleksandr-zelenin/yazyk-russkoy-emigrantskoj-pressy-1919-1939/>

16. Лингвистика речи. Медиастилистика: коллективная монография, посвященная 80-летию профессора Г. Я. Солганика / И. Б. Александрова. Москва: Флинта, Наука, 2012. ISBN: 978-5-9765-1466-9.
17. Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Б. А. Грушина, Л. А. О니кова. Москва: Политиздат, 1980.
18. Посол США рассказал об отказе Вашингтона отменять санкции против России // Известия. 2021. URL: <https://iz.ru/1118374/2021-01-30/posol-ssha-rasskazal-ob-otkaze-vashingtona-otmeniat-sanktcii-protiv-rossii> (дата обращения: 1.02.2021).
19. Российская социология шестидесятых годов. В воспоминаниях и документах. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. ISBN: 5-887516-246-5.
20. Язык современной публицистики: сборник статей / Г. Я. Солганик. 2-е изд. Москва: Флинта, Наука, 2007. ISBN: 978-5-89349-743-4.
21. Adam J.-P. Unités rédactionnelles et genres discursifs : cadre général pour une approche de la presse écrite / J.-P. Adam // *Pratiques*, no. 94, Crem. Université de Lorraine, 1997. Pp. 3-18. URL: https://www.persee.fr/issue/prati_0338-2389_1997_num_94_1. Accessed on 8 May 2021.
22. Teurtrie D. Un enjeu dans les relations entre la Russie et son étranger proche / D. Teurtrie // *Le Courrier des pays de l'Est*. 2004. No. 3 (1043), pp. 67-75, extrait 30. URL: <https://www.cairn.info/revue-le-courrier-des-pays-de-l-est-2004-3-page-67.htm#pa2>. Accessed on 10 October 2020.

Елена Викторовна КУПЧИК¹
Сюнь МА²

УДК 811.161.1:581

АНТРОПОМОРФНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ «ПРИРОДА» В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА И ХАЙ ЦЗЫ

¹ доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и общего языкознания,
Тюменский государственный университет
e.v.kurchik@utmn.ru

² старший преподаватель факультета русского языка,
Цюйфуский государственный педагогический университет (Китай)
maxun198821@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются метафорические модели, фиксирующие уподобление природных реалий человеку, в поэзии С. Есенина и Хай Цзы — «китайского Есенина». Изучение когнитивных моделей в их лингвокультурных репрезентациях, исследования метафоры как способа познания национальной картины мира занимают значительное место в лингвистике и продолжают оставаться перспективным направлением в современном языкознании. Новизна работы определяется обращением к антропоморфным метафорам двух авторов как к когнитивному феномену, сопоставительным характером исследования. Объектом исследования выступают компаративные тропы, представляющие собой реализации метафорических моделей в поэтических текстах русского и китайского поэтов. Работа имеет целью выявление и характеристику антропоморфных метафор природы в стихотворениях С. Есенина и Хай Цзы. Методология исследования включает применение описательного и сопоставительного методов, а также использование метода количественных подсчетов. Установлен состав природных объектов,

Цитирование: Купчик Е. В. Антропоморфные метафорические модели концептуальной сферы «природа» в поэзии С. Есенина и Хай Цзы / Е. В. Купчик, Сюнь Ма // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 60-77.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-60-77

входящих в область цели антропоморфных метафор, а также объектов области источника. Представлена тематическая классификация языкового материала, определены наиболее значимые для каждого автора реалии природы, отраженные в антропоморфных метафорах. Выявлены черты сходства и различия антропоморфных метафор С. Есенина и Хай Цзы. Отмечено, что оба поэта используют антропоморфную метафору по отношению к широкому кругу реалий мира природы, относящихся к растительному и животному миру, явлениям природы, земному, водному, воздушному пространствам. Определено, что проявление собственной поэтической личности сочетается в произведениях С. Есенина и Хай Цзы с отражением в антропоморфных метафорах природы особенностей национальной культуры.

Ключевые слова

Антропоморфная метафора, метафорическая модель, область источника, область цели, поэтический текст, С. Есенин, Хай Цзы.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-60-77

Введение

Феномен метафоры является объектом внимания ученых на протяжении многих веков — начиная с трудов античных философов (например, «Поэтики» Аристотеля) и до современных работ специалистов по лексикологии, семантике, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, психолингвистике и т. д. Метафора, традиционно понимаемая как «перенос названия с одного предмета на другой на основе сходства» [7, с. 66], с точки зрения современного языкознания представляет собой не только сложное языковое явление, но и когнитивный феномен. Э. В. Будаев указывает, что главными предпосылками когнитивного подхода к изучению метафоры являются, во-первых, ментальный характер метафоры, а во-вторых, ее познавательный потенциал [3, с. 16]. А. П. Чудинов отмечает, что метафоры, присущие самой понятийной системе мышления человека, представляют собой определенные схемы, «по которым человек думает и действует» [19, с. 37]. На проблему метафоричности мышления обращали внимание такие исследователи, как Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эриксон, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, В. Г. Гак и др. А. Ричардс, говорит об одновременном сосуществовании в метафоре «оболочки» и «содержания», взаимодействие которых и порождает значение [14, с. 47]. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора представляет собой понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида [9, с. 10]. Метафора рассматривается как способ познания мира, его объяснения. Знание об одной концептуальной области формируется посредством обращения к другой концептосфере, что отражено в терминах «сфера-мишень» и «сфера-источник», обозначающих элементы метафорической модели (далее ММ). Суть механизма метафоры, по М. Блэку, заключается в приложении к главному субъекту системы «ассоциируемых импликаций», принадлежащих субъекту вспомогательному [1, с. 167].

Результатом познавательной деятельности человека является картина мира, определяемая как «глобальный образ мира, лежащий в основе человеческого мировоззрения» [12, с. 21], упорядоченная совокупность знаний о действительности, [11, с. 51], формирующаяся в сознании как отдельного человека, так и общества в целом. Объективация картины мира в языке приводит к формированию языковой картины мира, воплощенном в «семантическом пространстве языка» [11, с. 13].

В создании языковой картины мира значительную роль играет метафора, прежде всего антропоморфная (одна из наиболее древних), представляющая собой проекцию человека, его свойств на окружающий мир [13, с. 13].

Актуальность работы обусловлена перспективностью изучения ММ, отражающих особенности восприятия и описания мира человеком, важностью сопоставительного исследования творчества поэтов — представителей разных культур. Произведения Хай Цзы позволяют русскому читателю лучше понять китайский менталитет. Поэзия С. Есенина, занимающая важное место в курсе зарубежной литературы в учебных заведениях Китая, помогает китайскому читателю сформировать представление о русской картине мира. Актуальными представляются исследования поэтического языка и стиля мастеров слова.

Сопоставление творчества С. Есенина и Хай Цзы в избранном нами аспекте представляется вполне оправданным. Оба автора занимают важное место в литературе своих народов, являясь классиками национальной поэзии, оказавшими большое влияние на других поэтов. Есть основания говорить об определенных биографических сближениях. С. Есенин и Хай Цзы родились и выросли в деревне, что нашло воплощение в их произведениях, жили и творили во времена активных процессов, происходящих в обществе. На время жизни С. Есенина пришлось Первая мировая война, революция, коренным образом изменившая многие стороны жизни общества. Хай Цзы (1964-1989) жил во времена реформ, либерализации общества, что было связано с проникновением в Китай западной идеологии. Оба автора уделяют значительное внимание образу природы. В. М. Сидельников, называя Есенина «настоящим певцом русской природы», характеризует его лирику как симфонию, объединяющую «самые лучшие звуки, идущие от сердца русского» [16, с. 88]. Поэту близки все настроения природы, он проявляет чуткость по отношению к ее жизни, внимание к нюансам, недоступным для тех, кто не обладает поэтическим мышлением. Хай Цзы использует различные художественные образы природных объектов, передавая читателю свои устремления, идеалы, духовное состояние, жизненный опыт. Проявления собственной личности в стихотворениях С. Есенина и Хай Цзы сочетаются с отражением в их текстах национальной культуры, богатства внутреннего мира народа.

Е. А. Самоделова указывает на то, что Есенин с самого детства «владел... устно-поэтической традицией» [15, с. 242]. О. Е. Воронова выявляет в есенинских текстах проявления разных уровней народного мировоззрения — стихийно-философского, этического и эстетического, причем особое место занимает комплекс религиозных представлений [6, с. 17]. Исследователи творчества Хай Цзы обращают внимание на сочетание в его произведениях черт постмодернизма, а также романтизма

и экзистенциализма с особенностями традиционной китайской поэзии, в которой отражается богатый духовный мир его народа [18, с. 3]. Оба поэта активно используют метафору, которая является значимым атрибутом поэтического языка каждого из авторов и постоянно используется при обращении к теме природы.

Творчество С. Есенина оказало значительное влияние на поэзию Хай Цзы, о чем свидетельствует, например, цикл стихотворений китайского автора «Поэт Есенин». Представление о Хай Цзы как китайском Есенине отражено в работах Е. М. Болдыревой [2], С. Ван [4, 5], Ма Сюнь и Д. Е. Эртнер [10] и др.

Новизна исследования обусловлена, во-первых, обращением к антропоморфным ММ С. Есенина и Хай Цзы как когнитивному феномену; во-вторых, сопоставительным аспектом исследования метафорического материала в текстах данных поэтов; в-третьих, рассмотрением метафор из стихотворений Хай Цзы, ранее не переведенных на русский язык.

Цель работы — выявление и характеристика антропоморфных ММ в поэзии С. Есенина и Хай Цзы в плане их состава, семантики, а также определение черт сходства и различия антропоморфных метафор русского и китайского поэтов.

Основными методами работы являются описательный и сопоставительный, использован также метод количественных подсчетов.

На первом этапе исследования был собран языковой материал, представляющий собой фрагменты поэтических текстов из собраний сочинений С. Есенина, Хай Цзы и относящийся к ММ «природа — человек», затем производилась тематическая группировка материала по ММ. В процессе сопоставления антропоморфных метафор выявлялись черты сходства и различия состава и содержания ММ «природа — человек» в поэзии С. Есенина и Хай Цзы.

Результаты и обсуждение

Метафорические модели «природа — человек» в поэзии С. Есенина

В опубликованном в Китае сборнике стихотворений С. Есенина [20], включающем 101 произведение, нами обнаружено 80 текстов, в которых употребляются антропоморфные ММ природы. Общее количество метафорических реализаций — 148, ММ — 79. Антропоморфные метафоры С. Есенина относятся к широкому кругу реалий природного мира. По областям цели материал распределяется следующим образом: растения — 39%, животные — 23%, явления природы — 16%, воздушное пространство — 9%, земное пространство — 8%, водное пространство — 4%.

В стихотворениях С. Есенина нами выявлено 12 ММ «явления природы — человек» (24 метафорические реализации). К областям источника относятся сам человек, именованного которого отражают его внешность, род занятий и др. («красавица», «схимник», «хулиган», «девушка», «огородник»), разнообразные действия человека (речь, мимика, жесты и др.), проявления эмоций, характера человека, его состояния («ласковость», «лень», «грусть»), часть тела, организма человека («рука», «кровь»). К областям цели относятся стихийные явления природы: «ветер», «вьюга», «сумрак», «осенний холод», «сумерки», «половодье», «заря», «восход», «зима», «весна», «вечер». Например, сумрак уподобляется человеку по деталям внешнего

облика и движению: «Кудрявый сумрак за горой / Рукою машет белоснежной» [20, с. 58]. Данный жест в контексте стихотворения о возвращении в родную деревню предстает приветствием — выражением радости встречи.

В стихотворениях С. Есенина нами обнаружено 27 ММ «растение — человек» (57 метафорических реализаций). К областям источника относятся человек («девушка», «милая», «жена», «монашки», «поэт», «старушка»), действия человека («баюкать», «улыбнуться», «плакать», «сказать», «сражаться», «обрядиться», «танцевать», «шептать», «заглядеться», «отговорить», «грезить», «клониться», «спать», «петь», «тосковать», «махать»), эмоция и чувство человека («печаль», «веселье», «нежность»), мышление («раздумье»), часть тела человека («грудь», «кости», «руки», «ножка», «плоть», «уши», «голова», «босые ноги», «кровь»). К областям цели относятся разнообразные растения: деревья и кустарники («дерево», «куст», «береза», «осина», «ива», «клен», «тополь», «кипарис», «вербы», «черемуха», «сосна», «ель», «роза»), травянистые растения («травы», «цветы», «роза», «крапива», «ковыль»), совокупности растений («лес», «роща», «сад», «конопляник», «тростник»). Растения в поэзии С. Есенина неотделимы от человека, от его настроения. В стихотворении «Отговорила роща золотая...» реализуются одновременно две ММ — «растение — человек» и «человек — растение», близость поэта и облетающих берез. Отметим, что в образном мире С. Есенина сопоставлению человека с растением принадлежит центральное место [8, с. 36].

Контрастность изобразительного ряда усиливается посредством противопоставления прошедшего и настоящего времени глаголов («отговорила» — «не жалуют»), а также семантики прилагательного и наречия («веселым» — «печально»). Образ облетающих берез и исполненный печали полет журавлей служит для выражения отношения к тому, что ушло. Свое родство с теряющим листву деревом поэт видит в способности ронять «грустные слова», обусловленные невеселыми чувствами. В стихотворении «У могилы» пейзаж участвует в выражении скорби о погибшем юноше: ивы «думают думу» о похороненном, ветер приносит тоску, даль «плачет, нахмурившись» [20, с. 36].

В некоторых случаях наблюдается полное «очеловечивание» объекта растительного мира — как, например, в стихотворении «Зеленая прическа...»: упоминается «прическа», «грудь», «колени» березы, совершающей действие, свойственное девушке («загляделась» на свое отражение), слушающей обращенные к ней речи пастуха [20, с. 102].

В стихотворениях С. Есенина нами обнаружено 20 ММ «животное — человек» (34 реализации данных ММ). К областям источника относятся человек («детки», «девушка», «поэт», «братья», «рать»), действие человека («расшуметься», «петь», «плакать», «склоняться», «кликать», «говорить», «думать», «читать», «ласкать», «целовать», «кивать головой», «окрик»), часть тела человека («руки», «голова»), эмоция и состояние человека («усталость», «игривость», «грусть»). К областям цели относятся обозначения диких и домашних животных («зверь», «корова», «лошадь», «баран», «овца», «собака», «кот») и птиц («ворона», «глухари», «иволга», «грачи», «соловей», «сова», «лебедь», «журавли», «петухи», «гусь», «овец»,

«птихи»). Например, корова испытывает переживания, подобно женщине, потерявшей новорожденного сына: она «думает грустную думу о белоногом телке» [20, с. 60]. В реализации данной ММ отражено сострадание к корове-матери.

С. Есенин неоднократно использует глагол «плакать» применительно к разным объектам: плачут глухари, иволга. Образ «тоски веселой» [20, с. 16], создается за счет сочетания радостного («рассвет», «свидание») и грустного («плач», «тоска»). Оксюморон передает душевное состояние героя, ожидающего любимую.

В стихотворениях С. Есенина нами выделено 7 ММ «воздушное пространство — человек» (14 метафорических реализаций). К областям источника относятся человек («всадник»), действие человека («ласкать», «серебрить», «гадать», «связать»), эмоция, чувство и состояние человека («нежно», «страх», «грустно», «чахоточный», «тоска», «немая»), часть тела, организма человека («слеза», «глаза»), К областям цели относится воздушное пространство («звезды», «луна», «месяц», «радуга», «млечность», «туча», «облака»). Например, в стихотворении «Звезды», которое характеризуется особой романтичностью и философским смыслом, небесные светила наделяются способностью передавать человеку добрые чувства: «Смотрите нежно так, сердце ласкаете...» [20, с. 209].

В стихотворениях С. Есенина нами отмечено 6 ММ «водное пространство — человек» (6 метафорических реализаций). К областям источника относятся действие человека («курить», «дремать»), часть человека («глаза»), эмоция и чувство человека («тоска», «неласковый», «печальный»). К областям цели — объекты водного пространства, большие («озеро», «пруд», «болото», «море», «река») и малые («капли»). Чаще всего метафоризируются образы водоемов. Например, в стихотворении «Этой грусти теперь не рассыпать...» пруд в метафорической проекции «пруд — это человек» персонифицируется за счет актуализации прилагательного «неласковый» — качественного прилагательного, характеризующего чувство человека. Такое состояние водоема дополняет представленный в тексте образ печальной родины, впечатления от которой передаются словами «нездоровое, хилое, низкое», но вместе с тем «родное».

В стихотворении «Капли», проникнутом пессимистическими мотивами, развертывается антропоморфный образ дождевых капель, которые сравниваются с человеком, персонифицируются за счет актуализации глаголов «бродить» и «искать». Черная осень символизирует тяжелое и мрачное время в человеческой жизни. Капли, подобно людям, бродят в поисках навек утраченного «веселого» (данное прилагательное используется автором применительно к каплям и людям) [20, с. 31].

В стихотворениях С. Есенина существуют 7 ММ «земное пространство — человек» (12 метафорических реализаций). К областям источника относятся человек («дорогая», «вы», «ты»), действие человека («внимать», «тосковать», «задуматься», «дремать»), часть тела человека («душа» как особый орган «внутреннего человека»), эмоция и чувство человека («тоска», «веселье»). К областям цели относится земное пространство («долина», «пашня», «равнина», «земля», «поле», «дорога», «нива»). Например, стихотворение «Еще не высох дождь вчерашний» построено на использовании антропоморфной метафоры. Пашня,

подобно человеку, способна испытывать чувство тоски. Область источника — действия человека, цели — пашня. Стихотворение отражает переживания поэта, связанные с переменами в родных краях, с ощущением заброшенности родины, с уходом старой, патриархальной Руси.

В произведениях С. Есенина неоднократно встречаются развернутые метафорические описания, занимающие иногда все пространство текста и включающие реализации ММ с разным содержанием области цели. Например, в «Поёт зима — аукает...» олицетворяются и время года («зима», «весна»), и объекты воздушного пространства, стихия («облака», «солнце», «вьюга»), реалии растительного и животного мира («лес», «пташки»), причем антропоморфные признаки различны: это внешний облик, мимика, речь, движения, сновидения: «зима аукает», облака движутся «с тоской глубокою» и т. д. [20, с. 10].

Метафорические модели «природа-человек» в поэзии Хайцзы

В сборнике стихотворений Хай Цзы [21], включающем 101 произведение, нами обнаружено 75 текстов, в которых употребляются антропоморфные ММ природы. Общее количество метафорических реализаций — 124, ММ — 66. Антропоморфные метафоры Хай Цзы относятся к широкому кругу реалий природного мира. По областям цели материал распределяется следующим образом: растения — 30%, явления природы — 19%, воздушное пространство — 14%, животные — 13%, водное пространство — 13%, земное пространство — 8%, природные объекты — 3%.

В стихотворениях Хай Цзы нами отмечено 19 ММ «растение — человек» (34 метафорических реализаций). К областям источника относятся человек: «新娘» (невеста), «妻子» (жена), «公主» (принцесса), «女儿», «妻子» (дочь, жена), «诗人» (поэт), «美人» (красавица), «姐妹» (сестра), «叶赛宁» (С. Есенин), «情人» (любимый), «爱人» (любимая); действие человека: «抽搐» (дергаться), «跪着» (преклонить), «叫喊» (кричать); часть организма, тела человека: «鲜血» (кровь), «腿» (ноги), «两臂» (руки); эмоция и чувство человека: «孤独的» (одинокий), «绝望» (безнадежный); внешность человека: «肥胖» (толстый); его физические свойства: «弱小» (слабая).

К областям цели относятся растения — их виды, части, а также совокупности: «植物» (растение), «花朵» (цветы), «桃花» (цветы персика), «白杨树» (тополь), «树林» (лес), «果园» (фруктовый сад), «花园» (сад), «玫瑰花园» (розовый сад), «玫瑰» (роза), «蓓蕾» (бутон), «树林» (лес), «叶子» (лист), «树干» (стволы), «山楂树» (дерево боярышника), «梅树» (сливовое дерево), «树» (дерево), «麦子» (зерна), «麦子» (пшеница), «枫叶» (клен), «向日葵» (подсолнечник). Например, в стихотворении «Пшеничное поле» создается развернутый образ, в котором объединены человек и природа: «看麦子时我睡在地里 / 月亮照我如照一口井 / 家乡的风 / 家乡的云 / 收聚翅膀 / 睡在我的双肩... 我们是麦地的心上人 / 收麦这天我和仇人 / 握手言和... 健康的麦地 / 健康的麦子 / 养我性命的麦子» («麦地»). Герой ощущает себя подобием зерна (看麦子时我睡在地里 — когда я смотрю на пшеницу / я сплю в земле), луна озаряет его наряду

с объектами земного пространства (月亮照我如照一口井 — луна освещает меня и освещает колодец), объекты небесного пространства максимально приближены к человеку («家乡的风 / 家乡的云 / 收聚翅膀 / 睡在我的双肩» — родной ветер / родные облака / сложили крылья / спят на моих плечах) [21, с. 46].

Данное стихотворение занимает важное место в творчестве Хай Цзы, который родился и вырос в деревне. Метафора пшеницы в данном случае является носителем этического начала, духовного единения с природой. Когда человек ощущает себя неотъемлемой частью природы, его дух — дух природы. В стихотворении пшеница символизирует духовный сад и выражает любовь к природе, полное единение с ней. Образ пшеницы в этом стихотворении символизирует «духовный сад» поэта, противопоставленный технической эпохе и обывательскому миру, и воплощает предел мечтаний и стремлений человеческой жизни. Пшеница играет важнейшую роль в жизни деревенских жителей, существование без нее считается невозможным, и в связи с этим пшеница, (养我性命的麦子 — воспитавшая мою жизнь) представлена как носительница женского начала.

ММ «пшеница — человек» представлена и в стихотворении «Рассвет. Часть 1» 泉水白白流淌, 花朵为谁开放, 永远是这样美丽负伤的麦子吐着芳香, 站在山岗上» («黎明(之一)») [21, с. 35]. «Чистый источник журчит, цветы положены кому-то. Такая вечная, красивая и страдающая пшеница, что источает благоухание и колосится на холмах» (перевод наш — М. С.). Пшеница не только неотъемлемая часть утреннего пейзажа — она наделяется человеческими качествами, способностью переживать эмоции. В стихотворении пшеница становится символом чувства тоски. Через образ пшеницы Хай Цзы выражает свое душевное страдание.

В стихотворении «Красивый тополь» тополь сопоставляется с поэтом, что отражено в реализации ММ «тополь — поэт»: «白色美丽的树, 在黄金和允诺的地上, 陪伴花朵和诗歌, 静静地开放, 安详地死亡, 美丽的白杨树, 这是一位无名的诗人» («美丽的白杨树») [21, с. 11]. «Белое красивое дерево, на земле золота и обещания, сопровождает цветы и стихи, спокойно расцветает и умирает, красивый тополь — поэт без имени» («Красивый тополь») (перевод наш — М. С.).

Образ тополя в этом стихотворении символизирует преданный и спокойный характер. Тополь является гордым и упорным деревом, которое растет на севере Китая. Тополь как человеческая жизнь, расцветает и спокойно умирает. Поэт сравнивает жизнь тополя с изменчивой человеческой судьбой, через образ тополя Хай Цзы выражает свое желание спокойной жизни.

В стихотворениях Хай Цзы существуют 12 ММ «явления природы — человек» (23 метафорических реализаций). К областям источника относятся человек: «女儿», «姐妹» (дочь, сестра); действие человека: «揍» (бить), «遗失» (потерять), «脱下» (снять), «享受» (наслаждаться), «睡去» (спать), «争夺» (борьба); часть тела человека: «膝盖» (колени), «鲜血» (кровь); внутренний мир человека: «魂» (дух); эмоция и чувство человека: «痛苦» (горе), «孤独的» (одиноким). К областям цели относятся явления природы: «春天» (весна), «秋天» (осень), «黄昏» (сумерки), «暴风雪» (метель), «朝霞» (заря), «落日» (закат), «夜» (ночь), «黎明» (рассвет), «上午» (утро), «积雪» (снег), «风» (ветер). Например: «你迎面走来 / 冰雪融化 /

你迎面走来 / 大地微微战栗... 野花是一夜喜筵的酒杯 / 野花是一夜喜筵的新娘... 春天啊 / 春天是我的品质» («春天») [21, с. 4]. «Ты навстречу идешь / лед и снег тают / ты навстречу идешь / земля немного дрожит... полевой цветок — бокал вечера / полевой цветок — невеста вечера... весна / весна — мой характер («Весна»)» (перевод наш — М. С.).

В этом стихотворении Хай Цзы описывает весну, он приписывает весне действие и качество человека, снег тает, всё новое встретится. В произведении Хай Цзы использует прием одухотворения природных объектов, образ весны обозначает настроение поэта: стремление к надежде, прекрасному будущему.

Стихотворение Хай Цзы «Заря» построено на использовании антропоморфной метафоры. В процессе концептуальной проекции заря структурируется по образу дочери ночи и сестры рассвета. Русское слово «заря» используется для обозначения утреннего и вечернего свечения неба, что связано с восходом или заходом солнца. В данном случае речь идет об утренней заре, появляющейся после ночи и вместе с рассветом, что дает поэту основание включить зарю в систему родственных отношений: «夜的女儿, 朝霞的姐妹, 黎明» («拂晓») «Дочь ночи, сестра рассвета — заря» («Заря») [21, с. 79].

В стихотворениях Хай Цзы существуют 9 ММ «воздушное пространство — человек» (29 метафорических реализаций). К областям источника относятся человек: «孩子» (ребенок), «伴侣» (спутник), «女儿» (дочери), «夫人» (супруга), «姐妹» (сестра), «哥哥» (брат), «少女» (девушка); действие человека: «告诉» (сказать), «扶着» (поддерживать), «低下头» (опустить голову), «假笑» (сделанная улыбка), «哭» (плакать), «听得见» (слышать), «老不死的» (не умирающий); часть тела человека: «血» (кровь), «心脏» (сердце), «心碎» (с разбитым сердцем); эмоция и чувство человека: «孤独的» (одинокий). К областям цели относится воздушное пространство: «闪电» (молния), «太阳» (солнце), «阳光» (солнечный свет), «天» (небо), «白云» (облако), «地球» (земной шар), «星» (звезды), «宇宙» (космос), «月亮» (луна).

Например, в стихотворении «Почему ты не живешь в пустыне» поэт представляет себя лежащим на земле, созерцающим и слушающим облака, которые обращаются к нему с указаниями: «你要把事业留给兄弟 / 留给战友 / 你要把爱情留给姐妹 / 留给爱人 / 你要把孤独留给海子 / 留给自己», «ты должен оставить дело братьям / оставить союзникам Ты должен оставить любовь сестрам / оставить любимой / Ты должен оставить одиночество, Хайцзы / оставить себе» [21, с. 122].

Облако олицетворяется, оно персонифицируется за счет актуализации глагола «говорить», поэт через образ облака выражает безнадежность и отчаяние. Перед смертью Хай Цзы действительно хотел оставить дела, любовь братьям и сестрам, испытывал бесконечное одиночество, ощущение того, что никто в этом мире его не понимает. В «Песне самоубийцы» («自杀者之歌») реализуется ММ «солнце — это человек». Дневное светило персонифицируется за счет актуализации глагола «срубить», а срубленным деревом и погибшим голубем оказывается сам лирический герой: «林间的太阳砍断你 / 像砍断南风 / 你把枪打开 / 独自走回故乡 / 像一只鸽子倒在猩红的篮子上». «Лесное солнце перерывами

срубает тебя / Как и срубает ветер юга / Ты стреляешь, одиноко вернулся домой / Словно голубь / упал в алую корзину» [21, с. 19]. Созданию трагической атмосферы стихотворения способствует образ алого цвета. Как считает Хай Цзы, душевное успокоение можно найти только в смерти.

В стихотворениях Хай Цзы нами отмечены 8 ММ «животные — человек» (11 метафорических реализаций). К областям источника относятся человек: «少女» (девушка), «妻子» (жена), «女友» (любимая), «夫妻» (супруги), «少女» (молодая девушка), «新娘» (невеста); действие человека: «听着» (слушать), «舞蹈» (танцевать); эмоция и чувство человека: «怀疑» (сомневаться), «孤独» (одиночество). К областям цели относятся животные: «大雁» (гусь), «鱼» (рыба), «白羊» (овца), «豹子» (леопард), «乌鸦» (ворона), «龙» (дракон), «鸟» (птица), «狮子» (лев). Например: «天下龙听着, 水流», «Дракон на свете слушает, как течет река» (перевод наш — М. С.). В этой строке поэт реализует ММ «дракон — человек». Дракон в китайской культуре символизирует священную силу, он сравнивается с человеком, который прислушивается к миру. Через образ дракона Хай Цзы выражает свое душевное страдание и бесконечное одиночество.

«我怀抱妻子 / 就像水儿抱鱼 / 我一边伸出手去 / 试着摸到小雨水 / 并且嘴唇开花 / 而鱼是哑女人 / 睡在河水下面 / 常常在做梦中 / 独自一个人死去...» («妻子和鱼») [21, с. 89].

«Я обнимаю жену, Как вода — рыбу. Я протягиваю руку, пытаюсь трогать дождик, и губы расцветают. Рыба — немая женщина, спит под водой, часто одна умирает во сне...» («Жена и рыба») (перевод наш — М. С.).

В этом стихотворении Хай Цзы описывает связь между поэтом и женой, сравнивая их с водой и рыбой, которых нельзя разделить. Хай Цзы выражает свое внутреннее горе. Кроме того, рыба символизирует спокойную и прекрасную жизнь. В процессе концептуальной проекции вода и рыба структурируются по образам поэта и жены. Областями источника являются «поэт» и «жена», областями цели — «вода» и «рыба».

В стихотворениях Хай Цзы выявлено 8 ММ «водное пространство — человек» (17 метафорических реализаций). К областям источника относятся человек: «人» (человек), «母亲» (мать), «公主» (принцесса), «姐妹» (сестра), «诗人» (поэт), «新娘» (невеста); действие человека: «叫喊» (кричать), «抱» (обнять); эмоция и чувство человека: «孤独» (одиночество), «忧愁的» (грустный); часть тела человека: «嘴唇» (губы), «眼睛» (глаза), «手掌» (ладонь). К областям цели относятся водное пространство: «泉水» (родник), «湖» (озеро), «水» (вода), «河流» (река), «雨滴» (капля), «太平洋» (Тихий океан), «海湾» (затон), «海水» (морская вода).

Например, в стихотворении «Посвящаю Бодхисатве», в котором Хай Цзы пишет о первой любви — Лань Бовань, ММ «морская вода — человек» реализуется в сопоставлении влюбленного с водой и получает в тексте развернутую мотивировку. В традиции китайской культуры Бодхисатва может спасти людей от трудностей и сохранить счастливую жизнь, а в данном случае — обеспечить счастье поэта в союзе с любимой. «知道海水是我 / 洗着你的眉 / 知道你在我身上呼吸, 呼吸 / 菩萨愿意 / 菩萨心里非常愿意 / 就让我出生 / 让我长成的身体上 /

挂着潮湿的你», «Знает, что морская вода / Это я / Омываю твои брови / Знает, что ты возле меня дышишь, дышишь... / Бодхисатва желает / Бодхисатва в душе очень желает / Чтобы я родился / Чтобы на моем повзрослевшем теле / Повесили мокрую тебя» [21, с. 203]. Определение воды как морской отражает представление о «величине», силе, могуществе любви, эта вода ласкает девушку, уподобленную сосуду, наполненному горячим воздухом. В стихотворении «К матери» реализуется антропоморфная метафора: «泉水... 蓝色的母亲», «ключевая вода... синяя мать» [21, с. 22]. Вода, подобно матери, дает жизнь всему живому. В данном стихотворении реализуется и обратная ММ: мать — это родниковая вода, без которой жизнь невозможна.

В стихотворениях Хай Цзы нами отмечено 5 ММ «земное пространство — человек» (6 метафорических реализаций). К областям источника относятся человек: «兄弟» (брат); действие человека: «哭» (плакать); эмоция и чувство человека: «忧伤» (грусть); часть тела человека: «乳房» (грудь), «身子» (тело). К областям цели — земное пространство: «地» (земля), «山» (гора), «雪山» (снежная гора), «田亩» (пахотная земля), «原野» (поле), «草原» (степь). Например, в стихотворении «Дома» очеловеченные земля и небо участвуют в создании образа волнения стихий, которому может противостоять только любовь как надежная защита человека: «那泥沙相会 / 那狂风奔走 / 如巨蚁 / 那雨天雨地哭得有情有义», «Грязь и песок смешались / Взнесся вихрь / То дождливое небо и та дождливая земля плакали»; в доме любви «遮蔽母亲也遮蔽孩子 / 遮蔽你也遮蔽我», «Заслоняют мать, заслоняют сына / Заслоняют тебя, заслоняют меня» [21, с. 13].

В данном стихотворении поэт описал три времени суток — утро, день и вечер, что метафорически соответствует периодам жизни человека — юности, зрелости и старости. Образ утра обозначает молодость, время обеда — средний возраст, а образ сумрака — старость. Характеристика непогоды — это и отражение внутреннего состояния героя.

В стихотворениях Хай Цзы выявлены 2 ММ «природные объекты — человек» и 4 метафорических реализации. К областям источника относятся человек: «女子» (женщина); эмоция и чувство человека: «孤独» (одинокий); часть тела человека: «面孔» (облик); состояние человека: «病» (болезнь). К областям цели относятся природные объекты: «石头» (камень), «大自然» (природа). Например: «石头的病 / 疯狂的病 / 不可治疗的病... 如果石头健康 / 如果石头不再生病 / 他哪会开花 / 如果我也健康 / 如果我也不再生病 / 也就没有命运» («石头的病 (或七八年)») [21, с. 130].

«Болезнь камня / сумасшедшая болезнь / неизлечимая болезнь... если камень здоров / если камень больше не заболит / как он может расцветать / если я тоже здоров / если я больше не заболею / тогда не будет судьбы» («Болезнь камня (или семь, восемь лет)») (перевод наш — М. С.).

В этом стихотворении Хай Цзы использует антропоморфную метафору «камень — поэт». В этом процессе концептуальной проекции камня структурируется по образцу поэта. Поэт сравнивает себя с камнем на том основании, что он имеет твердый характер. Болезнь камня обозначает тяжелые испытания,

выпавшие на долю поэта. Он хочет жить по своему желанию, стать «королем стихотворения», но не может найти свое место в большом городе, мечта о самореализации оказывается неосуществленной. В конце стихотворения он пишет, что если не будет болезни, тогда не будет судьбы; по мнению поэта, беды человека — неотъемлемая часть его судьбы.

*Сопоставление антропоморфных метафор природы
в поэзии С. Есенина и Хай Цзы*

Рассмотрение антропоморфных метафор С. Есенина и Хай Цзы дает основание выявить наиболее типичные элементы, входящие как в область источника, так и в область цели соответствующих ММ. Объекты мира природы уподобляются человеку как таковому, частям его тела, наделяются свойственными человеку разнообразными действиями, эмоциями и особенностями характера. Природные объекты, неоднократно уподобляемые человеку, включают как повторяющиеся у обоих авторов элементы, так и свойственные только одному поэту. Значительным сходством у двух авторов отличаются две тематические области — воздушное пространство и явления природы, в остальных же случаях наблюдаются различия. Например, повторяющимися объектами флоры в стихотворениях С. Есенина являются береза, лес и тополь, в стихотворениях Хай Цзы — пшеница; объектами фауны — корова, собака, лошадь, лебедь, соловей (С. Есенин) и птица, рыба (Хай Цзы). Земное пространство представлено в текстах С. Есенина антропоморфными образами дороги и равнины, в текстах Хай Цзы — образами степи и камня. В анализируемых произведениях С. Есенина нами не обнаружено повторяющихся реализаций ММ со сферой источником «водное пространство» — в отличие от стихотворений Хай Цзы, в которых уделяется значительное внимание водной стихии, представленной антропоморфными образами воды в целом, реки и озера. Оба автора, таким образом, уподобляют человеку широкий круг реалий, входящих в пространство природы. Состав природных реалий отражает как личные предпочтения С. Есенина и Хай Цзы, так и особенности русской и китайской культуры. Например, береза, являющаяся символом России, не имеет такой значимости в Китае, являясь — наряду со многими другими представителями флоры — обычным деревом. Концептуальные метафоры березы (С. Есенин) и пшеницы (Хай Цзы) занимают особое место в творчестве русского и китайского поэтов, метафора «сближается с символом и становится способом его концептуализации» [10, с. 32].

С. Есенин и Хай Цзы неоднократно обращаются к антропоморфным образам ветра и небесных светил. Ветер в стихах С. Есенина издает присущие человеку звуки — поет, шепчет, причем его речь несет информацию: «что шепчет тебе ветер?» [20, с. 102], «тонкогубый ветер о ком-то шепчет, сгинувшем в ночи» [20, с. 70]. Ветер совершает танцевальные движения: например, в «Я последний поэт деревни...», это «панихидный пляс» [20, с. 114]. Он может находиться в разном настроении, иметь разные свойства характера. Ветер может быть весел, «робок и застенчив» [20, с. 244], а может быть и хулиганом, который плюется «охапками листьев» [20, с. 108].

Ветер в стихотворениях Хай Цзы уподобляется человеку главным образом по особенностям движения. Он, например, поддерживает предметы, не давая им упасть: «我的手扶着自己, 像清风扶着空空的杯子», «я двумя руками себя поддерживал, как ветер — пустую бутылку» [21, с. 173]; совершает танцевальные движения: «万风之王起舞», «царь ветра танцует» [21, с. 167].

Антропоморфные образы звезд в стихотворениях С. Есенина единичны, звезды проявляют себя, например, в нежных взглядах, ласке [20, с. 20].

Хай Цзы уделяет антропоморфным образам звезд значительно больше внимания. Применительно к звездам поэт неоднократно использует термины родства. Приведем некоторые примеры: ММ «звезда — дочь»: «眺望光明的七星, 眺望北方和北方的七位女儿», «Окинул взором яркие звезды, окинул взором север и семь севера дочерей» [21, с. 66]. ММ «звезда — брат»: «那就是星, 是 — 他是你们的哥哥», «Эта звезда, как ваш брат» [21, с. 150]. ММ «звезда — сестра»: «只有一串北方的星, 七位姐妹», «Звёзды севера, семь сестер» [21, с. 68]. ММ «звезда — супруга»: «星星, 黑色寨子中的夫人», «Звезда, как супруга в черном укрепленном пункте» [21, с. 160]. Звездам присущи человеческие эмоции и состояния: «孤独的星, 忧伤的星, 明亮的星», «Одинокая звезда, грустная звезда, светлая звезда». Кроме того, звезда в стихотворениях Хай Цзы неоднократно уподобляется человеческой слезе, например: «星, 草原上的一滴泪, 汇集了所有的愤怒和屈辱», «Звезда — слеза в степи, собирает гнев и позор» [21, с. 73]. Отметим, что поэт использует и обратную ММ, например: «一滴泪水有她自己的笑容, 就像黑夜中闪闪的星星», «У капли слезы есть своя улыбка, как светлая звезда в ночи» [21, с. 149].

Луна в есенинских текстах уподобляется человеку по некоторым действиям — например, «все вокруг серебрит» [20, с. 26], расстилает что-либо: «стелила тени» [20, с. 102]). В одном из стихотворений цикла «Персидские мотивы» луна имеет сразу два антропоморфных признака — особенности внешнего облика и настроения: «печально побледнела», «светит грустно» [20, с. 65]. Печальное ночное светило предстает и в образе всадника, остановившего свое движение: «Месяц, всадник унылый, уронил повод» [20, с. 74]. В текстах Хай Цзы луна оказывается способной плакать: «月亮今夜也哭得厉害», «Луна сильно плакала в сегодняшней ночи» [21, с. 190]. Облик ночного светила вызывает у поэта ряд ассоциаций, в том числе и антропоморфных, как, например, в стихотворении «Дождь»: «月亮, 你寒冷的火焰, 你雨衣中裸体少女依然新鲜», «Луна, ты как холодное пламя, как голая девушка под плащом» [21, с. 121].

Выводы

На основании рассмотрения в поэтических текстах С. Есенина и Хай Цзы компаративных тропов, представляющих собой реализации антропоморфных метафорических моделей «природа — человек», мы пришли к следующим выводам.

- В стихотворениях С. Есенина выявлено 148 реализаций антропоморфных ММ, в стихотворениях Хай Цзы — 124 в сопоставимом объеме текстов.
- Концептуальная сфера «природа» как область цели антропоморфной метафоры представлена в текстах С. Есенина и Хай Цзы широким кругом

- реалий, относящихся к флоре, фауне, природным явлениям, земному, воздушному и водному пространствам.
- Наиболее представительной в количественном отношении является ММ «растение — человек».
 - Концептуальная сфера «человек» как область источника ММ представлена группами «человек», «действия человека», «эмоции и характер человека», «части тела человека». Наиболее часто оба автора используют уподобление природы человеку по действию и эмоциональному состоянию.
 - С. Есенин и Хай Цзы активно используют развернутые антропоморфные метафоры.
 - К числу важнейших ММ природы относятся сопоставления с человеком березы (С. Есенин) и пшеничного поля (Хай Цзы).
 - Значимую роль в метафорическом пространстве текстов двух поэтов играет ветер, наделенный действиями человека.
 - В характеристике антропоморфных образов природы проявляется специфика авторского мировидения. С. Есенин уделяет особое внимание животному миру, Хай Цзы — объектам воздушного пространства, главным образом звездам.
 - В антропоморфных ММ отражается специфика национального менталитета, народной культуры, проявляющаяся в отборе образов области цели (например, виды растений, животных), их осмыслении и особенностях языковой репрезентации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блэк М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры: Сборник / Сост. Н. Д. Арутюнова; общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 153-173.
2. Болдырева Е. М. Хай Цзы — китайский Есенин: танатологическая поэтика и роман со смертью / Е. М. Болдырева // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Том 27. № 4. С. 151-161.
3. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология: дис. ... д-ра филол. наук / Э. В. Будаев. Екатеринбург, 2010. 474 с.
4. Ван С. С. А. Есенин и китайский поэт Хай Цзы: биографические и творческие параллели / С. Ван // Современное есениноведение. 2017. № 2 (41). С. 14-18.
5. Ван С. Поэтический цикл «Поэт Есенин» Хай-цзы как важный этап литературного анализа творчества великого русского поэта Есенина в Китае / С. Ван // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 1 (56). С. 24-34. DOI: 10.37724/RSU.2021.56.1.003
6. Воронова О. Е. Сергей Есенин и русская духовная культура: монография / О. Е. Воронова. Рязань: Узорочье, 2002. 520 с.
7. Касаткин Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант; под ред. П. А. Леканта. М.: Высшая школа, 1991. 383 с.

8. Купчик Е. В. Метафорические модели с субъектной зоной ЧЕЛОВЕК в поэзии А. Мариенгофа и С. Есенина / Е. В. Купчик // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 2 (26). С. 23-41. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-2-23-41
9. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предислов. А. Н. Баранова. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
10. Ма Сюнь. Метафорические модели и символизация в поэзии С. Есенина и Хай Цзы / Ма Сюнь, Д. Е. Эртнер // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 2. С. 32-44. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-32-44
11. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2003. 60 с.
12. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 8-69.
13. Резанова З. И. Антропоморфная метафорическая интерпретация концептуальной сферы «средства передвижения» (степень метафоричности концептуальной сферы и продуктивности метафорической модели) / З. И. Резанова, А. А. Абрамова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3 (29). С. 60-73.
14. Ричардс А. Философия риторики / А. Ричардс // Теория метафоры: Сборник / Сост. Н. Д. Арутюнова; общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 44-67.
15. Самоделова Е. А. Есенин как фольклорист / Е. А. Самоделова // Проблемы научной биографии С. А. Есенина: сборник трудов по материалам Международной научной конференции, посвященной 114-летию со дня рождения С. А. Есенина. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2010. С. 236-252.
16. Сидельников В. М. Писатель и народная поэзия / В. М. Сидельников. М.: Современник, 1974. 191 с.
17. Цыбикова В. В. Основные художественные образы в творчестве китайского поэта Хай-цзы (1964-1989) / В. В. Цыбикова // Вестник Бурятского госуниверситета. Востоковедение. 2009. № 8. С. 209-213.
18. Цыбикова В. В. Художественное своеобразие поэзии Хайцзы (1964-1989) и его роль в китайской литературе: автореферат дис. ... канд. филол. наук / В. В. Цыбикова. М., 2012. 20 с.
19. Чуудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография / А. П. Чуудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
20. 顾蕴璞. 叶赛宁诗选. 北京: 外语教学与研究出版社, 2006. 275页 / Гу Юньпу. «Избранные стихотворения С. А. Есенина». Пекин: Изд-во Вай Юй Цзяо Сюэ Юй Янь, 2006. 275 с.
21. 海子. 海子诗集. 北京: 人民出版社, 2006. 278页 / Хай Цзы. Хай Цзы дэ ши (Стихи Хай Цзы). Пекин: Изд-во Жэньминьвэньсюэ, 2006. 278 с.

Elena V. KUPCHIK¹
Xun MA²

UDC 811.161.1:581

**ANTHROPOMORPHIC METAPHORICAL MODELS
IN CONCEPTUAL FIELD “NATURE”
IN THE POETRY OF S. YESENIN AND OF HǎI ZI**

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian Language and General Linguistics,
University of Tyumen
e.v.kupchik@utmn.ru

² Senior Lecturer, Department of Russian Language,
Qufu Normal University (China)
maxun198821@yandex.ru

Abstract

The article presents the analysis of metaphorical models that are characterized by nature phenomena’s adaptation of human traits in the poetry of S. Yesenin and of Hǎi Zi (often called “Chinese Yesenin”). The study of cognitive models in their linguacultural representations as well as the research on metaphors as a mean of perception of national worldview persist to appear often in linguistic discourse and are still considered to be a promising area in linguistics. The novelty of the present article is due to the study of anthropomorphic metaphors of these two poets as a cognitive phenomenon and due to its comparative nature. The subject of the research is comparative tropes that are manifestations of metaphorical models in poetic texts of the Russian and Chinese poets. The aim of the work is to reveal and to characterize anthropomorphic metaphors of nature in the poems of S. Yesenin and Hǎi Zi. The research methodology includes the descriptive and the comparative methods as well as the method of quantitative estimation. The research resulted in description of composition of nature objects that are within target domain of anthropomorphic metaphors as well as of objects within source domain. The authors of the research also present topic classification of language material,

Citation: Kupchik E. V., Ma Xun. 2021. “Anthropomorphic Metaphorical Models in Conceptual Field “Nature” in the Poetry of S. Yesenin and of Hǎi Zi”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 60-77.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-60-77

define nature things reflected in anthropomorphic metaphors that are significant for each of these two poets. In addition, the common and different characteristics of anthropomorphic metaphors of S. Yesenin and Hǎi Zi are highlighted. It was discovered that both of these poets use anthropomorphic metaphors to describe the whole spectrum of nature things related to flora and fauna, natural phenomena, as well as to earth, water and air space. The research is concluded by stating that the expression of individual poetic identity of both poets coexists with the reflection of features of national cultures in anthropomorphic metaphors.

Keywords

Anthropomorphic metaphor, metaphorical model, source domain, target domain, poetic text, S. Yesenin, Hǎi Zi.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-60-77

REFERENCES

1. Black M. 1990. "Metaphor". In: Arutyunova N. D., Zhurinskaya M. A. (eds.). 1990. Theory of Metaphor, pp. 153-173. Moscow: Progress. [In Russian]
2. Boldyreva E. M. 2021. "Hai Zi — Chinese Sergei Yesenin: tanatological poetics and 'romance with death'". Vestnik of Kostroma State University, vol. 27, no. 4, pp. 151-161. DOI: 10.34216/1998-0817-2021-27-4-151-161 [In Russian]
3. Budaev E. V. 2010. "Comparative political metaphorology". Dr. Sci. (Philol.) diss. Ekaterinburg. 474 p. [In Russian]
4. Wang X. 2017. "S. A Yesenin and Chinese poet Hai Zi: biographic and artistic parallels". Modern studies on S. Yesenin, no. 2 (41), pp. 14-18. [In Russian]
5. Wang X. 2021. "Hai-Zi's poetic cycle 'Yesenin, the Poet' as an important step in literary analysis of Yesenin's poetic heritage in China". Foreign Languages in Tertiary Education, no. 1 (56), pp. 24-34. DOI: 10.37724/RSU.2021.56.1.003 [In Russian]
6. Voronova O. E. 2002. Sergei Yesenin and Russian Spiritual Culture: Monograph. Ryazan: Uzorechie. 520 p. [In Russian]
7. Kasatkin L. L., Klobukov E. V., Lekant P. A. 1991. Short Reference of Contemporary Russian. Edited by P. A. Lekant. Moscow: Vyshaya Shkola. 383 p. [In Russian]
8. Kupchik E. V. 2021. "Metaphorical models with the HUMAN subjective zone in the poetry of A. Mariengoff and S. Yesenin". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 2 (26), pp. 23-41. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-2-23-41 [In Russian]
9. Lakoff G., Johnson M. 2008. Metaphors We Live by: Translation from English. Edited by and Foreword by A. N. Baranov. 2nd Edition. Moscow: LKI Publishing house. 256 p. [In Russian]
10. Ma Xun, Ertner D. E. 2017. "Metaphoric models and their symbolic representations in the poetry of S. Yesenin and Hai Zi". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 2, pp. 32-44. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-32-44 [In Russian]
11. Popova Z. D., Sternin I. A. 2003. Language and National Worldview. Voronezh: Istoki. 60 p. [In Russian]

12. Postovalova V. I. 1998. "Worldview in human life". In: Serebrennikov B. A. (ed.). 1998. *The Role of Human Factor in Language. Language and Worldview*, pp. 8-69. Moscow: Nauka. [In Russian]
13. Rezanova Z. I., Abramova A A. 2014. "Anthropomorphic metaphorical interpretation of the conceptual sphere 'vehicles' (degree of metaphoricalness of the conceptual sphere and productivity of this metaphorical model)". *Tomsk State University Herald. Philology*, no. 3 (29), pp. 60-73. [In Russian]
14. Richards A. 1990. "The philosophy of rhetoric". In: Arutyunova N. D., Zhurinskaya M. A. (eds.). 1990. *Theory of Metaphor*, pp. 44-67. Moscow: Progress. [In Russian]
15. Samodelova E. A. 2010. "Yesenin as folklorist". *Issues of Scientific Biography of S. A. Yesenin: Collection of the Works of the Proceedings of the International Scientific Conference Devoted to the 114th Anniversary of S. A. Yesenin (15-17 October 2009)*. Moscow; Konstantinovo; Ryazan: Pressa. Pp. 236-252. [In Russian]
16. Sidelnikov V. M. 1974. *Writer and Folk Poetry*. Moscow: Sovremennik. 191 p. [In Russian]
17. Tsybikova V. V. 2009. "Artistic images in Hai-Zi's poetry (1964-1989)". *Buryat State University Herald. Oriental Studies*, no. 8, pp. 209-213. [In Russian]
18. Tsybikova V. V. 2012. "Artistic originality of Hai Zi's poetry (1964-1989) and his role in Chinese literature". *Cand. Sci. (Philol.) diss. abstract*. Moscow. 20 p. [In Russian]
19. Chudinov A. P. 2001. *Russia in a Metaphorical Mirror: Cognitive Research of Political Metaphor (1991-2000): monograph*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 238 p. [In Russian]
20. 顾蕴璞. 叶赛宁诗选. 北京: 外语教学与研究出版社, 2006. 275页. *Gù Yùnpú*. 2006. *Selected Poems of S. A. Yesenin*. Beijing: Wàiyǔ Jiàoxué yǔ Yán. 275 p. [In Chinese]
21. 海子. 海子诗集. 北京: 人民出版社, 2006. 278页. *Hǎi Zi*. 2006. *Hǎi Zi De Shī*. *Poems of Hǎi Zi*. Beijing: Rén Mín Chū Bǎn Shè. 278 p. [In Chinese]

Ольга Викторовна ТРОФИМОВА¹

УДК 811.161.1'42

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ДЕЛОВОМ ТЕКСТЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

¹ доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и общего языкознания,
Тюменский государственный университет
otrofim@rambler.ru

Аннотация

В статье представлены отдельные результаты исследования одного из этапов формирования русской пунктуационной системы на материале скорописных документов 1762-1796 гг. из Государственного архива Тюменской области. Исследовательский корпус включает в себя как опубликованные автором в издательстве Тюменского университета деловые тексты, так и впервые вводимые в научный оборот.

В результате использования «грамматико-дипломатического», сравнительно-исторического методов и контент-анализа с применением методики количественных подсчетов, табличного и графического представления материалов и полученных данных выявлены тенденции в пунктуационном насыщении текстов, частично коррелирующие с жанром документа, однако в первую очередь связанные с оформлением границ начального протокола, смены текстовой модальности (от нарратива к императиву) в реквизите «Текст» в структуре абстрактного формуляра. Установлено, что во вторичных документах употребление знаков препинания в пределах реквизита «Текст» может быть связано с обозначением границ информации, вводимой в текст посредством отсылки к каждому новому субъекту речи, с указанием жанра (вида) первичного документа, а также отражением в тексте каждого нового этапа в деятельности канцелярии, обусловленной необходимостью разрешения актуальной административно и/или юридически значимой экстралингвистической ситуации.

Цитирование: Трофимова О. В. Знаки препинания в региональном деловом тексте второй половины XVIII века: к проблеме формирования русской пунктуационной системы / О. В. Трофимова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 78-100.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-78-100

Рассмотрены варианты пунктуационного оформления придаточных изъяснительных со скрепой *что* — грамматической конструкции, призванной вводить в текст косвенную речь другого адресанта и потому наиболее востребованной в структуре письменной деловой коммуникации.

Проведен формально-грамматический анализ сложных синтаксических конструкций, представляющих реквизит «Текст» в региональных документах 1773 и 1787 г., условно являющихся полярными по признаку пунктуационной грамотности субъекта письма.

Значительный объем анализируемого в статье текстового корпуса позволяет считать объективными полученные результаты и проецировать выводы на историю русской пунктуации, выходя за пределы регионального материала.

Ключевые слова

Пунктуация, история русского языка, принципы русской пунктуации, язык документа, скоропись, лингвистический анализ текста, XVIII век, грамматика, формуляр.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-78-100

Введение

Настоящая статья продолжает представление результатов исследования русской пунктуации второй половины XVIII в. (периода правления Екатерины II, 1762-1796 гг.) на материале скорописных тюменских документов, опубликованных в [15, 16]. Общая характеристика выявленной пунктуационной ситуации, а также выводы, вытекающие из формулярного аспекта изучения пунктуации в региональных распорядительных, просительных и докладных документах, наиболее частотных в архивных фондах, представлены в [17-19]. Авторские наблюдения за использованием знаков препинания в деловом тексте начального периода формирования русского литературного языка дополняют сведения о русской пунктуации в ее диахронии, известные из ставшей классической [1, 5-8, 20, 21-23] и из новейшей [24] научной литературы.

Материал исследования

Количественные характеристики материала исследования

Исследованию в количественном аспекте был подвергнут текстовый корпус, состоящий из 381 документа. Количество слов в одном документе — от 39 (ярлык солдату Вавилову и его жене о бытии их на исповеди от 5 апреля 1786 г. [15, с. 535]) до 4 944 (определение Тюменской воеводской канцелярии по делу о продаже заведомо воровской меди из Талицкого казенного завода от 14 ноября 1777 г. [15, с. 289-305]). Общий объем корпуса — 118 986 слов, средний размер текста — 312 слов.

Анализируемые документы примерно равноценно в количественном отношении представляют четыре десятилетия: от 89 текстов 1762-1769 гг.; 104 текстов 1770-1779 гг.; 113 текстов 1780-1789 гг. — до 75 документов 1790-1796 гг.

Почти каждый пятый документ корпуса не содержит знаков препинания (обозначим такие «беззнаковые» документы ЗП–): всего 71 текст, или 18,6%. В первое екатерининское десятилетие среди тюменских документов таковым был практически каждый третий документ (35,9%). Начиная со второго десятилетия доля подобных деловых текстов резко уменьшается (примерно в три раза), и эта ситуация сохраняется до конца исследуемого периода — до 1796 г. (12,5; 13,3 и 14,6%).

Объем текстов ЗП– варьируется в следующих пределах (приводя ниже аннотированные наименования документов, мы преследуем цель введения читателя в конситуацию исторической деловой коммуникации — в круг региональных проблем, решавшихся посредством документов различной жанровой принадлежности):

- от 60 (просьба присыльных Иванова, Лобанова и Киприянова о положении их в подушный оклад от 16 марта 1767 г. [15, с. 386-387]) до 1 010 слов (копия с определения Тюменской воеводской канцелярии о вызове желающих работать на дощаниках от 24 октября 1762 г. [15, с. 271-274]) в первое десятилетие;
- от 40 (расписка казака Алиса Миманова о подряде в караул от 5 июня 1771 г. [15, с. 438]) до 228 слов (промемория из Тюменской воеводской канцелярии в Тюменскую комендантскую канцелярию о подготовке ко вскрытию льда на реке Туре от 28 марта 1778 г. [15, с. 381-382]) — во второе;
- от 39 (ярлык солдату Вавилову и его жене о бытии их на исповеди от 5 апреля 1786 г.; [15, с. 535]) до 231 слова (лист о преступнике крестьянине Даниле Инечкине от 3 января 1786 г. [15, с. 205-206]) — в третье;
- от 55 (сообщение из Тобольского земского суда о поселщице Егоре Гончарове от 14 июня 1792 г. [15, с. 469-470]) до 480 слов (объявление мещанина Василия Кадошникова о драке в Сенном питейном доме и о краже у него лошади и саней от 24 января 1793 г. [15, с. 242-244]) — в последнее.

Наглядное представление об общей в исследуемом корпусе тенденции к уменьшению к концу XVIII в. верхней границы объема «беззнаковых» документов (при сохранении нижней границы) дает диаграмма на рис. 1, демонстрирующая и резкое изменение анализируемого параметра с 1770-х гг.

Таким образом, документ, не имеющий ни одного знака препинания, в исследуемом корпусе может содержать от 39 до 1 010 слов. Однако подобный объем текста, как свидетельствует знакомство с представленными в статье и прочими архивными материалами, не был коммуникативным препятствием для провинциальной деловой переписки и канцелярского делопроизводства XVIII в. Одной из причин этого, вероятно, можно предположить наличие у небольшого круга ролевых (в административной иерархии) субъектов (адресантов и адресатов) деловой коммуникации общих фоновых, экстралингвистических, затекстовых знаний о предметах речи, которым посвящены документы, их общее пребывание в единой конситуации.

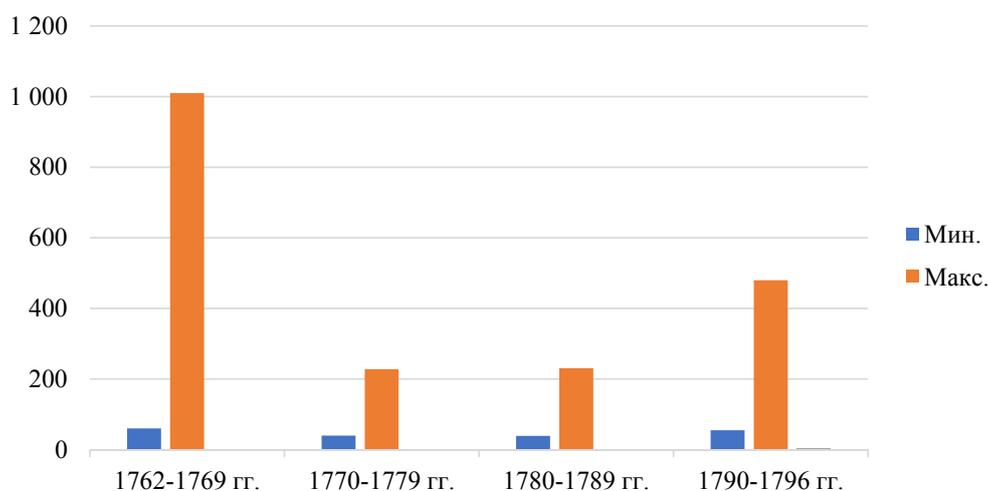


Рис. 1. Минимальный и максимальный объем документа ЗП– (количество слов в тексте)

Fig. 1. Minimum and maximum length of a document that does not contain punctuation marks

Текстовые иллюстрации и комментарий к ним

Приведем два примера текста ЗП–. Публикуемые ниже архивные документы (с указанием прямой чертой конца строки, двумя — абзацного членения), публикующиеся впервые, не были учтены при подсчетах выше.

Ордеръ || тюменско^а казацко^а команде || всходственность присланно^а ко^мне |
 јзтюменско^а воево^аско^а канцеляри | промеморіи для принуждения | стро-
 ющи^ася втюменско^а ведо^астве | казенны^а дощенико^а прапорному | Голенец-
 ко^{му} приказать явится | втюменской воеводской ка^ацеляриі Андрей Устьян-
 цо^а | октя^абря 7 дня | 1765 го^у [3, л. 1].

Данный документ, формуляр которого включает в себя последовательно реквизиты «Самоназвание» (N), «Адресат» (A), «Текст» (T = K + П, где K — казусная часть, П — прагматическая часть), «Подпись» (Ps) и «Дата», в синтаксическом отношении равный одному распространенному инфинитивному предложению с предикатом *приказать*, в сегодняшнем пунктуационном оформлении требует только финальной точки перед реквизитом «Подпись», исполненным рукой тюменского коменданта Андрея Устьянцова. Представляется, что в связи со своим небольшим объемом и порядком слов, соответствующим современной норме, текст воспринимается читателем достаточно легко.

Предваряя публикацию второго документа, начальный протокол которого демонстрирует последовательность реквизитов S — A — N, обратим внимание читателя на наше дополнительное «вмешательство» в реквизит «Текст» — включение знака * в начало каждой новой предикативной части, а также выделение полужирным кеглем скреп (сочинительных и подчинительных союзов, союзных слов) на границах предикативных частей.

Истюменскаго городского магистрата || тюменски^м городнически^м деламъ ||
 сообще^ние || Сего 1787 года ноября 15 ^ч сообще^ние^н тюменско^н ниже^н
 земско^н | су^д требова^н присылке вооной | для допроса попроизводимому |
 следствию города Тюмени ме^шанской жены Мавры Карпавой | дочери
 Решетниковой здочерью | Татьяной *оче^н порезолюци^и | сего городского
 магистрата | того* 15 ^ч показанной мешанской | жены Решетниковой му^ж
 меша^нинь Андрей Григорьевъ Решетнико^в | призва^н *ио^него та ево жена |
 здочерью Татьяной требованы | внепродолжително^м времени | налицо
 4* приче^н оной Решетнико^в | скаскою показа^н *что^н той ево | жены Мавры
 Карпиной и дочери | Татьяны н^нъ придоме ево | Решетникова вгороде
 Тюмени | не^неетца *игде находятца *неиз^весте^н *жителства ани ^нмели
 Тюменской округи заселом Покро^вски^м вселени^и *авкако^м *незнаеть |
 *гдеж^ь жо^н Андрей никогда небыва^н || *Того ради втюменскомъ | городово^м
 магистрате ОПРЕ^делено взнание втюменской | нижней земском су^д со-
 общить *жсообщено | стемъ *что^б благоволено было *ежел^ь сказанная | жена
 Мавра Карпова идочь ее | Татьяна потребны *то *какъ | попоказанию мужа
 ее Андрея | Решетникова *что^н оная ево жена | здочерью Татьяной напре^д
 сего | имели жителство засело^м Покро^вски^м вселени^и *потому^н и^х
 вТю^менской округе чрезь кого прина^длежить сыскивать *аотаково^м же |
 сыску вгороде Тюмени ^нтюменски^м городнически^м дела^м сообщить | *и со-
 общается *очемъ оные городнические | дела иблаговолять учинить поука-
 зо^м | ноября 17 дня 1787 года | бургомистъ Степанъ Масловъ | ратманъ
 Матвеи Стукаловъ | канцеляристъ Ява^н Головко^в [2, л. 833-834].

Сообщение 1787 г., записанное канцеляристом Иваном Головковым и собственноручно подписанное двумя представителями городской власти, для современного реципиента является коммуникативной проблемой. Попробуем преодолеть ее, рассмотрев формально-грамматическую структуру текста.

В грамматическом отношении текст представляет собой сложную синтаксическую конструкцию, состоящую из 21 (или 20) предикативной(ых) части(ей), грамматическую семантику которой можно представить в схематическом виде (используя квадратные скобки для предикативных частей, связанных сочинительной или бессоюзной связью и круглые — для придаточных частей) следующим образом (в двух вариантах):

[1] о чем (2) и [3] причем [4; *показал*] что (5) и [7; *неизвестен*] где (6) [8; *в селении*] а [10; *не знает*] в каком (9) где ж (11) Того ради [12 *с тем*] и [13] чтоб (14) ежел^ь (15) то [16] как (17) что (18) потому [16] а [19] и [20] о чем (21)

[1] о чем (2) и [3] причем [4; *показал*] что (5) и [7; *неизвестен*] где (6) [8; *в селении*] а [10; *не знает*] в каком (9) где ж (11) Того ради [12 *с тем*] и [13] чтоб (14) ежел^ь (15) то [16; *по показанию*] что (17) а [18] и [19] о чем (20)

Как состав скреп — шесть сочинительных союзов (*и, и, а, и, а, и*), пять подчинительных (*что, чтоб, ежел^ь, то, что*), семь союзных слов (*о чем, причем,*

где, в каком, где, того ради, о чем), так и семантика придаточных частей — четыре изъяснительных, три присоединительных, по одному определительному, целевому и условному (все — активно функционирующие в структуре современных русских текстов), затруднения не вызывают и способствуют достаточно комфортному восприятию содержания текста.

Дискуссионными представляются два взаимосвязанных момента (в частности, вследствие скорописной природы текста, в котором служебные слова писались слитно со знаменательными):

- 1) функция в союзном сочетании *токакь* второй его части, союза *как* — союза со значением логического обоснования (= *так как*) в структуре сложного предложения или вводного компонента со значением указания на источник информации. От решения вопроса и зависит количество предикативных частей. Однако в первом случае оказывается, что текст содержит следы грамматического переконструирования: грамматическая основа оказывается дефектной вследствие появления девербатива *показание: как показал муж → по показанию мужа*;
- 2) следовательно, в связи со слитным написанием *потому*, спорной является и морфологическая природа этого слова/словоформы: местоименного наречия *потому* в функции лексического конкретизатора причинно-следственных отношений при бессоюзной связи предикативных частей (при условии, что *как* — причинный союз и придаточные 17, 18 находятся в интерпозиции главной для них части 16) — или же указательного местоимения *по тому* <показанию> в функции согласованного определения — в этом случае союз *как* рассматриваем как показатель вводного словосочетания.

«Восстанавливая» в тексте (в результате пунктуационного эксперимента) знаки препинания, включаем в текст четыре запятые для оформления уточняющих членов предложения (<...> *ево, Решетникова, в городе* <...>; <...> *он, Андрей, никогда* <...>), 22 запятые на границах предикативных частей и две точки: в конце казусной части пред скрепой *Того ради*, начинающей прагматическую часть, знаком некоторой автономности которой в оригинале является употребление прописной буквы и неполная запись на предыдущей строке текста, что можно воспринять как аналог абзацного членения текста. Вероятно, эти знаки препинания могли бы значительно облегчить для «чужого» реципиента восприятие содержания как этого, так и подобных ему документов. Но документ как экстралингвистический феномен изначально не предполагает вторжения в него «чужого», являясь «кодом связи» между своими, «посвященными», взаимодействующими в соответствии с установленными традициями, нормами и правилами.

Методы исследования

Таким образом, перед исследователем («чужим») встает вопрос выявления норм и правил, обеспечивающих корректное прочтение текста и, следовательно, раскрытие когнитивного потенциала скорописного документа. К таковым в теории источниковедения, традиционным предметом изучения которого является именно

письменный текст, относится, в частности, понятие абстрактного и конкретного формуляра и устойчивых клаузул в формуляре документа определенного вида [4, с. 257]. Однако лингвистический взгляд на письменную природу делового текста актуализирует дискурсивную проблему специфики коммуникантов, взаимодействующих в административно-правовом поле: во-первых, адресанта документа, который, как правило, «складывается» из субъекта устной речи и субъекта письма; во-вторых, адресата документа, способного извлекать из текста необходимую для него информацию, опираясь как на собственные пресуппозиции, так и на знаки текста, в том числе пунктуационные (хотя, как показывает приведенное выше «беззнаковое» сообщение 1787 г., эффект деловой коммуникации мог быть достигнут и без их «помощи»). Следовательно, для исследователя значимой (хотя бы в перспективе) может быть характеристика коммуникантов по их отношению к смыслам, передаваемым посредством знаков препинания, т. е. пунктуационная выучка, или по их участию в формировании пунктуационной ситуации, под которой понимается «совокупность определенных условий, складывающихся в данном контексте письменной речи и стимулирующих или требующих применения определенных пунктуационных средств» [10, с. 6].

Впрочем, исходя из сложившейся к XVIII в. практики обучения провинциальных канцелярских служителей письму посредством переписывания (копирования) существовавших уже документов, как правило, «дефектных» (с современной точки зрения) в пунктуационном отношении, становление — для каждого субъекта письма — личной пунктуационной системы оказывалось длительным процессом.

Таким образом, пунктуационная проблематика оказывается связанной с такой, по выражению Ю. В. Рождественского, «центральной семиотической проблемой», как сложные, исторически изменчивые «отношения между письменной и устной речью» [12, с. 310], не существующие без участия в них субъекта, для которого «членение письменного текста» *не/не обязательно* (выделено нами — О. Т.) предполагает «устное воплощение данного текста до, во время или после процесса письма» [10, с. 6]. Для «обобщенного» же субъекта письменной речи XVIII в. на протяжении всего века всё более актуальной становится проблема раздельного написания служебных и знаменательных слов, т. е. проблема пробела — «одного из исходных понятий при функциональном аспекте анализа пунктуации» [10, с. 6]. По словам А. Б. Пеньковского и Б. С. Шварцкопфа, «пунктуационный знак накладывается на пробел; в связи с этим историю русской пунктуации можно было бы представить как историю выделения и последовательного заполнения пунктуационно значимых пробелов» [10, с. 7].

Пример «грамматически прозрачного» тюменского сообщения 1787 г. может быть «исходной» иллюстрацией для тезиса Т. М. Николаевой о том, что в современной письменной речи «о подлинной функциональной сущности пунктуационных знаков можно говорить лишь на фоне определенным образом структурированного лексико-грамматического состава предложения. Иерархия при этом такова, что определенные (маркированные) союзы оказываются сильнее поставленного пунктуационного знака, сильнее которого оказывается также и маркированный

лексический состав» [9, с. 32]. В тюменском тексте маркированными (семантическими) являются целевой и условный союзы, на уровне же лексического состава предикативных единиц — лексика (глаголы, прилагательное и девербатив *показал, не знает, неизвестен, по показанию*) со значением интеллектуальной деятельности, вводящая во вторичный авторский текст первичную чужую речь других субъектов и коррелирующая с жанром документа *сообщение*. Таким образом, для субъекта письма все пунктуационные знаки оказались избыточными (в том числе не имеющими коммуникативной значимости). В отношении же «денотативной значимости» потенциальной пунктуации следует сказать, что в тексте нет «активной арены действия для пунктуационных знаков» [9, с. 32], т. е. предложений с немаркированными союзами и таким же лексическим составом.

Исходя из вышесказанного, цель настоящего (ретроспективного, исходя из современной пунктуационной системы) исследования русской пунктуации мы видим в рассмотрении этой «активной арены действия», т. е. в изучении условий постановки/непостановки знака препинания (иначе, обнаруживающего в исторической перспективе перехода от факультативности к нормативности знака), с учетом формально-грамматического, семантического, жанрового и формулярного аспектов анализа документного текста.

Исследование проведено в рамках корпусной лингвистики с элементами когнитивной лингвистики, с использованием сравнительно-исторического метода и контент-анализа. Специфика материала исследования предполагает использование грамматико-дипломатического метода, в основе которого — формулярный анализ документа, рассматриваемого как последовательности реквизитов [4, с. 259]. Представленные в статье результаты получены благодаря методике количественных подсчетов, экспериментальным исследованиям и презентованы в трех таблицах и четырех диаграммах.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Набор знаков препинания и их частотность

В результате анализа опубликованных документов определено, что в арсенале тюменских субъектов письма екатерининской эпохи было 11 знаков препинания (а также — в редких случаях — пропуск строки и абзацное членение текста, сопровождаемое цифровой нумерацией с использованием одинарной круглой скобки, двойных круглых скобок, одинарных или двойных кавычек или точки после арабской цифры).

Самый частотный знак — запятая, на долю которой приходится около 58% всех знаков в исследуемом корпусе; далее — по убывающей — двоеточие (около 17%), точка с запятой (14,4%) и срока в разных вариантах (:|), (.|) и (|.), всего 8,6%. На финальные точку, вопросительный и восклицательный знак приходится всего около 2% пунктуационных знаков корпуса [19]. Кроме указанных девяти одинарных знаков, фиксируем в 11 документах — парные квадратные скобки (чаще как знак правки, вычеркивания текста, реже — вставной конструкции), в трех — фигурные скобки (как знак вставки), например:

<...> о҃ ЕГО | ПРЕОЩЕНСТВА генераль маіоръ леибъ | гвардіи примерь
маіору сибирскому губер|натору ковалеру г҃дну Чичерину [о҃ его | превос-
ходительства] къ ЕГО ПРЕОЩЕНЬСТВУ <...> [15, с. 370].

Документы, имеющие знаки препинания, содержат их, как и ожидается, в разном количестве. Подсчеты свидетельствуют, что в среднем в екатерининскую эпоху из проанализированных сибирских документов ЗП+ 17,1% имеют только один (любой) знак препинания, хотя в 1762-1769 гг. таких документов было в два раза больше. При этом по такому количественному параметру текста, как количество слов, которое «держится» одним знаком препинания, на протяжении 34 лет наблюдается общая тенденция к уменьшению максимального объема текста, что демонстрирует диаграмма на рис. 2.

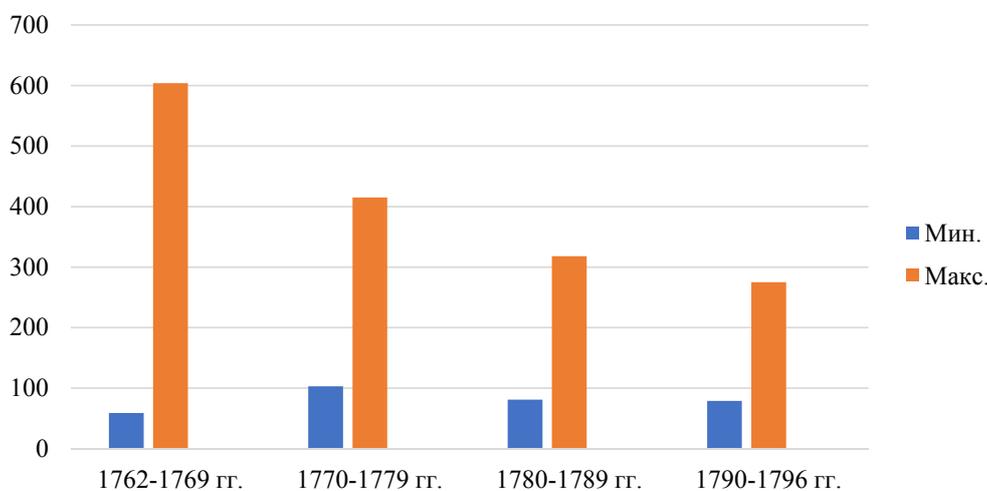


Рис. 2. Минимальный и максимальный объем документа ЗП+ (количество слов в тексте) с одним знаком препинания

Fig. 2. Minimum and maximum size of a document without punctuation marks + (number of words in the text) with one punctuation mark

В документах корпуса, имеющих только один знак препинания, в 1762-1769 гг. преобладает двоеточие, в 1770-1779 гг. — двоеточие и запятая, в последующем — запятая. При этом в тексте, содержащем только запятые, их могло быть (по десятилетиям) до 20/22 /26 /18 знаков (что свидетельствует о полифункциональности запятой), в то время как двоеточий (как единственного типа знака) в тексте могло быть до шести, прочих знаков, как правило, один-два. Доля «монотекстов», т. е. документов, в пунктуационном оформлении которых используется только один тип знака, к концу исследуемого 34-летнего этапа уменьшается почти в полтора раза: с 57,4 до 39,1% (хотя в 1770-1789 гг. «монотекстом» был примерно каждый четвертый документ). Иначе говоря, мы наблюдаем тенденцию к расширению набора (до пяти разных) знаков препинания в одном сибирском деловом тексте — в разной их сочетаемости — к концу XVIII в. (см. таблицу 1).

Таблица 1

Распределение знаков препинания
в документах ЗП+

Table 1

Distribution of punctuation marks
in documents punctuation mark +

Период	Количество документов										
	В документе набор, состоящий из ... знаков										
	одного (только данный знак)							разных			
	,	:	:	;	.	.	всего текстов	2	3	4	5
1762-1769 гг.	5	13	6	5	1	1	31 (57,4%)	12	8	3	—
1770-1779 гг.	9	9	5	2	—	—	25 (28,1%)	32	21	9	2
1780-1789 гг.	14	7	3	3	—	—	27 (26,5%)	34	25	9	3
1790-1796 гг.	19	1	3	2	—	—	25 (39,1%)	26	9	3	1
В корпусе	47	30	17	12	1	1	108 (35,4%)	104	63	24	6

Общее количественное представление о пунктуационной ситуации в региональном (тюменском) деловом тексте второй половины XVIII в. по материалам исследуемой базы данных можно получить из диаграммы на рис. 3.

Главный вывод, который позволяет сделать диаграмма на рис. 3, заключается в том, что екатерининскую эпоху в истории русской пунктуации (по крайней мере на ограниченном корпусном материале) можно разделить на три периода: «относительно беззнаковое» начало (1762-1769 гг.), «многозначную» середину (1770-1789 гг.) и «стремящийся к минимализму» конец эпохи (1790-1796 гг.).

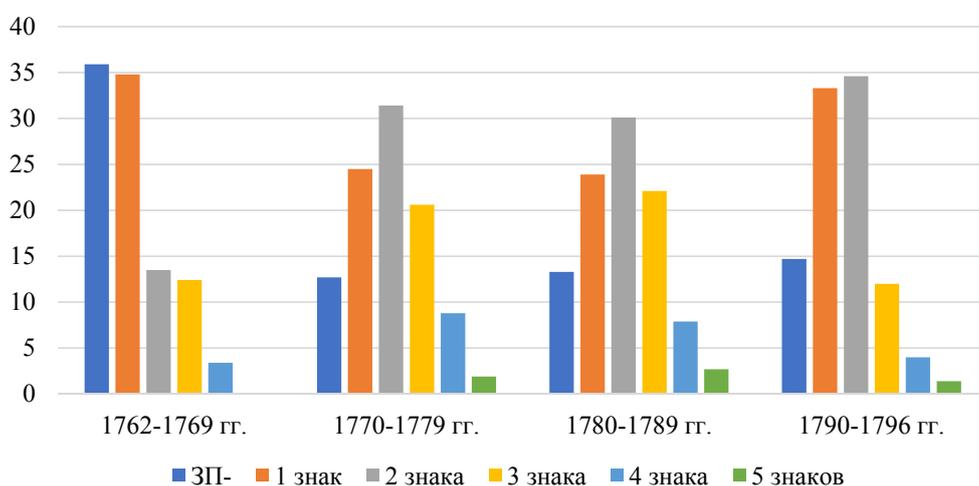


Рис. 3. Доли документов с различным количеством знаков препинания

Fig. 3. Fractions of documents with different numbers of punctuation marks

Обратим внимание, что документы, в которых использован набор из четырех-пяти разных знаков, составляют в среднем 9,9% текстов (от 5,5 до 12,4%). В подавляющем большинстве это вторичные документы, составленные на основании входящей документации, — выписки, наставления, определения, сообщения, хотя встречаются и записи устной речи в виде единичных допросов, просьб, челобитных, что позволяет поставить вопрос скорее о пунктуационной выучке писца, чем о жанровой корреляции.

Таким образом, материалы таблицы 1, представленные также тремя диаграммами на рис. 1-3, в общем коррелируют с данными в [18, 19], позволяя называть начало екатерининской эпохи по тюменским документам периодом двоеточия, а конец — периодом запятой. Точка как предикативный знак препинания продолжает во всем корпусе оставаться невостребованной.

Эти обобщенные по десятилетиям показатели, конечно же, демонстрируют только направление развития пунктуационной картины русского делового текста и нуждаются в проверке с учетом жанровых характеристик делового текста.

2. Анализ пунктуации документов в жанровом аспекте

Наблюдения показывают, что признак «беззнаковости» документа (ЗП–) в большинстве случаев по-разному соотносится с его жанровой (видовой) характеристикой [19]. При этом достаточно жесткую корреляцию обнаруживают только купчие крепости, в которых — в пяти из семи опубликованных (документы 1764-1792 гг.) в [15] — отсутствуют знаки препинания. Тексты других жанров (аттестат, выбор, ярлык) с общим для всех них признаком (ЗП–) представлены в корпусе единичными примерами, в связи с чем мы исключаем их из сферы исследования.

Купчие крепости являют собой предельно формализованный жанр, с постоянным набором клаузул в их жесткой последовательности, достаточно стабильным лексическим составом и набором синтаксических конструкций. Переменными составляющими в них являются имена собственные и количественные параметры, занимающие в тексте небольшой объем, при этом коммуникантам заранее известно, в каком месте документа и в какой форме они должны быть представлены. Составлением купчих занимались исключительно профессиональные писцы (подьячие и копиисты) — в отличие от возможных непрофессиональных субъектов письма в таких документах, как выбор, сообщение, подписка. Все анализируемые купчие записаны в журнале, т. е. являются записками (равнозначными копиями) по отношению к документам, которые были получены на руки, что показывает, в частности, реквизит «Подпись»:

<...> К сей запи^ккъ вместо Анны Гу^ревой сынъ бо^ярской Петр^ь Дворя^нской про^бою ея руку приложилъ | а по^линную крепость к себ^ь взяла того^ж числа [15, с. 196];

<...> К сей запи^кке тюменской поса^нской | Стефан^ь Стукалов^ь руку приложи^л а по^лин^н|ную крепо^{ть} к себе взя^л того^ж чи^сла [15, с. 198].

Таким образом, только две купчие крепости из семи относятся к документам ЗП+. В одной из них фиксируем два двоеточия, которыми разграничены композиционные блоки: 1) собственно текстовая часть документа и блок подписей (контрагентов заключенного договора и присутствовавших свидетелей); 2) блок подписей и блок помет о пошлинах, т. е. текстовые фрагменты, принадлежащие разным — в том числе по их правому функционалу — субъектам речи. В купчей 1792 г. сохраняется тот же принцип: срока :| разграничивает композиционные блоки формуляра, но внутри текста, записанного первым атрибутированным почерком (И. Сухорева), знаков препинания нет. Этот документ позволяет поставить вопрос об индивидуальной пунктуационной выучке писца: сведения о пошлинах записаны вторым атрибутированным почерком (С. Пуртова), и здесь запятыми сопровождаются почти все однородные члены предложения и означает граница последней предикативной части:

<...> Сию купчую крепость писалъ Тюменской | нижеи расправы канцеляри^{ст} и крепостны^х дель | писець Иванъ Сухоревъ запрещенія нетъ а что сверху п^рво^а страницы между пя^на^цатои и шес^на^цатои строками написано улица тому верить | 1792^{го} года июня 18^{го} дня сия купчая | крепость в Тюменской нижней расправе | явлена и въ книгу записана пошлин^а | по пяти копеекъ с рубля четыре | рубли, о^т писма пятнатца^т о^т запис^ки пятнатца^т, за переходныя страницы тритцать, за восьми^{гривенной} листъ сем^десять копее^к | итого пять рублей тритцать | копеекъ, принялъ и сове^ршилъ | на^тсмотрящикъ канцеляристъ Спиридонъ Пу^ртовъ [15, с. 203].

Материалы, позволяющие более детально проследить соотношение жанровой (видовой) природы и пунктуационной картины делового текста, приведены в таблице 2. В нее включены сведения о документах 13 жанров, представленных в корпусе десятью и более текстами. Жанровые разновидности (ЖР) документов рассмотрим в соответствии с их прагматической направленностью:

- 1) распорядительные и рекомендательные:
 - а) адресованные внешнему адресату с категорическим (ордер, указ) или смягченным (предложение) волеизъявлением,
 - б) внутриканцелярские документы (копия с журнала, определение);
- 2) просительные (доношение, челобитная);
- 3) докладные:
 - а) межканцелярские (промемория),
 - б) служебные (рапорт),
 - в) «свободные» (объявление, подписка, сообщение, допрос).

Некоторые выводы, которые можно сформулировать по материалам таблицы 2:

- 1) в группу документов, отличающихся максимальным объемом текста, который «держится» одним (любым) знаком препинания, входят в первую очередь подписки (как правило, составленные и записанные «на местах» представителями местного населения, т. е. непрофессиональными субъектами

Таблица 2

Употребление знаков препинания
в документах разных жанров

Table 2

Use of punctuation marks
in documents of different genres

ЖР	Жанр (всего текстов), гг.	Тексты ЗП— (%)	Знаков во всей жанровой совокупности (%)							В среднем слов на знак
			,	:	;!	;	.	.	всего	
1а	ордер (10), 1766-1777	—	42,8	37,6	2,3	10,5	5,3	1,5	100	11,74
	указ (18), 1762-1796	5,6	78,2	2,4	5,6	12,2	1,6	—	100	38,2
	предложение (10), 1765-1790	—	85,4	2,1	5,2	4,2	2,1	1	100	22,93
1б	копия с журнала (18), 1762-1786	16,7	23,1	59,6	15,5	—	0,9	0,9	100	75,08
	определение (20), 1762-1787	20	54,1	21,4	3,2	16,4	4,9	—	100	55,11
2	доношение (26), 1762-1796	26,9	65,1	14,8	3,8	13,4	2,4	0,5	100	42,16
	челобитная (11), 1762-1796	27,3	42,3	32,7	21,2	3,8	—	—	100	69,33
3а	промемория (15), 1762-1780	20	64,4	9,6	8,6	13,6	2,9	0,9	100	34,85
3б	рапорт (26), 1763-1796	26,9	68,5	17,7	5,7	7,3	—	0,8	100	34,56
3в	объявление (28), 1763-1793	10,7	54,3	15	11,4	18,6	—	0,7	100	51,02
	подписка (12), 1766-1795	25	70,7	5,8	5,8	11,9	—	5,8	100	79,94
	сообщение (21), 1768-1796	14,3	78,7	5,5	9,4	—	4,6	1,8	100	36,01
	допрос (17), 1763-1796	11,8	71,2	12,8	1,8	13,2	—	1	100	50,95

- письма), затем копии с журнала (субъект письма в которых — всегда канцелярист) и челобитные (из 11 челобитных девять записаны действующими и отставными канцелярскими копиистами). Документы этих же жанров относятся к текстам с максимальными показателями признака ЗП–;
- 2) больше всего текстов ЗП– среди просительных документов, что можно объяснить, с одной стороны, непрофессионализмом субъекта письма — подчиненного должностного лица — при создании им доношений; с другой — узаконенным формуляром челобитных [11, с. 6-8], которые писались, как правило, канцелярскими служащими (две «беззнаковые» челобитные из корпуса записаны копиистами, одна — казачьим сотником); в челобитных (как и в купчих крепостях) повторяется — из одного документа в другой — значительная часть клаузул. Таким образом, наличие жесткого формуляра могло выступать причиной «ненужности» пунктуационного оформления документа, в том числе для профессиональных писцов;
 - 3) причиной отсутствия знаков препинания в распорядительных и докладных документах могли выступать дискурсивые особенности деловой коммуникации. Так, каждая пятая промемория (являющаяся разновидностью внутриканцелярских вторичных документов, не имеющих ни внутренних, ни внешних адресатов) относится к текстам ЗП–;
 - 4) самыми пунктуационно насыщенными оказались распорядительные документы от персонифицированных адресантов — представителей высшей власти (губернатора, обер-коменданта и др.): в среднем один знак «удерживает» в ордере 11,74 слова и в предложении 22,93 слова. Указ как жанровая разновидность распорядительных документов (часто имеющих коллективного адресанта, например, воеводскую или комендантскую канцелярию) характеризуется, хоть и незначительным в сравнении с документами иной прагматической направленности, наличием текстов (ЗП–);
 - 5) только в копии с журнала самым частотным (почти 60%) и полифункциональным является двоеточие; в остальных — запятая. При этом в документах четырех жанров (указ, предложение, сообщение, допрос) на запятую приходится более 70% всех занятых знаком пробелов, что также может свидетельствовать о полифункциональности знака;
 - 6) о неслучайности точки как значимого знака препинания можно говорить на материале документов трех жанров: ордера, определения — выражающих волеизъявление персонифицированной и коллегиальной власти, а также такого относительно свободного в клаузуальном и субъектном отношении жанра, как сообщение.

3. Отдельные результаты исследования в грамматическом аспекте

Приняв за точку отсчета «беззнаковый» текст сообщения 1787 г., записанного И. Головковым, проследим по корпусу частотность использования знаков препинания в грамматически значимых в предложении (тексте) местах перед следующими скрепами:

- 1) перед местоимением — союзным словом *о чем* — при введении придаточного присоединительного;
- 2) перед союзом / союзным словом *что (што)* — при введении в текст придаточных изъяснительных;
- 3) перед целевым союзом *чтоб (штоб), чтобы*;
- 4) перед условным союзом *ежели, ежели*;
- 5) перед местоименным наречием — союзным словом *где*;
- 6) перед местоименной скрепой *того (тово, чего) ради*.

Результаты исследования по трем из перечисленных позиций (1, 2, 6), предполагающие от четырех до шести вариантов, представим в диаграмме на рис. 4 «Функционирование знаков препинания в отдельных пунктуационных позициях». По остальным — возможны два варианта: преобладающий — без знака препинания (*чтоб* — 97,2%, *ежели* — 96,8%, *ежели* — 100%, *где* — 98,2%), с запятой — единичные случаи (*чтоб* — 2,8%, *ежели* — 3,2%, *где* — 1,8%).

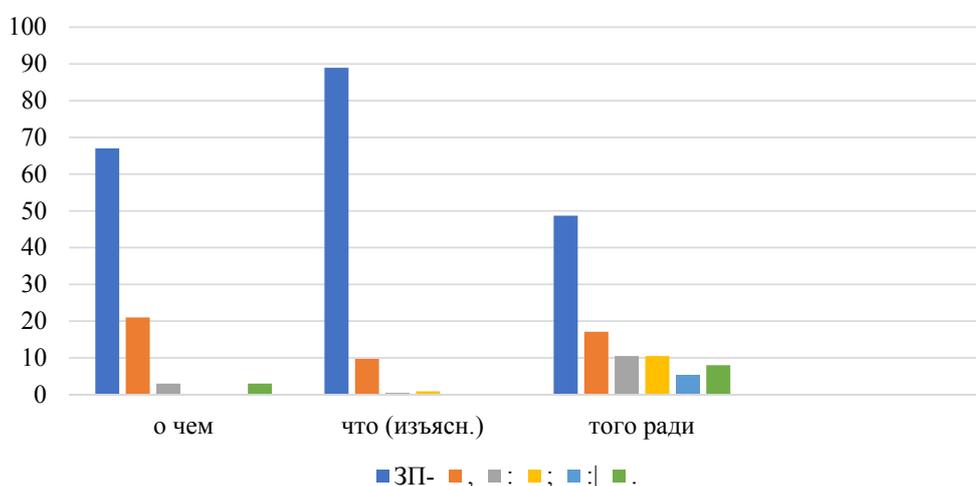


Рис. 4. Функционирование знаков препинания в отдельных пунктуационных позициях

Fig. 4. Functioning of punctuation marks in individual punctuation positions

Как видно из диаграммы на рис. 4, придаточные изъяснительные со скрепой *что* (которые так же, как и придаточные с рассмотренными выше скрепами, входят в состав реквизита «Текст» и, таким образом, не принимают участия в структурировании формуляра документа) чаще всего (88,95%) не имеют знака препинания перед союзом (или союзным словом), однако в корпусе есть неединичные примеры употребления на границе главной и придаточной части запятой (9,7%) и единичные — двух других знаков: точки с запятой и двоеточия (0,9 и 0,45%, при этом при разграничении их, по причине не вполне четкого написания, возможно, допущена неточность).

Скрепки *того ради* и *о чем* реализуют в документе функцию разграничения элементов формуляра и вводят в текст прагматическую часть, в которой меняется субъект речи и волеизъявления. Как показали наши наблюдения [18], для пунктуационного оформления региональных документов второй половины XVIII в. именно формулярный принцип следует считать ведущим. Это положение коррелирует с количественными и качественными (о «репертуаре» знаков) данными, представленными в диаграмме на рис. 4. Отметим также, что в оригиналах документов, независимо от пунктуационного (в том числе абзацного) выделения, скрепа *того ради* [14] часто пишется — вся или только первое слово в ней — прописными буквами, что сразу зрительно ее выделяет и позволяет легче ориентироваться в формуляре, структуре и, соответственно, в содержании документа.

В продолжение начатого в предыдущих статьях исследования рассмотрим обусловленность использования знаков препинания внутри реквизита «Текст», а именно в структуре казусной части, в которой, как правило, цитируются первичные документы и приводятся прецедентные ситуации, на основании которых в прагматической части формулируется волеизъявление адресанта документа. В частности, понаблюдаем, как функционируют знаки препинания в доношении от 20 марта 1773 г. [15, с. 79-81], записанном копиистом Семеном Седаковым (для удобства читателя при табличном варианте (таблица 3) публикации отделим

Таблица 3

**Покорнейшее доношение
из Ялutorовского духовного
правления по делу священника
Федора Зудилова и дьячка Луки
Попова. 20 марта 1773 г.**

Table 3

**Submissive report
from the Yalutorovsk spiritual
government in the case of the priest
Fyodor Zudilov and the deacon Luka
Popov. 20 March 1773**

Реквизит	Количество в документе							
	слов	знаков всего				употреблений		
		есть	должно быть	из них совпадает по		,	:	;
		месту	функции					
	411	16	46	11	8	10	2	4
A	Великому гдну преосщеннѣйшему Варлааму епіпу Tobолскому ѣ Сибирскому							
S	јзъ Ялutorовскаго дховнаго правленія							
N	покорнѣйшее доношеніе,							
K: 1	Прошлаго 1772» года августа 10» дня <...> оґ сщенника Феодора Зудилова и дьячка Луки Попова доношениемъ объявлено;							
2	что ево Зудилова <...> крестьянинъ Ананья Фалковъ напаґ нагло обидиль ево Зудилова, и ругаґ и засѣчь хотѣль косою:							
3	в чемъ он Зудиловъ в обидѣ и просиль <...> капитана Дмитрія Смоґянинова							

Окончание таблицы 3

Table 3 (end)

4, 5, 6	точію <...> Смо ^я яниновъ ему удовольствія не учинилъ да и еще ^ж де тотъ Смо ^я яниновъ приказыва ^н поимать и ^х сщщенно и церковнослужителии лошади на кои ^х ѿ возили городовые бревна:
1	и о прочемъ,
7, 8	почему из ^ъ здѣшняго дѣховнаго правления въ Ялуторовскую канцелярію промеморію с приложениемъ с поданного о ^т сщщенника Зудилова доношения копіи сообщено было, и требовано на то удово ^л ствія ѿ оборонения тому сщщеннику Зудилову <i>і</i> означенному дьячку Лукѣ Попову по законамъ,
9	точію и поинѣ
10	во оной канцеляріи что на оно учинено ль
9	дѣховное правление неизвѣстно;
11	а потомъ тотъ капитанъ Смо ^я яниновъ <...> присла ^н оной же Белозерской слободы Алеѣвской церкви дьячка Луку Попова в закованны ^х колоткахъ яко ^б во уносѣ <...> воровски рукавицъ на по ^л вода ^х под карауломъ
12	которой дьячекъ Поповъ изъ оной канцеляріи присла ^н в дѣховное правленіе при промеморіи к слѣдствию
13	ѿ требовано оною
14	когда тотъ дьячокъ в воровствѣ доказа ^н будетъ
13	учинить с нимъ по законамъ <...>
15	а означенной дьячокъ Поповъ во всемъ показуемомъ допрашиванъ
16	а в допросѣ
17	яко^б онъ укра ^н у него Шмакова рукавицы
16	не признался
18	чего ради во оную канцелярію промеморію было ^ж сообщено
19	и требовано <...> крестьянина Шмакова прислать в дѣховное правление, при депутатѣ;
20	точію оная канцелярія и поинѣ <...> доказателей и депутата не присылаетъ
21	и за таковою неприсылкою помянутой дьячекъ
22	яко болѣе слѣдовать ево нечемъ
21	из дѣховнаго правления и о ^т пуше ^н в домъ свой;
П: 23	ТОГО ради о ^б ономъ Вашему Преосщщенству премилосердому архипастырю Ялуторовское дѣховное правление по ^л инные о ^т сщщенника Зудилова доношение, и произвѣденной о дьячкѣ Лукѣ Поповѣ допросъ при семъ покорнѣишемъ доношеніи на <...> благоразсмотрение <...> представляетъ
S _p	Вашего Преосвяще ^н ства всенижайшии ра ^б протопо ^н Пе ^т ръ Флоро ^в скіи Копіистъ Семѣ ^н Седако ^в
D	Марта, 14, дня 1773 года

служебные слова от знаменательных, полужирным кеглем выделим скрепы предикативных частей, укажем их номера и реквизиты формуляра).

Данный документ интересен в том отношении, что он, во-первых, отличается насыщенностью знаками препинания (в тексте, состоящем из 411 слов, их 16): если, по данным таблицы 2, в документах жанра доношение в среднем один знак препинания «держит» 42,16 слова, то показатель в этом тексте — один из самых низких в своей группе, а именно 25,69 слова. Эксперимент по подстановке требуемых сегодняшними пунктуационными правилами знаков препинания показал, что в документе присутствует 36% от необходимых знаков, при этом имеющиеся знаки в половине случаев корректны и по месту, и по функции.

Во-вторых, на материале этого текста можно говорить о «репертуаре» знаков препинания — в нем 10 запятых, два двоеточия и четыре точки с запятой, при этом (в формулярном аспекте) знаками отмечены конец начального протокола и граница казусной и прагматической части реквизита «Текст». Анализ текста приводит к выводу, что точка с запятой в документе последовательно разделяет содержательные блоки, организованные отношением к входящей информации и соответствующим первичным документам:

- 1а) доношение Ф. Зудилова и Л. Попова (К: 1) → пересказ его содержания (казусная (2) и прагматическая (3) информация) → пересказ последующих событий с теми же участниками (6);
- 1б) *почему* → промемория из духовного правления в Ялуторовскую канцелярию с копией первичного доношения (казусная информация; 7) и требованием (прагматическая; 8);
- 1в) отсутствие в канцелярии реакции на требование промемории (9, 10) — точка с запятой в оригинале;
- 2а) факт присылки Л. Попова в Ялуторовскую канцелярию (казусная информация; 11) → промемория из канцелярии в духовное правление с требованием (прагматическая информация; 12-14);
- 2б) реакция в духовном правлении на событие и промеморию (15-17) → промемория в канцелярию (18) с требованием (прагматическая информация; 19) — точка с запятой в оригинале;
- 2в) отсутствие в канцелярии реакции на требование промемории (20) → вынужденное действие духовного правления (21, 22) — точка с запятой в оригинале;
- 3) конец казусной части документа → (П: 23) действие адресанта → доношение с просьбой о решении адресата.

Таким образом, знаки препинания внутри реквизита «Текст» способствуют дифференциации различных субъектов, имеющих к ним отношение документов и членению каждого из этих документов по модальному основанию (нарратив констатации в казусной части — модальность категорического или смягченного волеизъявления, направленного на предполагаемое/ожидаемое/требуемое в будущем событие, в прагматической).

Заключение

Представленное исследование реальной и потенциальной «арены действия» знаков препинания в корпусе тюменских скорописных деловых текстов второй половины XVIII в. позволило:

- во-первых, подтвердить на новом материале сформулированные нами ранее выводы о преимущественном использовании пунктуационных знаков на границах реквизитов внутри формуляра документа при смене текстовой информации, принадлежащей разным субъектам речи;
- во-вторых, проследить на региональном материале динамику пунктуационной насыщенности документов на протяжении 34-летнего екатерининского периода в истории России;
- в-третьих, исходя из вариативности пунктуационного оформления текстовых фрагментов единой грамматической природы констатировать процесс «поиска» знаками препинания собственной функции при формировании связного текста;
- в-четвертых, выдвинуть гипотезу о дискурсивной обусловленности деловой коммуникации посредством «беззнаковых» документов в связи с ограниченностью круга «посвященных» субъектов устной речи и письма, имеющих общие пресуппозиции;
- в-пятых, подтвердить на историческом материале тезис исследователей о незначительности роли знака препинания для корректного восприятия текстовой информации в структуре синтаксической единицы с маркированными (семантическими) союзами и союзными словами, а также с маркированным лексико-грамматическим составом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валгина Н. С. Русская пунктуация: принципы и назначение / Н. С. Валгина. Москва: Просвещение, 1979. 125 с.
2. ГБУТО ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 191.
3. ГБУТО ГАТО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 86.
4. Данилевский Н. И. и др. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / Н. И. Данилевский и др. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. 702 с.
5. Живов В. М. История языка русской письменности: В 2 томах. Том 1 / В. М. Живов. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 816 с.
6. Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма / Л. Р. Зиндер. Ленинград: Наука, 1987. 112 с.
7. Иванова В. Ф. История и принципы русской пунктуации / В. Ф. Иванова. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1962. 64 с.
8. Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Е. А. Кузьминова, М. Л. Ремнёва. Москва: Издательство МГУ, 2000. 528 с.

9. Николаева Т. М. О функциях пунктуационных знаков в русском языке / Т. М. Николаева // Современная русская пунктуация. Москва: Наука, 1979. С. 26-35.
10. Пеньковский А. Б. Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы / А. Б. Пеньковский, Б. С. Шварцкопф // Современная русская пунктуация. Москва: Наука, 1979. С. 5-25.
11. Полное собрание законов Российской Империи, съ 1649 года. Томъ XVI. Печатано въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 1830. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=69 (дата обращения: 07.06.2021).
12. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию / Ю. В. Рождественский. Москва: Высшая школа, 1990. 381 с.
13. Российская грамматика Михаила Ломоносова. Печатана в Санкт-Петербурге. При Императорской академии наук 1755 года. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book192769/#page/60/mode/1up> (дата обращения 12.05.2021).
14. Трофимова О. В. Того ради и другие союзные средства выражения цели в документах разных жанров (на материале тюменской деловой письменности последней трети XVIII в.) / О. В. Трофимова // Вестник Тюменского государственного университета. 2000. № 4. С. 45-60.
15. Трофимова О. В. Тюменская деловая письменность. 1762-1796 гг.: Книга 2. Памятники тюменской деловой письменности. Из фондов Государственного архива Тюменской области / О. В. Трофимова. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2002. 828 с.
16. Трофимова О. В. Тюменская деловая письменность. 1762-1796 гг.: Книга 3. Тюменские рукописные деловые тексты 1762-1796 гг. в аспектах лингвистики и документоведения: лингвистический анализ текста / О. В. Трофимова. Тюмень: Вектор Бук, 2002. 232 с.
17. Трофимова О. В. Русский документ XVIII века: пунктуация рукописного оригинала и его транслитерированной публикации / О. В. Трофимова // *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica VII. Folia 179*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe UP, 2014. С. 57-71.
18. Трофимова О. В. Исследование пунктуации русского документа в формулярном аспекте (на материале тюменских деловых текстов последней трети XVIII века) / О. В. Трофимова // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск: Томский государственный университет, 2021. № 70. С. 137-165.
19. Трофимова О. В. Особенности пунктуации рукописных деловых текстов (на материале тюменских архивных документов 1762-1796 гг.) / О. В. Трофимова // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 7: Русская пунктуация в коммуникативном аспекте. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2021. С. 59-71.
20. Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке / Б. А. Успенский. Москва: Наука, 1975. 230 с.
21. Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации / А. Б. Шапиро. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955. 398 с.
22. Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка / Н. Л. Шубина. Москва: Академия, 2006. 256 с.
23. Щерба Л. В. Теория русского письма / Л. В. Щерба. Ленинград: Наука, 1983. 134 с.
24. Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 7: Русская пунктуация в коммуникативном аспекте. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2021. 311 с.

Olga V. TROFIMOVA¹

UDC 811.161.1'42

**PUNCTUATION MARKS IN THE REGIONAL BUSINESS TEXT
OF THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY:
ON THE PROBLEM OF THE FORMATION
OF THE RUSSIAN PUNCTUATION SYSTEM**

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian Language and General Linguistics,
University of Tyumen
otrofim@rambler.ru

Abstract

The article presents some results of the study of one of the stages of the formation of the Russian punctuation system. The research material is a corpus of handwritten documents of 1762-1796 from the State Archive of the Tyumen region. The research corpus includes business texts which were published by the author in the Tyumen University Publishing House, as well as documents introduced into scientific circulation for the first time.

The study used grammatical-diplomatic, comparative-historical methods and content analysis, using the method of quantitative calculations, presentation of materials and data obtained in the form of tables and diagrams. Trends in the use of punctuation marks depending on the genre of the document are revealed. It is found that punctuation is mostly associated with the design of the boundaries of the initial protocol, as well as with the change of the modality of the text (from narrative to imperative), presented as a prop "Text" in the structure of an abstract form. It has been established that the reason for the use of punctuation marks in the props "Text" may be the need to designate the boundaries of new information that is included in the document in connection with each new subject of speech. At the same time, the genre (type) is indicated and the content of the primary document is retold, from which new information is extracted. The pragmatic part in the form of the document reflects each

Citation: Trofimova O. V. 2021. "Punctuation Marks in the Regional Business Text of the Second Half of the 18th Century: On the Problem of the Formation of the Russian Punctuation System". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 78-100.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-78-100

new stage in the activities of the office, which is due to the need to resolve the current legal extralinguistic situation.

The variants of punctuation design of subordinate explanatory sentences that contain the pronoun *what* are studied. Such grammatical constructions introduce the indirect speech of another addressee into the text, and therefore they are often included in the structure of written business communication.

A formal grammatical analysis of complex syntactic constructions in two regional documents of 1773 and 1787 was carried out. The principle of selecting texts for research is the presence in the text of punctuation marks in large numbers or their complete absence. This feature of the text may be a consequence of different punctuation literacy of the writer.

The text corpus has a significant volume. The volume of the corpus allows the author of the article to consider that the results obtained on the regional material are objective, and to project conclusions on the history of Russian punctuation as a whole.

Keywords

Russian punctuation, history of the Russian language, principles of Russian punctuation, document language, handwritten writing, linguistic analysis of the text, 18th century, grammar, form.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-78-100

REFERENCES

1. Valgina N. S. 1979. Russian Punctuation: Principles and Purpose. Moscow: Prosveshcheniye. [In Russian]
2. GBUTO GATO. F. I-3. Op. 1. D. 191. [In Russian]
3. GBUTO GATO. F. I-6. Op. 1. D. 86. [In Russian]
4. Danilevskiy N. I. et al. 1998. Source Studies: Theory. History. Method. Sources of Russian History. Moscow: Russian Humanitarian State University. [In Russian]
5. Zhivov V. M. 2017. History of the Language of Russian Writing. In 2 Volumes. Vol. I. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. [In Russian]
6. Zinder L. R. 1987. Essay on the General Theory of Writing. Leningrad: Nauka. [In Russian]
7. Ivanova V. F. 1962. History and Principles of Russian Punctuation. Leningrad: Leningrad University Publishing House. [In Russian]
8. Kuzminova E. A., Remneva M. L. (ed.). 2000. Grammar of Laurentius Zizania and Meletius Smotritsky. Moscow: Moscow State University Publishing House. [In Russian]
9. Nikolaeva T. M. 1979. "On the functions of punctuation marks in the Russian language". In: "Modern Russian punctuation". Moscow: Nauka, pp. 26-35. [In Russian].
10. Penkovsky A. B., Schwarzkopf B. S. 1979. "The experience of describing Russian punctuation as a functional system". Modern Russian Punctuation. Moscow: Nauka. Pp. 5-25. [In Russian]
11. Complete collection of laws of the Russian Empire from 1649. Vol. 16. Printed in Printing House 2 of His Imperial Majesty's Own Chancellery. Accessed on 07 June 2021. http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php [In Russian]

12. Rozhdestvensky Yu. V. 1990. Lectures on General Linguistics. Moscow: Higher School. [In Russian].
13. Mikhail Lomonosov's Russian Grammar. Printed in St. Petersburg. At the Imperial Academy of Sciences in 1755. Accessed on 12 May 2021. <http://www.runivers.ru/bookreader/book192769/#page/60/mode/1up> [In Russian]
14. Trofimova O. V. 2000. "For the sake of and other allied means of expressing goals in different genres (based on the material of the Tyumen business writing system of the 18th century)". Tyumen State University Herald, no. 4, pp. 45-60. [In Russian]
15. Trofimova O. V. 2002. Tyumen Business Writing. 1762-1796: Book 2. Monuments of the Tyumen Business Writing. From the Funds of the State Archive of the Tyumen Region. Tyumen: Tyumen State University Publishing House. [In Russian].
16. Trofimova O. V. 2002. Tyumen Business Writing. 1762-1796: Book 3. Tyumen Handwritten Business Texts 1762-1796 in Aspects of Linguistics and Document Management: Linguistic Text Analysis. Tyumen: Vektor Buk Publishing House. [In Russian]
17. Trofimova O. V. 2014. "Russian document of the 18th century: punctuation of the original manuscript and transliterated publication". *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica* 7. Folia 179. Kraków: Wydawnictwo Naukowe UP. Pp. 57-71. [In Russian]
18. Trofimova O. V. 2021. "The study of punctuation of the Russian document in the formal aspect (based on the Tyumen business texts of the last third of the 18th century)". Tomsk State University Herald. Philology, no. 70, pp. 137-165. [In Russian]
19. Trofimova O. V. 2021. "Features of punctuation of handwritten business texts (based on the Tyumen archival documents of 1762-1796)". *Language and Method*. Vol. 7: The Russian Language in Linguistic Studies of the 21st Century. Russian Punctuation in the Communicative Aspect. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, pp. 59-71. [In Russian].
20. Uspensky B. A. 1975. The First Russian Grammar in the Native Language. Moscow: Nauka. [In Russian]
21. Shapiro A. B. 1955. The Basics of Russian Punctuation. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House. [In Russian]
22. Shubina N. L. 2006. Punctuation of the Modern Russian Language. Moscow: Academia Publishing Centre. [In Russian]
23. Shcherba L. V. 1983. Theory of Russian Writing. Leningrad: Nauka. [In Russian]
24. *Language and method*. Vol. 7: The Russian language in linguistic studies of the 21st century. Russian punctuation in the communicative aspect. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. [In Russian]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Олег Васильевич ЗЫРЯНОВ¹

УДК 82-221

О ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА: КОМЕДИЯ «НА ЗОЛОТОМ ДНЕ» («ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКИ»)

¹ доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
o.v.zyrianov@urfu.ru; ORCID: 0000-0003-3327-8116

Аннотация

В статье представлен опыт обращения к малоизученной части творческого наследия Мамина-Сибиряка — его первому драматическому произведению, пьесе «На золотом дне» («Золотопромышленники»). Прослежена творческая история этого произведения, осуществлен сравнительный анализ печатного журнального варианта пьесы и более поздней редакции, оставшейся в белой рукописи. Отмечен порядок произведенных самим автором изменений жанровых номинаций пьесы (от комедии к драме и бытовой хронике и, обратно, к комедии), раскрыта логика существенной корректировки системы персонажей и природы драматического конфликта, а также смены ведущих аксиологических установок сознания автора-драматурга.

В качестве принципиальной особенности сюжетно-композиционного построения пьесы «На золотом дне» признан осуществленный Маминым синтез романной

Цитирование: Зырянов О. В. О драматургических принципах Д. Н. Мамина-Сибиряка: комедия «На золотом дне» («Золотопромышленники») / О. В. Зырянов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 101-114.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-101-114

и драматической форм, наиболее ярко сказавшийся в его ориентации на театральную традицию «пьес жизни» А. Н. Островского, на панорамное освещение «темного царства» уральских золотопромышленников. В ходе анализа драматического развития действия показано, как комедия социально-бытовых положений органично перетекает в осложненную отдельными мелодраматическими элементами настоящую семейно-психологическую трагедию страстной одержимости и болезненных мучений совести. Акцентирование в духовно-нравственной проблематике пьесы сюжета греха и покаяния, народно-христианского взгляда на природу человека роднит рассматриваемое произведение с народно-притчевой драмой Л. Н. Толстого «Власть тьмы». В заключении высказано предположение о том, что в своей первой пьесе Мамин-драматург уже вплотную подходит к сценическим открытиям экзистенциально-психологической драмы (комедии) А. П. Чехова, что еще более ощутимо проявится в следующем драматическом произведении уральского писателя — комедии «Маленькая правда».

Ключевые слова

Д. Н. Мамин-Сибиряк, комедия «На золотом дне», бытовая хроника, «пьесы жизни» А. Н. Островского, «Власть тьмы» Л. Н. Толстого, психологический конфликт, антропологическая концепция, авторская аксиология.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-101-114

Введение

Д. Н. Мамин-Сибиряк вошел в литературу как автор крупномасштабных эпических форм (романа, повести) и короткого нарратива (очерка, рассказа). Своими повествовательными произведениями он вполне заслуженно перерос статус регионального писателя-беллетриста, закрепив за собой репутацию общероссийского литератора-классика. Наше время только подтверждает актуальность Мамина-Сибиряка, его необходимость для наших современников, о чем свидетельствует и капитальный раздел о творчестве писателя в недавно вышедшем в свет втором томе академической «Истории литературы Урала», выполненном под редакцией Е. К. Созиной [5, с. 1105-1260]. В аспекте акцентированного еще М. М. Пришвиным «родиноведения» (или, по словам самого писателя, «домовитой провинции») актуальность Мамина-прозаика поддерживается прежде всего его приверженностью фундаментальным ценностям (род — семья — религия), которая в русской литературе Нового времени ощутимо дает о себе знать, начиная с «Капитанской дочки» Пушкина [13].

Но в этом отношении самого пристального внимания заслуживает еще одна ипостась Мамина-художника, а именно — драматургия, т. е. такая часть его художественного наследия, которая практически мало известна широкой читательской аудитории. А между тем в 1880-1900-е гг. Маминим были задуманы два десятка пьес разных жанров. Помимо отдельных драматургических опытов

авторству Мамина-Сибиряка принадлежат также заслуживающие внимания критические заметки о театре, как самостоятельные, так и представленные в многочисленных художественных произведениях и письмах [2, 14, 17]. Это особенно важно, так как позволяет проникнуть в «святая святых» творческого сознания писателя-драматурга, лучше понять и оценить его ведущие художественно-эстетические принципы и духовно-ценностные установки.

Высокое представление писателя о роли театра, его поистине просветительно-гуманистической миссии сформировало и требовательное отношение к художественному мастерству драматурга. Мамин-Сибиряк всегда возмущался «драмоделами», которые «внутреннюю бессодержательность и пустоту стремятся заменить внешними эффектами и оригинальничаньем» [1, с. 44], самих же авторов подобного типа он иронически называл «доморощенными Шекспирами» [1, с. 28]. В письмах к издателю журнала «Артист» Ф. А. Куманину Мамин постоянно настаивает на том, что «без языка нет пьесы...» [16, с. 175], говоря же о современной драматургии, с сожалением отмечает, что «о языке нынче и помину нет...» [16, с. 173]. По всей видимости, именно заботой о совершенствовании языка пьесы, желанием придать действующим лицам индивидуальную манеру речевого общения вызвана столь упорная многолетняя работа писателя над своими драматическими произведениями. В сравнении с очерковыми жанрами, рассказами и повестями, которые писались Маминим иногда совсем без черновиков, работа над текстами драматических произведений протекала с очень большими трудностями, о чем свидетельствуют признания самого писателя, зафиксированные как в его письмах [16, с. 174], так и в мемуарных источниках [21, с. 99, 189].

Единственным драматическим произведением Мамина-Сибиряка, которое было опубликовано самим автором и удостоено постановки почти одновременно на Екатеринбургской сцене и в московском театре Корша¹, стала пьеса «На золотом дне» («Золотопромышленники»). Присмотримся более внимательно к эволюции жанровых параметров этой пьесы, к ее сюжетно-композиционной структуре и природе драматургического конфликта, причем, что особенно важно, в текстологическом аспекте ее различных редакций.

Методология

Цель предлагаемого исследования — уяснение эволюции жанровых параметров пьесы «На золотом дне», ее сюжетно-композиционной структуры и природы драматургического конфликта. В методологическом плане для нас особенно важно, что рассмотрение всех указанных вопросов предполагается с учетом текстологических наблюдений, с привлечением различных редакций и вариантов текста. Новаторский характер заявленного подхода определяется тем,

¹ 10 ноября 1887 г. состоялось первое представление «Золотопромышленников» в Екатеринбургском городском театре в бенефис В. А. Великанова. В театре Корша премьера спектакля пришлось на 18 декабря того же года (21 декабря — второй спектакль).

что установление окончательного (дефинитивного) варианта пьесы на сегодняшний день представляет серьезную текстологическую проблему.

Результаты исследования и их обсуждение

Творческая история пьесы «На золотом дне» («Золотопромышленники») связана с целым рядом промежуточных текстов. Филиацию замысла лучше всего проясняет серия рукописных источников, служащих своего рода черновыми проектами будущего произведения, среди которых наброски драм «Ком снега» и «Одиннадцатая заповедь», а также «На золотом дне» (с жанровым обозначением «комедия в пяти действиях») [19, с. 102-105]. Продолжая работу над текстом, Мамин меняет жанровый подзаголовок с «комедии» на «драму». Первоначальная редакция пьесы, являющаяся полной авторской черновой рукописью объемом в 60 листов, создается в Екатеринбурге в период с 13 февраля по 16 мая 1885 г. и имеет заглавие «На золотом дне. Драма в пяти действиях» [7]. Отправляясь из Екатеринбурга в Москву в августе 1885 г., Мамин захватил рукопись своей пьесы, подвергая ее по ходу дополнительной переработке, которая свелась к сокращению количества действий до четырех [8], а также к замене заглавия («Золотопромышленники») и жанрового определения («бытовая хроника») в тексте журнальной публикации [6]. Однако самый поздний по времени вариант текста, претендующий на статус дефинитивного, возвращает исходное название «На золотом дне» и жанровое обозначение «комедия» [9].

Осуществляемая самим драматургом последовательная смена жанровых номинаций (от комедии к драме и, обратно, к комедии) проявляет какие-то важные аспекты идейно-эстетической структуры пьесы. Так, указание на «бытовую хронику» призвано подчеркнуть социально-бытовой характер действия, к тому же обращенный к прошлому. Однако этому не противоречит и жанровое обозначение «комедия», использованное автором, пожалуй, в том же самом смысле, что и в пьесе А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся!» (1850). Заметим при этом, что комедийные элементы в пьесе Мамина-Сибиряка особенно ощутимы в первых трех действиях: монолог проснувшегося в тяжелом похмелье Белоносова, «окружной суд» над Марфой Лукинишной, прячущийся от страха в шкаф Ширинкин, фарсовое соперничество героев-любовников Белоносова и Чепракова (в печатной редакции) и т. п. Однако, заключительное, четвертое действие, напротив, обнаруживает заметное нарастание трагедийных и мелодраматических мотивов, о чем еще пойдет речь в дальнейшем.

То обстоятельство, что более известный под названием «Золотопромышленники» текст, опубликованный автором в журнале «Наблюдатель» (1887, № 10), на самом деле является последней, окончательной редакцией, серьезно осложняет восприятие и оценку данного произведения. К проблемным аспектам рецепции пьесы, представленной сразу же двумя вариантами, следует отнести не только расхождения в заглавии и жанровом определении, но и существенные

изменения сюжетно-композиционного плана, что вызывает необходимость сравнительно-сопоставительного подхода к текстам обоих вариантов¹.

В тематическом отношении пьеса представляет сцены из жизни уральских золотопромышленников. Подобно А. Н. Островскому, который вывел на сцену ярчайшие фигуры замоскворецкого купечества, Мамин-Сибиряк изобразил колоритную среду уральских дельцов-золотопромышленников. Важно отметить, что изображенные в пьесе события получают конкретную географическую привязку: действие происходит в Зауралье, в уездном городе Загорье, что располагается «в Сибири, сейчас за Уральскими горами» [10, с. 8]. В центре внимания автора-драматурга два семейства — разорившегося золотопромышленника Тихона Кондратьевича Молокова и набирающего силу золотопромышленника Ивана Тимофеича Засыпкина.

Действие имеет откровенно криминальный характер. Засыпкин как «хищный тип» лишает дельца Молокова его состояния, используя ради этого различные уловки (замену имени героя псевдонимом, махинации с передачей приисков в аренду, оформление векселей и т. п.), склоняет к брачному сожителству дочь Молокова — Анисью Тихоновну. Еще раньше он обирает семерых братьев Ширинкиных, делая одного из них, Харитона Харитоныча, сначала шутком при Молокове, а потом — посыльным при себе. Превратности судьбы объясняются при этом свойственным золотопромышленникам фартом (фортуной и фатумом одновременно): «В нашем приисковом деле все от счастья зависит: повезло — пан, не повезло — пропал» [10, с. 32]. Как выясняется в последнем, четвертом, действии, Молокову удастся поправить свои финансовые дела, добыв принесший ему удачу золотой прииск. Однако золото не может обеспечить счастье героев. «Мне и своего золота по горло» [10, с. 58], — признается отцу Анисья Тихоновна, вынужденная жить с богатым, но постылым для нее мужем.

Циническую философию обогащения любыми средствами выражает «ходятай по делам», адвокат Белоносов. Находясь при золоте, т. е. при своих клиентах-золотопромышленниках, герой так определяет собственную цель: «... тогда уж я не так буду корчить этих золотопромышленников: как губки, буду выжимать» [10, с. 39]. В более позднем варианте текста, признанном нами за окончательный, Белоносов произносит отдельный внутренний монолог, раскрывающий весь цинизм его жизненной философии и пародийно ориентированный на известное высказывание Гамлета (2 акт, 2 д.): «Удивительно создан белый свет,

¹ По мнению В. Л. Удалова, в качестве основной редакции интересующей нас пьесы следует признать последний по времени вариант белой рукописи [9], о чем впервые было сообщено исследователем в статье «Название новое — „На золотом дне“», опубликованной в газете «Литературная Россия» (21 июня 1969, № 25). Однако в основу всех печатных текстов пьесы Мамина-Сибиряка до сих пор положен текст единственной журнальной публикации (Наблюдатель. 1887. № 10). В дальнейшем мы будем цитировать его по изданию [10] с указанием соответствующих страниц. Обращение к окончательному варианту текста «На золотом дне» [9], сохранившемуся только в белой рукописи, всякий раз будет оговариваться нами особо.

и нет в нем удивительнее скотины, как венец творения, человек... Например, я. Что я такое?.. (Останавливаясь.) Иногда сам себе удивляюсь, ей-богу... Сколько это нахальства и подлости в одном человеке может поместиться, и совести ни капельки» [9, л. 41 об.].

Мамин в высшей степени индивидуализирует характеры действующих лиц. Молоков — это делец старой формации, для которого еще имеет вес и значение купеческое слово, понятие совести и греха. Манерой своего поведения («Всех завяжем в один узел...»; «А это, как уж найдет на меня: хочу милую, хочу разнесу...» [10, с. 58]) герой напоминает известных персонажей из пьес Островского — Большова («Свои люди — сочтемся!») и Дикого («Гроза»). Аналогия с первым поддерживается чисто сюжетным положением (разорение Молокова со стороны Засыпкина, человека, которому он больше всего доверял, который к тому же становится его зятем), тогда как со вторым героя роднит мотив безудержного, в том числе способного к «настоящей злости», сердца. В обращении к Засыпкину Молоков откровенно признается: «Постой, постой, все еще не могу я рассердиться на тебя настоящим манером... <...> Всю дорогу сердился... Ну, приехал сердитый, а тут вот Анисья меня точно расхолодила — нету во мне настоящей злости... Сижу вот и стараюсь на тебя, подлеца, рассердиться, а сердца-то и нет» [10, с. 59]. В качестве прямой параллели данному признанию Молокова в пьесе «Гроза» можно рассмотреть откровенные речи Дикого перед Кабановой: «А вот что: разговори меня, чтобы у меня сердце прошло»; «...да что ж ты мне прикажешь с собой делать, когда у меня сердце такое!» [15, с. 238-239].

Засыпкин же — своего рода параллель Лазарю Подхалюзину (пьеса «Свои люди — сочтемся!»), вариант «русского Тартюфа» — поражает прежде всего своей лицемерной сущностью. При случае он не стесняется помянуть Бога всуе, утверждая, что разбогател, потому что «бог счастья послал» [10, с. 32]. Однако, как объясняется из сюжета пьесы, все его обогащение строится исключительно на обмане ближних — братьев Ширинкиных, позднее дельца Молокова. Именно в осуждающих словах Молокова начинает звучать характеризующий героя мотив больной или отсутствующей совести: «Совесть это тебя мучает, зятюшка»; «Ваня, да где же у тебя совесть-то?» [10, с. 42, 49]. На совести Засыпкина в прошлом смерть двух предыдущих жен, а ныне — моральное угнетение, в том числе и постоянными ревнивыми подозрениями, молодой жены Анисьи. Садистические нотки проскальзывают в его откровенном признании о том, что «сперва из человека нужно все жилы вытянуть, чтобы он чувствовал, чтобы он ползал перед тобой, как червь, ноги бы целовал...» [10, с. 48-49]. В состоянии ревности герой готов убить изменяющую ему Анисью, у которой закручивается роман с молодым приказчиком Васей Воротовым. Положение самого Воротова, незаконного сына Засыпкина, живущего в доме на правах воспитанника, осложняется (также во многом по вине отца) инцестуальной связью с его дочерью Леной.

Примечательно, что в рецензии на постановку пьесы 10 ноября 1887 г. на сцене Екатеринбургского театра отмечалось, что «знаток Урала, г. Мамин раскрыл его главную болячку, смело показав страшную язву, разъедающую его

жизнь и отравляющую кровь и душу способного населения. <...> Он проник в недры *здешиного темного царства* (курсив наш — О. З.) и осветил его правдивым словом» [4]. Использование уже ставшего традиционным применительно именно к пьесам А. Н. Островского выражения «темное царство» представляется здесь далеко не случайным.

По мнению В. Л. Удалова, сюжет пьесы не оформляется в некую последовательную систему, а, представляя собой разомкнутую интригу, или разнонаправленные волевые усилия героев, выражает как бы естественное «течение самой жизни» [18, с. 92; 20]. За внешним планом объективно-социальных столкновений просматривается более важный план — раскрытие внутреннего мира героев, духовных качеств действующих лиц. Сюжет комедии, по мнению исследователя, предполагает некое равноправие действующих лиц — при разном объеме сценического пространства, занимаемого тем или иным героем [18, с. 95]. Однако отмеченная сценическая особенность свойственна не только пьесе Мамина, она вполне согласуется и с особым строем драматических произведений Островского, по точному определению Н. А. Добролюбова, «не комедий интриг и не комедий характеров», а именно «пьес жизни» [3, с. 302].

Вслед за А. Н. Островским Мамин-Сибиряк выходит к решению важнейшей социально-нравственной и морально-религиозной задачи — проникновения в психологию героев, подпавших под власть золотого тельца и преступивших в своем страстном наваждении через этико-религиозные нормы, присущие русскому народу. Губительность воздействия желтого металла на душу человека приобретает поистине символический разворот в начале 3-го действия, в сцене обсуждения героями Белоносковым и Марфой Лукинишной (женой Молокова) истории царя Мидаса — с уникальным даром последнего превращать все, к чему он ни притронется, в золото. Присоединяющаяся к обсуждению этого вопроса старая нянька Мосевна озвучивает народно-христианский взгляд на участь мифологического царя, привнося в свою речь уже готовые этико-религиозные максимы: «Грех один от этого золота...» [10, с. 39]. Получающая притчевое выражение участь царя Мидаса объясняет драматизм судьбы героев, зараженных «золотой» болезнью, подверженных «медленной отраве», которая неизбежно покрывает «живого человека мертвящей ржавчиной» [12, с. 363], что вполне согласуется с аксиологической позицией самого автора — драматурга и романиста в одном лице.

В изображении сценических персонажей, можно сказать, даже в самой антропологической концепции Мамина-Сибиряка, что подтверждает опыт не только его драматургии, но и романно-повествовательных жанров, наряду с социально-нравственной проблематикой ярко проступает и проблематика духовно-экзистенциальная, проявляющая себя по большей части в любовном конфликте. Так, охватывающая сценических героев сильная любовная страсть, во-первых, изображается как безудержное наваждение, граничащее с греховной одержимостью, а во-вторых, влечет за собой страшные мучения совести, ситуацию раскаяния и потенциального (чаще всего проблематического) духовного преображения.

Социальная драма постепенно осложняется внутренним психологическим конфликтом. Начиная уже со второго действия пьесы Мамин-драматург круто меняет акценты: на передний план выходит образ Анисьи Тихоновны и ее страсть к Васе Воротову. Параллельно, особенно ощутимо с третьего действия, проявляется метаморфоза Воротова от «зверства» к покаянию, разрыв его мятушейся натуры между двумя возлюбленными — Анисьей и Леной (дочерью Засыпкина). К любовно-аффективным линиям *Анисья — Воротов, Воротов — Лена* добавляется еще одна — *Засыпкин — Анисья*, достигающая своего разрешения в последнем, четвертом действии. Таким образом, комедия социально-бытовых положений органично перетекает в осложненную отдельными мелодраматическими элементами настоящую семейно-психологическую трагедию страстей и совести — с непременно запрограммированным в финале катарсическим эффектом.

По ходу действия пьесы одержимость героев страстями лишает их «самостояния» личности, переводит в откровенно зооморфный план. Приоткрывающиеся при этом inferнальные коннотации говорят сами за себя: так, Анисья Тихоновна неоднократно сближается со «змеей» [10, с. 50, 62], Засыпкин — с «медведем» [10, с. 41], Воротов — с «волком» [10, с. 45]. Но при этом стоит заметить, что даже такой герой, как Засыпкин, вынашивающий в мыслях план убийства неверной жены, воображает себя в качестве не преступника-индивидуалиста, а способного к соборному раскаянию народного разбойника, способного поклониться «на все четыре стороны народу православному» [10, с. 52]. Действительно, Мамину важно акцентировать многогранность человеческих характеров, динамику их развития. Показательно, что практически все герои в пьесе удостаиваются отдельных внутренних монологов, в которых ощутимы поистине страдальческие, покаянные ноты: Анисья Тихоновна (1 д., явл. 11; 2 д., явл. 5), Лена (д. 2, явл. 11, д. 4, явл. 4), Засыпкин (д. 2, явл. 9; д. 4, явл. 2, 11, 13).

Даже у такого злодея, как Засыпкин, любовь к дочери Лене становится решающим фактором, подготавливающим возможность его внутреннего преобразования [10, с. 31]. Выход героя к финальному покаянию, зафиксированному в печатной редакции пьесы, в этом контексте получал свое хотя бы частичное объяснение, но на более поздних этапах редакционной правки это объяснение, по всей видимости, уже не могло удовлетворить автора полностью. Показательно, что откровенное в своей религиозной направленности признание Засыпкина о «великих божиих угодниках, настоящих праведниках, которые спасали даже самых великих грешников» [10, с. 59], равно как и весь религиозный смысл финальной реплики героя с признанием собственных грехов и желанием раскаяния [10, с. 63], в более поздней редакции пьесы, признанной нами за окончательную, самим автором совершенно изымаются из текста. Вместо этого в окончательной редакции значится: «Постой, Анисья. *(Берет ее за руку и указывает на Воротова.)* Это мой незаконный сын...» [9, л. 61 об.] Изменения вызваны соблюдением логики характера, приданием ей все более реалистических мотивировок.

То же самое можно сказать и о другом герое — Васе Воротове. Вина перед Леной заставляет и его испытывать мучительные угрызения совести, а в финале пьесы даже выйти к публичному раскаянию, броситься на колени перед Засыпкиным. Единственный персонаж, который в своем любовном наваждении и гордыне оказывается не способен к раскаянию, — это Анисья Тихоновна. Но особая роль в нравственно-религиозной концепции пьесы отводится такому, казалось бы, второстепенному персонажу, как Ширинкин. Именно он, несмотря на весь комизм своего шутовского положения (сначала при Молокове, а потом и Засыпкине), выступает с христианским призывом к героям «утишить свое сердце» [10, с. 36], с проникновенным словом самоотверженной любви и милости: «Все мы люди грешные... на всех на нас грехов-то, как черемухового цветку, а только надо прощать-с... всем прощать-с...» [10, с. 60].

Именно здесь (особо это подчеркнем) намечается типологическое сходство Мамина-Сибиряка с Л. Толстым, автором народной драмы «Власть тьмы» (1886). Сюжет греха и покаяния, проведенный через всю пьесу народно-христианский взгляд на вещи делает вполне обоснованными следующие параллели мужских и женских персонажей: Василий — Никита, Ширинкин — Аким, Лена — Марина. Важно также, что между отдельными действиями у Мамина, равно как и у Толстого, протекает значительный период времени. Так, у Толстого между действиями проходит, соответственно, 6 месяцев, дважды по 9 месяцев, т. е. в общей сложности не менее двух лет. У Мамина также важны хронологические рамки. Так, между первым и вторым действиями протекает около 7 месяцев. Из 4-го действия выясняется, что, скрываясь от закона, «под псевдонимом» Молоков высидал не менее трех лет, т. е. основное действие пьесы охватывает также примерно два года. Причем, Мамин использует эти временные сдвиги даже с большим психологическим эффектом, чем Толстой. Особенно ярко это проявляется в обрисовке характеров Анисьи Тихоновны, Василия Воротова и Засыпкина. Даже Марфа Лукинишна, забитая супруга Молокова, в 3-м действии дивится обретенному ею свободному характеру общения, что в самом начале пьесы представить было просто невозможно. Освоенный в рамках повествовательных жанров опыт романизации Мамин-Сибиряк успешно применяет и к решению новых задач, стоящих перед современным ему сценическим искусством.

Заключение

Как мы пытались показать, растянувшаяся не менее чем на три года (с февраля 1885-го по май 1888-го) работа Мамина-Сибиряка над текстом его первой пьесы «На золотом дне» («Золотопромышленники») сводилась не только к существенной доработке языка сценических персонажей, но также к изменению жанровых номинаций, актантно-образной системы и природы конфликта, самих аксиологических установок сознания автора-драматурга. Так, в позднейшей редакции пьесы устраняется образ Чебыкина, во многом дублирующий сюжетную роль Белоносова, явственнее проводятся психологические мотивировки (прежде всего в образе Засыпкина), происходит частичное возвращение к решению финала еще

более ранних редакций текста с акцентировкой линии незаконнорожденного сына Засыпкина — Васи Воротова. Все это придает сценическому действию большую центростремительную динамику и цельность. Но важнее при этом, пожалуй, даже другое — принципиальные особенности сюжетно-композиционного своеобразия пьесы, вытекающие из доминирующей установки автора на синтез романной и драматической форм.

Отталкиваясь от традиции театра А. Н. Островского, Мамин-Сибиряк как драматург пытался продвинуться еще дальше в плане освоения природы драматического конфликта и аксиологических основ художественной типизации. Так, развивая и в какой-то степени корректируя точку зрения В. Л. Удалова, Е. А. Шпаковская справедливо отмечает сходства в построении конфликта в пьесах Мамина-Сибиряка и Чехова [22, с. 45]. Однако, следует заметить, что чеховское начало в первой пьесе Мамина-драматурга проявляет себя еще в достаточно редуцированном виде, чего, кстати, уже нельзя сказать о его второй пьесе «Маленькая правда» (но это тема отдельного исследования). Подобное совмещение разнонаправленных и к тому же разновременных традиций — Островского и Чехова (следует помнить также о зафиксированной нами параллели с драматургией Л. Толстого) — представляется наиболее адекватным для понимания сценических особенностей первого драматургического опыта Мамина-Сибиряка — его пьесы «На золотом дне» («Золотопромышленники»). Само движение от первой пьесы ко второй знаменует крепнущую тенденцию драматургии уральского писателя — движение к синтезу романной и драматической форм, учет достижений предшествующей театральной традиции, в первую очередь, «пьес жизни» Островского, и освоение новых сценических принципов народно-притчевой драмы «Власть тьмы» Л. Толстого и экзистенциально-психологической драмы (комедии) Чехова с осязательно проявленным лирическим подтекстом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников / сост. Б. Д. Удинцев. Свердловск: Кн. изд-во, 1962. 351 с.
2. Д. Н. Мамин-Сибиряк и театр («Мир — театр, в нем все... — актеры...»): путеводитель по выставке / сост. Р. С. Галеева, Н. П. Крякунова; Объединенный музей писателей Урала. Екатеринбург, 2007. 112 с.
3. Добролюбов Н. А. Собр. сочинений: в 3 т. Т. 3 / Н. А. Добролюбов. Москва: Художественная литература, 1987. 871 с.
4. Заезжий. Екатеринбургский театр. (Золотопромышленники. Комедия Д. Н. Мамина // Деловой корреспондент. 1887. № 176 (14 ноября).
5. История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. проф. Е. К. Созиной. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2021. Кн. 1. 664 с.; Кн. 2. 776 с.
6. Мамин-Сибиряк Д. Н. Золотопромышленники. Бытовая хроника в 4-х действиях / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Наблюдатель. 1887. № 10. С. 5-68.

7. [Мамин-Сибиряк Д. Н.] На золотом дне. Драма в пяти действиях / [Мамин-Сибиряк Д. Н.] // ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1-60 об. Рукопись.
8. [Мамин-Сибиряк Д. Н.] На золотом дне. Драма в четырех действиях / [Мамин-Сибиряк Д. Н.] // РГАЛИ. Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1-66 об. Рукопись.
9. [Мамин-Сибиряк Д. Н.] На золотом дне. Комедия в 4-х действиях / [Мамин-Сибиряк Д. Н.] // ОР и РК СПбГТБ (Отдел рукописей и редкой книги С.-Петербургской государственной театральной библиотеки). № 33021. Л. 1-61 об. Рукопись.
10. Мамин-Сибиряк Д. Н. Золотопромышленники / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. сочинений: в 12 т. Т. 6. Свердловск: Свердловское областное государственное издательство, 1949. С. 7-63.
11. Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. сочинений: в 12 т. Т. 10 / Д. Н. Мамин-Сибиряк. Свердловск: Свердловское областное государственное издательство, 1951. 372 с.
12. Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. сочинений: в 20 т. Т. 3 / Д. Н. Мамин-Сибиряк. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. 996 с.
13. Медведев А. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в дневниковой рефлексии М. М. Пришвина / А. А. Медведев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. № 2 (187). С. 122-134.
14. Миночкина Л. И. Вопросы театральной жизни и эстетики в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка / Л. И. Миночкина // Русская литература 1870-1890-х годов. Эстетика и метод: сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. С. 131-142.
15. Островский А. Н. Полн. собр. сочинений: в 12 т. Т. 2 / А. Н. Островский. Москва: Искусство, 1974. 808 с.
16. Удалов В. Л. Новое о Мамине-Сибиряке — драматурге (письма писателя в редакцию журнала «Артист») / В. Л. Удалов // Русская литература. 1968. № 1. С. 170-176.
17. Удалов В. Л. Д. Н. Мамин-Сибиряк о театре и драме / В. Л. Удалов // Русская литература 1870-1890-х годов. Сб. 3. Свердловск, 1970. С. 134-154.
18. Удалов В. Л. Сюжет и конфликт комедии Д. Н. Мамина-Сибиряка «На золотом дне» / В. Л. Удалов // Русская литература 1870-1890 годов. Сб. 4. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1971. С. 87-109.
19. Удалов В. Л. Д. Н. Мамин-Сибиряк — драматург: дисс. ... канд. филол. наук / В. Л. Удалов. Киев: Киевский гос. пед. ун-т., 1972. 267 с. [Рукопись]
20. Удалов В. Л. Пьеса Д. Н. Мамина-Сибиряка «На золотом дне» — финальная редакция «Золотопромышленников» / В. Л. Удалов // Уральский исторический вестник. 2012. № 1. С. 97-102.
21. Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов. Характеры и суждения / Ф. Ф. Фидлер. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. 928 с.
22. Шпаковская Е. А. «Золотопромышленники» Д. Н. Мамина-Сибиряка: поэтика драматургии / Е. А. Шпаковская // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры Уральского государственного университета. 1995-1996. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 40-53.

Oleg V. ZYRYANOV¹

UDC 82-221

**ABOUT DRAMATURGICAL PRINCIPLES
OF D. N. MAMIN-SIBIRYAK:
COMEDY “THE OWNERS OF GOLD MINES”**

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian and Foreign Literature,
Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
o.v.zyrianov@urfu.ru; ORCID: 0000-0003-3327-8116

Abstract

The article presents the experience of referring to the little-studied part of the creative heritage of Mamin-Sibiryak — his first dramatic work, the play “The Owners of Gold Mines”. The creative history of this work is traced, a comparative analysis of the printed magazine version of the play and the later edition, which remained in the white manuscript, is carried out. The author made the order of the changes in the genre nominations of the play by himself (from comedy to drama and everyday chronicle and, vice versa, to comedy). The logic of significant adjustment of the system of characters and the nature of the dramatic conflict, as well as the change in the leading axiological attitudes of the author-playwright's consciousness, is revealed.

As a fundamental feature of the plot-compositional construction of the play “The Owners of Gold Mines”, Mamin's synthesis of novel and dramatic forms was recognized, which was most clearly manifested in his orientation towards the theatrical tradition of the “plays of life” of A. N. Ostrovsky, on panoramic illumination of the “dark kingdom” gold miners. In the course of the analysis of the dramatic development of the action, it is shown how the comedy of social and everyday situations organically flows into a real family-psychological tragedy of passionate obsession and painful conscience, complicated by individual melodramatic elements. The emphasis in the spiritual and moral issues of the play on the plot

Citation: Zyryanov O. V. 2021. “About Dramaturgical Principles of D. N. Mamin-Sibiryak: Comedy ‘The Owners of Gold Mines’”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 101-114.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-101-114

of sin and repentance, of the popular Christian view of human nature makes the work in question related to the folk parable drama of L. N. Tolstoy “The Power of Darkness”. In the conclusion, it is suggested that in the first play, Mamin the playwright is already coming close to the stage discoveries of the existential psychological drama (comedy) of A. P. Chekhov, which will be even more tangibly manifested in the next dramatic work of the Ural writer — the comedy “Little Truth”.

Keywords

D. N. Mamin-Sibiriyak, comedy “The Owners of Gold Mines”, household chronicle, “plays of life” by A. N. Ostrovsky, “The Power of Darkness” by L. N. Tolstoy, psychological conflict, anthropological concept, author’s axiology.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-101-114

REFERENCES

1. Udintsev B. D. (ed.). 1962. D. N. Mamin-Sibiriyak in the Memoirs of Contemporaries. Sverdlovsk: Book Publishing House. 351 p. [In Russian]
2. Galeeva R. S., Kryakunova N. P. (ed.). 2007. D. N. Mamin-Sibiriyak and Theater (“The World is a Theater, in It All... Are Actors...”): A Guide to the Exhibition. United Museum of Writers of the Urals. Yekaterinburg. 112 p. [In Russian]
3. Dobrolyubov N. A. 1987. Collected Works in 3 Volumes. Vol. 3. Moscow: Fiction Publishing House. 871 p. [In Russian]
4. Business correspondent. 1887. Visiting. Yekaterinburg theater. (Gold miners. Comedy of D. N. Mamin-Sibiriyak). No. 176 (November 14). [In Russian]
5. Sozina E. K. (ed.). 2021. The History of Literature of the Urals. The 19th Century in 2 Books. Moscow: YASK Publishing House. Book 1. 664 p.; Book 2. 776 p. [In Russian]
6. Mamin-Sibiriyak D. N. 1887. “The owners of gold mines. Household chronicle in 4 acts”. Observer, no. 10, pp. 5-68. [In Russian]
7. [Mamin-Sibiriyak D. N.] “On the Golden Bottom. Drama in five acts”. State Archives of the Sverdlovsk Region. F. 136. Op. 1. D. 34. Pp. 1-60. [In Russian]
8. [Mamin-Sibiriyak D. N.] “On the Golden Bottom. Drama in four acts”. Russian State Archives of Literature and Art. F. 136. Op. 1. D. 12. Pp. 1-66. [In Russian]
9. [Mamin-Sibiriyak D. N.] “On the Golden Bottom. Comedy in 4 acts”. Department of Manuscripts and Rare Books of the St. Petersburg State Theater Library. No. 33021. Pp. 1-61. [In Russian]
10. Mamin-Sibiriyak D. N. 1949. “The Owners of Gold Mines”. Mamin-Sibiriyak D. N. Collected Works in 12 Volumes. Vol. 6. Sverdlovsk: Sverdlovsk Regional State Publishing House. Pp. 7-63. [In Russian]
11. Mamin-Sibiriyak D. N. 1951. Collected Works in 12 Volumes. Vol. 10. Sverdlovsk: Sverdlovsk Regional State Publishing House. 372 p. [In Russian]
12. Mamin-Sibiriyak D. N. 2007. Complete Collected Works in 20 Volumes. Vol. 3. Yekaterinburg: Bank of cultural information. 996 p. [In Russian]

13. Medvedev A. A. 2019. "D. N. Mamin-Sibiryak in the diary reflection of M. M. Prishvin". *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, no. 2 (187), pp. 122-134. [In Russian]
14. Minochkina L. I. 1987. "Questions of theatrical life and aesthetics in the works of D. N. Mamin-Sibiryak". *Russian Literature of the 1870-1890s. Aesthetics and Method*. Sverdlovsk: Ural University Publishing House. Pp. 131-142. [In Russian]
15. Ostrovsky A. N. 1974. *Complete Collected Works in 12 Volumes. Vol. 2*. Moscow: Art. 808 p. [In Russian]
16. Udalov V. L. 1968. "New about Mamin-Sibiryak — playwright (letters from the writer to the editorial office of the magazine 'Artist')". *Russian Literature*, no. 1, pp. 170-176. [In Russian]
17. Udalov V. L. 1970. "D. N. Mamin-Sibiryak about theater and drama". *Russian Literature of the 1870-1890s. Vol. 3*. Sverdlovsk: Ural University Publishing House. Pp. 134-154. [In Russian]
18. Udalov V. L. 1971. "The plot and conflict of the comedy D. N. Mamin-Sibiryak 'On a golden Bottom'". *Russian Literature of the 1870-1890s. Vol. 4*. Sverdlovsk: Ural University Publishing House. Pp. 87-109. [In Russian]
19. Udalov V. L. 1972. "D. N. Mamin-Sibiryak — playwright". *Cand. Sci. (Philol.) diss.* Kiev. 267 p. [In Russian]
20. Udalov V. L. 2012. "The play of D. N. Mamin-Sibiryak 'On the Golden Bottom' — the final version of the 'The Owners of Gold Mines'". *Ural Historical Herald*, no. 1, pp. 97-102. [In Russian]
21. Fidler F. F. 2008. *From the World of Writers. Characters and Judgments*. Moscow: New literary review. 928 p. [In Russian]
22. Shpakovskaya E. A. 1997. "'Gold Miners' by D. N. Mamin-Sibiryak: Poetics of drama". *Yearbook of the Research Institute of Russian Culture of the Ural State University. 1995-1996*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. Pp. 40-53. [In Russian]

Наталья Борисовна ГРАМАТЧИКОВА¹

УДК 821.161.1+82.0

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ
МАЛОГО УРАЛЬСКОГО ГОРОДА:
ОБРАЗЫ ИРБИТСКОЙ ЯРМАРКИ
В ОЧЕРКИСТИКЕ XIX ВЕКА**

¹ кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник, Центр истории литературы,
Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
n.gramatchikova@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2585-7399

Аннотация

Статья посвящена ключевому образу историко-культурного ландшафта Ирбита — ирбитской ярмарке. На материале очерков XIX века рассмотрены три основные тенденции в изображении ярмарочных сезонов Ирбита, которые выступают как доминирующие в разные десятилетия. В экономических очерках Е. А. Вердеревского и А. Г. Хитрова впервые были определены отличительные особенности Ирбитской ярмарки, заявлены важные для торгующего сообщества темы «доверия» и «загадки» ярмарки. Вторая тенденция описания, развивающаяся в письмах Е. А. Вердеревского и путевых очерках Н. Д. Телешова, разрабатывала образ ярмарочного сезона как карнавала, предоставляя богатый материал для осмысления ярмарки как дистопии (М. Фуко), с особыми пространственно-временными отношениями, взаимосвязью изолированности и проницаемости. Третья тенденция изображения обнаруживается в очерках уральцев Д. Н. Мамина-Сибиряка и К. Д. Носилова, направленных на оздоровление общественных нравов. В их текстах ярмарка становится своеобразным провоцирующим ландшафтом, одновременно притягивающим и отталкивающим авторов.

На протяжении всей истории Ирбитская ярмарка сохраняет привлекательность для этнографов, литераторов и фольклористов в качестве репрезентации широкого спектра

Цитирование: Граматчикова Н. Б. Историко-культурный ландшафт малого уральского города: образы ирбитской ярмарки в очеркистике XIX века / Н. Б. Граматчикова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 115-135.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-115-135

социальных слоев и этнических групп. При этом единого нарратива о ярмарке не складывается. К концу XIX века уральская литература сосредоточена на описании и разоблачении стихийных разрушительных сил, овладевающих сообществом и человеком в дни ярмарки, тогда как именно в это время местное купеческое сословие использует язык архитектуры для манифестирования собственной коллективной идентичности.

Нарастающий разрыв обнаруживает свою принципиальность во время радикального переосмысления историко-культурного наследия Ирбита в 1920-1930-е гг.

Статья соединяет локальные «ярмарочные сюжеты», сопоставляет взгляды «извне» и «изнутри», уплотняет описание регионального литературного контекста.

Ключевые слова

Ярмарка, очеркистика, дистопия, провоцирующий ландшафт, купечество, образ города, травелог.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-115-135

Введение

Под историко-культурным ландшафтом (далее — ИКЛ) мы понимаем исторически сложившийся на определенной территории своеобразный природно-культурный комплекс, признаваемый обществом в качестве объекта культурного и природного наследия, т. е. наделенный ценностным содержанием. Понятие историко-культурного ландшафта позволяет нам рассматривать эволюционную составляющую культурного ландшафта, как его понимает культурная география [10].

Работая с концептуализацией территории в литературных произведениях, мы наблюдаем двусторонний процесс: с одной стороны, художественная образность буквально напитывается «плотью и кровью» места, с другой — происходит овеществление ментальной образности текстов в реальных физических объектах. Взаимопроникновение материального и ментального образует плотный культурный ландшафт, обладающий способностью и потребностью быть прочитанным, как внешним, так и внутренним, «местным» читателем. Механизмы связи различного рода «текстов», если понимать их широко, в значении кодов или языков, образующих ИКЛ, чрезвычайно интересны в каждом конкретном случае: они позволяют объяснить разную судьбу мест, прояснить работу памяти, а также сопоставить ряд проективных и ретроспективных образных проекций места, запечатленных текстуально.

В данном случае мы сосредоточимся на амбивалентности историко-культурного ландшафта Ирбита — одного из старейших городов Урала и Зауралья, и на вкладе литературы в его формирование. В настоящее время Ирбит входит в состав Свердловской области, население его составляет около 36 000 человек, что позволяет рассматривать его как малый уральский город. Однако в прошлом Ирбит был уездным городом Пермской губернии и благодаря своему географическому положению — почти на равном расстоянии к северу (около 200 км) между Екатеринбургом

и Тюменью — в большинстве источников XIX века зовется городом сибирским или зауральским. Свообразие и сезонность хозяйственной жизни горожан были определены богатой дореволюционной ярмарочной историей, сформировавшей сильную локальную идентичность. Советская же история Ирбита содержала как унифицирующие факторы (прекращение активной торговой ярмарочной деятельности, размещение в городе эвакуированных промышленных предприятий и др.), так и уникальные, обеспечившие городу неофициальное звание «мотоциклетной столицы России».

Ирбеевская слобода, основанная в 1631 году, получила статус города по указу Екатерины II, таким образом отметившей экономические успехи и верность престолу ирбитского купечества. Готовясь к столетию этого события, в 1874 году ирбитчане заказали проект памятника императрице М. О. Микешину, автору известного памятника Екатерине Великой в Санкт-Петербурге. Бронзовый памятник Екатерине был установлен в феврале 1883 года на Торговой площади (позднее — Екатерининской), став одной из символических доминант локальной идентичности и репрезентацией сословной гордости купечества.

Ярмарочная специализация определила характер планировки и архитектурных доминант города после опустошительного пожара 1790 года: пять улиц-лучей сходились к просторной центральной торговой площади с гостиним двором и собором, напоминая «невский трезубец» Санкт-Петербурга. Для центральной части города была характерна квартальная планировочная структура¹. Таким образом, в ирбитской топографии закрепляется несколько сюжетов, подчеркивающих связь города со столицей.

Ирбитская зимняя ярмарка, первоначально проводившаяся на Богоявление, открывала ярмарочный сезон России, пробуя спрос и цены на предстоящий сезон. По оборотам ирбитская ярмарка была второй в России, уступая только нижегородской (летней и «водной»), а по темпам роста опережала ее. Географическое положение Ирбита позволяло ему связывать не только Европейскую Россию и Урал с Сибирью, но и малопродуктивный север с производящим югом, совмещая узловой сборный, узловой распределительный и оптовый типы ярмарочной торговли [7, с. 144].

Методология

В статье рассматривается литературная проекция историко-культурного ландшафта Ирбита. Методология исследования носит междисциплинарный характер: с одной стороны, она основывается на классических для литературоведения методах анализа художественного мира литературного произведения, его мотивной

¹ К сохранившимся до наших дней сооружениям ярмарочного комплекса относятся Сретенская церковь, здания торговых рядов и Пассаж. Во второй половине XIX века архитектурный облик города определялся каменными купеческими домами, зданием казначейства, уездной земской управы, почто-телеграфной конторой, земской аптеки, мужской и женской гимназии, торговыми постройками купцов Агафуровых, С. Т. Морозова, Д. В. Зязина.

и образной структуры. С другой стороны, рассматриваются образы, формирующие «образы места» для «своих» и «чужих», как их понимают культурная география и имагология, обращающиеся и к нехудожественным текстам. Используемые методы позволяют обогатить арсенал филологического исследования антропологическими категориями и изучать эмоциональные режимы повествования, типах взаимодействия с ландшафтом и др.

Результаты исследования и их обсуждение

Своеобразие ирбитской ярмарки в очерках историко-экономического характера

Во второй половине XIX века ярмарки становятся не только пунктом отчета в экономическом обороте губернии, но и привлекают людей из других сословий, чаще всего проезжих литераторов и чиновников, склонных к этнографии и бытописанию.

Насколько нам известно, первым развернутым очерком об Ирбитской ярмарке, включающим в себя элементы анализа экономического и культурного своеобразия города-ярмарки стал очерк писателя и чиновника Евграфа Алексеевича Вердеревского (1825-1867), в 1847-1850 гг. служившего чиновником особых поручений при пермском губернаторе. Очерк начинающего литератора под названием «Ирбитская ярмарка» был опубликован в «Отечественных записках» под псевдонимом Е. Вер-кой¹.

Оказавшись в «далеком конце нашей великой Руси», Вердеревский избирает в качестве первой «чрезвычайно-местной (local)» описываемой достопримечательности «любопытное зрелище полу-восточной, полудикой Ирбитской ярмарки» [4, с. 1]². В добротном историко-экономическом обзоре автор впервые формулирует важнейшие черты, определяющие своеобразие ирбитской торговли: относясь к оборотам нижегородской ярмарки как 3 к 5, т. е. занимая второе место в России, ирбитская ярмарка является «погранично-сибирским рынком» [4, с. 3], насыщающим Сибирь «мануфактурно-русскими произведениями» [4, с. 7], и одновременно — постоянным пунктом местного торгового значения, так как местные товары составляют до 1/7 всего ярмарочного привоза [4, с. 5]. Вердеревский приходит к заключению, что главные двигатели Ирбитской ярмарки — это предметы роскоши [4, с. 9] и оптовый характер торговли.

В современных публикациях специфика ярмарочной торговли Ирбита определяется подобным же образом: выделяется «преобладание предметов роскоши», «престижные товары и престижное потребление», а также высокая

¹ «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей (ЭНИ „СЛОВАРЬ ПСЕВДОНИМОВ“)» дает указание на авторство Е. А. Вердеревского [21]. Кроме того, включение ярмарки в очерке в пермский культурно-экономический контекст подтверждают биографические совпадения с персоной чиновника и литератора Е. А. Вердеревского.

² Очерки Е. Вердеревского цитируются в статье в современной орфографии и пунктуации. — Н. Г.

информационная составляющая, позволявшая ярмарке служить «индикатором рыночного спроса» и выступать в качестве инструмента налаживания межличностных отношений [7, с. 144].

Важно, что, констатируя отсутствие «следов правильного коммерческого порядка» в действиях даже главнейших коммерсантов ирбитской ярмарки, Вердеревский в качестве определяющего механизма экономической эффективности ирбитской торговли обозначает доверие: «...Нигде не делаются дела с таким беззаветным доверием, с такой быстротою, и с такой беспечностью, которые поразили бы всякого, незнакомого с широкой русской натурой, собою — как в Ирбите. Огромные обороты совершаются здесь как будто сами собою — и между тем торговля цветет, о банкротствах нет и помина, и ярмарочное движение год от года увеличивается...» [4, с. 13]. Сложившийся характер ирбитской торговли приводит к тому, что кроме двух ожидаемых прибывающих сторон (одни — «с товарами и надеждами — за деньгами», другие — «с надеждами и деньгами — за товарами»), есть и третьи — «без денег и без товаров — только с запасом надежды: они, взяв на слово товар — тут же распродают его по мелочам, но с выгодой, и расплатившись за взятое в кредит (который здесь вообще необычайно обширен), уезжают с чистым барышом, приобретенным сметливой заботливостью» [4, с. 14].

Профессиональная позиция автора (государственного служащего), несомненно, влияет на воссоздаваемый им образ торговой жизни Ирбита. В очерках о ярмарочной торговле в России второй трети XIX века ярмарки есть свидетельство здоровья экономической жизни края и фасад торговли. В своем первом очерке Вердеревский показывает ярмарочную торговлю как деятельность, строго организованную по внутренним своим законам: «Купец, заводчик, золотопромышленник, зырянин, ташкенец, киргиз — все это снует и приобретает, и нигде не видно праздного лица, пришедшего, с безучастным любопытством посмотреть на движение толпы» [4, с. 12].

В ярмарочный месяц Ирбит принимает до 67000 человек (вместо обычных 2 000 жителей), концентрация товаров и людей неуклонно возрастает ближе к открытию ярмарки, сигналом к которому служит поднятие флага на башне гостиного двора. Это самые важные дни, когда «судьба оптовой торговли решается за ящиками шампанского» [4, с. 13]. «Но едва успел развернуться ярмарочный флаг, как уже главные статьи торговли совершили процесс своего предназначения. В несколько дней они проданы, куплены, размещены на подводах и отправлены... Теперь для корифеев ярмарки наступает период наслаждения приобретенными благами. Шампанское делается эмблемой, девизом, символом высшего слоя ярмарочных деятелей...» [4, с. 15]. Свершившиеся сделки, как законченная работа, обеспечивают эйфорию дальнейшего хода ярмарки, рождая образы изобилия: «Вино, золото, жизнь — льются через край!..» [4, с. 15].

Именно нуждами ярмарочной торговли была в первую очередь определена в Ирбите и история появления газеты. Ирбитский «Ярмарочный листок» начал свое существование с 1863 года, на 16 лет опередив «Екатеринбургскую неделю». Несмотря на то, что первоначально газета издавалась только в дни ярмарки, она

стала заметным явлением культурной жизни Урала, публикуя этнографические и социально ориентированные материалы, способствовавшие просвещенной коммерции. Расцвет газеты пришелся на последнюю четверть XIX века, когда редакторами были земской деятель А. Г. Хитров и Е. В. Иконников.

Очерк А. Г. Хитрова «К истории города Ирбита¹ и Ирбитской ярмарки» был первоначально опубликован на страницах «Ирбитского ярмарочного листа», а в 1872 году вышел отдельным изданием. Опираясь на статьи историков и краеведов Н. К. Чупина, Н. Е. Эйгера, сочинения Н. И. Костомарова и документы Археографической комиссии, Хитров связывает происхождение города с историей колонизации Сибири начала XVII в.: основание слободы на сплавной реке Нице и вблизи рудных залежей. Плодородные пашенные земли и Бабиновская дорога, идущая из Верхотурья на Тобольск через Ирбит, способствовали скорейшему заселению слободы и развитию в ней торговли.

С первых страниц очерка судьбы Ирбитской слободы и ярмарки изображаются не только как сопутствующие, но и конкурирующие. Хитров разделяет мнение тех, кто считает, что торговля на месте будущей слободы началась еще до постоянного поселения здесь, и продолжалась «наперекор всем не благоприятствующим обстоятельствам» [20, с. 13]. Окрепнув, ирбитская ярмарка «почти совершенно подорвала торговлю г. Верхотурья» [20, с. 15], несмотря на его древность, присутствие начальства и близость торгового двора (манси). Затем в качестве могущественных антагонистов ирбитской ярмарки последовательно выступали посещавшие ее В. Н. Татищев, академики Г. Гмелин, И. И. Лепехин, желавшие переноса ярмарки в Екатеринбург, однако их усилия «остались без последствий» [20, с. 27].

Среди объективных причин, способствовавших процветанию торговли в Ирбите, Хитров выделяет местоположение на середине первого русско-сибирского пути и безопасность в силу большей удаленности от иностранных земель, однако это не объясняет всех драматических поворотов истории: ведь до 1770 года, «торговля... не имела ни правильности, ни удобств, ничего прочного за собою» [20, с. 40], Екатеринбург становится «опасным соперником для Ирбитской ярмарки» [20, с. 40]: за него стояли влиятельные лица того времени и часть купечества, он удобно располагался на главной Сибирской дороге и уже имел зимнюю ярмарочную торговлю. «Словом все было за Екатеринбург, кроме желания большинства торгующей публики» [20, с. 40], но «ирбитская ярмарка устояла без малейшей борьбы и малейшего усилия» [20, с. 40]².

¹ А. Г. Хитров использует устаревшее ныне именование города в женском роде.

² В очерке Хитрова — появление Пугачева близ Ирбита — лишь «случайное происшествие», которое «дало благоприятствующий толчок развитию Ирбитской слободы» [20, с. 41]. Причем известно, что Хитров интересовался темой крестьянской войны и собирал сведения о ней от старожилов. Дарование Ирбиту статуса города (с 1781 г. — уездный город Пермской губернии) и герба, закрепившего торговый характер Ирбита, а также некоторые особые гражданские права, — все это способствовало укреплению позиций Ирбита, но не указывается у Хитрова в качестве решающих факторов.

Десятилетие спустя ирбитская ярмарка вновь пережила «во второй, но не в последний, раз гамлетовский вопрос: быть или не быть ярмарке в Ирбите», поводом к чему послужил страшный пожар апреля 1790 года: «город буквально был обращен в пепел», однако мысль о переносе ярмарке местному купечеству «даже и в голову не приходила» [20, с. 52]. Поддержанные императрицей, ирбитчане отстроили заново деревянный гостиный двор на 410 лавок, затем заменили его построенным в складчину, под контролем особых доверенных лиц, каменным гостиным двором.

В XIX веке соперниками Ирбитской ярмарки выступают Екатеринбург (поддержанный пермским губернатором Тюфяевым) и Тюмень. Но это лишь подстегнуло развитие Ирбита: к середине столетия был основан Общественный Банк (1849), произведено «правильное распланирование» деревянных торговых балаганов, прилегающая к гостиному двору площадь перешла из казны в ведение города (1865), утвержден устав Общества Владельцев Гостиного Двора (1869).

Таким образом, вся история ярмарки у Хитрова — это история противостояния сильных мира сего и таинственных сил, покровительствующих ирбитской ярмарке, некоторые из которых могут быть названы (нежелание купечества перемещаться), но большинство относится к «роковой необходимости». Важно, что Хитров выделяет купечество в качестве основного актора преобразований, в адрес которого и стоит сформулировать запрос о причинах развития торговли («Уловить тонкости, по которым образуются и развиваются ярмарки чрезвычайно трудно и вернее всех может указать и определить их само купечество» [20, с. 78]), и каким бы «утомительным для читателя» и «нескладным по изложению» [20, с. 78] этот ответ не оказался, это единственный способ понять непостижимое для внешнего наблюдателя [20, с. 78-81].

Итак, к 1870-м годам «200-летнее существование ярмарки... признали историческим авторитетом этой местности» [20, с. 83], т. е. базовой частью уникального историко-культурного ландшафта этого (за)уральского города; и проектирование железной дороги должно было поддержать эту линию развития территории. Работа А. Хитрова сохраняет актуальность для исследователей, внимательных к образной структуре экономических очерков: «роковая случайность», определившая «загадку» Ирбитской ярмарки, впервые оформляется как идея именно в его очерке. Развивая, образно-аналитическую линию анализа своеобразия Ирбитской ярмарки, М. Ф. Ершов обращает внимание на то, что «гигантские размеры ярмарки не позволяли горожанам монополизировать сферу обслуживания» [7, с. 145], что приводит к парадоксальному перевороту: в случае Ирбита не ярмарка принадлежала городу, но город стал частью ярмарки: «Ярмарка, подстраивая город под себя, не стала его органической составной частью — их величины были несопоставимы» [7, с. 149]. Ирбит принял путь развития, свойственный торговле, и предпочел путь открытости и светскости, в отличие от «замерших» в изоляции церковно-купеческих Верхотурья и Туринска [7, с. 149].

Таким образом, в очерках сугубо экономического характера проявляются тема парадоксальной связи судеб города и ярмарки, где важную роль играет выбор горожан и их доверие друг другу.

Образы ирбитской ярмарки в травелогах

Е. А. Вердеревского и Н. Д. Телешова

Взгляд на ярмарочные сезоны «извне», принадлежащий проезжающему, путешественнику, заметно отличается от «внутреннего взгляда» видения жителя города, экономиста или чиновника. При этом один и тот же автор может занимать в разных текстах разные авторские позиции, как это происходит с Е. А. Вердеревским. В феврале 1853 года он вновь посетил ярмарочный Ирбит проездом на Кавказ, включив письмо под названием «Ярмарка» в сборник «От Зауралья до Закавказья. Юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги» (1857). Исследователь травелогов Е. Г. Власова отмечает как общие установки этих «путевых отчетов» на злободневность и прагматизм, присущие газетным публикациям в стилистике легкого фельетона [6, с. 552], так и несомненную новизну маршрута литературного путешествия Вердеревского по России: не от центра к окраинам, но из одной terra incognita в другую. Такая смена направления движения предполагала корректировку противопоставления столицы и провинции, востока и запада [6, с. 553]. Однако сюжеты письма Вердеревского о ярмарке богаче отмеченного изображения нравов ярмарочного общества и «безудержных кутежей уральских толстосумов» [6, с. 554].

Знакомый нам по первому очерку Вердеревского статистический обзор ярмарочной торговли поставлен в «Письмах» в иной, дорожный, контекст: нырковатая дорога («нырками» выразительно именуется чередование сугробов и ухабов) заставляет назвать путешествие в Ирбит плаванием и ввести в качестве важного элемента культурного ландшафта неутомимых сибирских или обвинских лошадей¹, что станет важной сюжетной линией очерка Н. Д. Телешова, еще плотнее вписывающего Ирбит в «дорожную карту» России. Так Вердеревский задает устойчивые мотивы нарративного ландшафта ирбитской ярмарки, отмечая связь природных и культурных ее особенностей.

Культурный ландшафт Ирбита у Вердеревского формируется, следуя взгляду въезжающего в Ирбит на санях путника: доминирующей высотой становится кладбище «с прекрасной каменной церковью, расположенное на весьма значительной высоте, посреди соснового бора, и обнесенное белою каменной оградой» и расположением города на возвышении при слиянии рек Ирбит и Ница [5, с. 30]. Описание гостиного двора — «центра торгового движения», «опрятных домов» вокруг, «двух прекрасных каменных церквей» и торговых и сенной площадей

¹ Сюжет о «двужильной лошади» по кличке Разбойник, доставлявшей хозяина в Ирбит и обратно за одну ночь — см. рассказ Д. Н. Мамина-Сибиряка «В горах». Образы мчащихся троек, тянувшихся обозов и невероятно выносливых лошадей — непрерывная часть ирбитского ярмарочного культурного ландшафта вплоть до устных рассказов горожан в 1980-е гг.

исчерпывает архитектурные красоты города (появление знаковых архитектурных построек Ирбита состоялось десятилетием позднее). Ирбит, ориентированный на торговлю с Сибирью, в 1853 году безнадежно проигрывает Нижнему, представляя «довольно грязное, довольно беспорядочное, и даже довольно бедное движение, скоро утомляющее взор. На всем отпечаток случайности, поспешности и безвкусыя. Изящному здесь менее всего места...» [5, с. 32].

Проводником Вердеревского по ярмарочному сезону становится молодой человек, из разряда «практических деятелей жизни», которого автор защищает от иронии «заезжих писак»: ведь именно он, «Виргилий», показал автору «все закоулки ярмарочного мира; показал... все, что стоило и что не стоило осмотра; рассказал... все здешние анекдоты» [5, с. 39]¹. Благодаря фигуре проводника рассказ Вердеревского о местных нравах приобретает особый колорит и достоверность свидетельств очевидца. Легкость знакомств без церемоний, всеобщая готовность к путанице *qui pro quo*²), колорит провинциальных нравов на театральных представлениях, — все создает общий будоражащий автора колорит.

Для наблюдателя ярмарка — это место и время, где царят «удары слепого счастья» и где «невозможно не любоваться... чужими ощущениями» [5, с. 47]. Близость, заразительность и размах эмоций участников ярмарки необыкновенны. Лейтмотивом ярмарочного настроения у Вердеревского становится фраза «Сибирь ликует», а основной эмоциональный режим ярмарки, окончание которой приходилось на Масленицу, он определяет как «обязанность веселиться, насколько хватает силы и способов» [5, с. 42].

В очерках Вердеревского ярмарка предстает аналогом карнавала — умопомрачительным зрелищем, втягивающим в свой круговорот всех, от мала до велика. «Вот едут гигантские сани на восьми лошадях. Сани покрыты коврами, в санях толпа ликующего народа, иногда с бутылками и стаканами в руках... Все поют, кричат и громко перекликаются с знакомыми своими в окружающей их толпе... Или вот еще везут какую-то подвижную каланчу. Из саней высится мачта с флагами и лентами, наверху сидит паяц в шутовском наряде и кривляется на диво бегущей позади пестрой толпы... Жизнь, веселье, вино и золото — кипят и льются через край...» [5, с. 46].

В каком-то смысле характер функционирования ярмарочных сезонов представляет собой квинтэссенцию русского национального характера, как его видел В. О. Ключевский («Где, кроме необъятной России, встречается что-нибудь подобное!», — восклицал Вердеревский [5, с. 45]): кипучий ярмарочный месяц кормил год, и горожане скучали по тому оживлению, которое приносили с собой гости из разных стран и городов.

¹ Подобный тип описывает Мамин-Сибиряк в XI главе «Приваловских миллионов» (1883): «Есть такие люди, которых можно встретить только на ярмарках. Чем они занимаются, зачем приезжают на ярмарки — неразрешимая задача. Эти таинственные незнакомцы всегда чисто одеты и всегда щеголяют тяжелыми часовыми цепочками, массивными брелоками и дорогими кольцами» [12].

² См., например, историю с подменной шубой [5, с. 41].

Для этнографов и литераторов ярмарка становилась уникальным местом встречи культур и обычаев, при непревзойденной легкости наблюдения и участия: «... В толпе встретите вы и лисью шубу купеческого приказчика, и штофный шу-гай заводской бабы, и остроконечную вислоухую шапку башкирца, и тюбетейку татарина, и gibus петербургского негодянта, и бобров и соболей иркутских купеческих сынков...» [5, с. 46]. В Биржевом зале — посетители всех классов: «и элегантные представители московского и петербургского купечества, и борода-тые негодянты средней руки, и татары, и бухарцы в своих народных платьях. Тут между ними, за стаканами чая происходили, быть может, стотысячные сделки» [5, с. 44]. А на балу в зале Собрания кружатся «молодой единоведец с казанским купцом из татар (в народном костюме)», «элегантный английский коммерсант по меховой торговле» в паре с «полновесным городничим» и «юные здешние кержачки с заезжими последователями Кальвина или Магомета» [5, с. 46].

Любопытство ведет на Ирбитскую ярмарку и юного героя дебютного очерка Николая Дмитриевича Телешова (1867-1957), бытописателя, выходца из купеческого сословия («На тройках», 1892). Сын миллионера оказывается в компании московских купцов, «серьезных людей» со «скучными разговорами». Однако дорога до Ирбита оказывается одним из самых захватывающих приключений в его жизни, поскольку попутчики обнаруживают пристрастие к скоростной круглосуточной гонке на санях. Азарт купцов, летящих на тройках по ухабам, становится эмоциональной доминантой очерка и делает видимыми скрытые за «скучными разговорами» страсти, прочем, вполне контролируемые.

«Панфиловские повозки», запряженные тройками «громздных коней», — метафора всей ярмарочной торговли и духа купечества: «На этакой тройке — да не лететь!» [17, с. 37]¹.

Цепь дорожных приключений связывается лейтмотивами ухабов и колокольцев: «Колокольчики надоедливо верещали, особенно по ухабам, откуда насилу вылезали повозки. До Собакина еще кое-как добрались, но дальше пошла такая

¹ «Русский человек, умудренный горьким опытом, постепенно создал прочную и удобную повозку, в которой катя на ней хоть к чертям на кулички, — горя мало! <...> Косогор ли, ухабы — ей все нипочем! <...> Что ей сделается, этой повозке? Наскочила на кочку — небось! не опрокинется набок, потому что по бокам приделаны отводы, вроде вторых оглоблей, которые берегут ее и слева и справа. Понесется ли она по ухабам, и то не беда, — разве только ахнешь от неожиданности, а уж язык не прикусишь и не станешь бодаться с ямщицкой спиной или с своим собственным чемоданом. Чепчик сделан из прочного лубка и околочен циновкою; на случай солнца — сверху спускается „зонтик“, на случай вьюги поднимается фартук до самого зонтика, а на случай голода или жажды в кузове имеются два кармана, где хранится все необходимое: закуска, коньяк, табак и тому подобное. Под сиденьем — перина, за спиной — подушки, так что ни сидишь, ни лежишь, а натянешь на ноги меховое одеяло да завернешься покрепче в доху поверх полушубка, поднимешь фартук, опустишь зонтик да выпьешь на сон грядущий так тут не то что ухабы или мороз, а никакая метель не страшна! [17, с. 40].

дорога, которую даже татары ругали по-русски, а путники бранили татар» [17, с. 65]. Социальный контраст усиливается на подъезде к Ирбиту, где «тройки летели, обгоняя запоздавшие обозы», а «около возов шли молчаливые обозники на большом расстоянии друг от друга. Шли они, понутив головы. Лошади тянули подводы с таким же унылым и сосредоточенным видом, будто тоже сокрушаясь о своем житье-бытье, трудовом и безрадостном...» [17, с. 91].

Примечательно, что автор открывает героям город на заре («Проснись! Скоро Ирбит!») [17, с. 91]: «...Вот, наконец, театр и Сибирский банк; вот нотариус, доктор, биржа и гостиный двор» [17, с. 91], а затем, обозначив проигрыш купца Панфилова в гонке, заканчивает текст ровно в тот момент, когда должна была вступить в свои права «скучная деловая жизнь»: «Под звуки железных болтов, загремевших по железным ставням, на Матвея Матвеевича вдруг нахлынули деловые заботы о срочных векселях, товаре и покупателях... Ярмарочная, светлая жизнь захватила все его мысли» [17, с. 91].

Через 2 года Н. Телешов совершает собственное путешествие по России, итогом которого становится цикл очерков «За Урал. Из скитаний по Западной Сибири» (1897). Через Ирбит Телешов проезжает летом, оставив нам описание города вне ярмарочного сезона — «тихого, пустынного городка, маленького, но оригинального»: «...город глядит сиротою, словно только что переживши тяжелую эпидемию. Жителей почти не видно; центральные улицы пусты, лучшие здания заколочены наглухо и хотя много мелькает перед глазами вывесок с громкими названиями гостиниц и ресторанов, но все это заперто, даже забито досками, и приезжему не только негде остановиться, но негде и поест» [18].

Собственные впечатления автора актуализируют значение ярмарки как связи «спящего захолустья с живым цивилизованным миром» через «сбродный ярмарочный элемент». Ведь ярмарка не только дает средства к существованию целому городу, но и приносит городу «оживление и много удовольствий» [18].

Собственно образ ярмарки Телешов вновь составляет по доступным источникам (очерк «На тройках» был написан под впечатлением от рассказов родственника): он обильно цитирует Е. А. Вердеревского (фрагмент о танцах и историю о шубе) и использует материалы «Ярмарочного листка». В получившейся у Телешова зарисовке ярмарки она оказывается местом, к которому неприменимы привычные нормы: здесь домовладельцы могут выступать в роли лакеев («не считая никакой работу унижительною, — была бы лишь доходна» [18]), гадалщицы, «запрещенные повсюду», здесь публикуют объявления об услугах, гости демонстрируют средства, а не уровень воспитания и образованности; в театре «чередуются самые раздирающие драмы с самыми отчаянными оперетками», закрытые в Прощеное воскресенье лавки соседствуют с «местным карнавалом», когда «нанималась розвальни, в них ставилась лодка, а в лодку стол с всевозможными винами и закусками, в лодке же помещались музыканты — три-четыре жиды со скрипками: борта ее обставлялись шестами, на которых вешалась собольи хвосты, лошади убирались лентами, — и в таком виде, с песнями, шумом и гиканьем, пронеслись по городу тройка за тройкой с полупьяными купчиками и арфистками» [18].

Телешов нанизывает абзац за абзацем, создавая образ пространства, где сходятся крайности, места, которого не может быть, но которое все-таки существует: «Ирбитская ярмарка — это место, куда всем и отовсюду ехать далеко и одинаково неудобно, но куда все-таки едут — с востока и запада, с севера и юга, куда привозят товаров на десятки миллионов рублей, где ютятся по каморкам, живут в магазинах, где встают до восхода солнца, а ложатся чуть не на утренней заре, где все кипит деятельностью, торопливостью и разгулом, где по трактирам за стаканом чая завершаются стотысячные сделки <...> где татары, евреи, православные русаки и столичные коммерсанты пропивают магарычи, хлопочут, суется, работают, где до пены у рта спорят из-за гривенника в товаре и где ночи напролет просиживают за картами, спуская тысячи и пропивая сотни рублей. Ирбитская ярмарка — это съезд крупнейших коммерсантов, арфисток и фокусников, мелких торгашей и помещиков, фотографов и заводчиков, докторов и актеров, столичных шулеров и губернских карманников; здесь имеется и продается все, начиная с ситца, сала, кошачьей шнурки и кончая бриллиантами...» [18]. «Ирбитская ярмарка — это истинная смесь одежд и лжец, племен, наречий, состояний. <...> ...Здесь делают громадные миллионные обороты временные отделения банков, издается временная ярмарочная газета: здесь же торгуют пряниками и живыми кошками, — словом, нет такого дела и предмета, которые не нашли бы здесь применения» [18].

Суггестивный образ ярмарки у Телешова точнее всего мог бы быть истолкован как описание гетеротопии — особого вида пространств, выделяемых М. Фуко на основании особых связей пространственно-временного устройства и социальных норм. Не ставя задачей детальную разработку этой проблематики в рамках данной статьи, отметим, что в очерке Телешова, написанном из специфического личного опыта «в отсутствие ярмарки», обозначаются все важнейшие признаки гетеротопии: обязательность гетеротопии в теле культуры (всем ехать неудобно, но все едут), связь с гетерохронией (сезонность ярмарки и особое течение времени на ней), взаимосвязь проницаемости и изолированности такого пространства и его иллюзорность [19, с. 197-202]. Истоки такого описания можно обнаружить в письме Вердеревского, отметившего обязанность веселиться, словно бы налагаемую на гостей Ирбитской ярмарки.

Телешов, в силу происхождения прекрасно осведомленный о внутренних механизмах торговых операций, в очерке об ирбитской ярмарке намеренно игнорирует какую-либо структуру и систему, акцентируя приметы хаотического смешения. Однако ярмарочное «иномирие» не отталкивает автора. На наш взгляд, полюсом притяжения у Телешова оказывается востребованность всего сущего, которую демонстрирует ярмарка («нет такого дела и предмета, которые не нашли бы здесь применения» [18]). Ярмарка всеобъемлюща, и тем самым близка базовым феноменам человеческого бытия, в частности, игре. Ливен де Коте и Мишель Деэн как раз сравнивают с игрой деятельность, характерную для гетеротопий [2, с. 142-143]. В силу этого свойства гетеротопии способны обновить установленный порядок, сломать привычный строй вещей, внести в повседневность новое и свежее.

Таким образом, в путевых очерках Вердеревского и Телешева прослеживаются более глубокие и важные тенденции, нежели зарисовки экзотической зауральской жизни. Изображение ярмарки в них можно интерпретировать не только как царство хаоса, но, учитывая преобладающие эмоциональные режимы (азарт, состязательность, чувство полноты жизни, легкость принятия поворотов судьбы и др.), выйти к проблеме изображения в очеркистике XIX века ярмарочного пространства как игрового в связанности с иной структурой социальных и властных отношений, существующих внутри гетеротопии¹.

*Рассказы и очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка и К. Д. Носилова:
ярмарка как провоцирующий ландшафт*

В конце XIX века в творчестве местных литераторов разрабатываются темы, ставшие «закрепившимися в литературе приметами уральской жизни» [6, с. 554], к каковым, безусловно, относится и ирбитская ярмарка.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852-1912) многократно посещал Ирбит и ярмарочные сезоны, был хорошо знаком с представителями городского сообщества, дружен с Д. А. Удинцевым. Наиболее яркий и полный образ ярмарки воссоздан Маминым в рассказах² «Штучка» (1883) и «Крупитчатая» (1891), где в фокусе авторского внимания находится судьба деревенских девушек, жертв сладострастия приезжих купцов, за бесценок покупающих их красоту и невинность.

При первой публикации «Штучка» предупредомлялась словами редакции, видевшими в рассказе описание одной из «мрачных, возмущающих душу сторон нашей захолустной ярмарочной жизни», «слабую картину безобразий, которыми познаменовывается Ирбитская ярмарка, превосходящая в этом отношении свою старшую сестру — ярмарку Нижегородскую» [13]. Так беллетристическому тексту придавался статус свидетельства о «невероятных», «противоестественных фактах», в которые трудно поверить «человеку свежем», «привыкшему жить в относительно культурных условиях общественности». Редакция призывала обратить внимание на этот рассказ лиц, в чьи обязанности входит попечение и наблюдение за ярмаркой, где еще производится «тайная торговля людьми» [13].

В эти годы Мамин как раз разрабатывает формирующий, конструирующий образ места потенциал литературных произведений. Так, свой очерк «Екатеринбург» (1888) Мамин-Сибиряк сознательно строит как вербальную репрезентацию образа города, избрав эпиграфом слова Забелина о городе как «живом узле разнообразных народных связей и отношений». Упомянутые выше рассказы Мамина преследуют несколько целей: они создают «образ места», критикуют недостатки и исправляют нравы и реализуют эстетическую функцию литературы.

¹ Игровой характер народной ярмарочной культуры выражен в ярмарочной ранешней поэзии, балаганных играх, медвежьих потехах, зрелищах и развлечениях разного рода и др. [14], чего мы не касаемся в силу сосредоточенности на произведениях словесности.

² Образ Ирбитской ярмарки есть и в романе Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» (1883), но в силу ограниченности объема статьи, а также схожести основных тенденций изображения ярмарки в выделенных нами рассказах, мы ограничимся анализом произведений малых жанров.

Исследователи указывают на то, что в качестве одного из литературных источников образа «дикого счастья» у Мамина выступают письма Вердеревского [6, с. 554]. Уточним это положение. Как мы уже показали, тексты Вердеревского о ярмарке написаны в рамках разных тенденций; и если фактура Вердеревского и Мамина в некоторых случаях совпадает, то авторские интонации заметно различаются: Вердеревский видит в ярмарке приключение и развлечение, Мамин — праздник-обольщение, скрывающий за своим фасадом тяжелые социальные проблемы. Исполнение морального долга литературы, понимаемого в этом случае как борьба с «развращающим влиянием наших ярмарок», вводит рассказы Мамина о ярмарочных нравах в иной, социально-обличительный контекст русской беллетристики.

Ирбитская деловая жизнь служила для Мамина источником сюжетов и материалом наблюдений. Однако Мамин изучает нравы ярмарки, избегая ее обаяния, что меняет метафорический ряд его текстов: ярмарка сравнивается с лихорадкой, пожаром, половодьем, «разливанным морем». Ярмарочный сезон сопоставим с сезонной вирусной болезнью, стихией, захватывающей всех, манящей и пугающе безжалостной. Мамин без малейшего обольщения рисует участие всех сословий в ярмарочном действе: жаждущих зрелищ и заработка крестьян и мещан, темный криминальный мир и «господствующую и вседержущую ноту этого разлива — купечество» [13]¹. Ни одно сословие не оказывается обладателем индульгенции в этом карнавале: «Это было настоящее ярмарочное море, в котором тонул всякий, кто попадал сюда» [12]. Выгоду ярмарка приносит лишь тем, кто знает ее устройство и умеет избежать тяжелых последствий.

Как носитель христианской в своей основе системы ценностей, Мамин-писатель не очарован, но удручен теми сторонами народной жизни, которые открываются ему на ярмарке: жаждой наживы, бессмысленностью трат, внешним блеском, дешевизной человеческой жизни, непривлекательными душевными качествами многих участников и др. Статистика торговых оборотов, равно как и апелляция к «экономическим законам» становится в его рассказах лишь лицемерным оправданием существующей несправедливости.

Эта авторская позиция находит свое выражение и в художественном изображении пространства и времени ярмарки, когда дорога превращалась «в узкое, избитое ямами корыто, до краев наполненное грязно-бурого цвета снегом, походившим на неочищенный сахарный песок», в котором бесконечные обозы ползли, «как разрозненные звенья какого-то чудовищного ярмарочного червя»,

¹ «...В гостиницах с арфистками стояло настоящее разливанное море, в котором барахтались и тонули московские тятеньки, вместе со своими сынками-саврасами. Масса других притонов поглощала остальную часть публики, где „с песнею и пляскою — обирали вежливо, обдирали с ласкою“. Проститутки, шулера, жулики вырывали сырым мясом то, что приходилось на их долю из выжиленных ярмарочным днем грошей и копеек. Фрося, попав на улицу, делалась как пьяная и каждый раз вспоминала с тяжелым вздохом, как сама в былое время чертила по разным вертепам с „покойничком“ Сидором Иванычем...» [13].

«вихрем летели тройки», «как шакалы, там и сям прятались какие-то подозрительные тени...» [12]. Вместе с коррозией пространства происходит искривление течения времени.

Контраст Ирбита ярмарочного и Ирбита «вне сезона» настолько ярок, что порождает устойчивую оппозицию мертвого — живого, вернее, мертвого — ожившего: «Мертвые дома оживали; везде мыли, скребли и чистили, везде сушили и хлопотали тысячи людей, а по двум трактам, с сибирской и московской стороны, в город бесконечной лентой ползли обозы, фуры, кошевые, повозки, точно сюда стягивались две громадные армии» [13]. Ту же оппозицию мы встречали и в очерке Телешова о летнем Ирбите: «Все пустынно, уныло, все стоит покинутым, забитым досками, и Пассаж, и гостиный двор, — все словно ждет чего-то, чтобы проснуться и ожить» [18].

Критической оценке Мамина подвергаются не только «дикости ярмарочного месяца», но и их антитеза — летаргический сон оставшихся одиннадцати. Ср.: «Если в обыкновенное, „мирное“ время, когда весь Ирбит спит всеми своими пустыми домами сказочным непробудным сном — если бы этот якобы город зажечь со всех четырех концов, и тогда не было бы того содома, беготни и хлопот, какой производит прилет одних московских „голубчиков“» [13]. «Одиннадцатимесячный сон с лихвой выкупался лихорадочным оживлением дикого ярмарочного месяца, когда днем кипела торговля, а ночью гремели своими машинами трактиры, распевали хоры арфисток и до утренней зари творилось всякое ярмарочное безобразие» [11].

Вместе с тем Мамин-Сибиряк продолжает изучение жизни Ирбитской ярмарки, не в силах отказаться от тех возможностей, которые дает наблюдателю это уникальное в своем роде событие. Именно сочетание этих двух факторов позволяет нам представить ярмарку в очеркистике в качестве провоцирующего ландшафта, заимствовав термин коллег-антропологов. Антропологи таким образом подчеркивают активность ландшафта, «взаимную агентность человека и среды» [9, с. 250], по нашему же мнению, подобное определение могло бы фиксировать такие типы историко-культурного ландшафта, для которых характерна высокая степень амбивалентности: провоцирующие ландшафты в литературе одновременно привлекательны и раздражающи.

В произведениях Мамина-Сибиряка нарратив о ярмарке приобретает черты провоцирующего ландшафта — неодолимо влекущего и фрустрирующего. Это прочитывается и формируется через образы хаоса, столпотворения, содома, вавилонского смешения: «Все тут, как крошево в чашке: и москвичи, и нижегородцы, и казанцы, и иркучане, и томичи, и вятичи, и харьковцы, да еще на придачу инородь разная — бухарцы, китайцы, армяне, татары, немцы, французы, англичане... Настоящее вавилонское смешение языков!» [13].

Подобной тенденции изображения ярмарки следует и уралец Константин Дмитриевич Носилов (1858-1923), тоже выходец из духовного сословия. В газете «Урал» он публикует очерк о хорошо знакомой ему Обдорской ярмарке (нынешний Салехард). В ином, колониальном контексте, в жанре

публицистического очерка, Носилов более прямо формулирует тезисы, уже описанные на ирбитском материале выше. Ярмарка — «нечто в высшей степени интересное не только для торгового человека, но и для простого наблюдателя, а для путешественника, для этнографа это лучший момент, когда он может познакомиться с жизнью края, узнать его суть и сидеть все, чем живет этот край, все его благосостояние» [15].

Съехавшиеся из тундры на ярмарку самоеды преобразуют Обдорск до неузнаваемости. Отношения между приехавшим на смену «дикарем» и купцом еще более неравноправны, в виду языковой и культурной пропасти. Карнавальный характер действия подчеркивается и лицемерным переворачиванием иерархии¹ и сменой традиционного визуального кода: «В это время вы можете на улице видеть самоеда в его лучшей одежде, в такой, в какой он бывает только редко, в дни торжеств, выездов своих в русское селение. <...> Эти костюмы изобретение местных женщин, они шьют для дикаря решительно все и рубашки, и маличные накидки-рубашки, и халаты, и шаровары и чем ярче они их отделяют, чем фантастичнее рисунок отделки, узор, чем более он походит на балаганный, он ценится дороже дикарем и дороже оплачивается и самый труд. Почему случается встретить самоеда на улице в чем-то похожем даже на ризу священника или диакона» [16]. В «Обдорской ярмарке» Носилова интерес к реалиям северной жизни нераздельно слит с горечью от несправедливости по отношению к «иногородцам. Таким образом, ярмарочная этнография уральской и северной части России формируется в последние десятилетия XIX века под сильным влиянием установок социального служения литературы, разделяемых частью авторов.

Заключение

Мы рассмотрели несколько тенденций, следуя которым, литераторы XIX века рассказывали об ирбитской ярмарке. Разные образы ярмарки и ассоциативные ряды, возникающие в связи с ними, остались важными составляющими локального историко-культурного ландшафта. На страницах очерков XIX ярмарка отразилась как загадочная в своей стойкости сила (торговля), как особый тип игрового пространства (гетеротопия) и как свидетельство социального неблагополучия (провоцирующий ландшафт). Как показывает внимательное чтение, образно-аксиологическая система ИКЛ обладает высокой сохранностью, и при определенных условиях сюжеты способны выходить из латентного состояния и вновь начинать жить в земном теле культуры.

Менее чем через два десятилетия ирбитскую ярмарку ждали потрясения, которые радикально изменили местный культурный ландшафт: город пережил шок от расстрела заложников из числа известных горожан и купцов [3, 8],

¹ Самоед «словно по какому волшебству превращается в почетного гостя, перед ним раскупоривается лучшая бутылка вина, оно даром льется ему в горло, он может есть и требовать себе каких угощений, он может всласть наслаждаться гостеприимством, даже не заговаривая зачем он приехал, что привез, что хочет» [16].

а архитектурное ярмарочное наследие оказалось обесценено. Не переоценивая значимость текстов на фоне социальных катаклизмов, но пытаясь осмыслить внутрикультурные механизмы последующей работы памяти места, мы можем констатировать, что «ярмарочные нарративы» разных сословий были совершенно несхожи между собой, будучи наделены, кроме прочего, разной доступностью к публичному слову и ресурсам создания коллективной идентичности. В случае ирбитской ярмарки потребности в саморепрезентации, индивидуальной, сословной и локальной, купечество реализовывало прежде всего через строительство зданий общественного, личного и делового назначения, а также топографию города, где символический центр был отдан торговым пространствам. Несформированность местного «голоса купечества» в словесности XIX века стала одной из причин того, что при физическом уничтожении представителей этого сословия, осуждение «ярмарочных безобразий» стало абсолютно доминирующим в публицистике, а десятилетия спустя — и в устной памяти горожан. Корпус местных устных историй о персонажах ярмарочного Ирбита остался в большей своей части не зафиксированным, но мы можем утверждать его наличие, опираясь на собранные десятилетиями спустя воспоминания горожан [1]. Таким образом, текстуальное наполнение историко-культурного ландшафта Ирбита требует дальнейшего изучения и сопоставления разных источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропов И. Я. Были Ирбита / И. Я. Антропов. Ирбит, 1992. 182 с.
2. Бедаш Ю. А. Гетеротопология как практическая философия / Ю. А. Бедаш // Практизация философии. Современные стратегии и проблемы. (отв. ред. И. Н. Инишев, Т. Щитцова). Т. 2. Европейский гум. университет, 2010. С. 139-150.
3. Бороздин К. А. Расстрел ирбитских купцов / К. А. Бороздин // Веси. 2008. № 9. С. 62-66. URL: <http://irbit.info/history/memorials/irbit/6087/>
4. Верской Е. Ирбитская ярмарка / Е. А. Вердеревский // Отечественные записки. 1849. Т. 65. Отд. IV. С. 1-16. НЭБ. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_60000277564/ (дата обращения 12 октября 2021).
5. Вердеревский Е. А. Ирбитская ярмарка. От Зауралья до Закавказья / Е. А. Вердеревский. Ирбит, 2008. 56 с. (Серия «Ирбитская старина». Вып. 2).
6. Власова Е. К. Е. А. Вердеревский / Е. К. Власова // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / Под ред. Проф. Е. К. Созиной. Кн. 1. 2-е изд. Москва: Издательский дом ЯСК, 2021. С. 552-555.
7. Ершов М. Ф. Северные зауральские города и региональная торговля в XIX веке: проблемы адаптации / М. Ф. Ершов // Вестник утраведения. 2011. № 1 (4). С. 135-153.
8. Ирбитская трагедия / Е. А. Ефтефьева // Архивы Урала. 2007. № 11. С. 91-108.
9. Корандей Ф. С. Провоцирующие ландшафты: исследования повседневных культурных ландшафтов периферии агломераций / Ф. С. Корандей, И. В. Абрамов, В. М. Костамаров, М. С. Черепанов, А. В. Шелудков // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 247-257.

10. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей / В. Д. Каганский. Москва: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
11. Мамин-Сибиряк Д. Н. Крупнчатая / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Сбор. соч. в 8 томах. Том 5. Москва: Худ. лит., 1954. URL: http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_0332.shtml (дата обращения: 12.10.21).
12. Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. в 10 тт. Т. 2. Приваловские миллионы / Д. Н. Мамин-Сибиряк. Москва: Правда, 1958. 363 с. URL: http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_0010.shtml (дата обращения: 12.10.21).
13. Мамин-Сибиряк Д. Н. Штучка / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. Т. 12. Петроград: Изд-во товарищества А. Ф. Маркс, 1917. URL: http://az.lib.ru/editors/m/maminsibirjak_d/text_1883_shtuchka_oldorfo.shtml (дата обращения: 12.10.21).
14. Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII — начало XX века. 2-е изд., доп. / А. Ф. Некрылова. Ленинград: Искусство, 1988. 215 с.
15. Носилов К. Д. Обдорская ярмарка и история меновой торговли на Севере Сибири / К. Д. Носилов // Урал. 1898. 6 февраля. № 312.
16. Носилов К. Д. Обдорская ярмарка и история меновой торговли на Севере Сибири / К. Д. Носилов // Урал. 1898. 10 февраля. № 315.
17. Телешов Н. Д. На тройках / Н. Д. Телешов // Телешов Н. Д. Рассказы, повести, легенды. Москва, Советская Россия, 1983. С. 34-91.
18. Телешов Н. Д. За Урал: из скитаний по Западной Сибири / Н. Д. Телешов. Москва: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1897. 214 с. URL: <https://uraloved.ru/starosti/teleshov-i-ego-puteshestvie-po-uralu> (дата обращения: 12.10.21).
19. Фуко М. Другие пространства / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. Москва: Праксис, 2006. С. 191-204.
20. Хитров А. Г. К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки / А. Г. Хитров. Ирбит: Типография А. А. Дробинина, 1872. 84 с.
21. Электронное научное издание «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей (ЭНИ «СЛОВАРЬ ПСЕВДОНИМОВ»)». URL: <http://feb-web.ru/feb/masanov/man/02/man02877.htm> (дата обращения: 12.10.21).

Natalia B. GRAMATCHIKOVA¹

UDC 821.161.1+82.0

**HISTORICAL AND CULTURAL LANDSCAPE
OF A SMALL URAL TOWN: IMAGES OF THE IRBIT FAIR
IN THE ESSAY ON THE 19TH CENTURY**

¹ Cand. Sci. (Phylol.), Senior Researcher,
Center of Literary History, Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg)
n.gramatchikova@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2585-7399

Abstract

The article is devoted to the key image of the historical and cultural landscape of Irbit — the Irbit fair. Based on the essays of the 19th century, three main trends in the depiction of the fair seasons of Irbit, which are dominant in different decades, are considered. In the economic essays by E. A. Verderevsky and A. G. Khitrov, the distinctive features of the Irbit Fair were first identified, and the topics of “trust” and “riddles” of the fair that were important for the trading community were declared. The second tendency of description, developing in the letters of E. A. Verderevsky and travel sketches of N. D. Teleshov developed the image of the fair season as a carnival, providing rich material for understanding the fair as a dystopia (M. Foucault), with special space-time relations, interconnection isolation and permeability. The third tendency of the image is found in the sketches of the Uralites D. N. Mamin-Sibiryak and K. D. Nosilov, aimed at improving public mores. In their texts, the fair becomes a kind of provocative landscape, both attracting and repulsive to the authors.

Throughout its history, the Irbit Fair has retained its attractiveness for ethnographers, writers and folklorists as a representation of a wide range of social strata and ethnic groups. At the same time, there is no single narrative about the fair. By the end of the 19th century, the Ural literature focused on describing and exposing the spontaneous destructive forces that seize the community and the person during the days of the fair, while it was at this time that the local merchant class used the language of architecture to manifest their own collective identity.

Citation: Gramatchikova N. B. 2021. “Historical and Cultural Landscape of a Small Ural Town: Images of the Irbit Fair in the Essay on the 19th Century”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 115-135.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-115-135

The growing gap reveals its adherence to principles during a radical rethinking of the historical and cultural heritage of Irbit in the 1920s-1930s.

The article connects local “fair plots”, compares the views “from the outside” and “from the inside”, condenses the description of the regional literary context.

Keywords

Fair, essayism, dystopia, provocative landscape, merchants, the image of the city, travelogue.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-115-135

REFERENCES

1. Antropov I. Ya. 1992. Irbit's Legends. Irbit. 182 p. [In Russian]
2. Bedash Yu. A. 2010. “Heterotopology as a practical philosophy”. The Practice of Philosophy. Modern Strategies and Problems. Vol. 2. European Humanitarian University. Pp. 139-150. [In Russian]
3. Borozdin K. A. 2008. “Execution of Irbit merchants”. Vesi, no. 9, pp. 62-66. [In Russian]
4. Verskoy E. 1849. “Irbit fair”. National Notes, vol. 65, no. 4, pp. 1-16. Accessed 12 October 2021. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_60000277564/ [In Russian]
5. Verderevskiy E. A. 2008. Irbit Fair. From the Trans-Urals to Transcaucasus. Irbit Antiquity Series, vol. 2. 56 p. [In Russian]
6. Vlasova E. K. 2021. “E. A. Verderevskiy”. History of Literature of the Urals. 19th century. Book 1, 2nd edition. Edited by E. K. Sozina. Moscow: YaSK Publishing House. Pp. 552-555. [In Russian]
7. Ershov M. F. 2011. “Northern Trans-Ural cities and regional trade in the 19th century: problems of adaptation”. Journal of Ugric Studies, no. 1 (4), pp. 135-153. [In Russian]
8. Eftefiyeva E. A. (ed.). 2007. “Irbit tragedy”. Ural Archives, no. 11, pp. 91-108. [In Russian]
9. Korandey F. S., Abramov I. V., Kostamarov V. M., Cherepanov M. S., Sheludkov A. V. 2021. “Provocative landscapes: a study of everyday cultural landscapes at the outskirts of agglomerations”. Archeology, Anthropology and Ethnography Herald, no. 3 (54), pp. 247-257. [In Russian]
10. Kaganskiy V. L. 2001. Cultural Landscape and Soviet Habitable Space: Collection of Articles. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 576 p. [In Russian]
11. Mamin-Sibiriyak D. N. 1954. “Krupitchataya”. Mamin-Sibiriyak D. N. Collected Works in 8 Volumes. Vol. 5. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Accessed on 12 October 2021. http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_0332.shtml [In Russian]
12. Mamin-Sibiriyak D. N. 1958. “Privalov millions”. Mamin-Sibiriyak D. N. Collected Works in 10 Volumes. Vol. 2. Moscow: Pravda. 363 p. Accessed on 12 October 2021. http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_0010.shtml [In Russian]
13. Mamin-Sibiriyak D. N. 1917. “Shtuchka”. Mamin-Sibiriyak D. N. Full Collection of Articles. Vol. 12. Petrograd: Tovarishchestvo A. F. Marks Publishing House. Accessed 12 October 2021. http://az.lib.ru/editors/m/maminsibirjak_d/text_1883_shtuchka_oldorfo.shtml [In Russian]
14. Nekrylova A. F. 1988. Russian Folk City Holidays, Amusements and Shows: The End of the 18th — The Beginning of the 20th Century. Leningrad: Iskusstvo. 215 p. [In Russian].

15. Nosilov K. D. 1898. "Obdorsks's fair and the history of exchange trade in the North of Siberia". *Ural*, no. 312. [In Russian]
16. Nosilov K. D. 1898. "Obdorsks's fair and the history of exchange trade in the North of Siberia". *Ural*, no. 315. [In Russian]
17. Teleshov N. D. 1983. "On three horses". Teleshov N. D. *Stories, Novels, Legends*. Moscow: Sovetskaya Russia. Pp. 34-91. [In Russian]
18. Teleshov N. D. 1897. *For the Urals: From Wanderings in Western Siberia*. Moscow: I. D. Sytin's Partnerships Publishing House. 214 p. Accessed on 12 October 2021. <https://uraloved.ru/starosti/teleshov-i-ego-puteshestvie-po-uralu> [In Russian]
19. Foucault M. 2006. "Other spaces". *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews*. Part 3. Moscow: Praxis. Pp. 191-204. [In Russian]
20. Khitrov A. G. 1872. *On the History of Irbit and the Irbit Fair*. Irbit: A. A. Drobinin Publishing House. [In Russian]
21. *Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures*. Accessed on 12 October 2021. <http://feb-web.ru/feb/masanov/man/02/man02877.htm> [In Russian]

Наталья Алексеевна НЕПОМНЯЩИХ¹

УДК 82:316.3+82.08

ОБРАЗ ГОРОДА В ПРОЗЕ С. Н. ДУРЫЛИНА

¹ кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт филологии СО РАН (г. Новосибирск)
alkat@ngs.ru; ORCID: 0000-0001-5958-0554

Аннотация

Мотивный и семиотический анализ прозы С. Н. Дурылина позволяют выявить в его прозе повторяющиеся в описаниях провинциальных городов мотивы: колокольный звон обозначает связь земного с небесным; золото, серебро, сияние — знак принадлежности к горнему миру, яркие цвета — знак полноты и расцвета жизни, благополучия города и его жителей. Действие в повестях «Сударь-кот», «Записках Ельчанинова» («Чертог памяти моей») и романе «Колокола» С. Н. Дурылина происходит в маленьких уездных городах. Устроены эти города похожим образом, их благостный облик резко контрастирует с предшествующей литературной традицией изображения русской провинции, например, знаковым «Городком Окуровым» М. Горького, по отношению к которому Дурылин полемичен. У Дурылина земной город, как и вся земная жизнь, всегда отражение небесного, высшего: образец для провинциальных городков — Хлынова, Калуги, Темьяна — незримый град Китеж, образ которого писатель создает еще в 1916 году в «Сказании о невидимом граде Китеже». Мысль о небесной сути земного облика каждого из дурылинских городков воплощается посредством цветового и звукового кодов. Цветовые и звуковые образы у Дурылина противопоставлены таковым же в «Городке Окурове» М. Горького и аналогичным образам в романе «Колокола» И. В. Евдокимова (1926). Мир городской жизни в прозе Дурылина светел, многоцветен и гармоничен, «хмури» и тьма приходят в города как предвестник беды и социальных катаклизмов, тогда как в прозе Горького и традиции, следующей за ним, провинция — это «звериная глушь», темная во всех смыслах этого слова.

Цитирование: Непомнящих Н. А. Образ города в прозе С. Н. Дурылина / Н. А. Непомнящих // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 136-149.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-136-149

Ключевые слова

С. Н. Дурылин, образ города, провинция в русской литературе, М. Горький, «Городок Окуров», символика цвета, мотив колокольного звона.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-136-149

Введение

«Под небом голубым есть город золотой»: незримый Град Китеж как прообраз города в прозе С. Н. Дурылина

В «Сказании о невидимом граде Китеже» С. Н. Дурылина — переложении известной легенды, уже заявлены те художественные принципы, которые не только формируют образ города в его повестях и романе «Колокола», но и определяют характер всей его будущей прозы. В художественных произведениях С. Н. Дурылин создает идеальный мир, оглядываясь в прошлое, видит только хорошее и доброе. По его убеждению, русская литература всегда была исполнена христианского духа, давала образцы истинной религиозной добродетели, поскольку вобрала в себя лучшее из народной культуры: «„Зосима“ Достоевского, „Оптина“ Леонтьева, „праведники“ Лескова, Пушкина, Достоевского, того же Толстого, — народное золото, алмазы до дна народного моря...» [2, с. 273]. Образы праведников, созданные Н. С. Лесковым, и в целом лесковское творчество во многом повлияли на дурылинскую прозу, по его собственному признанию, он стремился создавать только положительные образцы: «Я начал осенью повесть <...> Теперь ее перечел — и подумал: какие у меня все хорошие люди! А ведь есть на свете и плохие, и даже отвратительные! Писатель должен кажется, давать и отвратительных, но я не могу. Остается, значит, выбирать темы, где отвратительным просто нет и места, где уклад жизни, напев жизненный умирят и разотвращают отвратительное» [3, с. 857]. Название города Хлынова — это историческое название города Вятка, и литературное имя города из повести Д. Мордовцева «Москва слезам не верит». В повести Мордовцева Хлынов с его старинным укладом жизни противостоит Москве, однако в ходе осады гибнет. Возможно, что этот беллетристический источник мог повлиять на выбор названия города Хлынова в «Сударе-коте».

У Дурылина земной город, как и вся земная жизнь, всегда отражение небесного, высшего: образец, который он сам создал и который станет прототипом для провинциальных городков его прозы — Хлынова, Калуги, Темьяна — это незримый Китеж. Исчезнувший Незримый Град воплощает в себе тот идеал, который хотя и невозможен в реальности, но вместе с тем задает ориентир для человеческих устремлений, это тот образец, который проступает за земными реалиями в знаках и символах.

В изображении самого града Китежа в «Сказании...» важны не детали, описывающие его устройство, топографию, здания, — их нет, а обобщенные формулы, похожие на эпические былинные и сказочные повторы. В описании

города много эпитетов: «Храмы Божий *золотыми* крестами в *синее* небо смотрят, колокольный звон над городом, как облако густое, плывет... Палаты княжеские, как жар *златоверхой* кровлей горят, стены *белые* город хранят» [4, с. 58]. Город «горит», «сияет» золотом и серебром. В тексте всего «Сказания...» множество инверсий, сравнений, эпитетов, что характерно для фольклора и стилизаций под него. Эта стилистика будет сохранена в более поздней прозе Дурылина в описании города Хлынова в повести «Сударь-кот» и в большей степени при описании города Темьяна в романе «Колокола». В романе и повести даны не реалистические «портреты» российских дореволюционных провинциальных городов, а мифологизированные, идеальные их образы, такие, какими писатель хотел их помнить, по отношению к ним также справедливы слова «Сказания...»: «Славился Большой Китеж, а красой своей несказанной, церквами Божьими златоверхими, звоном Успенским радостным, а больше всего — чистою жизнью мудрой и праведной, китежской» [4, с. 59].

«Сказание...» начинается описанием озера Светлояр, того самого, на берегу которого выстроен сказочный град. Почти дословно это описание перейдет в финал романа «Колокола»: здесь те же самые «янтарные» капли смолы, «розовые» стволы сосен, «золотые» полосы «желтеющих» полей, «алые ковры» «краснеющей» земляники. Лейтмотивами становятся эпитеты «тихое», «чистое» (концепты «тихости» и «чистоты» чрезвычайно важны у Дурылина), а также «серебряное» и другие производные от слова «серебро», в том числе глагол «серебрится» [3, с. 683-684]. Изобилие цветowych эпитетов и глаголов, обозначающих цвет, привязка к слову «серебро» и в целом лексике со значением блеска и характеристике «светлое» (озеро «играет на солнце», горит, блестит, сияет) служит для создания сказочно-легендарного колорита, создают фольклорно-народную стилистическую окраску, одновременно постулируя, что святое место у Дурылина должно быть многоцветно и красочно.

Легендарное озеро в «Сказании...» выглядит необычно: оно чрезвычайно чистое, прозрачное, в нем не купаются люди, к нему не прикасаются звери и птицы. К тому, что оно волшебное подготавливает идиллический красочный пейзаж, в котором нет ни единого изъяна. В романе «Колокола» в светлом серебряном озере утонули по дороге на переплавку снятые с колокольной главы колокола Темьяна, и в нем теперь можно услышать колокольный звон, подобно тому, как в Светлояре слышен звон колоколов Китежа. Точно так же, как в легендарном озере, где не каждому покажется праведный град, не каждому будет слышен колокольный звон Темьяна, а лишь «чистому душой» праведнику. В «Колоколах» этот звон слышит юродивый.

Методы

Поскольку цель исследования — охарактеризовать образ города в дурылинской прозе, необходимо понять, какими художественными средствами этот образ создается как в каждом конкретном произведении, так и во всем корпусе его текстов. Среди методов, с помощью которых возможно проанализировать

в целом корпус художественных и мемуарных текстов, в первую очередь может быть назван *мотивный анализ*, поскольку он позволяет выявить повторяющиеся элементы в разных текстах автора: повторяемость — одна из неотъемлемых характеристик мотива. Таким повторяющимся конституирующим мотивом в создании образа города у Дурылина служит мотив колокольного звона — та незримая вертикаль, что связывает земное и небесное. Кроме того, *семиотический анализ* богатой дурылинской цветовой палитры (цветовые эпитеты, сравнения, метафоры и др.) позволяет выделить доминирующие характеристики в описании провинциальных городов в повести «Сударь-кот» и романе «Колокола»: так, золотой и серебряный цвет, уподобление серебру или золоту, всегда будут отсылкой к миру горнему, а богатство цветовой гаммы в описании городов — это одно из средств «эмоционального кодирования», призванное показать праздничность, полноту и многообразие провинциальной жизни. Как антиномии многоцветию благополучного дореволюционного существования выступают «хмурь», сумрак, тьма, пришедшие вместе с первой мировой войной и революционными переменами.

Результаты исследования и их обсуждение

*Цветовой код и мотив колокольного звона
в создании образа «праведного города»*

Описание озера в обоих дурылинских произведениях: «Сказании...» и «Колоколах» — избыточно многоцветны. В его прозе прослеживается такая закономерность: как в повести «Сударь-кот», так и в романе «Колокола», чем более благополучно идет жизнь города, тем более она красочна и похожа на яркий праздник, ее пестрота — проявление ее полноты и разнообразия. Чем чище и ярче оттенки, тем ближе герои к Богу, чем святее место, тем более ярким будет его описание. Возможно, это связано отчасти с дурылинским интересом и увлечением иконописью. Его проза испещрена теми специфическими словечками, которыми называли краски или их оттенки, в том числе и в описаниях икон: желть, празелень и другие. Диалектное слово «бель» он также использует для обозначения цвета и света. Цвета в описаниях его пейзажей часто сочетаются так же, как на русских иконах: красное с золотым, синее с серебром и золотом. Но в художественных текстах Дурылина названия красок и их оттенков, как правило, возникают вовсе не в связи с иконографией: он раскрашивает ими совсем другие изображения — описания маленьких городков, где происходит действие его повестей. Их характеристики всегда прежде всего цветковые, так показан глазами звонаря Темьян с большой высоты колокольни: город складывается из цветковых пятен, словно пестрая мозаика:

«Холстомеров сел на скамейку под колоколами, возле перил у пролета, и смотрел на город. Весна **зазеленила и забелила** все сады. <...> Иван Филимоныч любовался садами и переходил то к одному пролету, то к другому; в третий пролет **сверкали золотом купола собора**, и **синела** дальняя

бечевка Темьяна, перевязавшая **зеленую** ровную ткань лугов, а в четвертый — **серела** широкая соборная площадь с **белыми**, Екатерининской стройки, присутственными местами. <...> У одного **зелено**, у другого — **бело**»¹ [3, с. 485].

В «Сударе-коте» юный рассказчик видит монастырь и собор в начале осени, когда растительность вокруг особенно причудливо разноцветна: «К собору вела дорожка под кленами, которые все еще были густы, все в золотом и красном» [3, с. 252]. По богатству цветовой палитры в прозе Дурылин близок к Андрею Белому. У Дурылина даже глаголы передают цвет: его мир белеет, сереет, розовеет, голубеет, зеленеет, краснеет, алеет, желтеет, рыжеет, золотится и даже «алмазится», — последнее слово встречается, помимо прозы Дурылина только у А. Белого². Рассказывая о богатой пасхальной иллюминации, его герой произносит слова «цветливый», «звездистость», «алмазится» — ему не хватает обычных слов для того, чтоб передать всю красоту и многоцветность праздничных огней. Мох на полянке возле озера в «Колоколах» «рыжел, зеленел, краснел, голубел» одновременно, а в самом описании озера, занимающем менее странички, более полутора десятка различных цветowych эпитетов:

«На вырубленных полянках земляника крупнела около пнищ, и мох **рыжел, зеленел, краснел, голубел**. Малинник вставал живыми стенками, весь опутанный легкими паутинками повилики, — и рядом с **красными** спелыми головками малины, там и тут, выглядывали тонкие, **лиловые и бледно-розовые** цветики повилики. Опушка замелькала **ярко-зелеными** солнечными пятнами за последним частоколом сосен, но Испуганная не вышла на опушку, а взяла вдоль по частоколу, — и вдруг, из-за стройных стволов, **розовых** и теплых от зноя, яркая зелень сменилась мягкой, **серебряной синевой**. Это было озеро. Тут Испуганная вышла из частокола. Лес обрывался над озером тремя крутыми холмами. По другую сторону продолжали **синь озера голубоватые полосы льна**, взбегавшие на пригорок. От воды их отделяла **золотая** дорожка песка. Глянув на озеро, Испуганная перекрестилась. И все перекрестились» [3, с. 683-684].

Рябь на озере — это «голубое серебро», рябь «серебристая», вокруг озера «малиновые головки иван-чая», а небо над ним — «синее, золотимое вечеряющим солнцем». Золото и серебро в художественном мире Дурылина — особый знак принадлежности к горнему: традиционно золотятся на фоне синего неба в его книгах купола церквей, кресты, а крестный ход, наблюдаемый с колокольни похож на «золотую ящерку», золотится хвост кометы, в котором горожане видят «золотой перст божий» и «золотой меч». «Золотым» бывает пасхальный удар колокола — «золотой клич», «золотистым» — пасхальный

¹ Все выделения в цитатах наши — Н. Н.

² См. Белый А. Собрание сочинений в 6 тт. М., 2004. Т.4 «Маски». С. 95. Или стихотворение «Подъем», где есть «алмазющиеся» — причастие, встречающееся также в тексте романа Дурылина «Колокола».

звон. Теми же самыми «серебряными» эпитетами и сравнениями, что и озеро Светлояр в «Сказании...», описаны в романе «Колокола» колокольные звоны легендарного темьянского звонаря Власа, сохраняемые и другими звонарями после его смерти:

«Потекла вдруг в воздухе *светлая* и широкая река, зарябилась *серебристой* рябью, рябь сменилась *белыми* всплесками, всплески — дружными *белоголовыми* волнами, догонявшими одна другую. Река потекла, *сверкая, пенясь и играя на солнце*, широкая и вольная» [3, с. 472].

Жизнь дурылинского города всегда сосредоточена вокруг собора, монастыря, колокольни. Его пространство осеняют крест и благовест, и сама жизнь в городе возможна только пока ее хранят эти обереги: простирается над городом звон колоколов и видны кресты на церквях. Это та незримая вертикаль, которая связывает небесное и земное. Звон спасает душу тем, что омывает ее: один из героев прямо называет его «баней» и «душем», смывающими с души грязь, а в самом начале романа говорится об очищающей силе звона:

«Звон окутывал Темьян *светлым* облаком. Как из недостижимо высокой тучи, лился звон сверкающим дождем над домами и лачугами Темьяна, и *играющие на солнце* или печальные от вечернего сумрака капли падали на прохожих и оставляли *светлый*, хоть и мгновенный *след свежести и чистоты* на их лицах, *зачернелых* копотью обыденной суеты и повседневной беды» [3, с. 469].

Колокольный звон, по замечанию И. В. Мотеюнайте, не просто объединяет жителей города, он придает существованию темьянцев метафизическое измерение [6, с. 339], поднимает их над «копотью обыденной суеты». Что звон колокола, что крест, слышимый или видимый издали, не дают заплутать человеку и в прямом смысле (в романе неоднократно звонари звонят в колокол, чтобы никто не заблудился в метель, подобно тому, как в «Сказании...» говорится, как крест на высоком куполе собора виден отовсюду и служит ориентиром в окрестных лесах для путников), и в переносном — оберегают душу.

Собор — это всегда центр дурылинского мира и мира его героев: «Соборная колокольня высока, и *золотой* купол ее ярко *горит* над Темьяном» [3, с. 469]. В книге воспоминаний «В родном углу. Чем жила и дышала прежняя Москва» дана модель дурылинского мира, по которой строятся замкнутые миры его «книжных» городов. Повествование в мемуарах начинается с описания Богоявленского прихода и собора — это сакральный центр того мира детства, где он рос, центр Москвы его прошлого. Всячески подчеркнуты изобильность прихода — и людьми, и благами, всячески подчеркивается величина самого собора: свечи пудовые, колокол огромен и звучен, на праздники до тысячи человек собираются в нем. Некоторая гиперболизированность, присущая описанию Богоявленского прихода, придает рассказу эпичность, отчасти легендарность, — так творится миф прошлого, которое кажется в ретроспективе воспоминаний утраченным золотым

веком. Многоцветные картины служб и праздников из воспоминаний детства повторяются также в его художественной прозе: крестные ходы, службы, народные гуляния — эти сцены иллюстрируют «соборную» жизнь Темьяна и Хлынова. Провинциальные городки и храмы из его книг подобны этому главному для него «образцовому» пространству Богоявленского собора и прихода. Описание города у Дурылина невозможно представить без храма или монастыря, организующих его жизнь, а сияющие на фоне синего неба золотые купола и кресты — самые яркие детали пейзажа. Однако сияющие купола церквей — это не только эстетическая доминанта, но и смысловая, бытийная координата в мире Дурылина, надежный остров в зыбком житейском море. Такими предстают в первый раз перед читателем «бабушкин» монастырь и собор в «Сударе-коте»:

«Монастырь был на окраине города. Одноглавый древний собор был почти не виден за высокой стеной; только **золотой** крест с **золотыми** цепями, прикреплявшими его к **синей** главе, **сиял** в осеннем небе **четко и празднично**» [3, с. 252].

Вернувшийся из далеких земель герой повести «все смотрел на хлыновские кресты — как на **заре блестят они огнисто и воздушно** — на небе, прислушиваясь к колокольному звону» [3, с. 313]. Заря и закат в книгах Дурылина стоят обычно в одном ряду со словами, однокоренными слову «золото»: эпитеты, сравнения, метафоры с производными от него напоминают об эффекте, который появляется на восходе и закате солнца, когда лучи золотят своим светом все вокруг, тем самым показывая соприкосновение земного и небесного. На значимость мотива закатного солнца для всего творчества Дурылина указывает А. И. Резниченко [9, с. 255]. Нельзя не вспомнить здесь статью Дурылина «Об одном символе у Достоевского», где он рассматривает символику лучей заходящего солнца в книгах писателя. Важно, что у самого Дурылина речь идет не об отдельных лучах, для его прозы скорее важен блеск солнца, часто — отраженный. У него закатный или рассветный свет солнца отражается в куполах церквей так, чтобы они сияли и горели. Сияние в его прозе — символ божественного света. В «Колоколах» закатное и рассветное «золото» упоминается не раз: «золотился рассвет», «догребали последнее золото на закате», несколько раз колокольный звон уподоблен свету, один из них — момент, когда Влас нашел новый звон, гораздо лучше первых двух, до того прекрасный и совершенный, что он сам ушел вслед за ним:

«...будто тихое глубокое озеро разлилось кругло и широко, и круговую своей, высокою-высокой волною ширилось и льнуло к необычайно светлым высоким берегам, и трепетало **алмазною, слепительно сияющею** гладью, и прибывало, и вздымалось к **белому** нагорью берегов. У Власа захватило дух от радости. Зажмурив глаза от **белого** света, он потянулся за ширящею озерною **алмазною** волною — потянулся всем телом, чтобы волна вынесла его на светлый берег. Звон оборвался и рухнул куда-то с горькой жалобой» [3, с. 474].

Таким образом, дурылинский город соткан из цвета, света и колокольного звона. Это ключевые мотивы, которые повторяются из книги в книгу, благодаря их семантике и семиотике изображение города в дурылинской прозе всегда символично, а не конкретно-вещественно. В его городе мало бытовых деталей и подробностей. Дурылинские города отчасти похожи на красочные картины Лентулова: в них можно узнать яркие пестрые образы храмов и зданий, но нельзя сказать, что эти изображения типичны или историчны, они скорее часть авторского мифа об ушедшей России — мира, хотя и узнаваемого, но больше идеального, чем реального. Это особенно хорошо заметно на фоне предшествующей литературной традиции и рядом с коллективно созданным на рубеже веков полотном «уездного» города в книгах современников писателя: Горького, Замятина и других.

*Провинциальный город в прозе С. Н. Дурылина
на фоне предшествующей литературной традиции*

Русский уездный город в литературе, как правило, не был столь красочным, радостным и светлым, как у Дурылина. Писатель словно не соглашается как со своими современниками, так и с классической традицией. По словам И. В. Мотеюнайте, «Дурылин в „Колоколах“ наследует символизму в поэтике, полемизируя, однако, с оформившейся в начале века традицией изображения героя-жителя глухой провинции» [7, с. 554]. И если «образы уездных и губернских городов, созданные Горьким, Андреем Белым, Ф. Сологубом, Замятиным, — это воплощение дикости, грязи и разврата», то образ провинциального города у Дурылина как несущего на себе печать Града Невидимого спорит с «инферральными локусами провинции А. Белого и Ф. Сологуба» [7, с. 555]. Наиболее контрастными выглядят дурылинские Хлынов и Темьян в сравнении со знаковым для начала XX века городком Окуровым и городком из романа «Колокола» (1925) его современника И. Евдокимова.

Если сравнивать цветовые и звуковые коды у Дурылина с таковыми же горьковскими, то первое на что бросается в глаза, — это мрачность и сумеречность окуровского мира, в повести Горького в первых же строках сообщается, что солнце здесь «тускло», а на протяжении всей повести в тексте доминируют эпитеты «темный», «черный», «грязный», «зловещий», «гниющий». Постоянно упоминаются «тьма», «мгла», «сумерки». Даже зори в Окурове «зловеще багряны, а луна — на восходе — велика и красна, как сырое мясо» [1, с. 7]. Несмотря на явное влияние модернистской стилистики в этой фразе, в остальной повести ее элементы проявляются лишь на уровне таких же ярких отдельных тропов и лейтмотивов, некоторой словесной избыточности, а в целом повествование выдержано в духе реалистической традиции. Так, несколько раз повторяющийся эпитет «гниющий» никогда не носит абстрактного значения, это всегда бытовой запах: болотных трав, пера изношенной постели, мусора — деталей, невообразимых в мире Дурылина.

В «Колоколах» Дурылина цветовые эпитеты и общая атмосфера меняются ближе к финалу. Дни вдруг становятся «бурыми». Если у Горького «тьма», «мгла»,

«сумрак» нависают над городом постоянно, то в Темьяне Дурылина «хмури» приходит с социальными катаклизмами: войной и переворотом. Исчезает керосин, на улицах темнота, и в домах тоже «едва теплятся лампадки». Колокольный звон больше не слышен, появляются редкие звуки фабричных гудков и паровозов:

«Паровозы не жаловались истошными голосами: кричали от боли редко-редко и очень коротко. Фабричные гудки вскрикивали с испугу — и, вскрикнув, точно боялись, что нарушили застоявшуюся тишину, и спешили скорее подчиниться тишине, залепившей весь город» [3, с. 676].

Темные краски, пасмурная погода, угнетающая темнота и давящая тишина, прерываемая «истошными» звуками, становятся знаками наступившего неблагополучия. Утрату колокольного звона, немому колоколов как отрезанность от прежнего мирного течения жизни ощущают все жители города: его жизнь словно прекращается вместе с жизнью колокольной.

В Окурове колокольный звон звучит всего дважды, и это «безнадежный зов», который «робко и жалобно стелется». Зато в городе Горького полно иных звуков, бытовых: постоянный фон окуровской жизни — визг, крик, пьяная ругань, лай и тявканье собак, стук бондарей. Повторы создают устойчивые лейтмотивы на протяжении всего текста, и если в «Колоколах» у Дурылина таким сквозным «аудиомотивом» становится колокольный звон, то в «Городке Окурове» можно выделить другие звуковые рефрены — несколько раз повторяющиеся в связке друг с другом: 1) ветер: он «вздыхает», «шумит», «взвизгивает», «свистит»; 2) лаянье собак, карканье ворон, крик пугача и оглушительный крик галок в финале; 3) трижды на протяжении текста упомянутое «тум-тум-тум!» — «глухие удары бондарей», которыми буквально заканчивается горьковская повесть.

Город Горького звучит зловеще, неприятно, звук идет «снизу», это обыденный городской шум, а его источник — люди, их непутевая суета, враждебные стычки. В самом первом абзаце повести Горький уже обозначает разъединенность людского житья, используя множество слов с приставками «раз-» и «рас-»: «распаханных», «разделила», «разрезав». Его город сразу поделен на две враждующие половины. Если он и похож на крест, то только на «могильный», о чем говорится в первых же строках. Город Дурылина объединяется и окутывается колокольным звоном, как облаком, «сверху», одновременно очищаясь им от житейской скверны.

Роман И. Евдокимова «Колокола. Из хроники 900-х годов», написанный в 1925 и опубликованный в 1926, посвящен картинам быта рабочих маленького неназванного провинциального городка. Действие происходит в рабочей слободе, революционная борьба рабочих перемежается бытовыми и любовными конфликтами. Образцом для романа скорее всего послужил горьковский Окуров, роман Евдокимова написан в русле горьковской реалистической традиции, местами довольно вычурная стилистика напоминает подобные же горьковские «выверты» в «Городке Окурове». Горький отнесся к роману благосклонно и с его легкой руки текст был взят в «Красную новь».

Любопытно, что немалую роль играет в романе Евдокимова образ озера Чарыма. Оно изображается по принципу природного параллелизма: водная стихия всегда реагирует на происходящие в мире события. Озеро в финале дурылинских «Колоколов», конечно, в первую очередь связано с его же переложением легенды о Граде Китеже, однако интересно, что именно Евдокимов в своем романе первым уподобляет колокольный звон дождю и озеру, — образ, который потом будет отточен до приема и превращен в лейтмотив в тексте «Колоколов» Дурылина. Евдокимов завершает роман описанием колокольного звона: главный герой, арестованный и осужденный за свою революционную деятельность, отбывает с другими арестантами на поезде с вокзала родного города под звон колоколов и заводской гудок. Описывая колокольный звон в финале, писатель прибегает к образу красочного весеннего пейзажа, половодья:

«Егора будто качало от звона; качало воздух, здания, небо, землю; и поезд, как длинные плоты на реке, на течении, тоже качался... Отгудели большие колокола, дали дорогу колоколам часовым, подчаскам, повесочным, мелкой колокольной рыбешке... Старики передохнули, разбежалась челядь, изготовилась — и **неумолкающим ливнем колокола брызнули**, понеслись парами, тройками, цугом, шестериками, затрубили певучими трубами облака — и в золотые тарелки ударило солнце... Большаки отставали, запинались, а потом разобрало. **Казалось, над всем городом плескалась, шла валами Чарыма**, плыли колокола-льдины, летали колокола-чайки, рос на берегах кустарник — мелкий колокольняк, **на загнутых клювах валов** трезвонили ширкунцы и бубенцы, и сам Никола Мокрый ворчал, ворочая соборным языком» [5].

Фабричный гудок в последнем предложении зовет героя на работу, перекрывая звук колоколов. Гудок звучит и в начале романа, там он «ноет» и в совокупности с уличными «воплями», громкими, не всегда приличными песнями, криками, карканьем ворон составляет звуковой фон романа. В изображении этого рабочего городка, как и в описаниях Окурова, много серого, мрачного, черного. Возможно, Дурылин, своим многоцветием как раз полемизирует с авторами «Городка Окурова» и «Колоколов». В тексте его романа «Колокола» есть некоторые параллели, позволяющие так считать, но также возможно, что он противопоставляет свой образ Незримого Града, прозреваемого в земных городах, всей традиции изображения русской провинции в литературе как мрачного темного царства и «уездной звериной глуши». Дурылин, будучи ценителем прозы Н. С. Лескова [8], ориентировался в своем творчестве прежде всего на его праведников и поэтические описания Старгорода («Соборяне») [7].

Тьма, мгла, грязь, какофонический шум, которые становятся неотъемлемой частью описания городского быта у Горького и его последователей, совершенно отсутствуют в городках Дурылина, где семейные распри заканчиваются мирно, а монастырь или колокольня буквально спасают тех, кто оказывается в непростых обстоятельствах. Так, обманутый муж становится не убийцей, а звонарем; вдовец находит успокоение в звонарном ремесле и тем самым спасается от самоубийства;

в звонари или в монастырь уходит один из лучших городских купцов. Все земные несчастья в городе Дурылина можно разрешить, служа небесному. Социальные конфликты в этом мире сглажены, временное не может одолеть вечного — неважно, зримо оно или незримо: можно снять колокола с колокольни, можно утопить их в озере, но нельзя лишить колокольного звона того, кто слышит его в своей душе. Спасается в мире Дурылина каждый, кто благодаря праведной жизни своей, видит божественный свет, слышит горнее и не отступает от него. Создавая образ провинциального города, писатель прежде всего видит в нем Град Небесный — тот незримый ориентир, очертания которого, нужно лишь уметь прозреть в знаках и символах, заключенных в земных реалиях.

Заключение

Мотивный и семиотический анализ прозы С. Н. Дурылина позволяют выявить в его прозе повторяющиеся в описаниях провинциальных городов мотивы: колокольный звон — это связь земного с небесным, на ту же связь и принадлежность к миру горнему указывают обычно золото, серебро, сияние, а также яркие цвета. Устроены все эти воображаемые города российского прошлого похожим образом: их благостный и обязательно многоцветный облик резко контрастирует с предшествующей литературной традицией изображения русской провинции, например, знаковым «Городком Окуровым» М. Горького, по отношению к которому Дурылин полемичен. У Дурылина земной город, как и вся земная жизнь, всегда отражение небесного, высшего: образец для праведного устройства провинциальных городков — Хлынова, Калуги, Темьяна — град Китеж, что повторено в словесных формулах, эпитетах и сравнениях, которые впервые были найдены писателем в ранней прозе — в «Сказании о невидимом Граде Китеже». Мысль о небесной сути земного облика каждого из дурылинских городков воплощается посредством цветового и звукового кодов. Цветовые и звуковые образы у Дурылина противопоставлены таковым же в «Городке Окурове» и аналогичным образам в романе «Колокола» И. В. Евдокимова (1926). Мир городской жизни в прозе Дурылина многоцветен и гармоничен, тогда как в прозе Горького и традиции, следующей за ним, провинция — это «звериная глушь», inferнальная и темная во всех смыслах этого слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горький М. Городок Окуров / М. Горький // Горький М. Собрание сочинений в 30 тт. Т. 9: Повести (1909-1912). Москва, 1957.
2. Дурылин С. Н. В своем углу / С. Н. Дурылин. Москва, 1991. 336 с.
3. Дурылин С. Н. Рассказы. Повести и хроники / Составители А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. Т. 1. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2014. 777 с.
4. Дурылин С. Н. Сказание о невидимом Граде Китеже / С. Н. Дурылин // Дурылин С. Н. Русь прикровенная / публ, сост., фото и вступ. статья — С. В. Фомин. Москва: Паломник, 2000. С. 55-73.

5. Евдокимов И. В. Колокола / И. В. Евдокимов. URL: http://az.lib.ru/e/ewdokimow_i_w/text_1925_kolokola.shtml Дата обращения: 27.08.2021.
6. Мотеюнайте И. В. Юродские слезы, колокольный звон и русская история (о способах символизации в романе-хронике Дурылина «Колокола» на примере образа юродивого) / И. В. Мотеюнайте // Теория, традиции, христианство и русская словесность. Ижевск, 2009. С. 337-357.
7. Мотеюнайте И. В. Бытие или существование? К вопросу об изображении провинциального города / Мотеюнайте И. В. // Памяти А. И. Журавлевой. Сборник статей. Москва: Три квадрата, 2012. С. 554-577.
8. Непомнящих Н. А. Фигура Лескова в рефлексии Дурылина: «писатель-воспоминатель» / Н. А. Непомнящих // Сюжетология и сюжетография, № 1, 2020. С. 104-116.
9. Резниченко А. И. «Об одном символе»: истоки и параллели. Статья 2: Достоевский как символист / А. И. Резниченко // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал, № 3, 2021. 255 с.

Natalia A. NEPOMNYASCHIKH¹

UDC 82:316.3+82.08

THE IMAGE OF THE CITY IN THE PROSE OF S. N. DURYLIN

¹ Cand. Sci. (Philol.), Senior Researcher, Institute of Philology,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)
alkat@ngs.ru; ORCID: 0000-0001-5958-0554

Abstract

Motivational and semiotic analysis of S. N. Durylin's prose makes it possible to reveal in his prose motifs that are repeated in descriptions of provincial cities: a bell ringing denotes a connection between the earthly and the heavenly; gold, silver, radiance are a sign of belonging to the mountain world, bright colors are a sign of the fullness and prosperity of life, the well-being of the city and its inhabitants. The action in the novellas "Monsieur-cat", "Notes of Yelchaninov" ("The Chamber of My Memory") and the novel "Bells" by S. N. Durylin takes place in small district towns. These cities are arranged in a similar way, their blissful appearance contrasts sharply with the previous literary tradition of depicting the Russian province, for example, the iconic Okurov town by M. Gorky, in relation to which Durylin is polemical. Durylin's earthly city, like all earthly life, is always a reflection of the heavenly, the higher: the model for the provincial towns — Khlynova, Kaluga, Temyan — is the invisible city of Kitezh, the image of which the writer creates back in 1916 in the Legend of the Invisible City of Kitezh. The idea of the heavenly essence of the earthly appearance of each of the Durylin townships is embodied through color and sound codes. Durylin's color and sound images are contrasted with those in the "Okurov Town" written by M. Gorky and similar images in the novel "Bells" written by I. V. Evdokimov (1926). The world of urban life in Durylin's prose is bright, colorful and harmonious, "gloom" and darkness come to cities as a harbinger of trouble and social cataclysms, while in Gorky's prose and the tradition that follows him, the province is a "wild wilderness", dark in all meanings of the word.

Citation: Nepomnyaschikh N. A. 2021. "The Image of the City in the Prose of S. N. Durylin". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 136-149.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-136-149

Keywords

S. N. Durylin, the image of a city, a province in Russian literature, M. Gorky, “Okurov Town”, color symbolism, bell ringing motif.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-136-149

REFERENCES

1. Gorky M. 1957. “Okurov town”. Gorky M. Collected Works in 30 volumes. Vol. 9: Stories (1909-1912). Moscow. [In Russian]
2. Durylin S. N. 1991. In Its Corner. Moscow. 336 p. [In Russian]
3. Durylin S. N. 2014. Stories. Novellas and Chronicles. Edited by A. I. Reznichenko, T. N. Frisky. Vol. 1. Saint-Petersburg: Vladimir Dal. 777 p. [In Russian]
4. Durylin S. N. 2000. “The legend of the invisible City of Kitezh”. Durylin S. N. Closed Russia. Edited by S. V. Fomin. Moscow: Pilgrim. Pp. 55-73. [In Russian]
5. Evdokimov I. V. Bells. Accessed on 27.08.2021. http://az.lib.ru/e/ewdokimow_i_w/text_1925_kolokola.shtml [In Russian]
6. Moteyunaite I. V. 2009. “Holy Fool’s Tears, Bell Ringing and Russian History (on the Methods of Symbolization in Durylin’s Chronicle ‘The Bells’ by the example of the image of the holy fool)”. Theory, traditions, Christianity and Russian literature. Izhevsk. Pp. 337-357. [In Russian]
7. Moteyunayte I. V. 2012. “Being or existence? To the question of the image of a provincial city”. The Memory of A. I. Zhuravleva. Collection of Articles: Three Squares. Pp. 554-577. [In Russian]
8. Nepomnyashchikh N. A. 2020. “The figure of Leskov in the reflection of Durylin: ‘writer-recollection’”. Plotology and Plotography, no. 1, pp. 104-116. [In Russian]
9. Reznichenko A. I. 2021. “‘About one symbol’: origins and parallels. Article 2: Dostoevsky as a Symbolist”. Dostoevsky and World Culture. Philological Journal, no. 3. 255 p. [In Russian]

Юлия Сергеевна ПОДЛУБНОВА¹

УДК 82.09

**«Я ОДНО ВРЕМЯ ЖИЛА НА СЕВЕРЕ УРАЛА...»
УРАЛЬСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА
Е. А. НИКОЛАЕВОЙ (РАНОВОЙ)**

¹ кандидат филологических наук,
доцент, научный сотрудник,
Центр истории литературы,
Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
tristia@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5210-0861

Аннотация

Статья посвящена уральскому периоду творчества поэтессы Е. А. Николаевой (Рановой), примыкавшей до 1922 г. к авангардистской группе поэтов-«ничегоков», но отнюдь не исповедующей в своем творчестве принципы авангардизма, напротив, наследующей главным образом В. Я. Брюсову, А. А. Ахматовой, С. А. Есенину и др. В статье впервые полностью реконструирована биография поэтессы и впервые собраны и проанализированы материалы, относящиеся к уральскому периоду творчества (1922-1929). Мы отмечаем, что оказавшаяся на Урале в связи с высылкой мужа Александра Ранова (в литературных кругах известного как поэта-«ничегока» Аэция Ранова) и жившая с ним в разных городах региона, Е. А. Николаева (Ранова) вынуждена совершить творческую и жизнетворческую перестройку и начать сотрудничество с советской прессой. Стихи и поэмы уральского периода, публиковавшиеся преимущественно в пермских газетах и журналах, неизбежно приобретали агитационное звучание. Пример Е. А. Николаевой (Рановой) показывает, что в случае длительного пребывания приезжих писателей на Урале есть смысл рассматривать не только их вклад в создание образа региона, но и изменения в символических статусах или манерах письма, случившиеся здесь, а также культурные механизмы, приводящие к этим изменениям. С другой стороны,

Цитирование: Подлубнова Ю. С. «Я одно время жила на севере Урала...» Уральский период творчества Е. А. Николаевой (Рановой) / Ю. С. Подлубнова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 150-162.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-150-162

показательно и то, что поэтесса, идущая в своем творчестве на компромиссы со временем, в некоторых особо важных для нее текстах так или иначе сохраняла элементы индивидуального стиля, уводящего все к тем же поэтическим практикам Серебряного века.

Ключевые слова

Поэзия 1920-х годов, «ничевоки», Елена Николаева (Ранова), уральская печать 1920-х годов, образ Урала, образ Севера, литературная жизнь на Урале, «Живая театрализованная газета».

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-150-162

Введение

Урал глазами приезжих писателей, т. е. тех, кто посетил регион или жил здесь какое-то время, — тема не новая для литературоведческих, краеведческих, культурологических исследований. Объектами изучения в этом смысле не раз становились «дорожная литература» и травелоги (Е. Г. Власова), вклад приезжих в создание «геопэтики» региона (В. В. Абашев), уральского «локального текста» (Е. К. Созина) и т. д. Анализировалась острабяющая и одновременно вовлекающая оптика, которой наделены писатели-туристы, позволяющая дерутизировать и реонтологизировать повседневность региона, увидеть его ландшафтную, производственную, бытовую специфику и при этом выстроить сопостранственные связи, о которых пишет реконструирующий метафизику путешествия Д. Н. Замятин [6], и в конечном счете через событийную причастность к освоенному пространству и с помощью инструментов письма включить региональное в контексты общероссийского и глобального. Как мы знаем, не только уральцы Ф. М. Решетников, Д. Н. Мамин-Сибиряк, П. П. Бажов открывали и в литературном плане изобретали регион, но и посетившие его А. П. Чехов, Б. Л. Пастернак, Л. М. Рейснер, В. В. Маяковский, Л. Арагон, В. П. Катаев, А. Т. Твардовский и др.

Между тем, проезд писателей в какой-либо регион или продолжительное пребывание в нем, отраженные в нарративах о поездке или целом отрезке жизни, имели помимо аспекта рецептивного аспект социокультурный, затрагивающий «социальное бытование» (Б. М. Эйхенбаум) литературы и литераторов в регионе. Приезжающие вольно или невольно проводили ревизию литературных институций и сообществ, работающих (или не работающих) на местах. Как пишут Е. Г. Власова и А. П. Ведерников, «можно говорить о разных аспектах жанрового анализа локального текста: это и обстоятельства литературной жизни (ключевой текст, личность писателя, литературная среда, внешние связи и т. д.), и историко-культурный контекст, и географические и климатические характеристики ландшафта. Очевидно, что актуализация каждого из них связана с особенностями конкретного локального текста или отдельного типа локальных текстов» [3, с. 143]. В отдельных и специальных случаях логично рассматривать не только вклад писателей в создание образа региона, но и те изменения

в символических статусах или манерах письма, которые произошли за время поездки/пребывания здесь, а также сами механизмы символического «в конструировании литературного поля» (П. Бурдьё; Б. В. Дубин), присущие локации/пространству и в конечном счете приведшие к указанным изменениям.

Пример «ничевока» Елены Николаевой (Рановой) в подобном разговоре напрашивается сам собой.

Методы

В статье используются методы исторической и историко-литературной реконструкции (историко-генетический метод), элементы типологического и системно-структурных методов, учтены достижения гуманитарной регионалистики, исследований локальных текстов, «геопозтики» и социологии литературы.

Результаты исследования и их обсуждение

Для начала имеет смысл реконструировать биографию поэтессы. Елена Александровна Николаева, известная также под фамилией Ранова (09.04.1897, г. Сольвычегодск, Вологодская губ. — декабрь, 1979, г. Курган) — русская поэтесса, журналист, педагог. Родилась в семье переводчика и ссыльного революционера. В 1908 г. переехала в Псков, в 1912 — во Францию, где посещала лекции в Сорбонне. В Россию она вернулась в 1916 г., училась на филологическом факультете Донского университета (Ростов-на-Дону) и на философском факультете Московского университета. Начиная с 1918 г. увлеклась поэзией, выступала с чтением стихов в Ростове-на-Дону и в Москве. В 1920 г. была принята В. Я. Брюсовым во Всероссийский профессиональный союз поэтов. В это же время Е. А. Николаева примкнула к литературной группе «ничевоков», а в 1921 г. в Москве вышла замуж за поэта-«ничевока» и санитарного врача Александра Ранова, известного в литературных кругах как Аэций Ранов. Супруги жили в Москве и Подмоскowie, где у них появился первый сын. В 1922 г. А. И. Ранов был выслан по делу левых эсеров на Урал. Рановы жили в Камышловe, Верхотурье (здесь родился второй сын), Н. Тагиле, Перми. Как внештатный автор Е. А. Николаева, уже подписывающаяся фамилией Ранова, с 1925 г. сотрудничала с уральской прессой. В Перми заведовала литературным кружком, читала лекции, участвовала в культурных мероприятиях. В 1929 г. Рановы уехали на Украину, с 1938 г. жили в Таджикистане. Здесь Е. А. Николаева (Ранова) окончила вечернее отделение Сталинабадского педагогического института (Душанбе), работала в таджикских вузах. В 1950 г. супруги переехали в Курган. Е. А. Николаева (Ранова) стала заведовать кабинетом усовершенствования русского языка и литературы в Институте усовершенствования учителей, была приглашена в качестве лектора в общество «Знание», являлась одним из организаторов народного университета культуры при курганской библиотеке В. В. Маяковского. Известно, что в Кургане Е. А. Николаева (Ранова) коллекционировала декоративные прикладное искусство, проводила выставки. С конца 1920-х гг. стихов не писала, но в 1970-х собрала самиздатовский сборник «Из двух тетрадей» (1975) и написала серию

воспоминаний о встречах с В. Я. Брюсовым, С. А. Есениным, В. В. Каменским, В. В. Маяковским, И. Г. Эренбургом и др., о «Живой театрализованной газете» и литературной работе в Перми [5, с. 4-5].

Уральский период жизни и творчества Е. А. Николаевой (Рановой) начался в 1922 г. и продолжился вплоть до 1929 г. В первую очередь и главным образом, он был ознаменован изменениями статуса поэтессы. Уехав далеко от Москвы, супруги Рановы оказались не только вне литературной и издательской деятельности «ничевоков», которая уже шла на спад, но и вне столичной литературной жизни в целом. Проживая в малых уральских городах, Рановы были практически отрезаны от литературной печати. В таких условиях сохранять прежние установки «чистого искусства», доставшиеся поэтам в качестве эстетического наследия Серебряного века, было сложно. Е. А. Николаевой (Рановой) очевидно пришлось определять свое отношение к эпохе, настраиваться на новый лад «человека эпохи Москвошвея» и следовать по тому же пути, по которому чуть ранее проследовал Василий Каменский (ему поэтесса посвятила одну из своих пермских лекций, а затем — один из мемуарных очерков [5, с. 25-26]): из художественной богемы в советские поэты [1]. Это означало активное сотрудничество с советской газетой и агитационную поддержку инициатив и действий власти. Мы не знаем, как тяжело далась поэтессе эстетическая перестройка, но с уральской прессой она начала сотрудничать только несколько лет спустя. В 1926 г. Е. А. Николаева (Ранова) стала внештатным сотрудником пермской «Звезды», а затем включилась в работу «Живой театрализованной газеты». Отныне ее тексты — стихи, очерки, статьи, агитационные пьесы и т. п. — сопровождалась подписью «Елена Ранова» или «Е. Р.», а с 1927 г. у нее появился псевдоним с легко считываемым политическим подтекстом Елена Сталь. Судя по фотографиям в книге «Елена Ранова» (2011), изменился даже облик поэтессы: из феминной красавицы Серебряного века с толстыми косами она превратилась в советскую женщину-журналиста в кепке и кожаной куртке, что заставило критика Льва Левина заметить, что внешне она подражала не то Ларисе Рейснер, не то Зинаиде Рихтер [9, с. 321].

Поэтическое творчество Е. А. Николаевой (Рановой) также заметно трансформировалось. Несмотря на принадлежность к группе «ничевоков», поэтесса никогда не увлекалась художественными практиками авангарда. Ее поэзию 1918-1922 гг. можно рассматривать как синтез наработок символизма (например, исследователи находят прямые переключки с В. Я. Брюсовым [15, с. 97]), акмеизма, столь любимого поэтами так называемой «южной школы» (влияние поэзии А. А. Ахматовой, Н. С. Гумилева), С. А. Есенина [7, с. 214] и др. Циклы стихотворений «Змеиные крыльца. Стихи об Яриле» (1920), «Подмосковье мое» (1920), «Голубой покой» (1920), «Северные стихи» (1921), «Псина» (1921), «Мать Сыра-Земля» (1922), «Стихи к сыну» (1922) демонстрировали довольно широкий, но в то же время весьма характерный для поэзии Серебряного века диапазон художественных стратегий: от переложений мифологических и фольклорных сюжетов («Змеиные крыльца. Стихи об Яриле», «Мать Сыра-Земля») до тонко

нюансированной любовной лирики, от бытовых зарисовок до переосмысления литературных реалий (как, например, цикл «Северные стихи», где героями стали гамсуновские Глан и Нагель). Общим моментом в стихах Е. А. Николаевой (Рановой) являлось сочетание природного и культурного, окрашенное личностными переживаниями («Мне снился твой звериный взгляд, / Когда по улицам туман / Неслышной поступью шагал. / О, Глан» [5, с. 49]; «Я, как Сольвейг, / Легко побегу на лыжах. / Сегодня солнечный день, / И деревья в белых ризах» [5, с. 66]). Стихи нередко были адресованы близким людям: мужу, сыну и др.

Уже в стихах 1923 г., написанных Е. А. Николаевой (Рановой) в Камышловое, появляются уральские реалии, но весьма специфические. В частности, в лирике 1923-1927 гг. становится центральным образ тундры, бескрайней, непокорной, несущей холод и гибель. Как позже вспоминала сама поэтесса, «Я одно время жила на севере Урала, и когда там дули холодные ветры, продувая насквозь тайгу, которая окружала наш городок, люди говорили: “Это ветер с тундры...”» [5, с. 76]. Стоит, впрочем, оговориться, что под севером Урала пишущая подразумевала вполне среднеуральские территории. По крайней мере, в одной из статей, созданных для «ЖТГ», с характерным названием «По живым газетам Северного Урала» речь идет о Свердловске, Кушве, Верхотурье, Н. Тагиле, Надеждинске (самом северном из перечисленных городов) и т. п. [20]. В российской географии Восток так или иначе обладает характеристиками Севера, и у Е. А. Николаевой (Рановой) Урал с его суровыми климатическими условиями и северная тундра соединились в одну поэтическую связку. Для обитательницы юга и равнинной части России встреча с уральской природой: снежными просторами, холодным ветром, полярной ночью и т. п., без сомнения, была более художественно заряженной, чем воображаемые норвежские холода, описанные в цикле «Северные стихи».

К примеру, если раньше в стихах Е. А. Николаевой (Рановой) могло оказаться «синее море» с гусями (геленджикский цикл «Псина»), то Урал являл просторы моря ледяного, полярного, сопряженного с пространством смерти. «Длинными шагами к морю / Глыбы льда руки трогают. / Ветер тундры впился в губы, / Взмахами крыльев леденя» [5, с. 76]. Ее Урал – это однозначно Север со всеми соответствующими характеристиками.

В поэме «Ветер в тундре», опубликованной впервые под названием «Гибель экспедиции» в январе 1927 г. в пермской газете «Звезда» [17], на первый план выходит образ страшного ветра: «Черный, огромный, крыльями кондора / Ветер метнулся от льдов...»; «Только ветер остервенелый / По тундре шатается» [5, с. 77]. Сама тундра мертва, «даже птичьи крылья не трещат» [5, с. 77], и только олени в состоянии прокладывать путь по ней. В уральских стихах поэтесса впервые в своем творчестве задумывается о том, насколько хрупкой является человеческая жизнь: служащие Статбюро, отправившиеся на Крайний Север переписывать ненцев, гибнут. «А те — четверо — не видели, как рассвело. / Над ними ветер тундру выровнял» [5, с. 80]. Ледяная пустыня равнодушно поглощает человека — и здесь Е. А. Николаева (Ранова), несмотря на явную агитационную составляющую «Ветра в тундре», наследует экзистенциально-

мифологической линии изображения Севера в литературе конца XIX — начала XX века [19] и только отчасти приближается к советской героической концепции трансформации природы человеком (образ четырех переписчиков, пытающихся покорить тундру).

В этой поэме очевидно сходятся две линии творчества Е. А. Николаевой (Рановой): лирическая, заданная стихами 1918-1921 гг., и все более оформляющаяся публицистическая, связанная с новой ролью советского «газетного автора», на которую соглашается поэтесса. Не случайно поэма была приурочена к всесоюзной переписи 1926 г., в газетном варианте ее предваряла новостная заметка: «В тундре началась перепись туземного населения. Работа переписчиков сопряжена с большими трудностями и опасностями. Полярная ночь и разбросанность населения тундры осложняют работу». При этом Е. А. Николаева (Ранова) не просто включилась в журналистскую работу и привнесла газетный факт в поэзию — теоретическое основание для этого дала платформа ЛЕФ, идеи которого активно пропагандировал в Перми А. И. Ранов [9, с. 321]. Ощущая связь с эпохой, Е. А. Николаева (Ранова) уже не могла писать, как прежде.

Мы можем установить момент, когда в поэзии Е. А. Николаевой (Рановой) прерывается «чистая лирика». Это 1924 г., когда была закончена поэма «Прелюдии», посвященная революции и «трагедии трех смертей». В книге «Елена Ранова» 2011 года, наиболее полно на сегодняшний день представляющей творчество поэтессы, приведен только один фрагмент поэмы, в котором оплакивается гибель поэта, революционера, друга супругов Рановых Оскара Лещинского. В мемуарном очерке, посвященном ему, Е. А. Николаева (Ранова) вспоминала: «Еще одна большая встреча с поэтом была на моем жизненном пути. Это встреча с Оскаром Лещинским, имя которого часто стоит рядом с именем Сергея Мионович Кирова. <...> Новый, 1919 год, мы встречали вместе у одного из соратников С. М. Кирова — Ю. П. Бутягина...» [5, с. 19-20]. Известно, что именно Лещинский познакомил будущих супругов. В поэме Е. А. Николаевой (Рановой) его гибель однозначно трактуется как потеря родного человека:

Рвите же, тоски моей снаряды,
Небесный свод.
Рядом
Я чую мертвый рот [5, с. 75].

Между тем, личный, экспрессивный разговор о смерти («Мой крик прорвет небосвод...» [5, с. 74]) разворачивается здесь на фоне революционных перемен, идущих в России. Образ России сопрягается с образом разрушительной стихии: «Кровью колышат зори / Пулемета треск в небе»; «Революции крылья / Над Россией взметнулись» [5, с. 75]. Подобное сопоставление заставляет вспомнить, например, «Демоны глухонемые» М. А. Волошина, артикулирующего ужас братоубийственной войны, однако поэтика текста Е. А. Николаевой (Рановой) далека от волошинской: семантика плача коррелирует здесь с плакатной поэтикой футуризма 1920-х гг.

В опубликованном фрагменте поэмы нет политических оценок происходящего, видна только попытка пережить боль утраты, травму войны и близких смертей, однако именно здесь, в точке схождения личного и политического, происходит формирование гражданского сознания поэтессы.

«Последним подъемом моей поэтической деятельности были годы жизни в Перми» [5, с. 32], — писала Е. А. Николаева (Ранова) в воспоминаниях. Приехав в Пермь в 1926 г., супруги активно включились в литературную жизнь города. А. И. Ранов принимал участие в «вечерах рецензий» при Центральной научной библиотеке, делал разборы литературных новинок, отстаивал левовские идеи, и противостоять ему в спорах не мог никто [9, с. 322]. Е. А. Николаева (Ранова) вела городской литературный кружок, читала лекции и доклады о современной литературе (например, о поэзии В. В. Каменского). В 1929 г. она даже сопровождала в поездке по Прикамью литературную бригаду ВЦСПС: В. Луговского, В. Казина, К. Минаева, С. Громана. Сотрудничая со «Звездой» и «Живой театрализованной газетой», поэтесса выполняла разнообразную творческую и организационную работу. Писала не только стихи, но и статьи, живгазетную продукцию (агитационные сцены, инсценировки газетных статей), рецензии на прочитанное и т. д. Важна была ее публичная позиция поддержки власти, предполагающая не только освоение советской историографии, но и применение языка советской риторики. Например, рецензию на романы «Сдается внаем» и «Серебряная ложка» Дж. Голсуорси Е. А. Николаева (Ранова) весьма характерно заканчивала политическим пассажем: «В дни резкого напора Англии на нас романы Голсуорси приобретают особенный социальный интерес, ибо старая Англия зашла в окончательный тупик, бесится и мечется перед наступающим социальным переворотом» [14].

Практически все ее живгазетные материалы — «санпросветные живгазетные доклады» «Грипп», «Каждый должен знать, как туберкулез побеждать», «статьи» «Это статья о том, как по Охране Труда работает завком...», «Концовка к живгазете, посвященной 10-летию профсоюза Metallистов», «Хочешь мира, готовься к войне», «каркасы» «Самогон из быта вон», «Перу Рабселькора!», песни «Октябрьская», «Песня о советском строительстве» и проч. — также отвечали текущему политическому моменту. «Мы вышли из „Синей блузы“, но приобрели и свои черты, — давала характеристику живгазетной работе Е. А. Николаева (Ранова), — у нас была более прямая, я бы сказала, лобовая агитация и разнообразие театральных форм — физкультурные упражнения (излюбленная концовка — пирамида с декламацией), народный балаган с Петрушкой, частушки, самое простое оформление, плакаты и другие виды, как теперь называют „наглядной агитации“» [5, с. 16]. «Буди, толкай, отрезвляй, чисти, высказывайся, ратуй за новь — вот, живгазетчик, твоя позиция по отношению к драмкружку» [11, с. 45], — теоретизировал активист живгазетного движения и один из организаторов журнала Евгений Пермяк [8, 12], и Е. А. Николаева (Ранова) также агитировала и теоретизировала на страницах издания, одновременно выстраивая принципиально обновленную индивидуальную творческую стратегию.

Ее агитационные тексты так же, как и более ранняя лирика, были вовсе не-свободны от влияний. Среди поэтических вставок в живгазетные инсценировки Е. А. Николаевой (Рановой) не сложно найти фрагменты подобного рода:

Не устанут гудеть заводы,
Грохотать не устанут молота...
Мы из металла скованы.
Наши нервы — стальные провода.
Мы несем сквозь годы бурь и затиший
Раскаленный чугун побеждающей воли.
Товарищ Ленин, ты умер, но ты слышишь,
Как завод заводу гудком вторит.
<...>
Говорим: наша революционная воля
Крепка!
Крепка!
Крепка! [15]

Общее пролетарское «мы», планетарный масштаб происходящего и «мифо-ритуальная основа» [10] выдает близкое знакомство автора с пролеткультовской поэзией. Расположенные в виде лесенки восклицания-повторы указывают на влияние поэзии В. В. Маяковского, встреча с которым, как напишет Е. А. Николаева (Ранова) в воспоминаниях, «станет одной из самых памятных» [5, с. 20].

Впрочем, влияния эстетики Пролеткульта и одновременно ЛЕФа не избежал никто из живгазетных авторов — лесенки, мобилизирующая риторика, пролетарское «мы», плакатный стиль и проч. были скорее общим местом в художественных практиках живгазетчиков. Между тем, стихи, которые Е. А. Николаева (Ранова) публиковала в газете «Звезда», при всей их политической направленности, сохраняли особенности прежней авторской манеры, отличающейся лиризмом и образностью, идущей из поэзии Серебряного века (см.: «9 января», «Красная армия», «Сан-Жан-Су» и др.). Наиболее показательным стихотворением в этом плане становится «В ночь под рождество», где поэтесса напрямую вступает в напряженный диалог с А. А. Блоком и поэмой «Двенадцать». Используя образ метели, ее семантику стихии, сметающей старый (несправедливый) мир, Е. А. Николаева (Ранова) отказывается от изображения и осмысления революции (возможно, эта тема закрыта поэмой «Прелюдии»), полемично предлагая принципиальное переосмысление роли Христа в финале блоковской поэмы. «Если ж скажут: надо верить. / Вот родился в ночь, мол, сам Христос. / Захожем: в век неверья / Нет Христа и венчика из роз» [16], — пишет поэтесса, вновь прибегая к пролетарскому «мы», тем самым смещая фокус с изображаемого на субъектное и словно бы вещая от имени победивших стихию «двенадцати».

Не сложно заметить, что «В ночь под рождество» является также своеобразной отсылкой к другим текстам Е. А. Николаевой (Рановой). Например, заставляет вспомнить как вторую часть цикла об Яриле, посвященную Христу (в которой, возможно, также присутствовал атеистический посыл), так и поэму

«Ветер в тундре», также имеющую блоковские подтексты: четверо переписчиков, продирающиеся сквозь снежную тундру в поэме, оказываются вполне соотносимы с блоковскими «двенадцатью», уходящими в неизвестность, метель, при том что их гибель у Е. А. Николаевой (Рановой) означает отнюдь не провал общего дела, но его торжество, не зависящее от индивидуальных судеб идущих сквозь метель, т. е. торжество нового мира, неведомое А. А. Блоку.

О том, что художественные практики и решения Серебряного века не отпускали Е. А. Николаеву (Ранову) во второй половине 1920-х гг. свидетельствует и тот факт, что, будучи живгазетной работницей, она пытается реанимировать в практике драмкружков фигуру Петрушки [18], которая связана, с одной стороны, с народным театром и фольклором, с другой — с системой персонажей и образностью Серебряного века (известно, что балет «Петрушка» И. Ф. Стравинского содержал отсылки к «Балаганчику» и арлекинаде того же А. А. Блока) [2].

Даже обращаясь в своей поэзии к рабочей и — эпизодически — горнозаводской тематике, Е. А. Николаева (Ранова) использует сложную экспрессивную образность, заставляющую вспомнить художественный опыт и символистов, и имажинистов.

«Из пробоин мартеновских печей / Ринулась сталь, рассыпая голубые звезды. / В каких пространствах придется лечь ей, / Раскинув рельс стальные полосы?..» [4], — писала поэтесса в стихотворении, приуроченном к девятой годовщине Октября.

Конец уральского периода творчества Е. А. Николаевой/Рановой совпал, по ее признаниям, с завершением поэтической деятельности [5, с. 30-32]. И хотя работа литсотрудника продолжилась в газетах Украины, да и публикации «Живой театрализованной газете» в 1929 г. не закончились, к пересомыслию себя как поэта Е. А. Николаева (Ранова) вернулась только в 1970-е гг., когда, живя уже в Кургане, создала цикл эссе-воспоминаний о литературе и литераторах 1920-х гг. и подготовила самиздатовский сборник стихотворений.

Заключение

Литературная судьба Е. А. Николаевой (Рановой) более чем показательна в контекстах эпохи 1920-х гг., находящейся в прямой зависимости от творческого опыта Серебряного века и одновременно старающейся преодолеть эту зависимость, в том числе с помощью создания литературных группировок и написания манифестов, а в дальнейшем — в связи с включением литераторов в работу советской прессы. Впрочем, оказавшаяся на Урале Е. А. Николаева (Ранова) никак иначе не могла сохранить статус публичного литератора, как только через активное сотрудничество с газетой, что к тому же оно удачно совпало с ее персональным и коллективным в случае «живгазетчиков» увлечением лефовскими идеями о «литературе факта». С другой стороны, показательна и то, что поэтесса, идущая в своем творчестве на компромиссы со временем, в некоторых особо важных для нее текстах так или иначе сохраняла элементы индивидуального стиля, уводящего все к тем же поэтическим практикам Серебряного века. В составленный ею в 1970-е гг. самиздатовский сборник (на его основе в 2011 г. вышла курганская книга «Елена Ранова») явные агитки так и не были включены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипина З. С. Литературная репутация В. В. Каменского в историко-культурном контексте 1920-1930-х гг.: автореф. дисс. ... канд. фил. наук / З. С. Антипина. Пермь, 2012. 19 с.
2. Буткова О. Волшебство и механика. Сказочные герои темы среди кукол и марионеток Серебряного века / О. Буткова // Вопросы театра. 2012. № 3-4. С. 154-165.
3. Власова Е. Г. Травелог в истории литературного открытия Урала: к вопросу о роли жанра в структуре локального текста / Е. Г. Власова, А. П. Ведерников // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С. 143-149.
4. Е. Р. Загудели гудки, загромыхали молота... / Е. Р. // Звезда. 1926. № 264. 17 ноября.
5. Елена Ранова. Издание из цикла «Сохранить и продолжить» Курганского областного центра литературного краеведения / Елена Ранова. Курган: Центр «Отклик», 2011. 100 с.
6. Замятин Д. Н. Метафизика путешествия / Д. Н. Замятин // Культура путешествий в Серебряном веке. Исследования и рецепции. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. С. 12-25.
7. Кукуй И. Ничевоки России — Дада Запада или Диктатура ничевочества над искусствами / И. Кукуй // Revolution und Avantgarde. Berlin: Frank and Timme, 2018. С. 209-226.
8. Кушканов В. Из истории народного самодеятельного театра Советского Урала («живые газеты» рабочих клубов Урала 20-30-х годов) / В. Кушканов // Фольклор Урала. Вып. 4. Свердловск, 1978. С. 87-109.
9. Левин Л. Такие были времена / Л. Левин. Москва: Сов. писатель, 1991. 396 с.
10. Левченко М. Индустриальная свирель: поэзия Пролеткульта 1917-1921 гг. / М. Левченко. Санкт-Петербург: СПГУТД, 2007. 141 с.
11. Пермь Е. Живая газета и драмкружок / Е. Пермь // Живая театрализованная газета. 1926. № 2. С. 44-45.
12. Подлубнова Ю. С. Агиттеатр 1920-1930-х гг. на страницах «Живой театрализованной газеты»: жанровая специфика / Ю. С. Подлубнова // Литература сегодня: знаковые фигуры, жанры, символические образы. Екатеринбург: УрГПУ, 2011. С. 141-145.
13. Портнягин В. Чудаки, украшающие мир / В. Портнягин // Елена Ранова. Издание из цикла «Сохранить и продолжить» Курганского областного центра литературного краеведения. Курган: Центр «Отклик», 2011. С. 96-99.
14. Ран. Ел. Книжная полка / Ел. Ран. // Звезда. 1927. № 139.
15. Ран. Ел. Концовка к живгазете, посвященной 10-летию профсоюза Metallistov / Ел. Ран. // Живая театрализованная газета. 1927. № 8. С. 51-53.
16. Ранова Е. В ночь под рождество / Е. Ранова // Звезда. 1926. № 297.
17. Ранова Е. Гибель экспедиции / Е. Ранова // Звезда. 1927. № 13. С. 3.
18. Ранова Е. Петрушку нужно и должно использовать в Живой газете / Е. Ранова // Живая театрализованная газета. 1928. № 16. С. 28-29.
19. Созина Е. К. Север в литературе путешествий начала XX века / Е. К. Созина // Русский травелог XVIII-XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск, 2016. С. 151-182.
20. Сталь Е. По живым газетам Северного Урала / Е. Сталь // Живая театрализованная газета. 1928. № 17. С. 38-40.

Yulia S. PODLUBNOVA¹

UDC 82.09

**“I ONCE LIVED IN THE NORTH OF THE URALS...”
URAL PERIOD OF E. A. NIKOLAEVA’S CREATIVITY
(E. A. RANOVA’S CREATIVITY)**

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Researcher,
Center of Literary History, Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg)
tristia@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5210-0861

Abstract

The article is devoted to the Ural period of creativity of the poetess E. A. Nikolaeva-Ranova, who joined the avant-garde group of poets which was called “nichevoki” until 1922, but by no means professing the principles of avant-gardism in her work, on the contrary, inheriting mainly V. Ya. Bryusov, A. A. Akhmatova, S. A. Yesenin etc. For the first time the article completely reconstructs the biography of the poetess, collects and analyzes materials related to the Ural period of creativity (1922-1929). We note that E. A. Nikolaeva, who found herself in the Urals in connection with the expulsion of her husband Alexander Ranov (known in literary circles as the poet who was called “nichevoka” — Aetius Ranov) and lived with him in different cities of the region, E. A. Nikolaeva-Ranova is forced to make a creative and life-creating restructuring and begin cooperation with the Soviet press. Poems and poetries of the Ural period, published mainly in Perm newspapers and magazines, inevitably acquired an agitational sound. E. A. Nikolaeva-Ranova’s example shows that in the case of a long stay of visiting writers in the Urals, it makes sense to consider not only their contribution to the creation of the image of the region, but also changes in symbolic statuses or writing manners that happened here, as well as cultural mechanisms leading to these changes. On the other hand, it is also significant that the poetess, who compromises with time in her work, somehow preserved elements of an individual style in some texts that were particularly important to her, leading back to the same poetic practices of the Silver Age.

Citation: Podlubnova Yu. S. 2021. “I Once Lived in the North of the Urals...” Ural Period of E. A. Nikolaeva’s Creativity (E. A. Ranova’s Creativity)”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 150-162.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-150-162

Keywords

Poetry of the 1920s, "nichevoki", Elena Nikolaeva-Ranova, the Ural press of the 1920s, the image of the Urals, the image of the North, literary life in the Urals, "Live theatrical Newspaper".

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-150-162

REFERENCES

1. Antipina Z. S. 2012. "V. V. Kamensky's Literary Reputation in the Historical and Cultural Context of the 1920s — 1930s". Cand. Sci. (Philol.) abstract diss. Perm. 19 p. [In Russian]
2. Butkova O. 2012. "Magic and mechanics. Fairy-tale heroes of the theme among dolls and puppets of the Silver Age". Theater Questions, no. 3-4, pp. 154-165. [In Russian]
3. Vlasova E. G., Vedernikov A. P. 2019. "Travelogues in the history of the literary discovery of the Urals: on the role of genre in the structure of the local text". Ural Historical Herald, no. 2 (63), pp. 143-149. [In Russian]
4. E. R. 1926. "The beeps rang out, the hammer rattled...". Star, no. 264. [In Russian]
5. Elena Ranova. 2011. Edition from the Cycle "Save and Continue" of the Kurgan Regional Center of Literary Local Lore. Kurgan: Center Otklik. 100 p. [In Russian]
6. Zamyatin D. N. 2020. "Metaphysics of travel". Culture of Travel in the Silver Age. Research and Reception. Moscow; Yekaterinburg: Cabinet Scientist. Pp. 12-25. [In Russian]
7. Kukuy I. 2018. "Nichevoki of Russia — Dada of the West or the Dictatorship of Nichevoki over the Arts". Revolution und Avantgarde. Berlin: Frank and Timme. Pp. 209-226. [In Russian]
8. Kushkanov V. 1978. "From the history of the national amateur theater of the Soviet Urals ('live newspapers' of the workers' tangle of the Urals 20s-30s)". Folklore of the Urals, iss. 4. Sverdlovsk. Pp. 87-109. [In Russian]
9. Levin L. 1991. Such were the times. Moscow: Soviet writer. 396 p. [In Russian]
10. Levchenko M. 2007. Industrial Pipe: The Poetry of the Proletkult 1917-1921. Saint Petersburg: SPGUTD. 141 p. [In Russian]
11. Permyak E. 1926. "The live newspaper and a drama club". The Live Theatrical Newspaper, no. 2, pp. 44-45. [In Russian]
12. Podlubnova Yu. S. 2011. "Agitteater 1920-1930s on the pages of the 'The Live Theatrical Newspaper': genre specificity". Literature Today: Iconic Figures, Genres, Symbolic Images. Yekaterinburg: UrGPU. Pp. 141-145. [In Russian]
13. Portnyagin V. 2011. "Eccentrics that adorn the world". Elena Ranova. Edition from the Cycle 'Save and Continue' of the Kurgan Regional Center of Literary Local Lore. Kurgan: Center Otklik. Pp. 96-99. [In Russian]
14. Ran. El. 1927. "Bookshelf". The Star, no. 139. [In Russian]
15. Ran. El. 1927. "Ending to the live newspaper dedicated to the 10th anniversary of the Metalist trade union". The Live Theatrical Newspaper, no. 8, pp. 51-53. [In Russian]

16. Ranova E. 1926. "On Christmas Eve". The Star, no. 297. [In Russian]
17. Ranova E. 1927. "The death of the expedition". The Star, no. 13. [In Russian]
18. Ranova E. 1928. "Petrushka must and should be used in the Live Newspaper". The Live Theatrical Newspaper, no. 16, pp. 28-29. [In Russian]
19. Sozina E. K. 2016. "The North in the travel literature of the early 20th century". Russian Travel Guide of the 18th-20th Centuries: Routes, Toposes, Genres and Narratives. Novosibirsk. Pp. 151-182. [In Russian]
20. Stal E. 1928. "According to live newspapers of the Northern Urals". The Live Theatrical Newspaper, no. 17, pp. 38-40. [In Russian]

Надежда Александровна НИКУЛИНА¹

УДК 930.2 (2)

**ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ
В РАССТРЕЛЬНОМ ДНЕВНИКЕ АНДРЕЯ АРЖИЛОВСКОГО:
МОТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ОСНОВЫ
ЭГО-ДОКУМЕНТА**

¹ кандидат филологических наук, доцент
кафедры межкультурной коммуникации,
Тюменский индустриальный университет
nadya-nika2006@yandex.ru

Аннотация

В статье предлагается результат осмысления особенностей воплощения временной парадигмы (прошлое — настоящее — будущее) в личном дневнике при помощи мотивного анализа. Объектом внимания стали свидетельства, человеком, не сумевшим вписать свои представления о мире в идеологическую матрицу советской России, а значит, и темпоральная основа его дневникового текста является специфической и даже симптоматичной для подобных ситуаций письма. История Андрея Степановича Аржиловского (1885-1937) — пример судьбы человека, сформировавшегося как личность в дореволюционную эпоху, но в период постреволюционных преобразований оказавшегося в числе врагов народа. В 1920 году он был осужден в первый раз за участие в работе земского совета при Колчаке, а в 1929 году как мироед. В период жизни на свободе (после семи лет лагерей) — чуть более года — вел дневник, фиксируя там бытовые наблюдения, сомнения по поводу нового установившегося в стране уклада жизни, переживания относительно воспитания детей, размышления о движении времени и судьбах человечества, описания своих сновидений и высказывания о прочитанных книгах и известных людях. Важными мотивами этого эго-документа являются «время», «память», «письмо (писательство)» и некоторые другие мотивы

Цитирование: Никулина Н. А. Прошлое, настоящее и будущее в расстрельном дневнике Андрея Аржиловского: мотивный анализ темпоральной основы эго-документа / Н. А. Никулина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 163-179.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-163-179

(«погода», «еда», «тепло» и т. д.), иллюстрирующие мировоззренческие установки людей, не всегда согласных с преобразованиями, происходящими в России. Именно мотивный анализ этого эго-документа позволяет выйти к изучению актуальных проблем антропологии и литературоведения, где история жизни и личный дневник Андрея Степановича Аржиловского — уникальный источник для осмысления универсальных стратегий письма, характерных для российской жизни начала XX века и не утративших актуальность спустя многие десятилетия.

Ключевые слова

Эго-документ, темпоральность, личный дневник, Андрей Степанович Аржиловский, человек и государство, мотивный анализ, мотив времени, мотив памяти.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-163-179

Введение

Изучение документов личного происхождения («эго-документов») по естественным обстоятельствам связано с познанием временных координат жизни человека, которые в перспективе поиска ответов на актуальные вопросы различных наук получают различную интерпретацию. В исторических исследованиях интерес к источникам такого рода специалисты связывают с так называемым «лингвистическим переворотом», который состоит в практике применения методов филологического знания к решению проблем, которые раньше являлись собственно историческими. По словам Н. М. Филатовой, в настоящее время «лингвистический поворот» — это общее понятие, «применяемое к развитию совокупности гуманитарных наук, в частности к философии, социологии XX века, и связанное с переосмыслением в них роли языка, а в конечном итоге — с антропологизацией науки в целом» [11, с. 25]. Мы помним о том, что еще десять лет назад личные документы являлись объектом научного внимания преимущественно литературоведов, тщательно прописывающих специфику жанровых форм и включающих их в историко-биографические исследования.

Сегодня общим местом в гуманитарной науке стала междисциплинарность, позволяющая историкам и филологам выйти к проблемам памяти, исторической семантики, семиотике, стратегиям выживания и т. д. Научную продуктивность сближения наук отмечают многие исследователи и связывают с переоценкой представлений о субъективности, которая в классические времена науки воспринималась как изъясн [8]. Кроме того, по словам Л. П. Репиной, именно субъективность, присущая эго-документам, позволяет распознать культурно-историческую специфичность конкретного времени, т. е. «текст, который „искажает информацию о действительности“, не перестает быть историческим источником, даже когда проблема интерпретации источников осознается как проблема интерпретации интерпретаций» [10, с. 96].

Таким образом, в изучении эго-документов филологи все чаще обращаются к текстам, созданным не профессиональными литераторами, а обычными

людьми, способными к писательству, историки же, пытаясь разгадать логику событий прошлого, заинтересованно вглядываются в личные документы людей, обращают внимание на слово, психологические аспекты письма и т. д. По мнению М. Ф. Румянцевой, в настоящее время «формируется «особое понятие эго-истории как самостоятельного предметного поля» [9, с. 34], что не может не восприниматься нами как важный аргумент в пользу актуальности и нашей работы.

Подход к изучению эго-документа через категорию мотива по своей сути является изначально междисциплинарным, поскольку теория и практика мотивного анализа основывается на методах интерпретации текстов известных психоаналитиков и одновременно литературоведов. Напомним, что именно мотив становится популярной категорией литературоведческих исследований с появлением мотивного анализа Б. М. Гаспарова. Впоследствии, при определяющей роли категории мотив в практике мотивного анализа произошло становление таких понятий, как «мотивный узел», «мотивный комплекс», «мотивная структура». Следуя за Б. М. Гаспаровым, мы считаем, что в роли мотива может выступать любое, как он говорит, смысловое «пятно», то есть любой элемент текста на уровне героя, сюжета, предметно-вещного мира и т. д. [2, с. 115]. В границах отдельного произведения мотивы комбинируются, образуя «комплексы», «узлы» (основанием для возникновения такого «узла» может стать, например, персонаж, его пространственно-временные границы, его действия, события жизни). Собственно временные мотивы могут изучаться, как и любые другие «повторы», в перспективе выхода на глобальные лейтмотивы судьбы человека или даже лейтмотивы конкретного исторического времени.

Почти всякий личный дневник содержит темпоральные координаты, что обусловлено жанровой спецификой формы, привязанность этого вида письма к конкретному дню и к конкретным обстоятельствам жизни. Напомним, что прообразом личного дневника являлись семейные летописи второй половины XVII в., а «осознание необходимости вести личные подневные записи формировалось на фоне социальных, политических и культурных преобразований Петра I, которые прямо и косвенно затрагивали все сословия российского общества» [4, с. 78]. К концу уже следующего столетия складывается другая важная миссия личного дневника: описывать переживания автора, что превращает его в средство самопознания и познания жизни. К середине XIX в. такое назначение дневников окончательно усваивается обществом, о чем пишет исследователь Н. Я. Эйдельман, фиксируя появление в жанровом каноне дневника важной координаты повествования, связывающей настоящее и будущее [13, с. 53-54]. При этом внимание к событиям прошлого, традиционное для мемуаров, воспоминаний и других родственных личному дневнику жанровых форм, проникает и в дневниковые записи, поскольку является частью живого опыта всякого человека. Как правило, прошлое становится лейтмотивным основанием для проекции будущего и опорой для оценок текущих событий, которые в жанре личного дневника составляют доминанту повествования.

Следует сказать, что в начале XX в. личный дневник — это не только инструмент фиксации текущей жизни и самопознания, но и возможный источник проблем в жизни человека, способного к писательству и наделенного критическим умом. В исследовании Й. Хельбека, посвященном дневникам сталинской эпохи, по этому поводу представлено множество свидетельств, а также замечаний, иллюстрирующих специфику развития жанра в 30-е гг. В частности, он пишет о том, что в годы сталинского правления, с одной стороны, популярность личного дневника выросла, поскольку большевики «не только пытались создать новый мир, но и хотели превратить людей в политически сознательных граждан», а «обстановка страха и недоверия не стала препятствием для развития жанра личного дневника»; с другой стороны, возможность вести личный дневник нередко оценивалась как знак свободы с сопутствующей тенденцией «жечь дневники» [12, с. 18]. В случае с Андреем Степановичем Аржиловским (1885-1937) именно не сожженный личный дневник станет официальным основанием для последнего ареста и последующего расстрела [3], а созданный им эго-документ войдет в число источников «истории сталинизма» [7].

Темпоральные координаты свидетельств, представленных в личном дневнике, могут быть изучены на основании междисциплинарного подхода и стать основанием для размышлений, с одной стороны, о проблемах выживания человека в конкретных исторических условиях, а с другой стороны, могут позволить выйти на содержательное осмысление эго-документа как явления, имеющего отношения к творчеству и художественной рефлексии.

Методы

Методология исследования формируется на основе опыта изучения эго-документов под углом антропологического интереса к феномену исторической памяти и к стратегиям выживания человека в условиях тоталитарного государства, т. е. в русле исторической науки, предполагающей источниковедческий анализ документов, реконструкцию событий, сопутствующих созданию исследуемого текста и т. д. Выход на семиотику переживаний людей, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах, но способных к творчеству, осуществляется в настоящей работе при помощи методов мотивного анализа, широко используемого в филологической науке. В перспективе изучения мотивов времени открывается возможность не только описать жанровый потенциал личного дневника, но «оживить» и актуализировать события жизни и мысли человека, достойные внимания читателей настоящего издания.

Результаты исследования и их обсуждение

В 1936 году, после освобождения из Темниковского исправительно-трудового лагеря системы ГУЛАГ ОГПУ Андрей Степанович Аржиловский вернулся к своей семье в город Тюмень и примерно через полгода в амбарной тетради сделал следующую дневниковую запись: «В силу старой привычки — не могу себе отказать в зарисовывании мыслей и переживаний. На обрывках после бури

хочется кой что восстановить в памяти и зарисовать то, что успею» (28 октября 1936 г.)¹. В момент написания этих строк автору дневника кажется, что определенный этап жизни остался позади, что годы мытарств по лагерям после процесса 1929 года — это прошлое, абсурдное и трагическое [6], но все-таки прошлое. Соответственно, уже в первых дневниковых записях формируется мотивный комплекс временных координат, констатирующих начало нового жизненного этапа, а установка «вспомнить» является важной приметой мотивного комплекса: память — прошлое — время, старая/новая жизнь и др.

Заметим, что «зарисование мыслей и переживаний» для Аржиловского — это, действительно, его «старая привычка», которая сформировалась в силу таланта, склада натуры, уклада жизни и проявлялась в периодических попытках писать в газеты, даже с учетом особого положения (бывший заключенный): «Пишу в «Крестьянскую газету» и думаю послать. Начинать же я с «Сельского вестника» в 1906 г. Дело не в этом. Целью жизни литературу я не ставлю; хотя, пожалуй, на этом поприще мог бы сделать больше, чем где-нибудь» (18 ноября 1936 г.). Более того, он даже критикует саму публикационную политику советских печатных органов: «Между прочим: газеты очень мало уделяют внимания хронике событий; получается впечатление, будто жизнь идет по регламенту, без всяких приключений. На самом деле конечно не так. Вообще-то за всю революцию жизнь мало освещается в повседневной печати, или освещается одна сторона» (20 ноября 1936 г.). О попытках писать в местную газету и о сопутствующих проблемах Аржиловский пишет на страницах личного дневника неоднократно: «Сегодня послал маленькую заметку в местную газету о заводских безобразиях, — не вытерпел, больно уже нахальны жулики» (16 февраля 1937 г.); «Опять послал в редакцию едкий материал о заводе. Допрыгаюсь я когда-нибудь: сочтут клеветой на порядочных людей. Кажется, благоразумней совсем замолчать. Но ведь как чесотка: не терпится. Что будешь делать?» (9 мая 1937 г.).

Возможно, некоторым современным читателям такое речевое поведение автора дневника покажется неразумным, но привычка к активному участию в событиях окружающей жизни является обычной склонностью некоторых людей, а представление об авторитете записанного и тем более напечатанного слова закрепится в российском обществе на долгие десятилетия. Быть напечатанным почти равняется тому, что быть услышанным — это уже дискурс печатного слова в России, участниками которого стали и журналисты, и издатели, и рядовые читатели. Примечательно, что посыл быть напечатанным имеет косвенную проекцию в будущее, поскольку в подобных критических публикациях кроется намерение повлиять на обстоятельства и на людей, скорректировать существующий порядок в направлении более разумных форм.

¹ Здесь и дальше личный дневник цитируется по: Аржиловский А. Дневник // Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 4048, оп. 1, д. 2, лл. 16 — 52 об. Курсивом в цитатах из дневника даны фрагменты, подчеркнутые карандашом следователями НКВД после ареста автора.

«Не терпится» — сквозной мотив истории Андрея Аржиловского, ставший первопричиной многих проблем в жизни как его самого, так и его семьи. Условно такого человека можно назвать «пишущим», что никого не удивляет со времен начала письменности, но потребность письма и способность писать всегда оценивалась как дар и как фактор риска для того, кто начинает критиковать систему, не доволен представленными ей возможностями, кто вспоминает прошлое под углом, далеким от основного идеологического курса государства. Кроме того, это самое «не терпится» — маркер темпоральной составляющей позиции автора дневника, обнажающий рефлексию относительно прошлого и настоящего и настойчивое желание выхода в будущее.

На момент первой дневниковой записи Аржиловскому чуть больше 50 лет (в третьей записи от 30 октября напишет о своем 51-м дне рождения), что указывает на естественность установки говорить и писать о прошлом накануне личных дат и на исходе 50-летнего рубежа. Мотив памяти и мотив старения часто оказываются в том соседстве, которое стимулирует человека на ведение дневниковых записей, особенно если письму предшествуют особенные или трагические обстоятельства жизни. В случае с Аржиловским писательство дневника — это еще и некоторое подсознательное противостояние техникам подчинения. В потоке бытовых деталей с указанием цен на продукты, семейных проблем, рациона питания воспоминания о прошлом кажутся отдушиной и делом, от выполнения которого А. Аржиловский не может отказаться. Примечательно, что первая запись сохранившегося дневника от 28 октября 1928 года представляется как начало нового этапа эпистолярия после значительного перерыва, поскольку автор дает обоснование решения вести дневниковые записи и кратко обозначает условия своей жизни на данный момент: «Сию в новом доме на задах лесозавода «Красный Октябрь»; дом этот отдан во временное пользование моей семье взамен отобранного в Зырянке. Милостью Москвы я освобожден еще в мае и начинаю забывать лагерные мытарства...». За пределами дневника остался период с мая по конец октября 1936 года, наступивший после освобождения из лагеря. За это время Аржиловский и его семья смогли наладить совместное существование, и маркерами некоего порядка стали образы, совмещающие разные планы бытового потока с описаниями природы, погоды и т. д.: «После выпавшего небольшого снега — правда, стаявшего — установилась теплая погода. На небе полная луна; в городе весело мерцает электричество. Лиза на молококанке — место ее службы. Я жду вечернего сбора семьи и пишу воспоминания о лагерях». В этой фразе содержится указание еще на одну рукопись, которую начал писать Аржиловский в эти полгода с мая 1936 года до ареста. Эту вторую рукопись (в несколько амбарных листов) с воспоминаниями о жизни в лагере сам автор назовет емко и точно — «Голос бывшего человека» [3].

Мотивы памяти и письма реализуются здесь повсеместно как установка человека, не желающего забывать прошлое, что формирует мотивационное ядро многих эго-документов. В случае с записями Аржиловского все обстоит еще

серьезнее: почти все записи, посвященные прошлому, будут отмечены сотрудниками НКВД при изъятии, станут дополнительными аргументами обвинения по расстрельной статье. Например, следующие строки о престарелой матери, рассказывающей сказки своим внукам: «Сказку она рассказывает чудесную, хотя и явно невероятную: ребята жадно слушают. *Беречь, беречь надо эту старушку, послушаю сказки о старой России: немного уже остается людей, помнящих прежнюю жизнь*» (30 октября 1936 г.). Примечательно, что все подобные экскурсы в прошлое «попадут под карандаш». Возможно, причиной тому станет стремление следователей по делу А. С. Аржиловского продемонстрировать связь человека с прежним режимом, определить эту связку как склонность природы, а потому не подлежащую исправлению. Мы можем говорить даже о том, что в соответствии с требованиями идеологии в 1930-е гг. уже сложился советский шаблон правильной и неправильной презентации прошлого, позволяющий определять врагов народа.

Мотивы, определяющие координату прошлого, проговариваются в дневнике в неприкрытой оппозиции «старой России» и «новой России», дополняются мотивами сказки, сна и нередко презентуют автора документа как человека, склонного к критике и анализу.

Среди мотивов, формирующих само отношение между прошлым, настоящим и будущим, нередко выступает мотив времени. Рассуждения о времени встречаются в дневнике А. Аржиловского неоднократно. Например, в первых записях встречаем следующее размышление: «Сию минуту думал о том, как бешено идет время. И особенно нынче. Маятник наших ходиков с ума сошел: так и бежит, точно на базар за дешевой картошкой. *Раньше и маятник часовой важничал... Все по иному*» (31 октября 1936 г.). Время в дневниковых записях Аржиловского сначала «идет» и «шагает», потом «мчится», а последних записях уже «летит»: «Время так здорово шагает, что хоть держи его за хвост» (11 декабря 1936 г.); «Время идет замечательно быстро. Вот уже скоро половина января» (12 января 1937 г.); «Быстро время идет. Теперь часто кажется, что никогда я в лагере и не был, что просто сон снился; а между тем...» (2 февраля 1937 г.); «Время мчится, как легковой автомобиль» (5 марта 1937 г.); «Время-то как летит! Иногда даже жутко становится. А ведь мы и действительно всегда летим. Летим и живем. Бабочки и насекомые вообще даже любовь на лету творят. Пошли дожди и грозы. Начался сенокос под музыку дождей. Все идет своим порядком» (8 июля 1937 г.). Обозначенная закономерность ускорения времени — это сопутствующее наблюдение, свидетельствующее о некоторой сюжетности эго-документа, рассказывающего о последних месяцах жизни человека, наделенного литературным даром и потому способного предчувствовать свой трагический уход.

Настоящее — это повседневный опыт, целостное восприятие которого удастся вместить в жанре личного дневника не каждому пишущему человеку. В опыте Аржиловского формируется многоакурсный взгляд на настоящее: во-первых, это описания состояний в момент письма («около горячей печи

разморило меня и не хочется подниматься...»); во-вторых, рассказ о событиях ближайших дней («Три дня ходил только по поводу прописки...», «Вчера ходил в город...» и т. п.); в-третьих, это критическое осмысление общего уклада жизни, общественных настроений, и в этом смысле А. Аржиловский является публицистом со стажем, понимающим значения и даже последствия подобного опыта. Именно поэтому болевой точкой исследуемого нами эго-документа является сочетание ясности автора относительно последствий разоблачительных высказываний с навязчивым стремлением писать о недостатках системы честно и прямо. При этом опыт лагерной жизни диктовал Аржиловскому выбор стратегии осторожного поведения, о чем он неоднократно пишет на страницах дневника: «В жизни нашего поселка я совершенно не участвую и за это актив косится на меня. Жаль не купил газету. По старой памяти тянет к литературе: хочется писать и темы есть. Но как писать? Открой душу этим революционным мещанам, т. е. скажи, чем ты был — сейчас же сделают кислую рожу. Нет, уж видно будем молчать...» (30 октября 1936 г.).

Андрей Аржиловский неоднократно вспоминает в дневнике о своем журналистском опыте: писал и не мог не писать даже в лагери и сам однажды стал жертвой печатной кампании: «Печатная кампания против меня сильно ударила морально, я понял одно: мы прокляты до конца жизни и как бы ни перековался — тебе не поверят и при первой возможности заклюют и заплуют» (31 октября 1936 г.). Но неприятности публичной активности не останавливают Аржиловского, а образность его языка, едкие сравнения и прочие достоинства письма являлись свидетельством острого критичного ума и одновременно неизбежности трагической развязки. Примечательно, что в обвинительную копилку читателей из НКВД входят фрагменты текста дневника, посвященные не только критике настоящего, но и воспоминаниям о годах минувших, размышлениям о будущем семьи, страны, мира.

Примеры остроумных зарисовок мелькают на страницах личного дневника А. Аржиловского постоянно. Приведем наиболее интересные фрагменты с критикой режима. Например, о праздновании 7 ноября он написал следующее: «Получил пригласительный билет от завода на торжественное заседание. В 5 часов иду. Уютная столовая завода с крохотным красным уголком для президиума. Музыканты пришли аккуратно. Собралось десятка два ребятишек; пришла небольшая кучка работниц и 5 человек рабочих. Появились распорядители и занялись украшением столовой. Между прочим, *портреты вождей теперь устроены наподобие прежних икон: круглый портрет вделан в рамку и укреплен к палке*. Очень удобно: на плечо и пошел. И вся эта подготовка весьма напоминает подготовку к прежним церковным торжествам... Там были свои активисты, — здесь свои. Дороги разные — суета одна; эта значительно дороже...» (7 ноября 1936 г.). Следует заметить, что иногда очень едкие замечания о событиях общественной жизни остаются без специальных пометок, возможно, по причине включенности в общий «несоветский» тон повествования: «Кругом преступники! Несмотря на то, что не арестованы, что состоят в партии, что говорят о Стахановских методах

работы (а метод этот самый хищнический: имея много силы как можно больше сделать, чтобы как можно больше получить, чтобы иметь право презирать слабо-сильных и нежизнеспособных!) Прорабатывают Конституцию и т. д.» (11 февраля 1937 г.). Некоторые высказывания о советских порядках легко узнаваемы не только теми, кто жил при СССР, но сталкивался с российской бюрократической системой в последние десятилетия. Например, в течение нескольких месяцев Аржиловский пишет о трудностях получения паспорта: «*Всякий гражданин обязан иметь паспорт; но для того, чтобы его иметь, надо пройти целый ряд мытарств. Ходил я за паспортом несколько раз и получил только после упорной борьбы и длительного стояния*» (24 декабря 1936 г.). Актуально, из разряда обычных обывательских реплик звучат следующие строки: «*Думал о новой конституции, так нашумевшей на весь земной шар. А в чем дело? Какая собственно разница? Одна вывеска. Как было, так и будет. Хотя и тайно, но все равно единогласно. Живем среди изгнанных кулаков в кавычках. Перемены никакой: считают их полукрепостными, комендант командует, воспитатель покрикивает, председатель считает вправе стращать Севером. Нет, товарищи, трещину великую в русской земле никакой конституцией не замажешь и власти из рук завоевателя не выпустят...* Слова и разговоры» (11 декабря 1936 г.).

Но если факты общественной жизни, мелькая в дневнике, напоминают об историческом фоне, о событиях, происходящих за пределами Тюмени, в стране и даже в мире, то мотивами, именно формирующими дневниковый каркас, являются самые будничные наблюдения и замечания — о погоде, еде, одежде и т. д. Обычно подневное свидетельство Аржиловского начинается с описания погоды: «*После выпавшего небольшого снега — правда, стаявшего — установилась теплая погода. На небе полная луна; в городе весело мерцает электричество*» (28 октября 1936 г.); «*Подошел и Пушкинский Ноябрь, когда «с волчихой голодной выходит на дорогу волк», — а у нас все еще теплынь. Вчера ходил к Туре: хоть купайся. Можно вполне перепахивать живы, если б были. Вообще — Крым какой то. Перестройка*» (13 ноября 1936 г.); «*Замечательно: зимы нет и духу; тепло, изредка помачивает; — паши пашню и кончено. Впрочем, так было и в 1911 г. Куражится природа и устраивает свои фокусы. Жизнь идет своим порядком*» (17 ноября 1936 г.); «*Тепло и идет снежок. По приметам в июле должны быть дожди. Живем пока сносно: так еще можно жить*» (12 января 1937 г.).

Уже эти примеры являются указанием на несколько важных тенденций и даже проблем: во-первых, позволяют разглядеть в авторе человека, когда-то работавшего на земле, привыкшего сверять природный календарь с личными делами; во-вторых, напоминают об устойчивой примете эго-документов бытового происхождения — обязательно писать о погоде, запоминая по ней года и важные события. В частности, о традиции бытового советского письма, в котором после приветствий и вопросов к адресату относительно дел часто следовало замечание относительно погодных условий. Примечательно, что эта погодная составляющая до сих пор входит в число наиболее распространенных мотивов эго-документов, что писались и пишутся даже в наше время представителями старшего поколения.

Третья важная особенность погодной темы состоит в том, что по естественной логике жизни человека мысли о погоде связаны с сопутствующими мотивами еды (сытости, голода), тепла (устойчивые образы из тех лет — дрова, печь, теплая одежда и обувь) и здоровья. Примеры: «Кажется, направились зима: ветер повернул с востока и сыплет снег. Полагаю, что завтра поедут на санях. Надоела грязь; хотя у нас, на лугу, и хорошо было за дровами ходить. Ну, перестроимся под зиму» (19 ноября 1936 г.); «Резкий, холодный ветер. На небе полная, холодная луна. Едим какую то траву, которую Лиза приносит из молотанки; но в перемешку с хлебом и картошкой сходит. Зато мы стараемся обедать получше: варим кроликов с головами скотскими. Конечно все это суррогат и гадость; но если нам питаться посредственно — надо минимум 20 р. в день, а мы вдвоем получаем 8. Ну, ничего, после слаще будет» (28 ноября 1936 г.); «Морозы держатся. Умелое ухаживание за печами и хорошие дрова делают нашу жизнь сносной: в хате тепло» (8 декабря 1936 г.); «Тепло. Чуть-чуть подбавило снежку. Заминка с хлебом и мы немножко голодаем» (13 декабря 1936 г.); «Погода: тепло и снежок. Контузия моя беспокоит меньше, но факт остается фактом: что-то внутри повреждено потому, что все еще не могу двигаться свободно, по-старому» (15 января 1937 г.); «Ночью зима окончательно с ума сошла: дуло так, что в хате нашей стало холодно. Все предметы на полу настыли ужасно. Затопил обе печи, но нагревается туго. Ребята жмутся к печке. К утру погода стихла; ужасного ничего нет. Гудит хриплый гудок нашего завода, счастливая жизнь страны начинается» (2 февраля 1937 г.); «Мороз жестокий. Февральская луна, очевидно все будет такой суровой. Как бы и март не был таким же жестоким? В выходной шатался по городу. Смотрел на жирное мясо и дорогие пряники» (8 марта 1937 г.) — и т. д.

Нередко погода определяет настроение автора дневника, и, как правило, в таких записях он размышляет о будущем, мечтает о достатке и благополучии: «Погода потеплела; днем стало притаивать. Полнолуние. Луна всем хороша, но при ней плохо дрова воровать: видно далеко и поневоле трусишь. Приходится. Мысли от хутора никак не уходят: два-три года и прощай голод. Но пока конечно еще нельзя двигаться с места. Надо все обдумать и десять раз отрезать. (23 февраля 1937 г.). Безобидные на первый взгляд описания погоды в некоторых записях перерастают в откровенную критику системы: «После морозов потеплело. Вчера стоял в очередь за...брюшиной, но не хватило, трудящиеся разобрали... Человек в нашей стране дышит свободно, но и голодает тоже свободно, — в этом ему никто не мешает. Голодает и мерзнет» (11 декабря 1936 г.). Иные выходят в перспективу философского приятия проблем: «Пахнет скворцами, но по-моему, еще не настоящее тепло. В Благовещенье увидим, — день приметный. Возился с мокрым снегом и немного устал. Много ли теперь, старому, нужно? А в душе жив весь задор молодости, и жить хочется, и верится в лучшее» (29 марта 1937 г.); «Застыло основательно, дует с севера и идет снег большими хлопьями. Значит „Евдокия“ сама себя оправдывает: весна будет холодная. А приметы идут еще дальше: во-первых, на утренников холодно,

с ледком, во-вторых, пасха — 2 мая — должен быть примерно такой же день. Проверим. <...> Вчера беседовали о том что, несмотря на нашу бедность, мы все же не самые последние: есть более несчастные люди, есть больные, калеки, уроды и т. д. Даже так можно жить, как мы живем. *А разве мы не можем надеяться на лучшее? Можем и должны, потому что после бури всегда бывает хорошая погода. Так то. Нечего раскисать и ныть. Теперь уже многое от нас самих зависит. Вперед, смелее!*» (7 апреля 1937 г.). Последняя цитата ярко демонстрирует попытки утешить себя, которые знакомы многим людям, оказавшимся в непростых обстоятельствах, поскольку всегда можно найти человека, которому живется труднее, чем тебе. Отметка на этой записи сотрудниками НКВД может стать основанием для построения разных гипотез на тему того, что в этом высказывании могло смутить ответственных людей. Возможно, подобная фраза, вырванная из контекста, могла стать иллюстрацией к доказательствам о контрреволюционной деятельности человека, пострадавшего от системы и готового вернуться к прежней жизни.

Из описаний природы формируется еще одна яркая картинка с образом поезда: После легкого мороза сегодня опять теплее. На кустах много куржаку. Вчера ходил в контору здешней артели «Прогресс»: приглашают на работу. Почему то нет доверия к ним; надо присмотреться. Думал о быстро проходящей жизни и о том, что многим не удастся купить билета. Что такое, например литература? Своего рода станция, курортный пункт. Многие могли бы ехать, но не все успевают купить билеты. Подошел Горький — взял билет и покатил. Все говорят: «Вон Горький едет!», «Ах, какой он интересный!». А десятки и сотни таких же горьких остались у билетных касс с запасом слов и мысли только потому, что нет билетов. Жизнь — быстро мчащийся поезд. С билетом — едут, без билета стоят и смотрят. Когда-то и у меня был билет, и я мчался. А теперь ходим пешком: все очередь, билетов нет...» (21 января 1937 г.). В образе жизни-поезда особым образом встречаются прошлое, настоящее и будущее и одновременно формируется перспектива тупика личной истории с утратой надежды на продолжение.

Следует сказать, что в большей степени с будущим в этом эго-документе связаны записи, посвященные детям: А. С. Аржиловский часто пишет о своем беспокойстве относительно того, насколько его потомки развиты интеллектуально, именно для них он затевает ведение семейного журнала, в котором каждый член семьи оставляет свои размышления на различные актуальные темы жизни. Каким это будущее стало? Как сложилась судьба детей Аржиловского? — на эти и многие другие вопросы у нас ответов нет, поскольку потомки Андрея Степановича Аржиловского (три дочери и два сына) не стали известными людьми, и особых сведений об их судьбах в архивах отыскать не удалось. Мы знаем только то, что в 1988 году копия дневника Аржиловского была выдана по запросу его дочери Тамаре, которая на тот момент проживала в г. Тюмени.

Последней станет следующая дневниковая запись: «После несвоевременных холодов настало, наконец, тепло; сейчас прошел теплый дождь и погода

устанавливается грибная. Заколачиваю трудодни и ворчу на ребят за их нежизнеспособность. Ворчу я, конечно, зря: скромность моих ребят дороже хамства. *Но не заклевали бы эти ублюдки тихих ребят?! Живем впроголодь»* (27 июля 1937 г.). В левом верхнем углу этой страницы видна помета черными чернилами от руки: «Этот дневник изъят у меня при обыске, в нем сорок листов (40 л.). Аржиловский. 29/VIII-37 г.».

Дневник Андрея Степановича Аржиловского открывает читателям ситуацию, по своему наполнению универсальную, не привязанную к определенной эпохе и режиму: человек с аналитическим складом ума и литературным талантом описывает современную ему действительность, не гнушаясь темами, которые кому-то другому могли показаться опасными. Он анализирует достижения и недостатки складывающейся системы хозяйствования (как на своем предприятии, так и в целом в стране), он пишет прямо и честно о том, что думает относительно дискриминационно-репрессивной политики по отношению к отдельным социальным и национальным слоям населения и при этом умудряется говорить о личном, важном только для него (о своей семье, о детях и о возможностях их воспитания). Красочно изображено отношение «творцов социалистического строя» к религии, культуре, идеологии досоветской России, не менее красочно, — к социалистической собственности. Автор живо интересуется не только событиями в стране, но и международным положением: в дневниках выражено его отношение к войнам в Испании, Китае, здесь же он описывает свои сны (дневник содержит более десяти эпизодов, прямо или косвенно связанных со сном и сновидениями, но самым известным станет сон с участием И. В. Сталина [7]) и цены на продукты, разговоры в очереди за хлебом и ссоры родственников. Именно особый баланс между общим и личным, прошлым, настоящим и будущим определяет тот самый угол повествования, способный создать пространство свободы для человека, вернувшегося из лагеря и чудом избежавшего расстрела в 1926 году, но спустя почти 10 лет наказанного системой за неспособность молчать [5].

Заключение

Мотивный анализ дневниковых свидетельств Андрея Степановича Аржиловского позволил выйти к пониманию того, что актуализация в личных документах мотивов, связанных с осмыслением прошлого и настоящего (мотивы памяти, времени, оппозиция прежняя/новая жизнь и др.), в периоды активных общественных преобразований может стать источником реальных проблем для людей, способных к писательству.

Даже самые безобидные фрагменты дневника, отмеченные мотивами природы и погоды, в ситуации критического осмысления жизни становятся элементами, определяющими активную позицию личности в ее противостоянии системе. Бытовой план дневниковых описаний позволяет воссоздать не только условия жизни человека, оказавшегося на периферии социальных преобразований в стране, но и его выйти к осмыслению стратегий выживания (в бытовой

плоскости и в экзистенциальном измерении). Кроме того, мотивный анализ рукописи Аржиловского позволяет сформировать перспективные для антропологов, историков и филологов направления для изучения эго-документов подобного рода в перспективе реконструкции как индивидуальной истории, так и истории России.

В эпистолярных рецепциях любой эпохи обязательно присутствуют координаты прошлого, настоящего и будущего, формирующие базовые эпистемы осмысления опыта человеческой жизни, что обусловлено спецификой и историей жанровой формы. Личный дневник из трагических дней прошлого может стать свидетельством ушедшей эпохи, наполняющим наши знания о прошлом важными фактами и деталями. А в некоторых случаях явленное в дневнике прошлое и обозначенное будущее (уже наше настоящее) складываются в историю и может помочь в интерпретации самых актуальных событий современной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аржиловский А. Дневник / А. Аржиловский // Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 4048, оп. 1, д. 2, лл. 16-52 об.
2. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX в. / Б. М. Гаспаров. Москва: Наука, 1994. 303 с.
3. Долгушина Е. Андрей Аржиловский: голос из прошлого / Е. Долгушина, Н. Никулина, В. Темплинг // Большое городище. 2018. № 4-5 (37-38). С. 192-216.
4. Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с.
5. Никулина Н. А. От эго-документа начала XX столетия к универсалиям Российской жизни: история Андрея Аржиловского / Н. А. Никулина, В. Я. Темплинг // Технологос. 2019. № 3. С. 27-37.
6. Никулина Н. А. Письмо «рядового обывателя» А. С. Аржиловского: из эпистолярия времен Гражданской войны / Н. А. Никулина, В. Я. Темплинг // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 — декабрь 1922 г.): Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, Новосибирск, 18-20 ноября 2019 года. Редколлегия: В. И. Шишкин, Т. И. Морозова [и др.]. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2019. С. 446-453.
7. Паперно И. Сны сталинизма (сон как источник для истории сталинизма) / И. Паперно // НЛЮ. 2012. № 116. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/p18.html> (12.06.2010).
8. Репина Л. П. «Постмодернистский вызов» и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории / Л. П. Репина // Новая историческая наука и социальная история. Изд. 2, испр. и доп. Москва, 2009. 320 с.
9. Румянцева М. Ф. Эго-история и эго-источники: соотношение понятий / М. Ф. Румянцева // История в эго-документах: Исследования и источники. Отв. ред. Н. В. Суржикова. Екатеринбург, 2014. С. 32-41.

10. Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) / Н. В. Суржикова // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 6-14.
11. Филатова Н. М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» / Н. М. Филатова // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым: Сборник научных трудов / Отв. редактор Н. М. Куренная. Москва: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 24-40.
12. Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / Й. Хелльбек; авторизов. пер. с англ С. Чичко; науч. ред. А. Щербинок. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 424 с.
13. Эйдельман Н. Я. Дневник гимназиста 1860-х гг. / Н. Я. Эйдельман // Археография и источниковедение Сибири: сб. ст. Новосибирск, 1975. С. 4-64.

Nadezhda A. NIKULINA¹

UDC 930.2 (2)

**PAST, PRESENT AND FUTURE IN THE EXECUTION DIARY
OF ANDREI ARZHILOVSKY: A MOTIVATIONAL ANALYSIS
OF THE TEMPORAL BASIS OF THE EGO-DOCUMENT**

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of Intercultural Communication,
Tyumen Industrial University
nadya-nika2006@yandex.ru

Abstract

The article proposes the result of understanding the features of the embodiment of the temporal paradigm (past — present — future) in a personal diary using motivational analysis. The object of attention was the evidence, the person who failed to fit his ideas about the world into the ideological matrix of Soviet Russia, which means that the temporal basis of his diary text is specific and even symptomatic for such writing situations. The story of Andrei Stepanovich Arzhilovsky (1885-1937) is an example of the fate of a person who was formed as a person in the pre-revolutionary era, but in the period of post-revolutionary transformations turned out to be among the enemies of the people. In 1920, he was convicted for the first time for participating in the work of the zemstvo council under Kolchak, and in 1929 as a wealthy peasant. During his life at large (after seven years in the camps) — just over a year — he kept a diary, recording everyday observations there, doubts about the new way of life established in the country, worries about raising children, thinking about the movement of time and the fate of mankind, describing his dreams and statements about books which he read and famous people. Important motives of this ego document are “time”, “memory”, “writing (authorship)” and some other motives (“weather”, “food”, “warmth” etc.), illustrating the worldview attitudes of people, who are not always agree with the transformations taking place in Russia. It is the motivational analysis of this ego-document that allows one to come to the study of topical

Citation: Nikulina N. A. 2021. “Past, Present and Future in the Execution Diary of Andrei Arzhilovsky: A Motivational Analysis of the Temporal Basis of the Ego-Document”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 163-179. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-163-179

problems of anthropology and literary criticism, where the life story and personal diary of Andrei Stepanovich Arzhilovsky is a unique source for understanding the universal writing strategies characteristic of Russian life at the beginning of the twentieth century and which have not lost their relevance after many decades.

Keywords

Ego-document, temporality, personal diary, Andrey Stepanovich Arzhilovsky, man and state, motivational analysis, motive of time, motive of memory.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-163-179

REFERENCES

1. Arzhilovsky A. "Diary". State Archives of the Socio-Political History of the Tyumen Region (GASPITO). F. 4048, op. 1, d.2, ll. 16-52 ob. [In Russian]
2. Gasparov B. M. 1994. Literary Leitmotifs: Essays on Russian Literature of the 20th century. Moscow: Nauka. 303 p. [In Russian]
3. Dolgushina E., Nikulina N., Templing V. 2018. "Andrey Arzhilovsky: a voice from the past". Big Settlement, no. 4-5 (37-38), pp. 192-216. [In Russian]
4. Danilevsky I. N., Dobrovolsky D. A., Kazakov R. B. et al. 2015. Source study: study guide. Edited by M. F. Rumyantseva. National Research University Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 685 p. [In Russian]
5. Nikulina N. A., Templing V. Ya. 2019. "From the ego-document of the early 20th century to the universals of Russian life: the story of Andrei Arzhilovsky". Technologos, no. 3, pp. 27-37. [In Russian]
6. Nikulina N. A., Templing V. Ya. 2019. "Letter from the 'ordinary man in the street' A. S. Arzhilovsky: from the epistolary of the Civil War". Civil War in the East of Russia (November 1917 — December 1922): Collection of Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation. Edited by V. I. Shishkin, T. I. Morozova et al. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publishing House. Pp. 446-453. [In Russian]
7. Paperno I. 2012. "Dreams of Stalinism (sleep as a source for the history of Stalinism)". UFO, no. 116. Accessed on 12 June 2010. <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/p18.html> [In Russian]
8. Repina L. P. 2009. "'Postmodern challenge' and the prospects for a new cultural and intellectual history". New Historical Science and Social History. Edition 2, corrected and added. Moscow. 320 p. [In Russian]
9. Rumyantseva M. F. 2014. "Ego-history and ego-sources: correlation of concepts". History in Ego Papers: Research and Sources. Edited by N. V. Surzhikova. Ekaterinburg. Pp. 32-41. [In Russian]
10. Surzhikova N. V. 2014. "Ego papers: intellectual fashion or conscious necessity? (instead of a preface)". History in Ego Papers: Research and Sources. Ekaterinburg. Pp. 6-14. [In Russian]

11. Filatova N. M. 2018. "Approaches to the study of ego-documents in modern historical science in the light of the 'linguistic turn'". Document and "Documentary" in Slavic Cultures: Between the Real and the Imaginary: Collection of Scientific Works. Edited by N. M. Kurennaya. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS. Pp. 24-40. [In Russian]
12. Hellbeck J. 2017. Revolution in the First Person: Diaries of the Stalinist Era. Translated from English by S. Chichko. Edited by A. Scherbinok. Moscow: New Literary Review. 424 p. [In Russian]
13. Eidelman N. Ya. 1975. "Diary of a schoolboy of the 1860s.". Archeography and Source Study of Siberia: Collection of Articles. Novosibirsk. Pp. 4-64. [In Russian]

Светлана Алексеевна МАРТЬЯНОВА¹

УДК 821.161.1

ПУШКИНСКО-ДОСТОЕВСКИЙ МИФ О «БЕСОВСТВЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ Т. Ю. КИБИРОВА

¹ кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской и зарубежной филологии,
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
martyanova62@list.ru; ORCID: 0000-0002-6917-0118

Аннотация

Статья посвящена анализу и интерпретации мифа о «бесовстве» в творчестве современного российского поэта Т. Ю. Кибирова. Мифу о «бесовстве», восходящему к стихотворению А. С. Пушкина «Бесы» (1830), принадлежит особое место в истории русской литературы XIX–XXI вв. В. А. Грехнев выделил его основные компоненты, а Д. М. Магомедова проследила путь мифа в послепушкинской литературе, от М. Ю. Лермонтова к М. А. Булгакову. Вместе с тем жизнь пушкинско-достоевского мифа о «бесовстве» в литературе постсимволистской, в независимой русской литературе XX века и литературе современной остается неизученной. Автор статьи, обращаясь к материалу стихотворений Т. Ю. Кибирова «Послание Льву Рубинштейну» (1989), «Даешь деконструкцию! Дали...», «Хорошо Честертону — он в Англии жил», «Историософский центон», «Мы Христа не продавали», «С Новым годом» и др., поэмы «Кара-Барас», драматических опытов «Ночь перед и после Рождества», «Победа над Фебом», хроники «Лада, или Радость», выявляет элементы сходства с традициями А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского: образы пустопорожнего мрака и хаоса, потери пути, ценностных ориентиров, обращение к символике жанра баллады, представленные в серьезной, игровой, иронической тональности. Классическая традиция содержит важные ключи и ценности для понимания новой действительности и становится неотъемлемой частью художественного языка ее описания. Верность классике при этом лишена чувства исключительности, громкой патетики, морализма, нередко включает в себя тона идиллические,

Цитирование: Мартянова С. А. Пушкинско-Достоевский миф о «бесовстве» в творчестве Т. Ю. Кибирова / С. А. Мартянова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 180-191. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-180-191

сентиментальные, юмористические. Возвращение поэта к классической литературной традиции происходит после забвения или отрицания ее ценностей в советское время, вызвавшего к жизни культурную проблематику постсоветского периода. В ходе работы были использованы методы сравнительного литературоведения, интертекстуального анализа, мифопоэтических и историко-культурных исследований.

Ключевые слова

Универсалии, миф, демоническое, цитата, А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Т. Ю. Кибиров.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-180-191

Введение

Универсалии человеческой культуры, к которым относятся представления о духовных силах бытия, восходят к древним религиозным представлениям и находят себе воплощение в художественных текстах. При этом формируются устойчивые мифопоэтические структуры и топосы описания добрых и злых сил. Литература Нового времени унаследовала древние представления и образы, соединив их с элементами личного творчества. Писатели воскрешают, модифицируют, перерабатывают древние образы, которые составляют своего рода постоянные величины художественных произведений [14, с. 159]. Изучение жизни древних образов и представлений в литературе близкого нам времени и современных текстах — одна из актуальных задач литературоведения.

Традиционное, восходящее к иудео-христианской культуре, представление о бесах состоит в понимании их как «противников Бога и Божия дела в мире», действующих в качестве духов-искусителей, одаренных умом и волей, ведущих борьбу с Богом за душу человека [1, с. 40-44]. А. Ф. Лосев, определив миф как «развернутое магическое имя», привел в качестве примера заклинательную молитву из Требника Петра Могилы, содержащую такие определения беса, как «нечистый», «скверный», «льстивый», «безобразный», «змеевидный», «звероломный», «безлицый» и др. [8, с. 252-253].

Подробное рассмотрение всех исторических модификаций образов нечистой силы в художественной литературе в их взаимодействии с народной демонологией или христианской картиной мира не является целью нашей статьи. Мы исследуем преломление мифа о «бесовстве», как он сложился в творчестве А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского, в произведениях Т. Ю. Кибирова. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: проанализировать литературно-критические и литературоведческие подходы к пониманию литературного диалога Т. Ю. Кибирова с А. С. Пушкиным; проследить историю анализа стихотворения А. С. Пушкина «Бесы»; выявить интертекстуальные связи творчества Т. Ю. Кибирова со стихотворением А. С. Пушкина и его последующими вариациями в русской литературе; определить своеобразие кибировского диалога с литературной классикой.

Объектами рассмотрения стали не только поэтические, но также драматические и прозаические опыты Т. Ю. Кибирова: «Послание Льву Рубинштейну», «Даешь деконструкцию! Дали...», «Хорошо Честертону — он в Англии жил», «Историософский центон», «Мы Христа не продавали», «С Новым годом», «Кара-Барас», «Ночь перед и после Рождества», «Победа над Фебом», «Лада, или Радость».

Методы

В процессе работы были использованы как общенаучные (наблюдение, описание, обобщение, сопоставление), так и специфически литературоведческие методы исследования (герменевтика, сравнительно-литературоведческий и культурно-исторический подход, мифопоэтический, мотивный и интертекстуальный анализ). Для достижения целей работы принципиальное методологическое значение имели труды А. Ф. Лосева, С. С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова, Д. М. Магомедовой.

Результаты исследования и их обсуждение

Литературная критика и литературоведение о пушкинской традиции в творчестве Т. Ю. Кибирова

Творчество Т. Ю. Кибирова, генезис его поэтики вызывает противоречивые суждения. Его относят то к постмодернистам с их пристрастием к цитатным играм и тотальной иронии, то к рыцарям вечных ценностей и классической традиции [13]. Решая этот вопрос, важно принять во внимание суждения самого поэта. Отвечая на вопрос: «Кибиров и постмодернизм — насколько это серьезно?», писатель говорит об отсутствии четкой договоренности о существовании постмодернизма и поясняет: «Если же под этим, надо сказать, порядком надоевшим словом подразумевается отрицание всякой иерархии, принципиальный релятивизм и т. д. — то я смею надеяться, что ко мне это не относится и никогда не относилось» [2]. Тем самым поэт подчеркивает, что богатый интертекстуальный план, непринужденный диалог с читателем, созидательная ирония существовали и раньше, не являясь художественным завоеванием именно постмодернизма.

В интервью критику Валерии Пустовой Кибиров говорит о связях современной поэзии с классической лирикой XIX–XX вв. как непрременном условии бытия художественного творчества и, опираясь на пушкинское стихотворение «Зимнее утро» («Мороз и солнце...»), определяет важные для себя эстетические ценности классической поэзии: сложность содержания и прозрачность языка. Называя свои стихи «простыми и открытыми», он говорит о невозможности их понимания без знания текстов Пушкина, Тютчева, Цветаевой, «хотя бы Чуковского» [11].

В кибировском восприятии Пушкина есть религиозный мотив. Русский поэт «золотого» века представляется ему, наряду с О. Мандельштамом, «райским» творцом, пирующим в Кане Галилейской. Это не холодный, отрешенный олимпиец, а участник особого брачного пира, «угодник Божий», протягивающий себе-седникам «кружку драгоценных вин» («Рождественская песнь квартиранта»).

Следуя за поколением Бродского, Кибиров совершенно по-особому воспринимает книгу как «наиреальнейшую реальность», с которой можно вступить

в диалог. Человек, по убеждению поэта, воспитывается тем, что он читает. И самого себя Кибиров ощущает и нашим современником, и «собеседником на пиру» с великими поэтами прошлого.

Родство Кибирова с пушкинской традицией в русской литературе признано ведущими критиками, литературоведами, поэтами. А. С. Немзер в одной из своих рецензий увидел в романских «вздохах» и «заклинаниях пустоты» влияние Пушкина [10, с. 367]. В другом тексте, говоря о постоянной обращенности Кибирова к «вечным образцам», Немзер отметил как что-то очевидное, что один из языков поэта — язык Пушкина [13].

Пушкинская традиция в творчестве Т. Кибирова стала предметом исследовательского внимания и в работах М. В. Строганова, М. И. Шапира, Г. Л. Гуменной, Д. Н. Багрецова. Вместе с тем специального исследования, изучающего рецепцию пушкинско-достоевского мифа о «бесовстве» в творчестве Кибирова, пока не существует.

Стихотворение А. С. Пушкина «Бесы» и формирование мифа о бесовстве в русской литературе

Для решения задач нашей работы важно отметить, что пушкинское стихотворение «Бесы» (1830) вызвало повышенное внимание в отечественном литературоведении 90-х гг. XX века в связи с интересом к философским аспектам и интертекстуальным связям позднего творчества поэта. Особо значимы для нас работы В. А. Грехнева и О. Проскурина. Они имеют обобщающий характер и представляют два подхода к пониманию пушкинского текста.

В. А. Грехнев увидел в стихотворении Пушкина «сюиту», «сплав» лирического и философского осмысления действительности, вмещающего в себя черты символично-условные, природные (метель, равнина) и бытовые, подчеркнута прозаические (ямщик и его речь). По мнению нижегородского пушкиниста, в «Бесах» происходит отчуждение ставших традиционными поэтических языков для воплощения нового переживания мира: тоска, тревога, жуткие предчувствия, чувство кружения по бездорожью [6, с. 233].

В комментариях к стихотворению «Бесы» О. Проскурин, подчеркнув связь стихотворения с жанром баллады и фольклорной образностью, отметил отсутствие балладного сюжета, выдвигая на первый план «восприятия» лирического героя и охарактеризовал многочисленные связи и переклички стихотворения с фольклором и произведениями европейской литературы (например, с «Божественной комедией» Данте и стихотворением В. Гюго «Джинны») [12, с. 327, 328, 331].

Д. М. Магомедова проследила путь формирования литературного мифа о «бесовстве» (от пушкинского стихотворения к произведениям М. Лермонтова, Н. Гоголя к романам Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы»), его национальную специфику и преломление в структуре поэмы А. Блока «Двенадцать» и стихотворении М. Волошина «Северо-восток». Обращение к мифу о «бесовстве» связано, по мнению исследовательницы, с темами русского бунта и революции, разгула природных

стихий, противоречий в общественной и частной жизни и нашло себе продолжение в произведениях других поэтов и писателей: А. Белого, Б. Пильняка, М. Булгакова. Позднее Д. М. Магомедова обратилась к изучению трансформаций мифа в русской публицистике начала XX века, в работах С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева. При этом исследовательница подчеркивает, что рассмотренные ею примеры — «это не единичные опыты, а развивающаяся традиция» [9]. Точные и глубокие выводы и наблюдения Д. М. Магомедовой представляют особенную значимость для нашей темы, тем более, что анализ этой традиции в последующей русской литературе и современных произведениях оказался за пределами ее внимания.

Миф о бесовстве в лирике Т. Ю. Кибирова

Образно-тематические переклички с «Бесами» являются устойчивыми в лирике Кибирова. Они связаны с образами безбрежного пространства («неведомые равнины» в «Послании Льву Рубинштейну»), «кромешного мрака» и зловещих звуков («Даешь деконструкцию! Дали...»), бездорожья и потери пути, метели, прячущей следы, «вожатого», «мелких бесов» на телеэкране («Мы Христа не продавали...»), образами вихревого кружения бесов и чертей («С Новым годом», «Объективности ради мы запишем в тетради...»), похорон домового и свадьбы ведьмы («На реках вавилонских стонем...»), именованьем собрания классиков коммунистической идеологии «уцененными волхованиями» («Мы Христа не продавали...»), мольбой к Божией Матери при виде разгула сил хаоса и тьмы («Историософский центон»).

Состояния лирического героя в стихотворениях Кибирова похожи на переживания путника в «Бесах»: сталкиваясь с реальностью нечистой силы, он испытывает невольный страх и безотчетную тревогу, вопрошает о духовной сущности таинственных явлений.

Образы современного беснования настолько устойчивы, что поэт называет новое обращение к ним «автореминисценцией» («Автореминисценция»). Пародируя любовь современного литературоведения к отвлеченному теоретизированию, Кибиров одновременно сообщает о бесновании как некоем бесконечно длящемся процессе: «Креативный класс клубится, / Сомелье, шоколаде...».

Шуточная поэма «Кара-Барас» имеет подзаголовок «Опыт интерпретации классического текста». Слова «все кругом завертелось, закружилось и помчалось колесом» являются аллюзией к пушкинским «Бесам». Бесовским началом отмечены здесь явления не массовой, а элитарной гуманитарной культуры, отказавшейся от служения идеалу, смыслу, Логосу. Отказ привел к странным превращениям, таинственным исчезновениям и бесовской неразберихе, в которой смешались гностицизм, соллипсизм, Деррида, М. Фуко. Нетрудно увидеть в поэме пародию на опыты истолкования классических текстов в духе модных интеллектуальных теорий. А вместе с тем лирический герой сообщает и о собственной причастности к хаосу, называет себя «греховодником» и говорит о возвращении к «порогу Отчему» в духе евангельской притчи о блудном сыне.

Отсылки к пушкинским «Бесам» очевидны и на уровне ритмико-синтаксическом. Стихотворения, включающие прямые пушкинские цитаты («*Послание Льву Рубинштейну*», «*Хорошо Честертону — она в Англии жил...*», «*Автореминисценция*», «*Что все это означает?*», поэма «*Кара-Барас*»), написаны четырехстопным хореем — размером, имеющим свой семантический «ореол» в творчестве А. С. Пушкина. М. Л. Гаспаров, характеризуя семантические ореолы четырехстопного хоря в поэзии пушкинского времени, отметил возможность соединения «песенной бодрости» и «тревожной смутности ищущей мысли» [4, с. 115]. Память о пушкинском образце сохраняется в текстах Кибирова, написанных четырехстопным хореем, однако тематика и интонация в их взаимодействии с ритмом требуют отдельного изучения.

Таким образом, Кибиров возвращается в своем творчестве к литературному мифу о «бесовстве». Традиционное представление об изменчивости ликов нечистой силы проецируется на различные явления современной российской действительности, в которых много мешанины, лжи, подмен, отступничества и нигилистического отрицания. При этом современные процессы понимаются поэтом как отдаленные последствия «бунтов» прошлых лет. Образы литературной классики составляют полюс устойчивости в неустойчивом мире.

«Историософский центон»

В названии стихотворения «*Историософский центон*» обыгрывается его жанровая принадлежность. В послебарочную эпоху центоны стали «стихотворной шуткой» [5, с. 1185], Однако уже слово «историософский» подсказывает иной ракурс восприятия, не шуточный. Оно содержит отсылку к спорам о путях и судьбах России, национальном характере, христианском призвании, возникшим в 30-е гг. XIX века. Нельзя сказать, что все стихотворение составлено из плотно подогнанных друг к другу авторских цитат, соединение которых рождает однозначно комический эффект. В стихотворении есть вставки-комментарии от имени «мы» и «я», прерывающие течение поэтической речи, останавливающие его, выводящие из-под автоматизма. Здесь очень ярко реализуют себя экспрессивные ореолы четырехстопного ямба, о которых говорилось выше: «песенность» соединяется с тревожной медитацией.

Кибиров работает с историософскими, или религиозно-философскими обобщениями русской поэзии. Можно сказать, что он подвергает их деконструкции, но не ради разрушения как такового, а ради поиска подлинной реальности российской истории, ее смысла. Для уяснения итога поиска попытаемся назвать цитируемые в стихотворении произведения. Будем следовать за порядком их появления в тексте: «*Эти бедные селенья...*» Ф. И. Тютчева, «*Двенадцать*» А. А. Блока, церковнославянский текст *Библии*, *Послания* апостола Иакова, «*Медный всадник*» А.С. Пушкина, «*Русский бог*» П. А. Вяземского, «*Тараканище*» К. И. Чуковского, «*Братья Карамазовы*» Ф. М. Достоевского, «*Жизнь упала, как зарница...*» О. Э. Мандельштама, «*Пророк*» А. С. Пушкина, «*Россия*» М. Волошина, «*Ворон к ворону летит*» и «*Бесы*» А. С. Пушкина.

Кибирова, как последователя историософских поисков XIX-XX веков, волнует прежде всего религиозная судьба России. Об этом стихотворении можно сказать словами В. М. Жирмунского об А. Блоке: «победы и поражения на этом пути, как и свою судьбу поэт оценивает как религиозную трагедию, как борьбу за Божественное призвание человеческой личности» [7, с. 301].

По существу, в стихотворении *«Историсофский центон»* подвергается деконструкции миф о «святой Руси», об ее избранничестве. Избранническая идея приводит к появлению своего рода лжеикон. Поэт подбирает цитаты, казалось бы, этому мифу вторящие, но внезапно останавливает течение речи: там, где Тютчев и Блок однозначно связывали черты русского характера с христианством, там Кибиров говорит: *«К сожаленью, не Христос»*. Россия, пережившая опыт XX века, оказалась не лучше и не хуже других, однако же быстрее других и «ничтоже сумняшеся» от Христа отвернулась, посчитав его «слишком распятым». Национальная идея восторжествовала над христианской. По существу, Кибиров описывает процессы идолатрии, свойственные низшим видам религий, поэтому появление «медного идола» как «русского бога» становится неизбежным. Подлинной иконе противопоставлена лжеиконичность: *«Он идет державным шагом, / Машет он кровавым флагом», «Он в шинелишке солдатской, / С физиономией дурацкой»*.

Местоимение «мы» имеет особое значение в этом стихотворении, напоминая о «мы» Лермонтова (*«Богаты мы, едва из колыбели...»*), Блока (*«нас всех подстерегает случай»*) Ахматовой (*«но мы узнали навсегда...»*), Мандельштама (*«Мы живем, под собою не чуя страны...»*). Местоимение мы наделяется контекстуальным значением, отсылая нас к поколению, народу, населяющему страну, страдающим людям. Поэт не противопоставляет себя большой общности, а включает себя в нее, выступая от ее имени. Вместе с тем именно ему свойственна пронизательность, которой нет у других людей. Он способен четко различить зло и назвать его по имени: *«Не отец ли это лжи?», «Таракашке поклонились // И букашке покорились!»* Распознавая ложь своего времени, поэт стремится победить смерть, получить свой «пропуск» в бессмертие.

Не отрицая факта «святой Руси», поэт фиксирует вместе с тем отступничество, совершенное легко и бездумно. И хотя Кибиров продолжает верить в «неубитую» святую Русь, стихотворение завершается щемящей нотой, корректирующей тютчевский и любой иной исторический оптимизм реминисценцией из пушкинских «Бесов». Тем самым поэт возвращает нас к пушкинско-достоевскому мифу о бесовстве, который в XX веке был актуализирован Блоком, Волошиным, М. Булгаковым. В заключительной строфе «мы» исчезает, остается только «я». Поэт заклинает проснувшийся хаос мольбой к Божией Матери.

Многоликость, множественность бесовских личин, мельтешение отсылают нас к роману «Бесы». Завороженность сменяется прозрением. Прозрение обнаруживает себя через какую-либо несообразность: *«к сожаленью, не Христос», «он идет державным шагом», «с физиономией дурацкой»* и пр.

Вместе с тем финал стихотворения отчетливо соотношен с его эпиграфом, взятым из поэмы А. Твардовского «Ленин и печник». Что объединяет «Бесов» Пушкина и произведение Твардовского, какую роль это сближение выполняет в контексте стихотворения Кибирова? Пушкинское стихотворение и произведение Твардовского сближает сюжетная ситуация встречи «в чистом поле» и балладная символика. Если в «Бесах» она вполне очевидна, то в стихотворении Твардовского выступает не столь явно (встреча с незнакомцем, идущим «без дороги», пустой, нелюдимый дом, в котором живет Ленин в Горках). Сбившиеся с пути герой пушкинского стихотворения и ямщик уверенно предполагают в «мутной месяца игре» пляску бесовских сил, а печник в стихотворении Твардовского такого знания лишен. Его отношение к Ленину подобно отношению к Богу (страх, обернувшийся любовью, готовность служить и «отличиться»), но он явно ошибается в своем различении. Печник живет в условиях утраты подлинных ориентиров, место которых заняли лжебожества и кумиры.

Завершение стихотворения на пушкинской ноте проясняет и сложные взаимосвязи произведения с традициями А. Блока. Это не только обращение за помощью к высшим силам бытия (шестикрылому серафиму, ангелу, Матери Божьей). Финал кибировского центона побуждает вспомнить стихотворение «Пушкинскому дому»: в «в непогоду», изнемогая в некоей «немой борьбе», Блок ищет помощи у Пушкина.

Как видим, игровой план «Историософского центона» отсылает к серьезному второму плану, составляющему своего рода подтекст произведения. Два плана взаимодействуют, порождая сложный смысл, помогающий понять экзистенциальную тревогу субъекта лирического высказывания, увидеть в авторе не только поэта, но и мыслителя. Историософские прозрения русских поэтов, становившиеся поводом для идеологических спекуляций, проходят своего рода проверку реальностью. Т. Кибиров корректирует поспешный характер обобщений Тютчева, Блока и их современных последователей о безусловно христианском характере российского религиозного призвания.

Поэт видит в таких обобщениях род идолатрии и самообольщения. Современный поэт, живущий в посттоталитарную эпоху и постидеологическую эпоху, сдержаннее, осторожнее, трезвее в своих оценках. При этом он актуализирует пушкинско-достоевский миф о «бесовстве», значимый для формирования культурного и религиозного сознания современного человека. Соединение историософских прозрений с легкой, изящной формой (традиции скоморошества и юродства, вероятно, позволили бы многое здесь объяснить) делают стихотворение искусным шедевром.

Разработка темы этого стихотворения продолжается в более поздних текстах, в таких стихотворениях, как «Красный день календаря» (2014), «На повестке дня вопрос» (2014), Постсоветская история обернулась новыми страшными подменами, попытками соединить несоединимое: поднимающиеся на мавзолей «Чайковский, Пушкин, Сталин, и Деникин, и Гагарин» («Красный день календаря...»), объявление Иисуса Христа «нашей национальной идеей» («На повестке дня вопрос...»).

Драматические и прозаические опыты

Драматические и прозаические опыты Кибирова также включают устойчивые образы, восходящие к литературному мифу о «бесовстве». Их изображение связано с жанровыми особенностями каждого текста и ведущей тональностью произведения. В синопсисе сценария для кукольного мультфильма *«Ночь до и после Рождества»* интересующий нас мотив переплетается с отсылками к книге Иова, «Фаусту» Гете, лермонтовскому Демону. Стилистика представления и описания «бесовской шайки» вбирает в себя страшное и комическое, она обусловлена рождественским контекстом — рассказом о последних и напрасных усилиях злых сил предотвратить чудесное событие. Нечисть строит свои козни («и буран поднимает, и усыпляет шофера попутки»), но ее всеисилие оказывается знаком приближающегося конца.

Либретто одноактного балета *«Победа над Фебом»* представляет опыт интерпретации истории российской культуры в XX веке, постепенно подпадавшей во власть крупных и мелких бесов. Сюжет произведения повествует о постепенном включении в бесовский хоровод новых персонажей: матросов, Граций, чиновников, «народные массы кордебалета», «силовые и властные структуры». Хороводом руководит Недотыкомка, существо, похожее не столько на персонажа Ф. Сологуба, сколько на бесов Ивана Карамазова. Она провоцирует сначала бунт, а потом рабство и постепенно уводит всех во «тьму внешнюю».

В хронике *«Лада, или Радость»* образы бесовства являются фоном действия и важнейшей характеристикой изображенного мира. Они связаны с образами странной тишины и мглы и постепенного превращения мира, окружающего главную героиню Александру Егоровну в «безмолвный» и «бесчеловечный», «чужой», «непонятный». И сам характер вопрошаний об этом мире напоминает вопрошания лирического героя «Бесов»: «что это так зловеще стелется и шевелится? что мерцает за туманами?.. Что это все значит? Откуда и зачем это?»

Выводы

Таким образом, творчество Т. Ю. Кибирова содержит многочисленные вариации пушкинско-достоевского мифа о «бесовстве». Это достаточно устойчивый комплекс образов, который воплощен в произведениях различной жанрово-родовой принадлежности — стихотворениях, поэмах, сценарии мультфильма, либретто, деревенской хронике. Связь «дьяволиады» Кибирова с пушкинско-достоевским мифом устанавливается через прямые цитаты и парафразы отдельных мотивов, намеки, тематические комплексы, ритмические и синтаксические параллели. Миф о «бесовстве» может быть представлен намекающим штрихом или являться значимым элементом фона действия.

Комплекс составляет одну из констант картины мира поэта, хранящего верность классическим образам и гармонии в эпоху релятивизма, нигилистического отрицания, тотальной иронии. Кибиров соотносит элементы этого мифа с различными явлениями современной частной, культурной, общественно-политической жизни, будучи верным рыцарско-героической позиции [3]. Правда, героический

образ мало подходит Кибирову, так как поэт слишком часто признается в собственных ему малодушии, страхе, тоске, неуверенности. Но и сломленной личностью поэт не является: он хранит достоинство и человечность перед лицом устрашающих сил нового века. В число защищаемых им незабываемых ценностей входят и ценности классической культуры, столь часто забываемые, отвергаемые, превратно толкуемые.

Обращаясь к образно-тематическим структурам литературной классики, современный поэт приобщает нас к диалогу с великими собеседниками, вытесненными в советское и постсоветское время в сферу читающего меньшинства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. София — Логос. Словарь / С. С. Аверинцев. Киев: Дух и Литера, 2001. 460 с.
2. Басинский П. Кара-Барас нашего времени / П. Басинский // Российская газета. 2008. 22 мая. № 4665. URL: <https://rg.ru/2008/05/22/kibirov.html>
3. Булкина И. Лирика начала века / И. Булкина // Новый мир. 2014. № 10. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2014_10/Content/Publication6_1244/Default.aspx
4. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М. Л. Гаспаров. Москва: Наука, 1994. 220 с.
5. Гаспаров М. Л. Центон / М. Л. Гаспаров // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. Москва: НПК «Интелвак», 2001. С. 1185.
6. Грехнев В. А. Мир пушкинской лирики / В. А. Грехнев. Нижний Новгород, Издательство «Нижний Новгород», 1994. 464 с.
7. Жирмунский В. М. Поэзия Александра Блока / В. М. Жирмунский // Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2001. С. 282-350.
8. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. Москва: Академический проект, 2008. 303 с.
9. Магомедова Д. М. Миф о «бесовстве» в русской литературе и публицистике 1917-1921 гг. // Блоковские чтения. С.-Петербург, Музей-квартира А. Блока. 27 ноября 2017 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EIg8GuJ2LME>
10. Немзер А. С. Три предисловия / Немзер А. С. // Немзер А. С. Замечательное десятилетие русской литературы. Москва: Захаров, 2003. С. 366-367.
11. Пустовая В. Чуть запретное наслаждение. Поэт Тимур Кибиров: Для чего люди пишут стихи. Интервью с Тимуром Кибировым / В. Пустовая // Российская газета. 2015. 15 февраля. № 6602 (31). URL: <https://rg.ru/2015/02/15/kibirov-site.html>
12. Пушкин А. С. Сочинения: Комментированное издание / А. С. Пушкин. Под общ. ред. Дэвида М. Бетеа. Вып. 3: Стихотворения: Из «Северных цветов» 1832 года. Москва: Новое издательство, 2016. С. 292-332.
13. Тимур Кибиров. Персональный сайт. URL: <https://kibirov.poet-premium.ru>
14. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / В. Е. Хализев. 6-е изд., испр. Москва: Издательский центр «Академия», 2013. 432 с.

Svetlana A. MARTYANOVA¹

UDC 821.161.1

PUSHKIN-DOSTOEVSKY MYTH ABOUT “DEVILRY” IN THE WORKS OF T. YU. KIBIROV

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of Russian and Foreign Philology,
Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov
smartyanova62@list.ru; ORCID: 0000-0002-6917-0118

Abstract

The article is devoted to the analysis and interpretation of the myth of “devilry” in the works of the modern Russian poet T. Yu. Kibirov. The myth of “devilry”, which goes back to the poem “Demons” by Alexander Pushkin (1830), has a special place in the history of Russian literature of the 19th and 21st centuries. V. A. Grekhnev identified its main components, and D. M. Magomedova traced the path of myth in post-Pushkin literature, from M. Yu. Lermontov to M. A. Bulgakov. At the same time, the life of the Pushkin-Dostoyevsky myth of “demonic” in post-symbolist literature, in independent Russian literature of the 20th century and modern literature remains unexplored. The author of the article, referring to the material of T. Yu. Kibirov’s “Message to Lev Rubinstein” (1989), “Give me a deconstruction! Gave...”, “Good for Chesterton — he lived in England”, “Historiosophical centon”, “We did not sell Christ”, “Happy New Year” etc., the poem “Kara-Baras”, dramatic experiments “The night before and after Christmas”, “Victory over Phoebus”, the chronicles “Lada, or Joy”, reveals elements of similarity with the traditions of A. S. Pushkin and F. M. Dostoevsky: images of empty darkness and chaos, loss of the path, value orientations, an appeal to the symbolism of the ballad genre, presented in a serious, playful, ironic tone. The classical tradition contains important keys and values for understanding new reality and becomes an integral part of the artistic language of its description. At the same time, fidelity to the classics is devoid of a sense of exclusivity, loud pathos, moralism, often includes idyllic, sentimental, humorous tones. The poet’s return to the classical literary tradition occurs after oblivion or denial of its

Citation: Martyanova S. A. 2021. “Pushkin-Dostoevsky Myth about ‘Devilry’ in the Works of T. Yu. Kibirov”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 180-191.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-180-191

values in Soviet times, which gave rise to the cultural problems of the post-Soviet period. In the course of the work, the methods of comparative literary criticism, intertextual analysis, mythopoetic and historical and cultural studies were used.

Keywords

Universals, myth, demonic, quotation, A. Pushkin, F. M. Dostoevsky, T. Yu. Kibirov.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-180-191

REFERENCES

1. Averintsev S. S. 2001. *Sophia — Logos. Dictionary. Second revised edition.* Kiev: Spirit and Litera. 460 p. [In Russian]
2. Basinsky P. 2008. “Kara-Baras of our time”. Russian Newspaper. <https://rg.ru/2008/05/22/kibirov.html> [In Russian]
3. Bulkina I. 2014. “Lyrics of the beginning of the century”. New World. http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2014_10/Content/Publication6_1244/Default.aspx [In Russian]
4. Gasparov M. L. 1994. *Essay on the History of Russian Verse. Metrics. Rhythm. Rhyme. Strofikus.* Moscow: Nauka. 220 p. [In Russian]
5. Gasparov M. L. 2001. “Centon”. *Literary Encyclopedia of Terms and Edited by A. N. Nikolyukin.* Moscow: NPK Intelvak. Pp. 1185. [In Russian]
6. Grekhnev V. A. 1994. *The World of Pushkin’s Lyrics.* Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Publishing House. 464 p. [In Russian]
7. Zhirmunsky V. M. 2001. “Poetry of Alexander Blok”. Zhirmunsky V. M. *Poetics of Russian Poetry.* Saint-Petersburg: Azbuka-classic. Pp. 282-350. [In Russian]
8. Losev A. F. *Dialectics of the Myth.* Moscow: Academic project. 303 p. [In Russian]
9. Magomedova D. M. 2017. *The Myth of “Devilry” in Russian Literature and Journalism 1917-1921. Blok readings.* Saint-Petersburg, Museum A. Blok’s apartment. 27 November 2017. <https://www.youtube.com/watch?v=EIg8GuJ2LME> [In Russian]
10. Nemzer A. S. 2003. “Three prefaces”. Nemzer A. S. *A Wonderful Decade of Russian Literature.* Moscow: Zakharov. Pp. 366-367. [In Russian]
11. Pustovaya V. “A little bit forbidden pleasure. Poet Timur Kibirov: Why people write poetry. Interview with Timur Kibirov”. Russian Newspaper, no. 6602 (31). <https://rg.ru/2015/02/15/kibirov-site.html> [In Russian]
12. Pushkin A. S. 2016. *Works: Commented Edition.* Edited by David M. Bethea. Issue 3: Poems: From “Northern Flowers” 1832. Moscow: New Publishing House. Pp. 292-332. [In Russian]
13. Timur Kibirov. Personal Site. <https://kibirov.poet-premium.ru> [In Russian]
14. Halizev V. E. 2013. *Theory of Literature: Textbook for Student Institutions of Higher Specialized Education.* 6th edition. Moscow: Academy Publishing Center. 432 p. [In Russian]

Алена Игоревна ПЕРШИНА¹
Елена Николаевна ЭРТНЕР²

УДК 82.0

ЧИТАЕМ О СИБИРИ: ПРОЗА Н. А. ЛУХМАНОВОЙ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

¹ аспирант кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
pershina.alena@rambler.ru

² доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
e.n.ertner@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-1523-6561

Аннотация

Актуальность работы обусловлена назревшей в литературоведческой науке необходимостью введения в научный оборот и в практику преподавания русского языка как иностранного новых текстов, углубляющих представление о феномене Сибири. Настоящее исследование представляет собой методическую разработку занятий по анализу художественного текста в иностранной аудитории, которая может быть использована в рамках изучения русского языка как иностранного, элективного курса по литературному краеведению.

В основу дидактического материала легли тексты петербургской писательницы Н. А. Лухмановой, проживавшей в 1800-1805 гг. в Тюмени. Геопоэтический образ края Лухманова воссоздала в очерках «Кержаки в тайге», «Белокриницкий архиерей Афанасий», романе «В глухих местах», объединенных автором под общим названием «Очерки из жизни в Сибири» (1896 г.).

Книга «Очерки из жизни в Сибири» Н. А. Лухмановой, являющаяся объектом настоящего исследования, написана на основе личных переживаний автором Западной Сибири. Позиция «чужого», в которой находится сам автор и его герои по отношению

Цитирование: Першина А. И. Читаем о Сибири: проза Н. А. Лухмановой в иностранной аудитории / А. И. Першина, Е. Н. Эртнер // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 192-208. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-192-208

к Сибири, близка позиции приезжающих в этот регион иностранных студентов. В этой связи художественный образ Западной Сибири становится ценным лингводидактическим материалом, а репрезентирующие данное пространство тексты получают высокий лингвокультурологический потенциал.

Новизна представленного исследования определена обращением к прогрессивной научной методологии, междисциплинарному направлению — геопоэтике, позволяющему выявить особенности ландшафтной образности репрезентируемого в художественном тексте пространства. В контексте данного методологического направления в настоящем исследовании разработаны методические принципы и приемы изучения «сибирских» текстов в иностранной аудитории, направленные на нахождение и извлечение национально-культурной, фоновой информации, сопоставление и сравнение представленных фрагментов текста, их осмысление и интерпретацию.

Ключевые слова

Региональная литература, русский язык как иностранный, лингвокультурология, Н. А. Лухманова, геопоэтика, мифопоэтика, сибирский текст, город как текст.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-192-208

Введение

Изучение локальных текстов русской культуры является одним из активно развивающихся методологических направлений современного литературоведения. Выявление образно-символической структуры ландшафта региона в рамках предлагаемого метода позволяет не только расширить представление о феномене края, но и осмыслить поэтику места в контексте национальной традиции. Исследование мифопоэтики пространства Западной Сибири основывается на междисциплинарном подходе, в основе которого изучение «сибирского» текста (с опорой на работы В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана), интерпретация географических образов (труды Д. Н. Замятина, В. Л. Каганского) и применении методов изучения текста, изложенных в трудах по геософии и метафизике ландшафта (В. А. Подорога). «Очерки из жизни в Сибири» Н. А. Лухмановой исследуются в аспекте современной методологии, связанной с изучением геопоэтики художественного текста. основополагающей категорией геопоэтики является понятие ландшафта. В определении данного термина мы опираемся на методологическую концепцию В. Е. Андреева и понимаем литературный ландшафт как воображаемую реальность, репрезентацию географического пространства в художественном тексте и как совокупность самих текстов, порожденных данной территорией. Настоящий методологический подход позволяет выявить особенности ландшафтного мышления Н. А. Лухмановой и определить место анализируемой прозы в структуре «сибирского» (тюменского) текста.

Кроме того, теоретическим основанием исследования выступает лингвокультурологический подход. Лингвокультурологический аспект изучения «Очерков из жизни в Сибири» Н. А. Лухмановой заключается в анализе сибирского текста как

феномена культуры с одной стороны и носителя семиотических культурных кодов с другой. Признавая, что художественное произведение есть отдельно взятый концепт, мы рассматриваем его в историко-культурном контексте, как условный продукт национальной системы в целом. В то же время художественные тексты отражают индивидуально-авторский способ восприятия мира, и тогда мы можем говорить о концептах художественного мира того или иного произведения. Так, в рамках изучения произведений Лухмановой: фрагментов романа «В глухих местах», очерка «Кержаки в тайге» в иностранной аудитории предлагается сформулировать базовые идеи концепта «сибирского» текста, а также выявить смысловое наполнение пространственных концептов, входящих в понятие «литературный ландшафт».

Результаты исследования и их обсуждение

Региональный текст на уроках РКИ: методика и дидактика

Развитие методики изучения художественных текстов на занятиях русского языка как иностранного должно решить две основные проблемы, существующие на данный момент в практике преподавания. Во-первых, художественный текст не должен восприниматься исключительно в качестве языкового материала. В связи с этим формируется и вторая задача — научить читателя-иностранца давать смысловые, оценочные и эмоциональные комментарии в отношении прочитанного.

Художественное произведение в обучающих целях можно использовать в разных аспектах: речевых, языковых, лингвострановедческих. На основе литературного произведения можно не только обучать грамматике и лексике, но проводить собственно текстовую работу, направленную на обучение созданию и пониманию текстов. В этом случае следует в первую очередь подойти особым образом к выбору самого материала: «Это должны быть художественные тексты, которые потенциальный читатель захочет и сможет понять. Правильно выбранный художественный текст позволит мотивировать учащихся к изучению русского языка, сделав занятия интересными, увлекательными, лично значимыми для них» [3, с. 93].

Интерес для изучающего русский язык человека представляют тексты, отражающие его собственный опыт; «читатель понимает текст в том случае, если ему понятна ситуация, о которой идет речь» [3, с. 94]. Важно при этом отметить, что предлагаемый для изучения текст должен соответствовать сформировавшимся у иностранца знаниям грамматики русского языка.

С психологической точки зрения у учащихся не должно быть страха ошибиться, неправильно выполнить предлагаемые к тексту задания. Поэтому первоочередной задачей является работа с текстом как таковым, направленная на его понимание. Этому способствует применение интерактивных технологий, использование в качестве формы работы дискуссии, рассуждения, обмена мнениями. «Преподавателю необходимо активизировать творческую активность учащихся, предлагая им представить то, о чем они читают, описать возникающие в воображении образы» [3, с. 94]. Основная цель, предполагающая обращение к художественному тексту как к материалу для обучения РКИ, — научить самостоятельному пониманию, интерпретации произведения, сформировать необходимые для данной деятельности навыки.

Чтение как вид речевой деятельности направлено и на восприятие, и на понимание текста. На первых этапах обучения учащийся в процессе чтения должен освоить графическую и звуковую систему языка, в связи с чем продуктивным оказывается чтение вслух. Данный способ способствует также развитию беглости чтения, что является важным фактором при более глубокой работе с текстом — изучающем чтении.

Обращению к тексту должен быть предпослан лингвострановедческий комментарий, способный снять некоторые трудности в понимании текста. Это может быть «справка о писателе, сведения о событиях или людях, о которых говорится в тексте, лингвострановедческие понятия» [8]. Данная информация может быть передана преподавателем или подготовлена самими учащимися по подготовленным учителем материалам, на основе собственных знаний.

Следующий этап работы с текстом направлен на снятие лексико-грамматических трудностей. В упражнения данной категории входит словарная работа, словообразовательные и синтаксические задания. Однако необходимость данного рода предтекстовой работы ставится под сомнение некоторыми исследователями. «Не рекомендуем во время предтекстовой работы выполнять лексико-грамматические упражнения. Это методически нецелесообразно, т. к. все грамматические категории должны быть уже знакомы учащимся, а с лексическими трудностями можно справиться в процессе работы над текстом» [3, с. 97].

Основная задача предтекстовых упражнений — прогнозирование, поэтому главным объектом анализа на данном этапе работы с текстом должно быть название произведения.

Собственно чтение текста методисты рекомендуют задавать на дом, на первых этапах объем заданного материала не должен превышать пяти страниц (в зависимости от подготовки на следующих этапах работы объем может быть увеличен до восьми страниц и более). Более вдумчивому чтению способствуют такие задания, как составление плана текста, ответы на вопросы по прочитанному материалу.

Притекстовые упражнения предполагают аудиторную работу и базируются на коммуникативной установке чтения. Формулировка данных заданий может быть следующей: «Определите основную мысль текста», «Ответьте на поставленные вопросы», «Найдите фразы, подтверждающие заголовок» [8].

Обучение русскому языку как иностранному с начального уровня владения языком строится на основе учебных текстов, отличающихся некой стерильностью: они выступают образцом литературного языка, далекого от речевого общения его носителей. В связи с чем переход от учебной ситуации общения к живой в ряде случаев сопровождается коммуникативной неудачей. Иностранец, передавая языковое сообщение в реальном социокультурном контексте изучаемого языка, не всегда может реализовать свою межкультурную компетенцию (т. е. достигнуть «взаимопонимания с представителями других культурных сообществ так же успешно, как и с представителями своей собственной», Knapp-Potthoff A. [6, с. 191]).

В зарубежной методике преподавания иностранных языков межкультурная компетенция рассматривается как компонент коммуникативной компетенции,

«которая предполагает владение лингвистической компетенцией, знание сведений о языке, наличие умений соотносить языковые средства с задачами и условиями общения, понимание отношений между коммуникантами, умение организовывать речевое общение с учетом социальных норм поведения и целесообразности высказывания» (Hymes D.) [6, с. 189].

Обозначенные выше принципы легли в основу коммуникативного метода обучения иностранному языку, зародившегося в Европе в 70-ые гг. XX века и активно реализуемого в настоящее время в рамках преподавания русского языка как иностранного.

Одним из ведущих принципов коммуникативного метода признан аутентичный характер учебного материала, основанный на использовании подлинных материалов и придающий учебному процессу условия достоверности. В контексте обучения иностранному языку аутентичные тексты «являются источником получения знаний о культуре инофона, расширяют диапазон языковых средств, позволяют учащимся оценить их употребление с точки зрения уместности и соответствия конкретной ситуации» [6, с. 197].

*Художественный текст в иностранной аудитории:
лингвокультурологический ракурс*

Само словообразование термина «лингвокультурология» строится на переходе от языка (лат. *lingua*) к культуре: объектом ее изучения является язык, выражающий культурологические понятия. В рамках данной дисциплины рассматривается национально-культурный компонент слова, выходящий за пределы словарного значения. Ключевым становится понятие «концептосферы» языка (Д. С. Лихачев) и «языковой личности», выступающей ее носителем. «Концепты возникают в сознании человека <...> как „намекы на возможные значения“ и как отклики на предшествующий языковой опыт» [9, с. 152]. Единицы языка, обладающие таковым потенциальным значением, обозначаются как «лингвокультуремы» (В. В. Воробьев).

Лингвокультуремой может быть признано отдельное слово (береза), словосочетание (русская душа), пословица, крылатое выражение, а также отрывки из художественных произведений и произведения в целом [2]. Последнее приобретает особую значимость в контексте упомянутой «концептосферы» языка, а вместе с ним и культуры: «особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям»; «концептуальная сфера, в которой живет любой национальный язык, постоянно обогащается, если есть достойная его литература» [9, с. 162].

Лингвокультурология, зародившаяся как автономная область лингвистики, приобрела свойство междисциплинарного характера, что позволяет применять ее методы и в рамках литературоведения, то есть рассматривать текст как носитель и выразитель культуры.

Однако текст в некотором смысле превосходит слово, он сложнее. И лингвокультурология на базе филологического анализа условно расширяет круг своих интересов: рассматривает отраженные в тексте исторические, географические,

социальные и др. реалии. Объект изображения художественной литературы различный — жизнь человека во всех ее проявлениях, растительный и животный мир — и все это в комплексе, не в отдельно выраженных лексемах содержится в тексте и может быть рассмотрено через призму культуры.

Вынося в заглавие данной части исследования понятие «лингвокультурологический аспект», мы не можем оставить без внимания существующую в научном дискурсе терминологическую конкуренцию «лингвокультурологии» и «лингвострановедения». Несмотря на то, что «лингвострановедение и лингвокультуроведение — это термины, в общем и целом называющие одну и ту же область знаний» [4, с. 37], и они могут быть рассмотрены как взаимозаменяемые, выделяемые исследователями особенности лингвокультурологии позволяют в рамках настоящего исследования отдать предпочтение данному понятию.

«Лингвокультурология изучает национально-культурную семантику языковых единиц с целью понимания их во всей полноте содержания и оттенков, в степени, максимально приближенной к их восприятию носителями данного языка и данной культуры» [5, с. 84]. Таким образом, методы лингвокультурологии направлены на снятие межкультурных барьеров, они помогают проникнуть в национальную культуру говорящих.

«Лингвострановедение <...> занимается извлечением культурной информации из лексем и фразеологизмов с целью обучения языку», задача лингвокультурологии — «дать знание культуры носителей данного языка» [7, с. 15]. В рамках данной статьи нами выдвинут литературоцентричный принцип работы с художественным текстом, предполагающий не изучение языка как такового (что является задачей лингвострановедения), а филологический анализ, рассматривающий не только собственно текст, но и заключенные в нем архетипические образы и культурные коды.

Лингвокультурологический аспект изучения романа Н. А. Лухмановой «В глухих местах» заключается в анализе данного текста как феномена культуры с одной стороны и носителей культурных кодов с другой. Признавая, что художественное произведение есть отдельно взятый концепт, мы рассматриваем его в историко-культурном контексте, как условный продукт национальной системы в целом. В то же время художественные тексты отражают индивидуально-авторский способ восприятия мира, и тогда мы можем говорить о концептах художественного мира того или иного произведения.

Так, в рамках изучения произведений Лухмановой в иностранной аудитории предлагается сформулировать базовые идеи концепта сибирского текста, а также выявить смысловое наполнение пространственных концептов, входящих в понятие «литературный ландшафт».

*Методическая разработка занятий по роману
Н. А. Лухмановой «В глухих местах»*

Прежде чем вводить в систему обучения тот или иной художественный текст, нужно рассмотреть его с литературоведческой точки зрения и выявить ключевые

особенности произведения в целом. Предметом анализа настоящего исследования является литературный ландшафт Западной Сибири. Пространственная образность Сибири в анализируемых текстах строится на следующих особенностях.

Мотив «замкнутости», «закрытости» реализует символику «страны», «царства», в роли которых издавна воспринималась Сибирь в сознании европейской части России. Сибирь воплощает пространственную модель шара (круга), замкнутого на самом себе. Это закрытый для посторонних глаз город, «глухое» место.

Описание природного мира строится на устойчивых фольклорных образах, рисующих сказочный пейзаж. Природа в «Очерках» Лухмановой антропоморфна, наделена внешностью, сознанием и поведением человека. Красота тайги доступна взгляду сибиряка, только он, живущий на этой земле человек, способен оценить все богатства, которые открывает для него природа, и ощутить себя здесь свободным и счастливым. Природный ландшафт приобретает черты сакрального, сибиряки воспринимают природу как храм.

С мифопоэтической точки зрения Западная Сибирь — это «двойная мифологема», которая в зависимости от воспринимающего его субъекта становится «гиблым местом» (в сознании приезжих) или «райским уголком», «родной землей» (в восприятии сибиряков). Западная Сибирь — конфликтный образ, совмещающий черты «чужого», закрытого и «своего», «тайного», «заповедного» места.

Новый, чужой этим местам человек находится в равнинном мире, простирающемся на все стороны, и единообразие природы подавляет героя. Простор сибирских территорий создает впечатление пустоты и незащищенности. Ближе всего к миру природы человек, непосредственно живущий в нем.

В предпосланном замечании к «Очеркам из жизни в Сибири» Лухманова отмечает: «Из личных воспоминаний автора, пробывшего пять лет в „глухих местах“», что свидетельствует о документальной основе произведения, о личной связи автора с тюменским краем. Это дополнение весьма существенно, так как «на первом плане при изучении региональной словесности должны находиться личность писателя, его самосознание, т. е. стремление ассоциировать свою деятельность с регионом, соотносить свою биографию с его исторической судьбой» [1, с. 6]. Книга «Очерки из жизни в Сибири» Н. А. Лухмановой отражает взгляд приезжего человека, выступающего «чужим» по отношению к Западной Сибири. Иностранец занимает ту же позицию по отношению к региону пребывания, и поэтому через призму своего сознания способен понять показанную в тексте историю героя. Учитывая время написания «Очерков» (1895) и отражение в них диалектных особенностей речи героев, нам видится целесообразным некоторая степень адаптации текстов, не препятствующая их анализу. Осуществленное автором деление указанных произведений на части (рассказы/главы), а также их методическая обработка в виде выбора отдельных фрагментов позволяет построить изучение данных текстов по принципу «культурологических тем».

В настоящем исследовании представлен опыт создания серии занятий на основе фрагментов романа «В глухих местах» Н. А. Лухмановой, точнее — на истории его героини Фелицаты (девушку отправили в монастырь каяться в греховой связи

с приезжим инженером; однако не в силах отказаться от своей любви, сибирячка отдает богу душу в «объятиях» старого кедра). В ходе чтения отрывков и выполнения сопутствующих им заданий, иностранные учащиеся формируют представления о двойственном образе сибирской природы (отдаленные, суровые, но тихие и сказочные места), об особом отношении сибиряков и природного мира (кедр укрыл Фелицату, пряча от злобного мужа, бегущего к ней в видениях). Вместе с тем учащиеся получают сведения о поверьях (ворона — предвестница смерти), о литературном приеме олицетворения (и учатся находить примеры в тексте).

Лингвострановедческий комментарий (справка о писателе, сведения о событиях и людях, связанных с текстом)

Надежда Лухманова настолько тщательно скрывала дату своего рождения, что варианты биографов располагались между 1840 и 1851 годами. Точную дату установил потомок Лухмановой Александр Колмогоров: писательница родилась 14 декабря 1841 года в Санкт-Петербурге. Занимаясь репетиторством со студентами Московского университета, Лухманова познакомилась с Александром Колмогоровым, сыном тюменского купца, и тайно повенчалась с ним в 1881 году. После венчания Лухманова уехала в Тюмень вслед за мужем-сибиряком. Несколько лет, проведенных в Тюмени, послужили «исходным материалом» для одного из наиболее значительных произведений Лухмановой — романа «В глухих местах» (1895). А одним из его главных героев стал купец Круторогов (в реальности — Колмогоров, свекор Лухмановой).

Словарь: Биограф — составитель чьей-либо биографии. Потомок — родственник, живущий позднее. Заниматься репетиторством — проводить дополнительные занятия по предмету за отдельную плату. Купец — раньше так называли человека, занимающегося торговлей. Сибиряк — человек, родившийся и живущий в Сибири. Очерк — произведение, в котором есть описание реальных фактов и лиц. Свекор — отец мужа.

После прочтения краткой справки о жизни и творчестве Н. А. Лухмановой иностранным учащимся предлагается принять на себя роль биографа и рассказать известную им информацию о писательнице, используя представленные изображения (фотографии Санкт-Петербурга, Тюмени, здания МГУ, портрета Ф. С. Колмогорова, обложки «Очерков из жизни в Сибири»).

Предтекстовые упражнения

Работа, направленная на прогнозирование, начинается с просмотра видео, отражающего визуальные образы отрывка романа, переданного закадровым голосом [11].

После просмотра видео учащимся предлагается ответить на следующие вопросы:

1. Как называется пространство, показанное на видео? (лес)
2. Какие объекты находятся в этом пространстве? (деревья: сосны, ели, пихты; река; равнина; монастырь)
3. Какое впечатление сложилось у вас после просмотра данного видео? (красиво; сказочно; жутко)

4. Как вы думаете, какая история могла случиться в этом лесу? (прогнозирование сюжета)

Притекстовые упражнения выполняются по прочитанным фрагментам.

Фрагмент первый

В восьмидесяти верстах от Тобольска, среди громадного леса вековых кедров и лиственниц, стоит женский Ивановский монастырь с чудотворной иконой Божьей Матери. Кругом монастыря людская жизнь как бы замерла. На далекое пространство ни селения, ни деревни, один суровый вечнозеленый лес и его таинственная жизнь берлог, нор и логовищ.

И вся эта жизнь леса с его тайнами, с влюбленными трелями птиц, во всем голодной волчицы, ароматом высоких трав, нередко опутавших труп убитого молодца, все это идет помимо тихого Ивановского монастыря; вся эта жизнь кипит и рвется кругом мирного убежища, не нарушая ни на йоту монотонного прозябания приютившихся в нем женщин [10, с. 37].

Задания

1. Подобрать слова, характеризующие пространственные образы фрагмента: кеда (вековые), Ивановский монастырь (тихий), убежище (мирное), жизнь (таинственная), лес (суровый, громадный, вечнозеленый).
2. Найти в тексте указания на приятные и неприятные звуки и запахи: трели птиц, ароматы трав; вой волчицы, труп молодца.

На основе данных заданий учащиеся формулируют вывод о двойственной природе пространственной образности сибирского леса. С одной стороны, это тихое, вечное и приятное пространство. Но в то же время далекое, суровое, страшное.

Фрагмент второй

Монастырь лежал на узкой равнине, отрезанной как ломоть от окружающего его леса. Направо шла скованная морозом, безгранично широкая лента реки, а влево, совсем близко, начинался лес; передовые громадные сосны одиноко, отчетливо вырезывались на ясном фоне зимнего дня, протягивали к монастырю, как объятия, свои широкие лапы с тяжелой пеленой снега, за ними стоял сплошной стеной вечнозеленый лес пихт, елей и сосен, а за лесом шла глухая тайга, и, когда сильный ветер бушевал в ней, она колотилась своими обледенелыми иглами и была протяжно, долго, как стая голодных волков [10, с. 52].

Задания

1. Найдите в тексте глаголы. Покажите действия, которые они обозначают: лежал, шла, протягивали, стоял, бушевал, колотилась, выла.
2. Определите действующее лицо: монастырь лежал; лента реки шла; сосны протягивали, как объятия, лапы; лес стоял; тайга шла; ветер бушевал; тайга колотилась и выла.

При выполнении данных заданий стоит обратить внимание учащихся на то, что природа описывается в данном тексте как человек; рассмотреть прием олицетворения – перенесения свойств и качеств человека на неодушевленные предметы и природные явления.

Фрагмент третий

Холодное зимнее солнце бесстрастно стояло над всей этой картиной, золотя верхушки леса, скользят румяной полосой по гнивам, раздвигая окрестность, как волшебную панораму.

«Словно сказка, — подумала Фелицата, — безмолвно, тихо все кругом... ни человеческого голоса, ни крика звериного...» [10, с. 53].

Задания

1. Подтвердилось ли ваше мнение о том, что отрывок похож на сказку?
2. В отрывке есть слово «Фелицата». Как вы думаете, что оно означает?

Фрагмент четвертый

Она пошла дальше, миновала сторожевых великанов и вошла в самый лес; над ее головой с ели снялась громадная ворона и, помахав тяжелыми крыльями, понеслась над лесом с пронзительным громким карканьем.

«Смерть предвещает...» — мелькнуло обычное суеверие в душе Фелицаты. Она пошла лесом, крепкий снег хорошо выдерживал ее шаги, и она незаметно углубилась в чащу [10, с. 53].

Задания

1. Изменилось ли настроение в данном отрывке?
2. Почему Фелицата подумала о смерти?
3. Можете ли вы, исходя из данного отрывка, сказать, что такое «суеверие»?

Собственно чтение текста, сопровождающееся выполнением заданий

Фрагмент первый

Лес впереди ее расступался, а позади смыкался, словно отрезал ее понемногу от мира скорбей, из которого она уходила. Под влиянием величественного покоя природы утихало её наболевшее сердце, и ослабевший ум не вызывал больше ни манящих, ни пугающих призраков. Сухие тревожные глаза ее теперь снова приняли свое прежнее прекрасное выражение доброты и нежности, на истомленном лице её появилась улыбка, и чувство тихого, счастливого покоя туманило ее голову.

Однако холод пробирался под шубку и платок и пронизывал ее, она инстинктивно куталась плотнее и шла быстро, постукивая замерзавшими ногами. Ресницы ее побелели, брови легли седой полосой, дыхание перехватывало в груди. Кутаясь, вздрагивая, она смутно чувствовала, что надо вернуться; остановилась, огляделась кругом и, увидя плотный

сугрób под громáдным кédром, раскíнувшимся, как шатер, подошла к нему и опустилась, невольнó повинуясь стрáшной устáлости и хóлоду, скóвывавшему ее тéло.

Присéв на сугрób, Фелицата оперлá|оперла гóлову о ствол кédра и сквозь спустившиеся вéтви стáла глядétь вверх на клóчок голубóго нéба.

— Хорошó... тíхо, как в пустóm хрáме!.. И не хóлодно... вот тепérь совсém не хóлодно, тóлько спать хóчется... Что, как тепérь вот по éтой дорóжке... — она слипáющимися глазáми стáла глядétь вперéd себя. — Да и дорóжки-то нет никакóй... как éто я тóлько шла-то? — И ей стáло смешнó, она тíхо, по-дétски, рассмеялась. — Рóвно меня кто зá руку вел... И что, как по éтой дорóжке да придет сейчáс... сюдá Алексáндр Пáвлович... да возьмет меня нá руки, да обнíмет, подымет и унесет... Кудá унесет?.. А тудá, далекó-далекó... где никтó нас не найдет... Алексáндр... Пáвлович... Алексáндр... [10, с. 54].

Задание

Определите, как в данном фрагменте изменяется мир природы и внутреннее состояние героини.

Внешнее (было/стало): мир скорби/величественный мир природы; надо вернуться/села под кедром; крик вороны/тихо, как в храме. Внутреннее (было/стало): сухие тревожные глаза/выражение доброты и нежности; истомленное лицо/улыбка; усталость и холод/хорошо.

Фрагмент второй

Ей показáлось, что красíвое лицó инженерá нагибáется к ней, сíние лáсковые глазá смóтрят близкó-близкó, вот румяные устá коснóлись жáрко ее уст...

Затрепетáла она вся, рúки разомкнóлись, платók упáл с гóловы, чёрные пýшные кóсы скользну́ли, что две змей, и легли на снег бéлый, распахнóлась шóубка, и истóма блажénства охватила всю грудь.

— Мíлый... мíлый, — шéпчут побелéвшие гóбы. — Ах, что же éто? — Сýдорожно метнóлась она. Мíлого нет... исчéз. И вдруг слýшит она шум, стук, слóвно в ушáх, в гóловé у нее колеса какíе-то вёртятся, и вíдит она: по дорóжке прямо на нее бежит Евмений, лицó стрáшное, бéлое, вихры рыжие торчáт за ушáми, а глазá раскóсые. «Моя, говорít, женá Фелицáта, не отдам, никтó не смей трóгать мýжнюю женó... собáкам скормлю, а емó не отдам...».

И кíнулся к ней, а кедр, стáрый громáдный кедр, у пня котóрого она сидéла, спустил вдруг вéтви и заплел ее, закрьл, что стеной, и уж тóлько глúхо-глúхо слýшит она, как шумít и рвется муж ее, и все тíше, тíше кругóm, ничегó не вíдно, тóлько... ах! — сквозь вéтви сияют звезды, сíние, красные, нет, то не звезды — éто неугасíмые лампáды, а вот íз-за них виднý чьи-то блáгостные óчи, глядят... глядят... и рóвно сóлнечные лучí из них исхóдят, светлó кругóm стáло и теплó-теплó, что лéтом на припеке, и вот пáльцем не шевельнóть, гóбы не размыкаются, совсém разомлéла Фелицата под жáркими лучáми сíних очéй. Чу!.. Звон тíхий... далекий, слóвно мýзыка, нет, это не звон и не мýзыка, это егó гóлос, зовет... Идó... идó... и...ду...[10, с. 54].

Задания

1. Перескажите прочитанный фрагмент с опорой на данные слова: показалось — лицо инженера — глаза — уста; платок — косы — шубка; милый — шепчет — шум — Евмений — страшное — не отдам; кедр — закрыл — тише; звезды — лампы — глядят — лучи; тепло — тихий звон — голос — иду.
2. В данном отрывке три героя: инженер, Фелицата и Евмений. Кем они приходятся друг другу?
3. Можно ли сказать, что кедр защитил Фелицату от Евмения? Аргументируйте свое мнение.

Послетекстовые упражнения*Фрагмент текста*

Фелицата замолкла. Кругом нее стоял суровый лес, и деревья, поникнув ветвями, словно приглядывались к своей неожиданной гостье, словно прислушивались к ее лепету. Страшно, тихо в лесу, только изредка прыгнет белка и с гибкой верхушки посыпятся иглы снега, шелкнет где ветка сухая, и снова все тихо-тихо, и только изредка далекой музыкальной волной пронесется звук монастырского колокола, нежно, протяжно ударит и замрет, и снова ударит, и снова замрет, как робкий и нежный призыв, не получивший ответа... [10, с. 55].

Задания

1. Выполните анализ пространственного образа в отрывке (что изображено, какими предстают описываемые объекты?): монастырь, суровый лес, страшно, тихо.
2. Найдите в отрывке прием олицетворения: лес стоял, поник, ветви приглядывались, прислушивались.
3. Выявите цепочку изменения звуков: Фелицата замолкла, тихо-тихо, ударит и замрет, звук, не получивший ответа.
4. Как вы думаете, что значит выражение «Фелицата замолкла» и почему колокол не получил ответа?

Выстраивая логическую цепочку (холодно — видения — хорошо — тихо — нет ответа) учащиеся приходят к пониманию того, что выражение «Фелицата замолкла» символизирует ее смерть.

Итоговые вопросы

1. Можно ли однозначно сказать, является сибирский лес сказкой или же страшным местом?
2. Подтвердились ли ваши предположения о том, какая история случилась в этом лесу?
3. Героиня данного текста Фелицата — сибирячка. Как вы думаете, случайно ли автор выбрал место смерти героини?

4. Можно ли сказать, что лес принял Фелицату (проявил хорошее отношение к ней)?
5. Каким предстает пространство в романе Н. А. Лухмановой?
6. Захотелось ли вам прочитать роман полностью? Почему?

Заключение

Изучение литературы в обучении РКИ должно способствовать преодолению границы «своего» и «чужого». Чтение литературы — встреча с другой культурой, возможность осознания ее национального своеобразия. Понимание системы ценностей и мировоззрения носителя чужой культуры, принятие ее традиций, норм поведения влияет на формирование картины мира языковой личности. Чтение художественного текста позволяет выйти за рамки своей культуры и окунуться в мироощущение чужой, выявить различие двух культурных систем. Через литературу иностранец получает знания о стране изучаемого языка, жизни его народа.

Наибольший интерес для иностранца представляют те художественные тексты, которые отражают знакомую ему ситуацию. В этом смысле тексты региональной литературы, в сюжете которых заложен конфликт «своего» и «чужого», являются важным материалом. Читая региональную литературу, иностранный учащийся может не только посмотреть на Сибирь глазами приезжего, но и увидеть ее через сознание самих сибиряков.

Произведения Н. А. Лухмановой ценны тем, что показывают две точки зрения на Сибирь. Они отражают традиционное представление о Сибири, как о «глухом» месте, страшной и суровой стране; и в то же время демифологизируют этот образ.

Методические разработки занятий, основанные на текстах региональных авторов, способствуют углублению читателя-иностранца в художественную природу произведений, а также позволяют понять национальные, культурные особенности региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции / К. В. Анисимов. Томск: Томский государственный университет, 2005. 304 с.
2. Брагина М. А. Лингвокультуроведческие аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка / М. А. Брагина, В. П. Синячкин, В. В. Дронов, Н. А. Красс, Е. Ф. Тарасов. Москва: РУДН, 2008. 364 с.
3. Бродзели А. О. Художественная литература в обучении РКИ (методические рекомендации) / А. О. Бродзели // Университетские чтения. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2017. С. 92-98.

4. Верещагин Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. Москва: Индрик, 2005. 1038 с.
5. Воробьев В. В. Общее и специфическое в лингвострановедении и лингвокультуроведении / В. В. Воробьев // Слово и текст в диалоге культур. Москва: РУДН, 2000. С. 22-24.
6. Гез Н. И. История зарубежной методики преподавания иностранных языков: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. И. Гез, Г. М. Фролова. Москва: Академия, 2008. 256 с.
7. Зиновьева Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике. Учебник / Е. И. Зиновьева. Санкт-Петербург: СПбГУ; Нестор-История, 2016. 182 с.
8. Крючкова Л. С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. Учебное пособие для начинающего преподавателя, для студентов-филологов и лингвистов, специализирующихся по РКИ / Л. С. Коючкова, Н. В. Мощинская. Москва: Флинта, 2009. 480 с.
9. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Лихачёв Д. С. Очерки по философии художественного творчества. Санкт-Петербург: Блиц, 1999. С. 147-165.
10. Лухманова Н. А. Очерки из жизни в Сибири / Н. А. Лухманова // Лухманова Н. А. Очерки из жизни в Сибири: Избранные произведения. Тюмень: Софтдизайн, 1997. 464 с.
11. Отрывок из книги «Очерки из жизни в Сибири» Н. А. Лухмановой.
URL: <https://clck.ru/XqPEj>
12. Першина А. И. Литературный ландшафт Западной Сибири в «Очерках из жизни в Сибири» Н. А. Лухмановой / А. И. Першина, Е. Н. Эртнер // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates, 2020. Том 6. № 2 (22). С. 48-63.
13. Эртнер Е. Н. Жанровая поэтика романа Н. А. Лухмановой «В глухих местах» / Е. Н. Эртнер // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates, 2015. Том 1. № 3. С. 41-49.
14. Эртнер Е. Н. Н. А. Лухманова / Е. Н. Эртнер // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. Под ред. проф. Е. К. Созиной. Кн. 2. Москва: Издательский дом ЯСК, 2020. С. 1039-1048.

Alyona I. PERSHINA¹
Elena N. ERTNER²

UDC 82.0

**READING ABOUT SIBERIA:
N. A. LUKHMANOVA'S PROSE
IN A FOREIGN AUDIENCE**

¹ Postgraduate Student,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
pershina.alena@rambler.ru

² Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
e.n.ertner@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-1523-6561

Abstract

The relevance of the work is due to the urgent need in literary science to introduce new texts into the scientific circulation and into the practice of teaching Russian as a foreign language, deepening the understanding of the phenomenon of Siberia. This study is a methodological development of classes on the analysis of a literary text in a foreign audience, which can be used in the study of Russian as a foreign language, an elective course in literary local history.

The didactic material was based on the texts of the Petersburg writer N. A. Lukhmanova, living in 1800-1805 in Tyumen. Lukhmanova recreated the geopoetic image of the land in the essays "Kerzhaki in the Taiga", "Belokrinitsky Bishop Afanasy", "In remote places", united under the general title "Essays from Life in Siberia" (1896).

"Essays from life in Siberia" written by N. A. Lukhmanova, which are the object of this study, are written on the basis of personal experiences by the author of Western Siberia.

Citation: Pershina A. I., Ertner E. N. 2021. "Reading about Siberia: N. A. Lukhmanova's Prose in a Foreign Audience". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 192-208.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-192-208

The position of the “alien”, in which the author and his heroes are in relation to Siberia, is close to the position of foreign students who come to this region. In this regard, the artistic image of Western Siberia becomes a valuable linguodidactic material, and the texts representing this space receive a high linguoculturological potential.

The novelty of the presented research is determined by the appeal to the progressive scientific methodology, interdisciplinary direction — geopoetics, which makes it possible to reveal the peculiarities of the landscape imagery of the space represented in the literary text. In the context of this methodological direction, this research has developed methodological principles and techniques for studying “Siberian” texts in a foreign audience.

Keywords

Regional literature, Russian as a foreign language, geopoetics, mythopoetics of Siberia.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-192-208

REFERENCES

1. Anisimov K. V. 2005. Problems of the Poetics of Siberian Literature in the 19th — Early 20th Centuries: Features of the Formation and Development of the Regional Literary Tradition. Tomsk: Tomsk State University, 304 p. [In Russian]
2. Bragina M. A., Sinyachkin V. P., Dronov V. V., Krass N. A., Tarasov E. F. 2008. Linguocultural Aspects of the Formation of the Linguistic Consciousness of Foreign Students in the Process of Studying the Russian Language. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 364 p. [In Russian]
3. Brodzeli A. O. 2017. “Fiction in teaching RFL (guidelines)”. University Readings. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University. Pp. 92-98. [In Russian]
4. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. 2005. Language and Culture. Moscow: Indrik. 1038 p. [In Russian]
5. Vorobyev V. V. 2000. “General and specific in linguistic and cultural studies and linguistic and cultural studies”. Word and Text in the Dialogue of Cultures. Moscow: People's Friendship University of Russia. Pp. 22-24. [In Russian]
6. Gez N. I., Frolova G. M. 2008. History of Foreign Methods of Teaching Foreign Languages: A Textbook for Students of Linguistic Universities and Faculties of Foreign Languages of Higher Pedagogical Educational Institutions. Moscow: Akademia. 256 p. [In Russian]
7. Zinovieva E. I. 2016. Cultural Linguistics: From Theory to Practice. Textbook. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University; Nestor-Istoriya. 182 p. [In Russian]
8. Kryuchkova L. S., Moschinskaya N. V. 2009. Practical Methods of Teaching Russian as a Foreign Language. A Textbook for a Novice Teacher, for Students of Philology and Linguists Specializing in RFL. Moscow: Flinta. 480 p. [In Russian]
9. Likhachev D. S. 1999. “The concept of the Russian language”. Likhachev D. S. Essays on the Philosophy of Artistic Creativity. Saint-Petersburg: Blits. Pp. 147-165. [In Russian]
10. Lukhmanova N. A. 1997. “Essays from life in Siberia”. Lukhmanova N. A. Essays from Life in Siberia: Selected Works. Tyumen: Softdesign. 464 p. [In Russian]

11. An Excerpt from the Book “Essays from life in Siberia” by N. A. Lukhmanova. <https://clck.ru/XqPEj> [In Russian]
12. Pershina A. I., Ertner E. N. 2020. “Literary landscape of Western Siberia in ‘Essays from life in Siberia’ by N. A. Lukhmanova”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 6, no. 2 (22), pp. 48-63. [In Russian]
13. Ertner E. N. 2015. “Genre poetics of N. A. Lukhmanova’s novel ‘In remote places’”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 1, no. 3, pp. 41-49. [In Russian]
14. Ertner E. N. 2020. “Lukhmanova N. A.” History of Literature of the Urals. 19th Century: in 2 books. Edited by professor E. K. Sozina. Moscow: Languages of Slavic Cultures Publishing House. Pp. 1039-1048. [In Russian]

ИСТОРИЯ

Анастасия Алексеевна БОГДАНОВА¹

УДК 94

НЕКОТОРЫЕ ПЕНИТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДРЕВНЕИРЛАНДСКИХ «ПЛАВАНИЙ» (IMMRAMA)*

¹ аспирант кафедры истории и мировой политики,
Тюменский государственный университет
bognastia1996@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2826-9143

Аннотация

В настоящей статье проводится идентификация некоторых пенитенциальных семантических элементов из двух фрагментов «Плавания Майль-Дуйна» и «Плавания Уа Корра», входящих в группу древнеирландских историй о плаваниях (др.-ирл. *Immrama*). Первый сюжет связан с вором-отшельником, которого Божий промысел заставил отказаться от богатств и удалиться на остров (эпизод X); второй связан с преступлением братьев Уа Корра, разорявших церкви Коннахта и убивавших клириков.

В качестве источниковой базы задействованы раннесредневековые ирландские пенитенциалии на латинском языке V-VIII вв., сохранившиеся в манускриптах IX-XII вв.: «Первый синод Патрика», пенитенциалии святых Гильды, Финниана, Колумбана, Куммене. Пенитенциальные аспекты *Immrama* входили в орбиту научных интересов ученых еще с начала XX в. и в последние десятилетия работа в этом направлении все еще продолжается. В ходе сравнительного анализа было установлено, что пенитенциалии и указанные фрагменты *Immrama* имеют определенные коннотации в соотношении правонарушения

* Работа выполнена при финансовой поддержке Оксфордского российского фонда (2019-2020).

Цитирование: Богданова А. А. Некоторые пенитенциальные аспекты древнеирландских «Плаваний» (*Immrama*) / А. А. Богданова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 209-218. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-209-218

и санкции. Юридические категории изгнания, поста, возмещения материального ущерба находят свое применение в отношении тяжелых преступлений или «грехов»: убийства и кражи церковного имущества. Тем не менее есть ряд важных различий в мелких деталях: в понимании категории «изгнание» или «отлучение» в пенитенциалиях и в «Плаваниях»; в длительности постов и покаяния. К сожалению, герменевтика пенитенциального смысла «Плаваний» в тех сюжетах, где фигурируют не духовные лица (отшельники), а миряне, также затруднительна.

Ключевые слова

«Плавания», *Immrama*, ирландские пенитенциалии, древнеирландская литература, средневековая Ирландия.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-209-218

Введение

С начала XX века средневековые ирландские истории о плаваниях (др.-ирл. *Immrama*) как объект раннеирландской христианской традиции получают все больше внимания. Одним из векторов этого «христианского» направления является изучение многочисленных пенитенциальных смыслов, которыми «Плавания», безусловно, богаты.

Первые опыты анализа эсхатологических и пенитенциальных аспектов «Плаваний» мы встречаем у Маркуса Додса (1834-1909), профессора библейской теологии Нового Эдинбургского колледжа [7], Альфреда Натта (1856-1910), одного из основателей Фольклорного общества Ирландии [14], и Чарльза Босвелла [3]. Тогда на первый план выходило «Плавание Святого Брендана» (*Navigatio Sancti Brendani*), в отдельных эпизодах которого усматривали ирландскую интерпретацию чистилища¹. Уже тогда исследователи обратили внимание на связи «Плаваний» и «Видений» (специальной группы историй, повествующих о видениях героем Рая и Ада), а также на значение локуса «островов за морем» не только как места т. н. кельтского «Иного мира», но и как локуса наказания и мучения грешников в зависимости от характера проступка или преступления.

Подробнее данную тему развил Джон Сеймур (1880-1950), архидьякон ирландского монастыря Кашела и Эмли (Cashel and Emly diocese); он провел детальный сюжетно-компаративный анализ «Плаваний» и «Видений» и пришел к выводу, что эсхатологические и, в целом, христианские паттерны развиваются в рамках единой парадигмы, где «Плавания» — начальное звено «эволюции», а «Видения» — более поздний и доработанный концепт. И если раньше акцент был сделан на ранних «Плаваниях» (о Бране, Майль-Дуйне и более популярном Брендане), то Дж. Сеймур отметил ценность «Плавания Уа Корра» и «Плавания Снедгуса и Мак Риагла», произведений, где наказание настигает грешников в едином пространстве, сочетающего картины земного океана и inferные эсхатологические локусы [15, с. 77].

¹ Эпизод с апостолом Иудой, демонами-кузнецами у М. Додса [7, с. 164-177].

Во второй половине XX века и в последние десятилетия изучение пенитенциальной семантики «Плаваний» включено в исследования более общих христианских феноменов, например, праксиса ирландских паломничеств — лат. *peregrinatio*. Ученые давно заметили, что ирландская трактовка процесса паломничества выходит далеко за пределы обыденного понимания «путешествия по святым местам» и сочетает в себе аскетические, эстетические и пенитенциальные элементы. В качестве последнего из них — понимание паломничества как изгнания (*exile*) преступника из социума в открытое море или на остров. Томас Чарльз-Эдвардс, профессор Оксфордского университета, выделяет пять терминов для обозначения паломника и полагает, что один из них и обозначал подобного паломника-преступника в изгнании (*cú glas*, или «волк», букв. «серый пес») [6, с. 96-99]. В христианской традиции санкция посредством изгнания несет смысл также и Божьего суда, как показывают результаты сравнения с многочисленной ирландской агиографией. В этом плане необычайно ценно исследование Мэри Бирн (1880-1931), впервые поместившей феномен «Плаваний» в правовое поле раннесредневековой Ирландии; именно значение Божьего суда, по ее мнению, объясняет, почему столь суровое наказание применялось в спорных казусах: когда состав преступления был не до конца понятен, тогда человеческий суд уступал место Божьему суду. Также было выявлено, что подобное «отправление в море» предписывалось в отношении женщин-убийц и инцеста [5; 10, с. 144]. Колин Айленд, профессор кельтологии Университета Аркадии в Гленсайде (США), установил, что данные смыслы не чужды и для староанглийской традиции [10].

Методы

Таким образом, «Плавания», особенно «Плавание Уа Корра», содержат в себе пенитенциальный код, т. е. определенный набор преступлений и четко обозначенных в соответствии с ними санкций. Безусловно, подобный «код» методом сравнительного и структурного анализа с данными ирландских пенитенциалиев поддается некоторой расшифровке, и работа в этом направлении уже ведется [6, с. 101]. Определенный прогресс заметен и при учете богатой аллегорической и метафорической стороны текстов, легших в основу целого ряда методов филологической компаративистики, дискурс-анализа, имагологии, гуманитарной географии и штудий «ментального пространства» [4, 17, 18]. Джонатан Вудинг, профессор Университета в Сиднее и один из самых крупных специалистов в области истории миграций ирландского монашества, полагает, что для понимания «ментальных карт» и пространственных репрезентаций ирландского монаха, схемы которых и рисуют перед нами *Immgama*, обращение к самым специфическим типам христианских источников (в т. ч. пенитенциалиям) необходимы. Поскольку именно в них более детально предстают элементы монашеской повседневной жизни и обыденного сознания [17, 18]. Все эти методологические и теоретические достижения последних лет были нами также учтены. Что касается источниковой базы, то нами задействованы ирландские пенитенциалии на латинском языке, собранные, главным образом, в издании профессоров Университетского колледжа Дублина Людвиг Билера (1906-1981) и Дэниэла Бинчи (1899-1989) [16].

Результаты исследования и их обсуждение

Как пенитенциальный элемент раскрывается в самих *Immrama*? Сам феномен плавания в открытом океане уже позиционируется как определенное наказание. Наиболее это выражено в «Плавании Уа Корра», где главные герои — преступники, разрушившие и разграбившие половину церковей Коннахта, убийцы клириков.

«Плавание Майль-Дуйна», хоть и является по мотивации героя «светским» (*secular*) текстом¹, имеет также и лейтмотив духовного перерождения в процессе трудного испытания (плавания), совершенного полностью в рамках христианской морали, когда герой отказывается от кровопролития в пользу прощения [8]. В данной концепции «духовной трансформации» герой позиционируется тоже как грешник (преступник), который заслуживает смерти, но вместо нее получает божественное откровение и принимает новую линию поведения, тем самым отказываясь от прежних принципов.

Количество пенитенциальных мотивов сосредоточено в двух *Immrama* IX-XI вв. о Майль-Дуйне и братьях Уа Корра, причем подавляющее большинство их имеет семантику сугубо христианскую (рис. 1).

«Плавания» содержат сведения о наказаниях, которым подвержены как светские, так и духовные лица. В первом случае четкая идентификация для большинства фрагментов затруднительна, за исключением тяжких преступлений, таких как убийство, членовредительство, кража (разграбление церкви), инцест и прелюбодеяние. Только один элемент — преступление братьев Уа Корра, главных героев одного из *Immrama*, — согласуется с данными пенитенциалиев. Что касается описаний преступлений духовных лиц, то информация из пенитенциалиев оказывается полезной. Мы использовали только те памятники ирландского происхождения, чья датировка согласуется со временем формирования текстов *Immrama* (кон. VII-XI вв.) с привлечением более ранних документов. Впрочем, многие датировки раннеирландских латинских текстов пенитенциального характера (в т. ч. «Первого синода Св. Патрика», *the First Synod of St. Patrick*) достаточно условны и дошли до нас в более поздних манускриптах IX-XII вв. [12, с. 235-250; 16, с. 3-14].

Братья Уа Корра после того, как «грабили и убивали по всей пятине Коннахта, уничтожая церкви и клириков» [2, с. 135], решили покаяться в своих грехах. Они обратились к Св. Финдену (Финниану) из Клонарда (ум. 549), который на общем собрании своего прихода предписал им год изучения Святого Писания под надзором братии, а затем отстроить и восстановить все церкви,

¹ Майль-Дуйн отправляется в море с вполне четкой целью найти убийц отца и отомстить им, но Божий промысел заставляет его отказаться от первоначальных замыслов и простить злодеев; исследователь раннесредневекового ирландского права Ф. Келли предполагает, что в данном мотиве нашел отражение процесс отказа от кровной мести в пользу штрафа. Отказ от кровной мести внедрен под влиянием церковного юридического праксиса и вполне согласуется с данными ранних пенитенциалиев, которые предпочитали штраф, пост, покаяние и изгнание в качестве главных правовых санкций [11, с. 69, 127].

что подверглись разорению. Примечательно, что ряд статей «Пенитенциалия Финниана» (*Penitentialis Vinniani*) помещают данное тяжелое преступление под санкции строгого поста, *возмещения ущерба и изгнания* «за пределы своей страны» (*exterrem fieri de patria sua*, ст. 3). Статья 3 определяет строгий пост в течение года¹ тем, кто намерен был совершить убийство, но не исполнил своего замысла в силу обстоятельств — ситуация, коррелирующая с эпизодом, когда Уа Корра намерены были убить своего деда-священника, но Божий промысел не позволил им свершить задуманное [16, с. 74-75; 2, с. 135]. Статья 23 назначает десятилетнее изгнание для церковных лиц за убийство; не указано, предусмотрено ли подобное наказание для мирянина, но поскольку Уа Корра полагаются на совет Святого, наказание посредством паломничества-изгнания в менталитете древнеирландского автора вполне обосновано. Длительное чтение Святого Писания в подчинении у братии, возмещение ущерба согласуется со статьей 35, где мирянин, отказавшийся от зла и обращенный к Богу (*qui... ex malis actibus suis conversus fuerit ad Dominum*) заслуживает трехгодичного поста и отказа от ношения оружия; после истечения срока ему следует сделать подношение церкви во искупление своей души и устроить трапезу (*cena*) для монахов [16, с. 86].

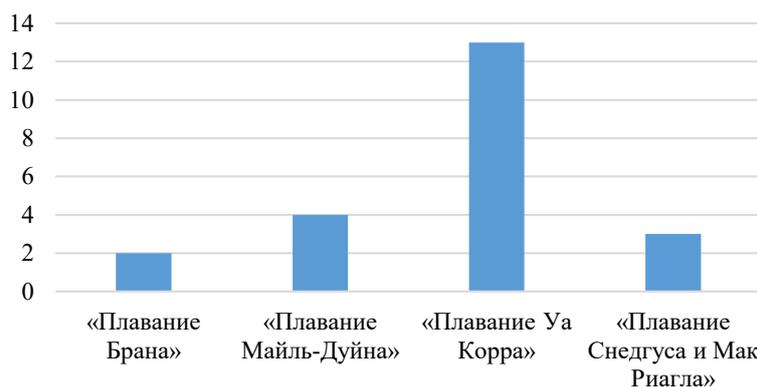


Рис. 1. Количество пенитенциальных мотивов (сюжетов) в Immrama² [9]

Fig. 1. The penitential fragments in the Old Irish Immrama according to their quantity [9]

¹ Половину года осужденный должен был провести только на хлебе и воде, в то время как воздержание от мяса и вина соблюдалось в течение всего года.

² В «Плавании Брана» учтен фрагмент из песни Мананнана, в которой красочно описаны мучения человечества после падения Адама. А. А. Смирнов приводит эти четверостишия в примечаниях, в отрыве от основного текста, считая эти фрагменты поздней интерполяцией [1, с. 351]. Вторым моментом является запрет Брану и его команде касаться берега Ирландии, что ближе к кельтскому элементу гейса. Относительно «Плавания Снедгуса и Мак Риагла» учтены самые ранние версии: поэтическая и так называемая «Прозаическая версия А» [2].

Мотив беспрекословного подчинения духовному наставнику и монашеской братии также подчеркнут как в указанной саге, так и в «Пенитенциалии Куммене» (*Paenitentiale Cummeani*): покаяние грешника наиболее эффективно при наставничестве священника и братии и следовании им [16, с. 133-135].

Другой сюжет *Immrama*, который находит определенное отражение в пенитенциальной практике, — эпизод с вором-отшельником в «Плавании Майль-Дуйна». Некий повар при церкви продавал принадлежавшую ей еду, копил богатство и делал подкопы на церковной территории для похищения кладов. Вор отправился в море со всем своим имуществом, но божий посланник остановил его корабль и приказал сбросить все богатство в море, уверив, что «не напрасно погибнет оно», а поможет кому-то [1, с. 325-326]. Затем странник приплыл к острову, на котором пребывал 21 год в молитве и посте. Прямую аналогию такой специфической правовой нормы мы встречаем в «Законе Адамнана», когда расхищение церковного имущества через подкоп (др.-ирл. *fochlaid ecalse*) подлежало санкции отправления в открытое море [13, с. 30-31].

В пенитенциалиях правовая норма о воровстве претерпевает несколько стадий трансформации. Еще ранний «Первый синод Патрика» предписывает отлучение от Церкви священнику, злоупотребляющему своим положением и присваивающему дары (*ab ecclesia sequestretur*, ст. 26) [16, с. 58-59]. «Пенитенциалий Св. Гильды» (*Praefatio Gildae de poenitentia*) за воровство одежды или какой-либо церковной вещи назначал от года до двух лет строгого поста в зависимости от возраста и статуса провинившегося, ст. 6; «Пенитенциалий Финниана» — от года до трех лет с четырехкратным возмещением украденного, ст. 25; «Пенитенциалий Колумбана» (*Paenitentiale S. Columbani*) приводит то же, ст. 7 [16, с. 61, 83, 101]. В статье 28 Финниана специально подчеркнуто, что грех алчности (*avaritia*) исцеляется практикой даров и щедрости.

И только более поздний «Пенитенциалий Куммене» причисляет к наказанию за умышленное воровство и присвоение даров с алчными целями *вечное* изгнание (*permanens alienetur*, гл. III, ст. 3). В другой статье клирик, имеющий избыток личного владения и имущества, должен раздать их *нуждающимся*, а в случае отказа так же быть изгнанным. Если он впоследствии приходит к покаянию, то должен вести уединенную жизнь в посте ровно столько времени, сколько он не осознал своего греха, ст. 2, ст. 14 [16, с. 117-119]. Такая модель наказания наиболее близка к интересующей нас ситуации из «Плавания Майль-Дуйна»: в свете подобных замечаний также становится ясно, почему автор красочно описал богатства отшельника и ввел довольно пространный диалог о необходимости избавиться от них. Очевидно, что под тезисом «не напрасно погибнет [имущество]. Есть те, кому ты pomoжешь этим» подразумевается практика материальной помощи бедным и нуждающимся, неоднократно подчеркнутой в пенитенциалиях.

Выводы

Таким образом, пенитенциальные смыслы как отдельных эпизодов, так и сюжетообразующих конструктов *Immrama* вполне поддаются расшифровке и идентификации посредством сравнительного анализа с данными раннесредневековых

ирландских пенитенциалиев. Логика соотношения преступления и санкции, а также сопутствующая им христианская семантика соотносятся с теми казусами, что описаны в *Immrama*, особенно в «Плавании Уа Корра», где эсхатологические и пенитенциальные аспекты достигают максимальной экспрессии. Однако имеются и определенные различия в деталях, как, например, разная длительность поста или понимание изгнания в пределах ирландского пространства (пенитенциалии), но не в качестве аскетизма на блаженных островах (*Immrama*). Подобная картина позволяет нам думать, что авторы и компиляторы «Плаваний» реагировали на эволюцию в пенитенциальном и юридическом практике и вносили соответствующие поправки; не исключено, что подобные различия обусловлены и авторским творческим гением, и уместностью той или иной нормы в рамках общего концепта «Плаваний» как морского путешествия к чудесным островам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ирландские саги / А. А. Смирнова. Ленинград; Москва: Academia, 1933. 369 с.
2. Плавание Уа Корра / Т. А. Михайлова, А. М. Рудычева // Атлантика: Записки по исторической поэтике. О чудесных островах в средневековой ирландской традиции. Москва: Макс Пресс, 2016. Вып. XIII. С. 129-148.
3. Boswell C. S. An Irish Precursor of Dante / C. S. Boswell. London: D. Nutt, 1908.
4. Bray D. A. Allegory in the *Navigatio sancti Brendani* / D. A. Bray // *Viator*. 1995. Vol. 26. Pp. 1-10.
5. Byrne M. E. On the punishment of sending adrift / M. E. Byrne // *Ériu*. 1932. Vol. 11. Pp. 97-102.
6. Charles-Edwards T. M. The social background to Irish peregrinatio / T. M. Charles-Edwards // *The Otherworld Voyage in Early Irish Literature: An Anthology of Criticism*. Dublin: Four Courts, 2000. Pp. 94-108.
7. Dods M. Forerunners of Dante: An Account of Some of the More Important Visions of the Unseen World, from the Earliest Times / M. Dods. T. and T. Clark, 1903.
8. Eldevik R. A Vergilian model for the “*Immrama*?” / R. A. Eldevik // *Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium*. 1984. Vol. 4. Pp. 1-8.
9. *Immrama* / A. G. Van Hamel. Dublin: School of Celtic Studies. Reprinted in Dundalgan Press, Co. Louth. Dublin: School of Celtic Studies, 2004. 155 p.
10. Ireland C. A. Some analogues of the “Seafarer” from Hiberno-Latin sources / C. A. Ireland // *The Otherworld Voyage in Early Irish Literature: An Anthology of Criticism*. Dublin: Four Courts, 2000. Pp. 143-156.
11. Kelly F. A Guide to Early Irish Law / F. A. Kelly. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1988. 382 p.
12. Kenney J. F. The Sources for the Early History of Ireland: An Introduction and Guide / J. F. Kenney. New York: Octagon Books, Inc., 1966.
13. Meyer K. *Cáin Adamnáin: An Old-Irish Treatise on the Law of Adamnan* / K. Meyer. Oxford: Clarendon Press, 1905.

14. Nutt A. The happy otherworld in the mythico-romantic literature of the Irish. The Celtic doctrine of re-birth / A. Nutt // *The Voyage of Bran Son of Febal to the Land of the Living*. London, 1895-1897. In 2 Volumes.
15. Seymour J. *Irish Visions of the Otherworld: A Contribution to the Study of Medieval Visions* / J. Seymour. 1930.
16. *The Irish Penitentials* / L. Bieler, applied by D. Binchy. Dublin: the Dublin Institute for Advanced Studies, 1963.
17. Wooding J. M. Fasting, flesh and the body in the St. Brendan dossier / J. M. Wooding // *Celtic Hagiography and the Saints' Cult*. 2003. Pp. 161-176.
18. Wooding J. M. Monastic voyaging and the navigatio / J. M. Wooding // *The Otherworld Voyage in Early Irish Literature: An Anthology of Criticism*. Dublin: Four Courts, 2000. Pp. 226-245.

Anastasiiia A. BOGDANOVA¹

UDC 94

**SOME PENITENTIAL ASPECTS OF THE OLD IRISH
“VOYAGES” (IMMRAMA)***

¹ Postgraduate Student,
Department of History and World Politics,
University of Tyumen
bognastia1996@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2826-9143

Abstract

This article identifies some of the penitential semantic elements from two fragments of “The Voyage of Mail-Duin” and “Voyage of Wa Korr”, which are part of the group of Old Irish stories about voyages (OE *Immrama*). The first plot is connected with a hermit thief who was forced by God’s providence to give up his riches and retire to the island (episode 10th); the second is connected with the crime of the Wa Korra brothers, who ravaged the churches of Connaught and killed the clerics.

As a source base, the early medieval Irish penitentiaries in Latin of the 5th-8th centuries, preserved in the manuscripts of the 9th-12th centuries, are involved: “The First Synod of Patrick”, the penitentiaries of Saints Gilda, Finnian, Columban, Kummene. The penitential aspects of Immrama have been in the orbit of scientific interests of scientists since the beginning of the 20th century and in recent decades, work in this direction is still ongoing.

In the course of a comparative analysis, it was found that penitentiaries and these fragments of Immrama have certain connotations in the relationship between offense and sanction. The legal categories of exile, fasting, compensation for material damage find their application in relation to serious crimes or “sins”: murder and theft of church property. However, there are a number of important differences in small details: in the understanding of the category of “expulsion”

* The work was carried out with the financial support of the Oxford Russian Foundation (2019-2020)

Citation: Bogdanova A. A. 2021. “Some Penitential Aspects of the Old Irish ‘Voyages’ (Immrama)”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 209-218.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-209-218

or “excommunication” in the penitentiaries and in the “Voyages”; in the duration of fasting and repentance. Unfortunately, the hermeneutics of the penitential meaning of “Voyages” in those plots where not clergymen (hermits) but laymen appear, is also difficult.

Keywords

“Voyages”, Immrama, Irish penitentials, Old Irish literature, Medieval Ireland.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-209-218

REFERENCES

1. Smirnov A. A. (ed.). 1933. Irish Sagas. Leningrad; Moscow: Academy. 369 p. [In Russian]
2. Mikhailov T. A., Rudichev A. M. (ed.). 2016. “Swimming Wa Korra”. Atlantic: Notes on Historical Poetics. About the Wonderful Islands in Medieval Irish Tradition. Moscow: Max Press. Vol. 13. Pp. 129-148. [In Russian]
3. Boswell C. S. 1908. An Irish Precursor of Dante. London: D. Nutt.
4. Bray D. A. 1995. “Allegory in the Navigatio sancti Brendani”. Viator, vol. 26, pp. 1-10.
5. Byrne M. E. 1932. “On the punishment of sending adrift”. Ériu, vol. 11, pp. 97-102.
6. Charles-Edwards T. M. 2000. “The social background to Irish peregrinatio”. The Otherworld Voyage in Early Irish Literature: An Anthology of Criticism. Dublin: Four Courts. Pp. 94-108.
7. Dods M. 1903. Forerunners of Dante: An Account of Some of the More Important Visions of the Unseen World, from the Earliest Times. T. and T. Clark.
8. Eldevik R. A 1984. “Vergilian model for the ‘Immrama?’”. Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium, vol. 4, pp. 1-8.
9. Van Hamel A. G. (ed.). 2004. Immrama. Dublin: School of Celtic Studies. Reprinted in Dundalغان Press, Co. Louth. Dublin: School of Celtic Studies. 155 p.
10. Ireland C. A. 2000. “Some analogues of the ‘Seafarer’ from Hiberno-Latin sources”. The Otherworld Voyage in Early Irish Literature: An Anthology of Criticism. Dublin: Four Courts. Pp. 143-156.
11. Kelly F. A 1988. Guide to Early Irish Law. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies. 382 p.
12. Kenney J. F. 1966. The Sources for the Early History of Ireland: An Introduction and Guide. New York: Octagon Books, Inc.
13. Meyer K. 1905. Cáin Adamnáin: An Old-Irish Treatise on the Law of Adamnan. Oxford: Clarendon Press.
14. Nutt A. 1895-1897. “The happy otherworld in the mythico-romantic literature of the Irish. The Celtic doctrine of re-birth”. The Voyage of Bran Son of Febal to the Land of the Living. London. In 2 Volumes.
15. Seymour J. 1930. Irish Visions of the Otherworld: A Contribution to the Study of Medieval Visions.
16. Bieler L., Binchy D. (ed.). 1963. The Irish Penitentials. Dublin: the Dublin Institute for Advanced Studies.
17. Wooding J. M. 2003. “Fasting, flesh and the body in the St. Brendan dossier”. Celtic Hagiography and the Saints’ Cult. Pp. 161-176.
18. Wooding J. M. 2000. “Monastic voyaging and the navigatio”. The Otherworld Voyage in Early Irish Literature: An Anthology of Criticism. Dublin: Four Courts. Pp. 226-245.

Владислав Анатольевич ЕВСТЮНИН¹

УДК 63.3

ДОКУМЕНТЫ АРХИВА ДАТИНИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА ЭПОХИ ПРЕМОДЕРНА

¹ аспирант кафедры истории и мировой политики,
Тюменский государственный университет
vinnetski@gmail.com

Аннотация

В статье приводится анализ документов архива Датины, целью которого является определение перспектив изучения на их материале этических представлений делового человека эпохи преמודерна.

В периоды Высокого и Позднего Средневековья в Западной Европе осуществился «подъем городов», обусловленный деятельностью наиболее мобильных и созидательных социальных групп средневековых горожан — купцов, а впоследствии предпринимателей и финансистов. Их занятия и образ жизни способствовали выработке иного типа поведения, новых этических установок. Одним из таких деловых людей являлся Франческо Датины (1335-1410).

Методологическую основу исследования составила теория этоса польской исследовательницы Марии Оссовской, в постсоветский период воспринятая отечественными учеными.

Проведенный анализ позволил установить языковую принадлежность 148 265 писем из архива. Большинство из них было написано на тосканском «volgare». Это подтвердило преобладающую в историографии точку зрения о формировании торговых и финансовых компаний в городах средневековой Тосканы преимущественно на основании родственных связей. Также были обнаружены письма на латыни, каталанском, провансальском и иных языках.

Цитирование: Евстюнин В. А. Документы архива Датины как источник изучения этических представлений делового человека эпохи преמודерна / В. А. Евстюнин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 219-235.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-219-235

По причине языкового разнообразия источников и обширной географии их происхождения представилось наиболее перспективным использование в дальнейших исследованиях методов «цифровой истории», что подразумевает создание просопографической базы корреспондентов Датины и построение на ее основе ГИС.

Языковая принадлежность писем выступала основным маркером культурной и национальной идентичности их авторов, однако наднациональным фактором, объединявшим этих людей, являлась их принадлежность к этосу делового человека эпохи преремодерна, для которого свойственно сочетание иррациональной религиозности с зарождавшейся рациональной прагматикой.

Ключевые слова

Франческо Датины, этос, деловой человек, преремодерн, средневековая урбанизация, средиземноморская торговля, архив, цифровая история, просопография, ГИС.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-219-235

Введение

Возникновение интереса к изучению присущих человеку этических представлений в западной культуре восходит к Античности. Древнегреческий философ Аристотель (IV в. до н. э.) образовал прилагательное «этический» от существительного «этос», а для обозначения совокупности этических качеств как особой предметной области знания ввел термин «этика» [14, с. 22]. В социокультурном контексте такие периоды истории Запада, как Античность, Средневековье и Раннее Новое время включаются в парадигму «преремодерна», главной особенностью которой является иррациональность человеческого мышления — мифологического, затем религиозного [6, с. 140].

В периоды Высокого и Позднего Средневековья в экономике, социальном строе и культуре регионов Западной Европы произошли ощутимые изменения, обусловленные совокупностью экономических и политических причин. Одним из таких изменений явился «подъем городов» [32, с. 25] — увеличение их населения и обретение некоторыми из них (располагавшимися в Северной и Центральной Италии и к XIV в. ставшими колыбелью культуры итальянского Возрождения) политической и экономической независимости. Подъем городов был обусловлен, в частности, деятельностью наиболее мобильных и созидательных социальных групп средневековых горожан — купцов [8, с. 8], впоследствии основавших первые крупные производства с использованием наемного труда [18, с. 240] и обратившихся к финансовой деятельности [31, с. 73].

Картина мира, складывавшаяся в сознании этих горожан, в отечественной историографии зачастую обозначаемых термином «деловые люди» [5, с. 97; 13], была отличной от мировосприятия, присущего другим группам традиционного средневекового общества, мышление представителей которого было иррациональным, религиозно-символическим. Занятия и образ жизни средневековых

деловых людей способствовали выработке иного типа поведения, новых этических установок [5, с. 97].

Одним из таких деловых людей являлся Франческо ди Марко Датини (1335-1410), основатель международной торговой компании, покрывшей сеть филиалов и представительств многие регионы «Старого Света», владелец сукольных производств и финансист из тосканского города Прато, подчиненного Флоренции. Фигуре Датини в медиевистике нашего времени присвоен эпитет «возможно, самого известного средневекового торговца» [28, с. 401]. Известность Датини обусловлена изумительной сохранностью его архива, по нашим подсчетам состоящего из 149 438 единиц хранения, включающих бухгалтерские книги (*libri contabili*) и эпистолярные документы: деловую переписку (*carteggio commerciale*) самого Датини и сотрудников его компаний с торговыми агентами (*i fattori*), присутствовавшими в различных областях известной европейцам до открытия «Нового Света» Ойкумены, включая самые отдаленные, — Левант, Северное Причерноморье и Крым [38; 8, с. 141; 9, с. 62, 443; 10, с. 13, 72]; а также частную переписку (*carteggio privato*) Франческо с приемной матерью [41, с. 43-53, 153], супругой [33], ближайшим другом [34, 35] и служителями Католической церкви [29]. Ныне эти документы почти полностью оцифрованы и доступны для онлайн-изучения на сайте Государственного архива Прато [25].

Описанное побуждает к проведению источниковедческого анализа документов архива Датини: как расшифрованных и опубликованных, так и лишь оцифрованных, с целью определения перспектив изучения на данной источниковой базе этических представлений делового человека эпохи преמודерна.

Методы

Методологическую основу исследования составила теория этоса, нашедшая отражение в трудах директора Института истории и теории этики Польской академии наук Марии Оссовской (1896-1974) [42], посвященных проблемам нравственных идеалов рыцаря и буржуа. В ее трудах была впервые обозначена проблематика фелицитологии и перфекционистики, особенно в отношении таких стимулов человеческого поведения, как стремление к улучшению своего существования, ко все более полному счастью, к возвышению личных предпочтений над корпоративными и сословными, к возобладанию эгоизма над альтруизмом. В постсоветский период плоды ее изысканий были восприняты российскими исследователями, предпринявшими попытки культурологического осмысления процессов коммерциализации и индустриализации, затронувших различные исторические области в разные периоды их истории [3, 4, 8]. Для систематизации и описания источников нами были избраны методы системного и текстологического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Научный интерес к документам архива Датини в контексте изучения этических представлений их авторов возник сразу после их обнаружения в 1870 г. В данном

контексте внимание исследователей привлекли эпистолярные документы, ставшие объектом исследований еще до возникновения интереса к бухгалтерским книгам архива со стороны историков экономики.

Первым из ученых, занявшихся изучением эпистолярных документов архива, был флорентийский архивист Чезаре Гуасти (1822-1889). Будучи набожным человеком, аскетом, вдохновлявшимся идеалами Франциска Ассизского и Джироламо Савонаролы, негативно воспринимавшим притязания Папства на «объединение мирского и духовного» [30, с. 60], а также патриотом молодого Итальянского королевства, он стремился отыскать среди средневековых документов такие, что могли бы способствовать формированию национальной культуры объединенной Италии, представлявшей ему единой, но состоящей из самобытных культур различных регионов; католической, но свободной от влияния Папства.

В 1871 г. им были расшифрованы и опубликованы письма, адресованные Франческо и его супруге монахиней Кьярой Гамбакорти (дочерью сеньора Пизы, в 1392 г. убитого в результате заговора), впоследствии канонизированной Католической церковью [29]. Сестра Кьяра, получившая известность отказом нарушить монашеские обеты и сокрыть отца и брата от рук убийц в стенах монастыря, призывала Франческо, измученного тревогой, вызванной убеждением в греховности жизни, подчиненной накопительству, не занимать себя сокрушениями о возможной неужодности его деятельности Богу, но жить повседневными заботами и не забывать о попечении церковных учреждений [29, с. 17].

Это стало первой публикацией документов архива Датини, впрочем, слабо известной в западной (включая итальянскую) историографии и оставшейся незамеченной советской медиевистикой [18, с. 232], отмечавшей в качестве первой публикации документов архива Датини письма, полученные им от сира Лапо ди Мацеи, о которых пойдет речь далее. Первые работы отечественных исследователей, частично основанные на материале писем Кьяры Гамбакорти, появились лишь первой четверти XXI в. [15, 19].

В 1880 г. Чезаре Гуасти опубликовал письма, полученные Франческо от ближайшего друга, просвещенного юриста и нотариуса, сира Лапо ди Мацеи, содержавшие наставления в умеренности, побуждения к благотворительности, описания проповедей францисканцев и рефлексивные суждения, рисующие картину общественных и религиозных воззрений средневекового знатока права [34-35]. В одном сборнике с перепиской также было опубликовано завещание Датини, составленное под влиянием сира Лапо и записанное его рукой [34, с. 273]. В завещании Франческо, не имевший законных детей, передавал большую часть своего состояния основанному им Благотворительному фонду попечения бедных, больниц и богоугодных заведений, «Casa del Cerro dei poveri» (Дом, где корень [призрения] бедных), называемому в тексте завещания «Серро», известному также как «Серро nuovo», поскольку в Прато уже существовала основанная в 1282-1283 гг. благотворительная организация под названием «Серро vecchio». В 1512 г., по причине разорения Прато испанскими наемниками Джованни Медичи (впоследствии Папы Льва X), оба фонда лишились почти всех

своих средств и в 1537 г. были закрыты. Однако в 1545 г. Козимо I Медичи, в 1537 г. ставший герцогом Флорентийским (с 1569 г. Великим герцогом Тосканы), поручил возобновить деятельность этих учреждений, слив их воедино. Новый фонд получил наименование «Casa Pia dei Cerri», сохранившееся поныне. С тех пор благотворительная деятельность фонда не прекращалась, будучи осуществляемой и в XXI столетии [23].

Факт обращения Датини к благотворительности в контексте присущих ему этических представлений интерпретировался первыми исследователями его интеллектуального наследия как рациональное стремление позаботиться о неимущих согражданах. Это привело, в частности, к такому декларативному жесту, как установка в 1896 г. на центральной площади Прато мраморной статуи Франческо, выполненный скульптором Антонио Гарелла. Датини запечатлен одетым в традиционную тосканскую одежду — плащ и берет, держащим в левой руке пачку векселей, а правую руку простирающим к горожанам. Статуя была установлена на деньги городской коммуны Прато, часть которых и поныне составляют средства основанного Франческо благотворительного фонда. На открытии памятника флорентийским историком Исидоро дель Лунго была прочитана речь, в которой Франческо был назван благотворителем и меценатом, «...воздвигшим себе памятник вечной общественной благодарности» [24].

Однако ныне данная точка зрения является объектом критики. Так, по мысли Джозефа Патрика Бирна, профессора Университета Бельмонта, завещание Франческо, равно как и опубликованное Энрико Бенса в 1925 г. завещание его отца Марко, представляет собой типичное для жителей тосканских городов XIV столетия волеизъявление [22, с. 169], согласно Айрис Ориго носившее ярко выраженный декларативный и умиловительный характер: так деловые люди надеялись получить защиту в этой жизни и милосердие Божие в следующей [41, с. 292]. По мнению Д. П. Бирна это свидетельствовало о присутствии в их мышлении, оставшемся средневековым, иррационально-религиозным, эсхатологических страхов, усилившихся катастрофичностью периода их жизни, отмеченного многими бедствиями [22, с. 139], наиболее глобальным из которых являлась Великая пандемия чумы середины XIV века [7, с. 53]. Впрочем, в современной отечественной историографии преобладает противоположная точка зрения, согласно которой в основе подобных действий лежал рациональный расчет, характерный для формировавшейся в рассматриваемый исторический период культуры итальянского Возрождения: так деловые люди стремились явить перед лицом смерти спокойную уверенность в правильно прожитой жизни и грядущем спасении, будучи заранее убежденными в покровительстве небесных сил [13, с. 36].

Дальнейшее публикации документов архива Датини на протяжении XX в. осуществлялись так называемыми «сериями», в основу составления большинства из которых был положен признак родства корреспондентов, поскольку, как отмечала А. Ориго, торговые и финансовые компании в городах средневековой

Тосканы, в отличие, к примеру, от итальянских морских республик, деловые люди которых в X-XV вв. практиковали заключение краткосрочного неравного договора комменды [11, с. 179-180], формировались на долговременной основе, с полной ответственностью каждого из партнеров, преимущественно на основании родственных связей и лишь впоследствии расширялись за счет привлечения «сотрудников», не являвшихся членами «семьи» [41, с. 171]. В качестве примера здесь можно привести «серию Джино» [44], которую образует переписка Франческо с семьей торговцев и финансистов из Сиены, рынки которой представляли собой площадку для сбыта товаров, импортировавшихся в Тоскану через порт Пизы.

Особым образом следует отметить опубликованные Паолой Масса в сборнике трудов Лигурийского общества отечественной истории письма факторов Датини из генуэзских колоний в Восточном Средиземноморье — из Перы (ныне район Бейоглу в европейской части Стамбула) и с острова Хиос; и Северном Причерноморье — из Кафы (современная Феодосия в Крыму) [38]. Данные письма, известные еще советской историографии [11, 18], по сей день привлекают внимание отечественных исследователей [8, 9, 10]. Они позволяют реконструировать не только суждения факторов, «этих юных безумцев, одержимых собственными желаниями и горячей кровью» [41, с. 349], о возможных прибылях и специфике ведения торговли, но и восприятие тосканцами жизненного уклада генуэзских колоний. Данные письма обнаруживают смешение различных оценочных реакций. Так неприязнь к «злым людям, которым нельзя доверять» (генуэзцам), выражавшаяся в желании взаимодействовать лишь с консулом и стремлении образовать в колонии маленькое обособленное сообщество, состоявшее исключительно из тосканцев [41, с. 121], в сознании факторов Датини сочеталась с ментальной поддержкой противостояния генуэзцев турецкой угрозе, нависшей над их колониями [41, с. 350].

Попытки реконструкций биографий этих факторов на материалах архива Датини представляются конструктивными, поскольку обращение к архиву позволяет продлить хронологические цепочки их переписки с Франческо и сотрудниками его компаний. Так одним из них, Беттино ди Бартоло Беттини, в 1392 г. было отправлено 3 письма из Перы. Однако письма, написанные им в 1394-1395 гг., обнаруживаются уже в фондах Пизы и Флоренции. То есть, фактор не позднее 1394 г. покинул Перу и в том же году объявился в Пизе, в дальнейшем обретаясь поочередно в этом городе и во Флоренции, при этом продолжая заниматься коммерческой деятельностью, о чем свидетельствуют его сообщения. На основании подобных микроисторических сюжетов представляется возможным сделать обобщающий вывод о присущем торговым агентам Датини стремлению по окончании их пребывания в колониях, воспринимавшегося ими в качестве «временных обстоятельств жизни» [41, с. 349], вернуться в родную Тоскану. При этом восприятие ими собственной идентичности в качестве «деловых людей» побуждало их к продолжению коммерческой деятельности по возвращении на Родину.

Также видится необходимым упомянуть о публикациях переписки Франческо с супругой Маргаритой [33], впервые рассмотренной биографом Датини, Айрис Ориго [41, с. 153]. Некоторые из писем, адресованных Маргаритой мужу, были переведены на русский язык Ириной Красновой, профессором кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, и Ириной Ануприенко, доцентом кафедры истории и права Ставропольского педагогического института [16], будучи включенными ими в контекст гендерных исследований, целью которых являлось установление особенностей восприятия женщины представителями городской среды Италии XIV-XV вв. [1].

Полный список публикаций эпистолярных документов архива содержится на сайте Fondo Datini Государственного архива Прато [26]. Наиболее редкие публикации в 2010 г., к шестисотлетию упокоения Франческо, были оцифрованы и размещены в свободном доступе в формате так называемой «оранжевой серии» на сайте преобразованного в фонд Международного Института экономической истории «Ф. Датини» [43], основанного в 1967 г. по инициативе профессора Флорентийского университета Федерико Мелиса.

К юбилейной дате также был приурочен выход монументального сборника, включившего статьи самых заметных итальянских ученых, занятых изучением интеллектуального наследия Датини в XXI в., обретшие сочетание с постмодернистскими исследованиями в области гендерной истории, принадлежащими представительнице американской медиевистики [27]. Содержание трудов, составивших сборник, представляется соответствующим курсу апологии влияния рациональных начал на формирование этических представлений, присущих Датини, людям из его окружения и сотрудникам его компаний.

Первые попытки систематизации неопубликованных документов архива Датини были предприняты в начале XX в. Себастьяно Никастро [40], Джованни Ливи [36] и Энрико Бенса [20]. Ими был разработан проект архивной описи, в основу которого было положено сочетание тематического и географического признаков. Данный проект был реализован во второй половине XX в. под руководством выдающегося итальянского архивиста Гвидо Пампалони. Ныне Fondo Datini образуют 149 438 единиц хранения, систематизированных по тематическому признаку в 2 группы: Торгово-финансовые документы, представленные как «бухгалтерские книги» («*libri contabili*») — 1 173 единицы хранения; и Эпистолярные документы, обозначенные как «переписка» («*il carteggio*») — 148 265 единиц хранения. Все они распределены по географическому и тематическому признакам в 10 фондов, в рамках каждого из которых с помощью электронной СНСА имеется возможность поиска документов по алфавитному, лингвистическому, тематическому (компании, корреспонденты) и хронологическому признакам. По состоянию на октябрь 2021 г. систематизировано 145 014 единиц хранения — 1 172 документа, отнесенных к группе бухгалтерских книг, а также 143 872 документа, отнесенных к группе, содержащей переписку.

Ниже прилагается список фондов Fondo Datini (1-8 образованы по географическому признаку, 9-10 — по тематическому) с указанием крайних дат их документов [25]:

1. Авиньон (Fondaco di Avignone): Бухгалтерские книги, 1363-1416 гг. (284 единицы хранения, 18 компаний); Переписка, 1368-1414 гг. (1 506 единиц хранения, 264 корреспондента);
2. Барселона (Fondaco di Barcellona): Бухгалтерские книги, 1363-1411 гг. (65 единиц хранения, 6 компаний); Переписка, 1382-1412 гг. (24 354 единицы хранения, 1 076 корреспондентов);
3. Валенсия [Здесь именно испанская Валенсия, не следует путать с итальянской Валенцой] (Fondaco di Valenza): Бухгалтерские книги, 1393-1412 гг. (51 единица хранения, 4 компании); Переписка, 1386-1419 гг. (11 393 единицы хранения, 697 корреспондентов);
4. Флоренция (Fondaco di Firenze): Бухгалтерские книги, 1381-1420 гг. (188 единиц хранения, 10 компаний); Переписка, 1365-1420 гг. (31 655 единиц хранения, 1 275 корреспондентов);
5. Генуя (Fondaco di Genova): Бухгалтерские книги, 1384-1409 гг. (46 единиц хранения, 3 компании); Переписка, 1373-1409 гг. (15 031 единица хранения, 816 корреспондентов);
6. Майорка (Fondaco di Maiorca): Бухгалтерские книги, 1395-1411 гг. (54 единицы хранения, 2 компании); Переписка, 1391-1412 гг. (10 580 единиц хранения, 654 корреспондента);
7. Пиза (Fondaco di Pisa): Бухгалтерские книги, 1382-1407 гг. (154 единицы хранения, 4 компании); Переписка, 1378-1410 гг. (38 502 единицы хранения, 1 625 корреспондентов);
8. Прато (Fondaco di Prato): Бухгалтерские книги, 1348-1430 гг. (285 единиц хранения, 20 компаний); Переписка, 1367-1427 гг. (10 262 единицы хранения, 664 корреспондента);
9. Документы, фондовая принадлежность которых не установлена (Fondaco non indicato): Бухгалтерские книги (24 единицы хранения, 4 компании); Переписка (179 единиц хранения, 99 корреспондентов);
10. Документы, касающиеся исполнения завещания [Франческо Датини] (Carteggio relativo all' esecuzione testamentaria): Бухгалтерские книги (21 единица хранения, 3 компании); Переписка (380 единиц хранения, 60 корреспондентов).

Приведенная схема систематизация способна дать общее представление о структуре компании Датини, охарактеризованной Федерико Мелисом при помощи такого модернизирующего термина, как «трест» (холдинг) [18, с. 236; 39, с. 295], состоящий из «материнских компаний» (образованных соответственно специфике их деятельности — 6 торговых компаний, 2 производства, банк [18, с. 236] и одна компания смешанного типа) [25], базировавшихся во Флоренции и Прато и контролировавших наибольшие доли капитала в десятках «дочерних

компаний», располагавшихся в различных городах Старого Света (Авиньон, Барселона, Валенсия, Генуя, Майорка, Пиза) [25]. Существовали компании, 100% капитала которых принадлежали Франческо (1 из 6 торговых компаний, а также единственная компания смешанного типа в городе Прато, бухгалтерский учет которой был обособлен в отдельную категорию), однако большинство материнских компаний (за исключением 2 вышеописанных), а также почти все дочерние компании были образованы Датини в кооперации с партнерами [39, с. 135, 295].

Впрочем, ныне данная схема не выглядит исчерпывающей, поскольку включает лишь города, отмеченные присутствием компаний Датини, однако на ней не отображены города, в которых действовали доверенные лица данных компаний. Так, к примеру, документы, хранящиеся в фонде «Генуя», включают письма, полученные Франческо из Генуэзских торговых колоний (факторий), среди которых, в частности, ранее упоминавшиеся опубликованные письма из Перы, Кафы и с Хиоса [38]. Получить информацию об этом, ориентируясь лишь на схему систематизации и не привлекая специализированной литературы, не представляется возможным.

Однако данная схема, на наш взгляд, характеризуемая неполнотой, была отмечена вниманием исследователей, занятых в новейшей области «цифровой истории», что подразумевает создание электронных просопографических баз и построение ГИС. Перспективность включения документов архива Датини в подобные исследования отмечалась как отечественными [12, с. 20, 24], так и западными учеными [27].

Наиболее оригинальным здесь видится исследование ученых из Уэслианского университета [37], в качестве методологической основы которого ими был избран тезис Фернана Броделя о «разнообразии временных диапазонов, затрачивавшихся в Средневековье на преодоление одного и того же расстояния, как структурной особенности века» [21, с. 360]. Руководствуясь им, американские исследователи предприняли попытку визуализированной реконструкции сети коммуникаций компаний Датини с целью установления среднего времени доставки писем из городов, входивших в ее сеть, а также факторов (преимущественно географических), влиявших на колебания указанного времени (например, сезонность судоходства). Впрочем, следует отметить, что ими не было затронуто восточное направление деятельности компаний Датини — в частности, присутствие факторов (здесь торговых агентов) Датини в генуэзских колониях в Северном Причерноморье и Крыму, представляющееся чрезвычайно интересным в рамках подобных исследований из-за географической удаленности этих областей и особенностей навигации. Возможно, причиной этому стало отсутствие детализации означенного направления в рамках фонда «Генуя».

В контексте изучения этических представлений Датини и сотрудников его компаний использование методов «цифровой истории» также видится перспективным. Здесь необходимо обратить внимание на языковую принадлежность писем (рис. 1).

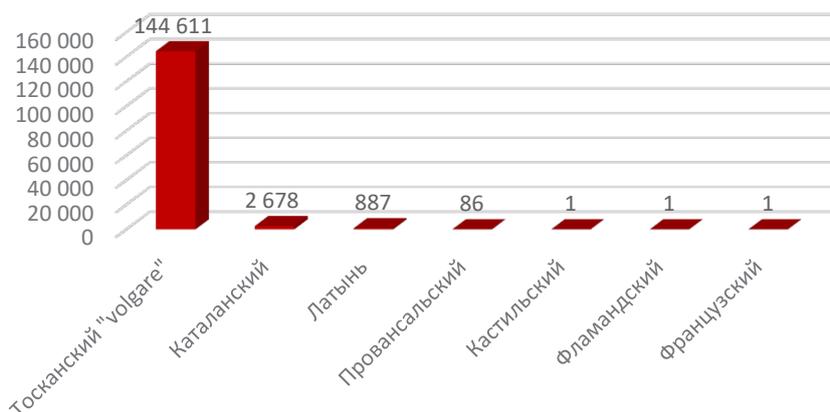


Рис. 1. Языковая принадлежность писем «Fondo Datini»
Источник: собственные расчеты автора.

Fig. 1. Linguistic affiliation of letters «Fondo Datini»
Source: author's own calculation.

Так, подавляющее большинство из них написано на тосканском «volgare», что соответствует принятой в историографии точке зрения, по причине «семейного» характера формирования тосканских компаний, относящей большую часть сотрудников компаний и торговых агентов Датини, даже писавших ему из самых отдаленных областей «Старого Света», к тосканцам [41, с. 171]. Письма на каталанском языке были получены от партнеров из Барселоны, Валенсии и с Майорки. Письма на латыни, использовавшейся как лингва франка партнерами из городов Северной Италии, а также других регионов Европы, включая Париж и Брюгге, присутствуют почти во всех фондах. Письма на провансальском языке были получены из Авиньона и хранятся в одноименном фонде. Случаи употребления иных языков единичны.

Выводы

Приведенный анализ документов архива Датини позволил установить языковую принадлежность 148 265 писем (включая не систематизированные в фонды), полученных и написанных Франческо и сотрудниками его компаний, а также иными корреспондентами. Подавляющее большинство из них было написано на тосканском «volgare», что позволило охарактеризовать культурную и национальную идентичность большинства корреспондентов Датини, включая присутствовавших в значительно отдаленных от Тосканы регионах «Старого Света», — в частности, в Крыму и Северном Причерноморье, именно как тосканскую, поскольку корреспондентами, не владевшими тосканским «volgare», в качестве лингва франка использовалась латынь. Также было установлено число писем на иных языках, что побуждает к детальному изучению направлений деятельности компании, функционирование которых подразумевало наличие деловых контактов с использованием данных языков. В контексте изучения этических представлений Франческо Датини, его сотрудников, партнеров

и торговых агентов, видится наиболее перспективным, по причине языкового разнообразия источников и обширной географии их происхождения, использование методов «цифровой истории», что подразумевает создание просопографической базы корреспондентов Датины и построение на ее основе ГИС. Языковая принадлежность писем выступала основным маркером культурной и национальной идентичности их авторов, однако наднациональным фактором, объединявшим этих людей, являлась их принадлежность к этосу делового человека эпохи премодерна, для которого свойственно сочетание иррациональной религиозности с зарождавшейся рациональной прагматикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ануприенко И. А. Женщины в обыденном восприятии представителей городской среды Италии XIV-XV вв.: Авт. дисс ... к. и. н. / И. А. Ануприенко. Ставрополь, 2006. 25 с.
2. Ануприенко И. А. Представление о жизненных ценностях в условиях изменяющегося итальянского общества XIV-XV вв.: Обыденный взгляд нотариуса и купца / И. А. Ануприенко // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. 2019. № 1. С. 21-27.
3. Ганопольский М. Г. От этики места к этике дела (смена акцентов в трактовке этоса) / М. Г. Ганопольский // Социальные ценности и выбор времени: Материалы V международной научно-практической конференции. Курган: Изд-во КурГУ, 2011. С. 22-25.
4. Ганопольский М. Г. Региональный этос: историко-географический контекст и социокультурная трансформация: монография / М. Г. Ганопольский. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2018. 152 с.
5. Гуревич А. Я. Средневековый купец / А. Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории: Личность и общество. Под ред. А. Я. Гуревича. Москва: Наука, 1990. С. 97-131.
6. Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. Москва: Академический Проект; Трикста, 2010. 564 с.
7. Еманов А. Г. Великая пандемия середины XIV века как финал средневековой истории / А. Г. Еманов // Вестник Тюм. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. 2013. Т. 1. № 2. С. 49-55.
8. Еманов А. Г. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII-XV вв. / А. Г. Еманов. Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. 368 с.
9. Еманов А. Г. Небесный Иерусалим, или хтонический Вавилон: судьбы средневекового города Кафы / А. Г. Еманов. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 673 с.
10. Еманов А. Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII-XV вв. / А. Г. Еманов. Тюмень: МИ «РУТРА», 1995. 225 с.
11. Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв. Проблемы торговли / С. П. Карпов. Москва: Издательство МГУ, 1990. 336 с.
12. Карпов С. П. Размышления о понимании истории и проблемах исторического образования / С. П. Карпов. Москва: РАН, 2019. 48 с.

13. Краснова И. А. Деловые люди Флоренции XIV-XV вв.: занятия, образ жизни и обыденное сознание: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук / И. А. Краснова. Ставрополь, 1997. 45 с.
14. Краснова И. А. Конструирование образа «доброго купца» во Флоренции XIV-XV вв. / И. А. Краснова, Е. П. Тельменко // Вестник Института Дружбы народов Кавказа. Теория экономики и управления народным хозяйством. 2014. № 1 (29). С. 44-51.
15. Краснова И. А. Личности и судьбы граждан Флоренции в частной переписке: выбор культурной парадигмы / И. А. Краснова // Cogito. Альманах истории идей. 2009. Вып. 4. С. 129-148.
16. Краснова И. А. Письма Маргариты Датини / И. А. Краснова, И. А. Ануприенко // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2006. № 12. С. 264-312.
17. Краснова И. А. Флорентийское общество во второй половине XIII-XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари / И. А. Краснова. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 494 с.
18. Рутенбург В. И. Три книги о Датини (Обзор литературы о раннем капитализме в Италии) / В. И. Рутенбург // Средние века. 1965. Вып. 27. С. 230-240.
19. Топорова А. В. Купеческая переписка XIV в. как факт культуры / А. В. Топорова // Итальянский язык и культура: связи, контакты, заимствования. Москва: РГГУ, 2019. С. 11-20.
20. Bensa E. Francesco di Marco da Prato: notizie e documenti della mercatura italiana del secolo XIV / E. Bensa. Milano: Treves, 1928. 487 p.
21. Braudel F. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II, vol. 1 (First Edition) / F. Braudel. Berkley: University of California Press, 1996. 642 p.
22. Byrne J. P. The Black Death (Greenwood Guides to Historic Events of the Medieval World) / J. P. Byrne. Westport. Connecticut: Greenwood Publishing Group, 2004. 231 p.
23. Casa Pia dei Ceppi // Archivio di Stato di Prato. URL: <http://www.archiviodistato.prato.it/accedi-e-consulta/aspoSt005/scheda/IT-ASPO-ST00005-0007458/casa-pia-ceppi-2>
24. Del Lungo I. Francesco di Marco Datini mercante e benefattore: discorso letto da Isidoro Del Lungo il di 18 ottobre 1896 nell'inaugurazione della statua in Prato / I. Del Lungo. Prato: Tipografia Giachetti, Figlio e C., 1897. 25 p.
25. Il carteggio Datini // Archivio di Stato di Prato. F. Datini. URL: <http://datini.archiviodistato.prato.it/carteggi/>
26. Francesco di Marco Datini. Edizione delle lettere // Archivio di Stato di Prato. F. Datini. URL: <http://datini.archiviodistato.prato.it/la-ricerca/le-edizioni-delle-lettere>
27. Francesco di Marco Datini. L'uomo il mercante / A cura di G. Nigro. Firenze: Fondazione istituto internazionale di storia economica F. Datini, 2010. 592 p.
28. Fried J. Das Mittelalter: Geschichte und Kultur; 3. Auflage / J. Fried. München: Verlag C.H. Beck, 2009. 606 p.
29. Gambacorti C. [beata]. Lettere della B. Chiara Gambacorti pisana: a Francesco Datini da Prato e alla sua donna: ad Angelo albergatore in Pisa: e a Paolo Guinigi signore di Lucca / C. Gambacorti / per cura di C. Guasti. Pisa: dalla tipografia Nistri, 1871. 66 p.
30. Guasti C. Carteggi. V. 5 / C. Guasti. Firenze: Olschki, 1970, 426 p.
31. Heers J. La naissance du capitalisme au Moyen Âge. Changeurs, usuriers et grands financiers / J. Heers. Paris: Perrin, 2012. 316 p.

32. Le Goff J. *Le Moyen Age et l'argent. Essai d'anthropologie historique* / J. Le Goff. Paris: Perrin, 2010. 221 p.
33. *Le lettere di Francesco Datini alla moglie Margherita: 1385-1410* / a cura di Elena Cecchi; presentazione di Franco Cardini. Prato: Società pratese di storia patria, 1990. 329 p.
34. *Lettere di un notaro a un mercante del secolo XIV, con altre lettere e document* / per cura di Cesare Guasti. Firenze: Successori Le Monnier, 1880. V. 1. 604 p.
35. *Lettere di un notaro a un mercante del secolo XIV, con altre lettere e document* / per cura di Cesare Guasti. Prato: Cassa di risparmi e depositi di Prato, 1979. V. 2. 465 p.
36. Livi G. *Dall'archivio di Francesco Datini mercante pratese: celebrandosi in Prato addì XVI d'agosto MDCCCCX auspice la Pia Casa de' Ceppi il V centenario della morte di lui* / G. Livi. Firenze: Lumanchi, 1910. 59 p.
37. *Mapping the Communication Network of the Datini Company // The Traveler's Lab at Wesleyan University*. URL: <http://travelerslab.research.wesleyan.edu/2017/11/28/mapping-the-communication-network-of-the-datini-company/>
38. Massa P. *Alcune lettere mercantili toscane da colonie genovesi alla fine del Trecento* / P. Massa // ASLSP. NS. Genova, 1971. 11/2. Pp. 345-359.
39. Melis F. *Aspetti della vita economica medievale (Studi nell'archivio Datini di Prato)* / F. Melis. Siena: Monte dei Paschi di Siena, 1962. 731 p.
40. Nicastro S. *L'Archivio di Francesco Datini in Prato. Inventario* / S. Nicastro // *Gli archivi della storia d'Italia* / a cura di G. Mazzantini, G. degli Azzi, R. San Casciano. 1915. Vol. 4. № 2. Pp. 24-76.
41. Origo I. *The Merchant of Prato: Daily Life in a Medieval Italian City* / I. Origo. London: Penguin Books, 2017. 400 p.
42. Ossowska M. *Moralność mieszczańska* / M. Ossowska. Wrocław: Wydawnictwo Ossolineum, 1985. 391 p.
43. *Serie arancio // Fondazione Istituto Internazionale di Storia economica «F Datini»*. URL: <http://www.istitutodatini.it/ebook/arancio/home.htm>
44. *Séries Ghino // LaMOP*. URL: <https://correspondancesdatini.lamop.fr/fr/series-ghino/>

Vladislav A. EVSTIUNIN¹

UDC 63.3

DATINI ARCHIVE DOCUMENTS AS A SOURCE FOR STUDYING THE ETHICAL CONCEPTS OF THE PREMODERN BUSINESS MAN

¹ Postgraduate Student,
Department of History and World Politics,
University of Tyumen
vinnetski@gmail.com

Abstract

The article provides an analysis of documents from the Datini archive, the purpose of which is to determine the prospects for studying the ethical views of a business person of the premodern era on their material.

During the High and Late Middle Ages in Western Europe, there was a “rise of cities” due to the activities of the most mobile and creative social groups of medieval townspeople — merchants, and later entrepreneurs and financiers. Their occupations and way of life contributed to the development of a different type of behavior, new ethical attitudes. One of these business people was Francesco Datini (1335-1410).

The methodological basis of the research was formed by the theory of the ethos of the Polish researcher Maria Ossovskaya, which was perceived by domestic scientists in the post-Soviet period.

The analysis made it possible to establish the linguistic identity of 148265 letters from the archive. Most of them were written in Tuscan “volgare”. This confirmed the prevailing point of view in historiography about the formation of commercial and financial companies in the cities of medieval Tuscany mainly on the basis of family ties. There were also found letters in Latin, Catalan, Provençal and other languages.

Due to the linguistic diversity of sources and the vast geography of their origin, it seemed the most promising to use the methods of “digital history” in further research, which implies the creation of a prosopographic database of Datini’s correspondents and the construction of a GIS on its basis.

Citation: Evstiunin V. A. 2021. “Datini Archive Documents as a Source for Studying the Ethical Concepts of the Premodern Business Man”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 219-235.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-219-235

The linguistic affiliation of the letters was the main marker of the cultural and national identity of their authors, however, the supranational factor that united these people was their belonging to the ethos of a business man of the premodern era, which is characterized by a combination of irrational religiosity with the emerging rational pragmatics.

Keywords

Francesco Datini, businessperson, ethos, premodern era, medieval urbanization, Mediterranean trade, archive, digital history, prosopography, GIS.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-219-235

REFERENCES

1. Anuprienko I. A. 2006. "Women in the ordinary perception of representatives of the Italian urban environment of the 14th-15th centuries". Cand. Sci. (Hist.) diss. Stavropol, 25 p. [In Russian]
2. Anuprienko I. A. 2019. "Representation on life values in the conditions of the changing Italian society in the 14th-15th centuries: a trivial view of a notary and a buyer". Humanities and Legal Studies. Scientific and Theoretical Journal, no. 1, pp. 21-27. [In Russian]
3. Ganopolsky M. G. 2011. "From ethics of place to ethics of business (change of emphasis in the interpretation of ethos)". Social Values and Timing: Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference. Kurgan State University Publishing House. Pp. 22-25. [In Russian]
4. Ganopolsky M. G. 2018. Regional Ethos: Historical and Geographical Context and Sociocultural Transformation: Monograph. Tyumen: Tyumen State University Publishing House. 152 p. [In Russian]
5. Gurevitch A. J. 1990. "Medieval merchant". Odysseus. Man in History: Personality and Society. Edited by A. J. Gurevich. Moscow: Nauka. Pp. 97-131. [In Russian]
6. Dugin A. G. 2010. Sociology of Imagination. Introduction to Structural Sociology. Moscow: Academic Project; Tricksta. 564 p. [In Russian]
7. Emanov A. G. 2013. "The great pandemic of the middle of the 14th century as the finale of medieval history". Tyumen State University Herald. The Series: Humanities, no. 2, pp. 49-55. [In Russian]
8. Emanov A. G. 2018. Between the Polar Star and the Midday Sun: Kafa in World Trade in the 13th-15th centuries. Saint-Petersburg: Aletheia. 368 p. [In Russian]
9. Emanov A. G. 2018. The Celestial Jerusalem or the Chthonic Babylon: the Fortune of Medieval City Caffa's. Moscow; Saint-Petersburg: Center for humanitarian initiatives. 673 p. [In Russian]
10. Emanov A. G. 1995. North and South in the History of Commerce: on the Materials of Kafa of the 13th-15th Centuries. Tyumen: RUTRA. 225 p. [In Russian]
11. Karpov S. P. 1990. Italian Maritime Republics and the Southern Black Sea Region in the 13th-15th Centuries. Problems of the Trade. Moscow: Moscow State University Publishing House. 336 p. [In Russian]
12. Karpov S. P. 2019. Reflections on Understanding History and Problems of Historical Education. Moscow: Russian Academy of Sciences. 48 p. [In Russian]

13. Krasnova I. A. 1997. "Business people of Florence 14th-15th: activities, lifestyle and routine consciousness". Cand. Sci. (Hist.) diss. Stavropol. 45 p. [In Russian]
14. Krasnova I. A., Telmenko E. P. 2014. "Construction of the image of a 'good merchant' in Florence of the 14th-15th centuries". Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus Herald. Theory of Economics and National Economy Management, vol. 1 (29), pp. 44-51. [In Russian]
15. Krasnova I. A. 2009. "Personalities and fates of the citizens of Florence in private correspondence: choosing a cultural paradigm". Cogito. Almanac of the History of Ideas, vol. 4, pp. 129-148. [In Russian]
16. Krasnova I. A., Anuprienko I. A. 2006. "Letters from Margarita Datini". Adam and Eve. Almanac of Gender History, pp. 129-148. [In Russian]
17. Krasnova I. A. 2018. The Florentine Society in the Second Half of the 13th-14th Centuries: The Nobility and Common People, "Good" Merchants and Knights. Moscow: Center for humanitarian initiatives. 494 p. [In Russian]
18. Rutenburg V. I. 1965. "Three books on Datini (review of literature on early capitalism in Italy)". Middle Ages, vol. 27, pp. 230-240. [In Russian]
19. Toporova A. V. 2019. "Merchant correspondence of the 14th century as a fact of culture". Italian Language and Culture: Connections, Contacts, Borrowings. Moscow. RGGU. Pp. 11-20. [In Russian]
20. Bensa E. 1928. Francesco di Marco da Prato: notizie e documenti della mercatura italiana del secolo XIV. Milano: Treves. 487 p.
21. Braudel F. 1996. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II, vol. 1 (First Edition). Berkley: University of California Press. 642 p.
22. Byrne J. P. 2004. The Black Death (Greenwood Guides to Historic Events of the Medieval World). Westport, Connecticut: Greenwood Publishing Group. 231 p.
23. Archivio di Stato di Prato. Casa Pia dei Ceppi. <http://www.archiviodistato.prato.it/accedi-e-consulta/aspoSt005/scheda/IT-ASPO-ST00005-0007458/casa-pia-ceppi-2>
24. Del Lungo I. 1897. Francesco di Marco Datini mercante e benefattore: discorso letto da Isidoro Del Lungo il di 18 ottobre 1896 nell'inaugurazione della statua in Prato. Prato: Tipografia Giachetti, Figlio e C. 25 p.
25. Archivio di Stato di Prato. Il carteggio Datini. <http://datini.archiviodistato.prato.it/carteggi/>
26. Archivio di Stato di Prato. Francesco di Marco Datini. Edizione delle lettere. <http://datini.archiviodistato.prato.it/la-ricerca/le-edizioni-delle-lettere>
27. Nigro G. (ed.). Francesco di Marco Datini. 2010. L'uomo il mercante. Firenze: Fondazione istituto internazionale di storia economica F. Datini. 592 p.
28. Fried J. 2009. Das Mittelalter: Geschichte und Kultur; 3. Auflage. München: Verlag C. H. Beck. 606 p.
29. Gambacorti C. 1871. Lettere della B. Chiara Gambacorti pisana: a Francesco Datini da Prato e alla sua donna: ad Angelo albergatore in Pisa: e a Paolo Guinigi signore di Lucca. Per cura di C. Guasti. Pisa: dalla tipografia Nistri. 66 p.
30. Guasti C. 1970. Carteggi. V. 5. Firenze: Olschki. 426 p.
31. Heers J. 2012. La naissance du capitalisme au Moyen Âge. Changeurs, usuriers et grands financiers. Paris: Perrin. 316 p.
32. Le Goff J. 2010. Le Moyen Age et l'argent. Essai d'anthropologie historique. Paris: Perrin. 221 p.

33. Cecchi E., Cardini F. (ed.). 1990. *Le lettere di Francesco Datini alla moglie Margherita: 1385-1410*. Prato: Società pratese di storia patria. 329 p.
34. Guasti C. (ed.). 1880. *Lettere di un notaro a un mercante del secolo XIV, con altre lettere e document*. Firenze: Successori Le Monnier. Vol. 1. 604 p.
35. Guasti C. (ed.). 1979. *Lettere di un notaro a un mercante del secolo XIV, con altre lettere e document*. Prato: Cassa di risparmi e depositi di Prato. Vol. 2. 465 p.
36. Livi G. 1910. *Dall'archivio di Francesco Datini mercante pratese: celebrandosi in Prato addì XVI d'agosto MDCCCCX auspice la Pia Casa de' Ceppi il V centenario della morte di lui*. Firenze: Lumanchi. 59 p.
37. The Traveler's Lab at Wesleyan University. *Mapping the Communication Network of the Datini Company* <http://travelerslab.research.wesleyan.edu/2017/11/28/mapping-the-communication-network-of-the-datini-company/>
38. Massa P. 1971. *Alcune lettere mercantili toscane da colonie genovesi alla fine del Trecento*. Genova. ASLSP. NS. 11/2, pp. 345-359.
39. Melis F. 1962. *Aspetti della vita economica medievale (Studi nell'archivio Datini di Prato)*. Siena: Monte dei Paschi di Siena. 731 p.
40. Nicastro S. 1915. *L'Archivio di Francesco Datini in Prato. Inventario. Gli archivi della storia d'Italia*. A cura di G. Mazzantini, G. degli Azzi, R. San Casciano, vol. 4., no. 2, pp. 24-76.
41. Origo I. 2017. *The Merchant of Prato: Daily Life in a Medieval Italian City*. London: Penguin Books. 400 p.
42. Ossowska M. 1985. *Moralność mieszczańska*. Wrocław: Wydawnictwo Ossolineum. 391 p.
43. Fondazione Istituto Internazionale di Storia economica "F Datini". Serie arancio. <http://www.istitutodatini.it/ebook/arancio/home.htm>
44. LaMOP. *Séries Ghino*. <https://correspondancesdatini.lamop.fr/fr/series-ghino/>

Сергей Витальевич КОНДРАТЬЕВ¹

УДК 930.23

СТАТЬЯ 29/39 ВЕЛИКОЙ ХАРТИИ ВОЛЬНОСТЕЙ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛЕМИКЕ КОНЦА XVI ВЕКА*

¹ доктор исторических наук, профессор
кафедры истории и мировой политики,
Тюменский государственный университет
skondratiev@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-9861-5032

Аннотация

Статья посвящена рецепционной жизни 29/39 статьи Великой хартии вольностей в политической и правовой полемике Англии конца XVI в. Показано, что Великая хартия, вышедшая из употребления в позднее средневековье, вернулась в политическое и правовое пространство в елизаветинскую эпоху. Привычным было использование Великой хартии в редакции 1225 г., иначе редакции Генриха III, которая подтверждалась более 30 раз и воспринималась как парламентский акт. Разбор трактатов юристов общего права Уильяма Флитвуда и Роберта Снегга позволил сделать вывод о том, что Великая хартия вольностей считалась документом, который восстановил древнее лучшее и справедливое право, попорченное нормандским вторжением, и обеспечил преемственность с лежащей за пределами памяти британской древностью. Сердцевиной и квинтэссенцией вольностей и прав подданных считалась 29 статья. Изучение полемики между юристами общего права Джеймсом Морисом, Робертом Биллом и цивилистом Ричардом Койсином вокруг судебных полномочий Высокой комиссии, ее инквизиционной процедуры *ex officio* и конкретных казусов преследований священников-нонконформистов позволило прийти к заключению, что эти юристы общего права настаивали на фундаментальности 29 статьи, на незаконности

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ. «Великая хартия вольностей в правовых трактатах, парламентских дебатах и судебной практике предреволюционной Англии» (№ 19-011-00581)

Цитирование: Кондратьев С. В. Статья 29/39 Великой хартии вольностей в публичной полемике конца XVI века / С. В. Кондратьев // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 236-246. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-236-246

преследований, неправомочности комиссии выносить уголовные приговоры и использовать инквизиционную присягу *ex officio*. Они заявляли о том, что у королевской власти нет прерогативы создавать комиссии в нарушении 29 статьи. Цивилист Ричард Койсин возражал, что церковная юрисдикция является самостоятельной отраслью права и не подпадает под действие Великой хартии вольностей.

Ключевые слова

Великая хартия вольностей, статья 29, вольности подданных, королевская прерогатива, полемика, Высокая комиссия, присяга *ex officio*.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-236-246

Введение

Великая хартия вольностей (далее — ВХ), сфера применения которой в позднее средневековье сократилась до юридических подворий Лондона, где обучалась дворянская молодежь и готовили юристов общего права, в XVI в. вернулась в публичное пространство [7]. Если раньше члены подворий могли знакомиться с содержанием ВХ, слушать толкования ее положений во время обязательных лекционных чтений юристов накануне продвижения в адвокатской иерархии и даже принимать участие в дискуссиях, то в елизаветинской Англии к ней начинают апеллировать авторитетные юристы, депутаты парламента, на ней строят доказательства в правовых трактатах и судебных отчетах [4, 12]. Частота обращений существенно увеличивается в 1580-1590 гг. Особенно востребованной оказалась 29 статья ВХ (в редакции 1225 г., или редакции Генриха III, а не привычная нам по переводам и работам Д. М. Петрушевского 39 статья ВХ 1215 г., она же хартия Иоанна Безземельного, которая тогда была в правовом обороте), чтобы защитить личную свободу человека от произвольного ареста и собственность от произвольного захвата властью. [1, с. 106-107]. Между двумя статьями в разных редакциях есть незначительная и несущественная разница, а сама 29 статья гласит: «Ни один свободный человек не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен своего свободного владения, или вольностей, или вольных обычаев своих, не будет поставлен вне закона или изгнан, или каким-либо иным способом обездолен, и мы не пойдём на него, и не пошлём на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны. Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их» (*Nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur, aut disseisietur de libero tenemento suo, vel libertatibus, vel liberis consuetudinibus suis, aut utlagetur, aut exuletur, aut aliquo modo destruatur, nec super eum ibimus, nec super eum mittemus, nisi per legale iudicium parium suorum, vel per legem terrae. Nulli vendemus, nulli negabimus, aut differemus justitiam, vel rectum*)» [9, с. 504]. Содержание 29 статьи соприкасалось непосредственным образом с прерогативами королевской власти [4, с. 110, 249-250]. В данной статье нам представляется важным показать интерпретацию хартии в сопряжении с судебными казусами.

Методы

При написании данной статьи автор исходит из основного положения герменевтики и рецептивной эстетики, которое гласит, что тексты живут разной рецепционной жизнью, в ходе которой меняются их смыслы, а в сознании новых поколений тексты прошлого конотируют новые классы объектов и денатируют отличные от изначальных атрибуты. Поскольку изучаемые в статье источники стали итогом судебных разбирательств, то вторым методологическим инструментом, используемым в статье, стал кейс-стадис, в соответствии с которым мы последовательно разбираем каждый отдельный судебный казус и его полемические производные.

Результаты исследования и их обсуждение

ВХ, древность права и королевская прерогатива

В 1580-х гг. рекордер Лондона Уильям Флитвуд написал трактат, направленный против хартии Эдуарда IV (1553), предписывающей отправлять в Брайдвелл (Bridewell), больницу и тюрьму для неимущих, «пьяниц, бродяг, нищих и прочих подозрительных людей <...>, чтобы наказывать их». У. Флитвуд показывает, что королевская прерогатива стоит под правом и королевская власть не может его нарушать. «Если хартия, дарованная королем, противоречит максимам, обычаям или статутам королевства, то она ничтожна», — безапелляционно заявлял рекордер [3, с. 51-52]. Хартия Брайдвелла, которая наделяла должностных лиц полномочиями «наказывать» и «исправлять» преступников по своему усмотрению, противоречит 29 ст., запрещающей поступать так «без законного приговора равных, или по закону страны». Хартия Брайдвелла противоречит ВХ по «сути и смыслу» [3, с. 55]. Ссылаясь на различные подтверждения хартии, встречающиеся в почти в 40 парламентских статутах, юрист приходит к выводу, что если бы король «своей прерогативой мог бы делать все, что пожелает, то его решения были бы равны законам, принятым парламентом» [3, с. 60].

Аналогичные положения были произнесены в 1581 г. во время чтений Роберта Снегга в подворье Миддл-темпл, которые были затем частично опубликованы в 1654 г. в трактате «О древности и происхождении Суда лорд-канцлера и о власти лорд-канцлера Англии, являющейся частью чтений сержанта Снегга о статье 28 (опечатка в названии сделана, видимо, типографщиком — С. К.) Великой хартии вольностей, имевших место в зимнюю вакацию, в подворье Миддл-темпл, в 13 год правления королевы Елизаветы». По его мнению, английское общее право древнее английской государственности, древнее королевской власти, и поэтому не может произвольно меняться, никем, включая короля. Обращаясь к Генри Брактону, авторитетному юристу XIII в. Р. Снегг замечает: «Закон создает короля; вследствие этого королю даруется закон, чтобы закон даровал ему, а именно, господство и власть; ибо там нет короля, где правит воля, но не закон» [11, с. 14-15]. По убеждению Р. Снегга, общее право обладает совершенством, и именно поэтому имеющиеся в истории его нарушения или отказ от него, заканчивались полным восстановлением права. Так, право было

«порушено» нормандским завоеванием. Наступившее на полтора века «произвольное правление» и сопровождающие его «восстания простого народа и знати» с целью возродить правовой порядок закончились в начале правления Генриха III королевским пожалованием ВХ (1225), иначе «восстановлением законов страны, вольностей подданных» и ограничением королевских прерогатив [11, с. 9]. Но вскоре сам Генрих III, нарушил собственное пожалование, «начал своевольничать, отступил от права страны, которое он обещал восстановить и возродить» [11, с. 9-10]. 40-летняя война между ним и мятежными магнатами завершилась принятием парламентом статута 1267 г., (так называемый статут Мальборо), «переизданием ВХ», возрождением и восстановлением древних законов и вольностей [11]. «С тех пор, — утверждает Р. Снегг, — все короли и королевы во время коронаций торжественно присягали хранить их», хотя бывали непродолжительные периоды нарушения ВХ [11].

Р. Снегг неоднократно замечает, что, что окончательное восстановление и возрождение нерукотворного и лежащего за пределами памяти права произошло актом парламента [11, с. 19], и в королевстве все, не исключая королевскую прерогативу, регулируется и определяется законом. «И парламент, и его акты, и прерогатива государя, и исключительные обычаи графств, городов, бургов и маноров — все они разновидности его (права — С. К.). Общий обычай королевства, он же — право страны, наделяет полномочиями парламент, ограничивает прерогативу, дозволяет и не дозволяет частные обычаи, а также дозволяет и не дозволяет все, и определяет, согласуются они или нет с разумом» [11].

Сердцевиной (sum) всех положений ВХ, а значит, и всего общего права, является, провозглашает Р. Снегг, 29 ст. ВХ [11, с. 11]. Опираясь на положения 29 ст., он не только заявляет о незыблемости законов и вольностей страны, но и пишет о пределах, до которых только и может доходить королевская прерогатива [11, с. 12]. Юрист отмечает, что королевские прерогативы должны быть под правом, ограничиваться им и не причинять вред подданным [11, с. 9, 19].

ВХ, Высокая комиссия и инквизиционная процедура ex officio

Церковный порядок, установленный в Англии Реформацией Генриха VIII и возобновленный Елизаветой Тюдор, требовал постоянного внимания и укрепления. Католики, как известно, были недовольны верховенством короны над церковью, а радикальные протестанты (пуритане) — внешними остатками католичества: церковная иерархия, епископат, обрядность [2]. Каноническое право и присущие ему инструменты регулирования, как римское наследие, были отвергнуты. Но вскоре обнаружилось, что новая церковная дисциплина нуждается в институциональной поддержке. Попытки создания новых канонов будут предприниматься при Генрихе VIII, Эдуарде VI, Елизавете I, но разрешатся они только в 1604 г., в начале правления Якова I, инкорпорировав в себя большое количество подвергнутых в начале Реформации анафеме и неприемлемых для пуритан норм [6, с. 28-54]. Акт о Супрематии (1536, 1559) предоставлял короне право своими патентами, скрепленными большой королевской печатью, создавать

комиссии для ревизии церковных порядков, борьбы с ересью и укрепления церковной дисциплины [13, с. 132-133]. Практика создания по мере надобности экстраординарных комиссий не была новой [14, с. 14].

Елизавета Тюдор, заняв престол, сразу же учредила первые комиссии, которые должны были очистить церковь от сохранивших верность Риму епископов и высшего клира [4, с. 133]. Но затем Высокая (далее: ВК), как ее стали именовать, комиссия довольно быстро превращалась из экстраординарного органа в ординарный суд, о чем впервые объявила в 1586 г. [14, с. 72]. Расширяющиеся полномочия и деятельность Высокой комиссии нередко становились объектами разбирательств, критики и отдельных решений судов общего права. В 1560-1570-х деятельность комиссии была направлена против непримиримых католиков (рекузантов) [4, с. 133]. В 1576 г. судьи общего права признали за ВК право накладывать штрафы на католиков [14, с. 72]. Одновременно комиссия приступила к преследованию пуританских нонконформистов. В 1571 г. архиепископ Мэтью Паркер постановил лишать приходов священников, отказывающихся подписать англиканский символ веры (39 статей). Главными объектами преследования комиссии пуритане становятся в 1580-х гг., и особенно когда сан архиепископа Кентерберийского получил Джон Уитгифт. В это время ВК преследует уже не только духовных лиц, но и светских, активно штрафуя их и заключая в тюрьму. При этом, комиссия широко прибегает к старому каноническому инструменту — присяге *ex officio*, принося которую подозреваемый отвечал на большой список вопросов, а ответы использовали затем для предъявления обвинения. Полученные данные касались не столько деяний, сколько помыслов, а отвечая на вопросы, подозреваемый свидетельствовал против самого себя. Впервые 29 ст. ВХ была использована против инквизиционных процедур еще в XIV в. [4, с. 60, 69-74, 76, 80-91, 95]. После Реформации инквизиционные разбирательства и присяга *ex officio* продолжали использоваться, несмотря на протесты известных реформаторов Уильяма Тиндела, Джона Ламберта и юриста Кристофера Сент-Джермена. Акт о Супрематии позволял короне создавать комиссии, но ничего не говорил о том, может ли она прибегать к инквизиционным, по мнению юристов и пуритан, практикам следствия. Все осложняло еще и то, что полномочия комиссии ни в самом статуте, ни даже в патентах, которыми она создавалась не были четко определены, и было неясно, каковы они собственно. Нередко комиссия подвергала длительному заключению за незначительные поступки. Так парламент обсуждал в 1585 г. казус некоей мисс Мариот, которую держат в железе за непосещение церкви после рождения ребенка и по причине болезни мужа. Тогда в противодействие комиссии начинают втягиваться судьи и юристы общего права [14, с. 287-289]. Инструменты, которые использовались при этом — «приказ о запрещении», «приказ *habeas corpus*» — подробно описаны в литературе [13, с. 301-312]. Впервые в 1580-х гг. Эдвард Кок, тогда еще практикующий адвокат, сформулировал принцип *nemo tenetur seipsum prodere* (никто не обязан свидетельствовать против самого себя). А в 1584 г. он сформулировал еще одну максиму, что не следует прибегать к экстраординарной (высокой

юрисдикции), там, где достаточно ординарной. Но в 1587 г. судьи, собравшиеся в одном из двух сержантских подворий, признали, откликаясь на дело некоего королевского слуги, который занимался любовью со своей невестой в Гринвич-хаус, что статут 1559 г. наделяет корону возможностью делегировать комиссии право заключать в тюрьму и налагать штрафы по тем делам, которые подпадают под церковную юрисдикцию [4, с. 258].

Юристы общего права вводят ВХ в оборот против ВК и ее инквизиционной процедуры *ex officio*.

Пионером здесь оказался юрист общего права Джеймс Морис (1539-1597), занимавший должность мирового судьи в Эссексе, многократный депутат елизаветинских парламентов. Еще осенью 1578 г., выступая с лекциями в подворье Миддл Темпл, он, ссылаясь на ВХ, сформулировал принцип, что король и подданные не могут изменять право без согласия друг друга. По его мнению, королевская власть не вправе покушаться на вольности подданных и их собственность. Монарх может даровать подданному привилегию или собственность, но не может изменять правила владения собственностью, существующие в общем праве. Не упоминая Высокую комиссию, но касаясь церковной юрисдикции, юрист говорил, что у королевы есть право создавать комиссии, но нет права расширять их юрисдикцию без согласия парламента. Он стоял на том, что ВХ запрещает церковным комиссиям заключать подданных в тюрьму, а суды общего права должны этому препятствовать [4, с. 272].

С 1587 по 1595 г. будет тянуться дело Роберта Коудри (который имел 8 детей), лишённого прихода в графстве Норфолк за отказ использовать официально утвержденный катехизис — Книгу общих молитв. Коудри в разное время защищали авторитетные и искусные адвокаты — Джеймс Морис, Николас Фуллер, Генри Финч и Джордж Кроук. Они заявляли, что акт 1559 г. не наделяет ВК полномочиями лишать священников приходов без предъявления обвинения. Оппоненты были не менее опытными и квалифицированными — Ричард Хаттон, Эдвард Кок. Судьи вынесли решение в пользу ВК, заявив, что акт о Супрематии не создавал новую норму, декларировал старую, на какой-то момент узурпированную католической церковью и возвращенную Реформацией и актом 1559 г. [14, с. 136-140].

В 1589-1590-х гг. ВК, используя присягу *ex officio*, рассматривала сразу несколько десятков дел священников-пуритан, включая дело одного из самых авторитетных среди них — Томаса Картрайта, подвергнутого тюремному заключению за отказ приносить эту присягу, которую тот считал незаконной [14, с. 88-90].

Юристы и должностные лица, близкие к лорду-казначею Уильяму Сесилу, лорду Берли, покровительствовавшему пуританам, на рубеже 1580-90-го гг. написали несколько текстов против инквизиционных практик Высокой комиссии. В 1588-1589 гг. Роберт Бил, дипломат и клерк Тайного совета, адресовал лорду Берли неопубликованный и несохранившийся трактат «Доказательства, что использование присяги *ex officio* противоречит слову Божьему» (*Notes to prove the proceeding ex officio against the word of God*), где использовал ВХ в качестве аргумента [13, с. 216-217]. Судить об аргументах Р. Била мы можем только

по опубликованным возражениям его оппонента Ричарда Койсина, который прямо пишет, что изданный им текст направлен против нескольких трактатов и среди них «Notes (that go from hand to hand) <...> against proceeding ex Officio» [5, обложка]. Все авторы трактатов, имен которых Р. Койсин не упоминает, считали, что расследовательская «манера» ВК «противоречит законам нашего королевства» [5]. Р. Билл, который в трактате Р. Койсина, именуется «собирателем доказательств» (Note-gatherer), вероятно, ссылаясь на ст. 29 ВХ в редакции Генриха III (1225) [5, с. 102].

В 1590 г. за границей Джеймс Морис публикует «Краткий трактат о клятвах», направленный против использования ВК инквизиционной процедуры ex officio, в котором апеллирует среди прочего и к ВХ. По его мнению, эту внешнюю, привнесенную из папского Рима присягу специально запретил еще подтвердивший ВХ статут Мальборо [8, с. 41-42, 45-46]. Церковное судопроизводство должно «быть управляемо и ограничено <...> общим правом» [8, с. 46]. ВХ 1225 г. прямо запрещает произвольно задерживать и заключать в тюрьму свободного подданного. Подтверждающие ВХ статуты Эдуарда III 1332 и 1370 гласят, что никто не может быть задержан, если это противоречит ВХ. А свободный человек должен представлять перед судьей только в соответствии с «надлежащем установлением права», что означает в соответствие с предъявленным обвинением [8, с. 48].

В 1593 г. Дж. Морис в палате общин взывал под шум одобрения к депутатам с такими словами: «Где теперь находится ВХ Англии, полученная многими трудностями, подтвержденная различными актами парламента, в которой содержится, что ни один свободный человек не должен быть арестован, заключен в тюрьму, лишен свободы, подвергнут импичменту, лишен права голоса, кроме как по закону страны, закону которой категорически запрещает налагать клятву на того, кого обвиняют в каком-либо преступлении или в чем-либо позорном?». Он предложил сразу два билля против ВХ и против процедуры ex officio. Уже на следующий день его пригласили в Тайный совет и передали повеление самой Елизаветы I «стремительно исчезнуть». Однако, не ограничившись устным внушением, Дж. Мориса подвергли двухмесячному тюремному заключению [10, с. 269].

По поручению архиепископа Джона Уитгифта близкий ему юрист гражданского права Ричард Койсин написал большой трактат «Ответ на различные нападки, которым подверглась церковная юрисдикция в последнее время» (1591, 1593). Суть его аргументов сводилась к тому, что когда ВХ издавалась, церковная юрисдикция не была королевской, поэтому она не может регулироваться или ограничиваться общим правом, она вообще под него не подпадает. Он напоминает, что ст. 1 ВХ касается вольностей церкви и предписывает «английской церкви быть свободной и владеть своими правами в целости и своими вольностями в неприкосновенности» [5, с. 102-103]. По его мнению, ВХ подтвердила два вида свобод и две отрасли права, поэтому корона, как источник правосудия в церковной сфере, вправе создавать любые нормы и правила, в том числе предоставлять право заключать в тюрьму и накладывать штрафы в удобной для себя форме. Что до присяги, то, она законна и такое право получено актом 1559 г. [5, с. 107-109].

Выводы

ВХ вернулась и достаточно часто присутствовала в политическом и правовом пространстве Англии конца XVI в., активно перемещаясь с периферии внимания современников к центру. Апелляции к ВХ и ее рецепционная жизнь показывают, что положения ст. 39 использовались для более точных определений пределов королевской прерогативы и формулировании прав подданных, защиты их имущества, личности и веры. Очевидно, что те казусы, которые мы разобрали, свидетельствуют о стремлении английских юристов к более точной и определенной фиксации королевских прерогатив и свобод подданных. Вместе с тем, сам жанр полемического трактата или устного публичного выступления практически не дает материалов относительно конкретного применения положений ВХ при разборе обычных уголовных дел и имущественных тяжб. Имущественные разбирательства (кейсы), перегруженные юридическими латинизмами и галлицизмами, с многочисленными и детализированными судебными прецедентами, еще ждут своего исследователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая хартия вольностей (1215) / Д. М. Петрушевский // Памятники Истории Англии XI-XIII вв. Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 96-117.
2. Ерохин В. Н. Становление англиканской церкви в XVI — первые десятилетия XVII вв. в освещении современной британской историографии: Монография / В. Н. Ерохин. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского гуманитарного университета, 2009. 328 с.
3. A Discourse upon the Commission of Bridewell / A. Stewart // Oxford Francis Bacon, vol. 1: Early Writings 1584-96. Oxford: Oxford University Press, 2012. Pp. 51-60.
4. Baker J. Reinvention of Magna Carta 1216-1616 / J. Baker. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 570 p.
5. Cosin R. Apologie: of, and for Sundrie Proceedings by Jurisdiction Ecclesiasticall / R. Cosin. London: Imprinted by the Deputies of Christopher Baker, Printer to the Queenes most excellent Maiestie, 1591. 255 p.
6. Helmholz R. H. Roman Canon Law in Reformation England / R. H. Helmholz Cambridge: Cambridge University Press, 1990. Pp. xxiv, 209.
7. Morrice J. A Briefe Treatise of Oathes Exacted by Ordinaries and Ecclesiasticall Iudges, to Answere Generallie to All Such Articles or Interrogatories, as Pleaseth Them to Propound. And of Their Forced and Constrained Oathes Ex Officio, Wherein is Proued That the Same Are Vnlawfull / J. Morrice. Middleburg, 1590. 58 p.
8. McGlynn M. Royal Prerogative and Learning of the Inns of Court / M. McGlynn. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 386 p.
9. McKechnie W. S. Magna Carta: A Commentary on the Great Charter of King John, with an Historical Introduction, by W. S. McKechnie / W. S. McKechnie. Glasgow: James MacLehose and Sons, 1914. 530 p.

10. Elizabethan and Her Parliaments: 1584-1601 / J. E. Neale. New York: St. Martin's Press, 1957. Vol 2. 452 p.
11. Snagg R. Antiquity and Original of Court of Chancery and Authority of Lord Chancellor of England Being a Branch of Serjeant Snagg's reading, upon the 28 Chapter of Magna Charta, at the Middle Temple, in Lent, 13 Eliz. With His Congratulatory Epistle, (By Way of Preface) to the Lord Chancellor Hatton, in 29 Eliz / R. Snagg. London, 1654. 88 p.
12. Tudor Constitutional Documents a.d. 1485-1603 with Historical Commentary / J. R. Tanner. Cambridge: Cambridge University Press, 1940. Pp. xxiv, 636.
13. Thompson F. Magna Carta: Its Role in the Making of the English Constitution 1300-1629 / F. Thompson. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1948. 410 p.
14. Usher R. Rise and Fall of the High Commission / R. Usher. Oxford: Clarendon Press. 1913. 380 p.

Sergey V. KONDRATIEV¹

UDC 930.23

**ARTICLE 29/39 OF THE MAGNA CARTA IN THE PUBLIC
CONTROVERSY OF THE LATE 16TH CENTURY***

¹ Dr. Sci. (Hist.), Professor, Department of History and World Politics,
University of Tyumen
skondratiev@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-9861-5032

Abstract

The article is devoted to the reception life of Article 29/39 of the Magna Carta in the political and right-wing controversy of England at the end of the 16th century. It is shown that the Magna Carta, which fell out of use in the late Middle Ages, returned to the political and right-wing space in the Elizabethan era. It was customary to use the Magna Carta in the 1225 edition, otherwise the edition of Henry III, which was confirmed more than 30 times and was perceived as an act of parliament. An analysis of the treatises of common law jurists William Fleetwood and Robert Snape led to the conclusion that the Magna Carta was considered a document that restored the ancient best and just right, trampled by the Norman invasion, and ensured continuity with the beyond the memory of British antiquity. Article 29 was considered the core and quintessence of the liberties and rights of subjects. A study of the controversy between common law lawyers James Maurice, Robert Beale and civilist Richard Coisin around the judicial powers of the High Commission, its ex officio inquisition procedure and specific incidents of persecution of nonconformist priests led to the conclusion that these common law lawyers insisted on the fundamental nature of Article 29, on the unlawfulness of the prosecutions, the inability of the commission to issue criminal sentences and to use the ex officio inquisition oath. They argued that the royal authority did not have the prerogative to create commissions in violation of Article 29. Civilist Richard Coisin objected that ecclesiastical jurisdiction is an independent branch of law and is not subject to Magna Carta.

* The article was prepared within the framework of the RFBR project. "Magna Carta in Legal Treatises, Parliamentary Debates and Judicial Practice of Pre-revolutionary England" (no. 19-011-00581)

Citation: Kondratiev S. V. 2021. "Article 29/39 of the Magna Carta in the Public Controversy of the Late 16th Century". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 236-246.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-236-246

Keywords

Magna Carta, article 29, liberties of subjects, royal prerogative, controversy, High Commission, ex officio oath.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-236-246

REFERENCES

1. Petrushevskiy D. M. (ed.). 1936. "Magna Carta (1215)". Monuments of the History of England 11th-13th centuries. Moscow: State Social and Economic Publishing House. Pp. 96-117. [In Russian]
2. Erokhin V. N. (ed.). 2009. Formation of the Anglican Church in the 16th — first decades of the 17th centuries in Covering Contemporary British Historiography: A Monograph. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk Humanitarian University Publishing House. 329 p. [In Russian]
3. Stewart A. 2012. "A Discourse upon the Commission of Bridewell". Oxford Francis Bacon. Vol. 1: Early Writings 1584-96. Oxford: Oxford University Press. Pp. 51-60.
4. Baker J. 2017. Reinvention of Magna Carta 1216-1616. Cambridge: Cambridge University Press. 570 p.
5. Cosin R. 1591. Apologie: of, and for Sundrie Proceedings by Jurisdiction Ecclesiasticall. London: Imprinted by the Deputies of Christopher Baker, Printer to the Queenes most excellent Maiestie. 255 p.
6. Helmholz R. H. 1990. Roman Canon Law in Reformation England. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. xxiv, 209.
7. Morrice J. 1590. Briefe Treatise of Oathes Exacted by Ordinaries and Ecclesiasticall Iudges, to Answere Generallie to All Such Articles or Interrogatories, as Pleaseth Them to Propound. And of Their Forced and Constrained Oathes Ex Officio, Wherein is Proued That the Same Are Vnlawfull. Middleburg. 58 p.
8. McGlynn M. 2003. Royal Prerogative and Learning of the Inns of Court. Cambridge: Cambridge University Press. 386 p.
9. McKechnie W. S. 1914. Magna Carta: A Commentary on the Great Charter of King John, with an Historical Introduction, by W. S. McKechnie. Glasgow: James MacClehose and Sons. 530 p.
10. Neale J. E. (ed.). 1957. Elizabethan and Her Parliaments: 1584-1601. New York: St. Martin's Press. Vol. 2. 452 p.
11. Snagg R. 1654. Antiquity and Original of Court of Chancery and Authority of Lord Chancellor of England Being a Branch of Serjeant Snagg's reading, upon the 28 Chapter of Magna Charta, at the Middle Temple, in Lent, 13 Eliz. With His Congratulatory Epistle, (By Way of Preface) to the Lord Chancellor Hatton, in 29 Eliz. London. 88 p.
12. Tanner J. R. (ed.). 1940. Tudor Constitutional Documents a.d. 1485-1603 with Historical Commentary. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. xxiv, 636.
13. Thompson F. 1948. Magna Carta: Its Role in the Making of the English constitution 1300-1629. Minneapolis: University of Minnesota Press. 410 p.
14. Usher R. 1913. Rise and Fall of the High Commission. Oxford: Clarendon Press. 380 p.

Даниил Дмитриевич ЧЕКАНОВ¹

УДК 930

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ 1930-Х ГГ.: ДИСКУССИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

¹ магистрант направления «Историческая урбанистика»,
Институт социально-гуманитарных наук,
Тюменский государственный университет
stud0000104020@study.utmn.ru

Аннотация

В статье анализируются подходы отечественных постсоветских исследователей к использованию следственных дел НКВД как исторического источника для реконструкции причин, динамики и последствий политических репрессий 1930-х гг. Определяются позиции участников дискуссии по ключевым проблемным вопросам, связанным с полнотой и достоверностью информативного потенциала следственных дел, интерпретацией содержащихся в них сведений, выбором методологического инструментария источниковедческой критики. Установлено, что на современном этапе развития исторической науки обращение исследователя к традиционным методам и приемам анализа названного вида исторических источников сочетается с использованием новых подходов, позволяющих вести «диалог» с предполагаемым автором документа, в качестве которого могут выступать как подследственное лицо (автор жалоб, писем и др.), так и работник следственных органов (составитель протоколов допросов, отчетной информация и др.). В сочетании с другими факторами такая практика не только расширяет исследовательское пространство проблемы, но и смещает ракурс ее научного анализа к сюжетам, не получившим адекватного отражения в работах историков и в лучшем случае представленных фрагментарными сведениями. Предлагаются рекомендации, которые позволяют повысить результативность научных исследований в данной области исторической науки. В этой

Цитирование: Чеканов Д. Д. Следственные дела как источник изучения политических репрессий 1930-х гг.: дискуссии в постсоветской историографии / Д. Д. Чеканов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 247-261.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-247-261

связи актуализируется проблема ограниченного доступа ученых к широкому комплексу архивно-следственной документации. Показано, что снятие или «смягчение» сохраняющихся ограничений является важным условием формирования целостного и системного научного представления о таком сложном и нетривиальном виде исторического источника, как следственные дела НКВД.

Ключевые слова

Политические репрессии 1930-х гг., постсоветская историография, архивно-следственные дела, «архивная революция».

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-247-261

Введение

Одним из результатов «архивной революции» 1990-х гг. стало рассекречивание части документов по истории сталинских репрессий, в том числе материалов следственных дел органов НКВД, проблема полноты и достоверности информационного потенциала которых сразу же вызвала острую полемику среди исследователей, непрекращающуюся до сих пор. Анализ этих споров и дискуссий имеет важное научное значение, тем более что в последние годы наметилась тенденция к комплексному пересмотру суждений и выводов историков «ельцинского лихолетья» по вопросу о применении в научной практике названных материалов, предлагаются новые методы их источниковедческого анализа. Эти методы позволили источнику «заговорить» иначе, предоставив исследователям возможность выработать новые подходы к изучению внутриведомственных, процессуальных и социальных аспектов политических репрессий 1930-х гг. В условиях, когда в научный оборот вводится все больший объем документов, содержащих уникальные сведения, задача дальнейшей разработки качественного методологического инструментария для работы с архивно-следственными делами приобретают особую актуальность. Целью данной статьи является анализ научных проблем, вызванных противоречивостью содержания такого нетривиального источника как следственные дела НКВД. В отечественной историографии эта сюжетная линия фрагментарно рассматривалась в работах С. И. Быковой, А. Р. Дюкова, А. В. Луцишина. Однако, анализ дискуссионных вопросов не получил в них адекватного отражения. В предлагаемой читателю статье впервые дается развернутая характеристика источниковедческих подходов и дискуссий, связанных с использованием следственных дел НКВД в постсоветской историографии, предлагаются рекомендации, которые позволяют повысить результативность научных исследований в данной области исторической науки.

Методы

Теоретической основой исследования избрана теория интеллектуальной истории, которая учитывает как объективные, так и субъективные факторы и обстоятельства

формирования научного дискурса — организация научных исследований, социокультурная среда, социально-политическая конъюнктура, личность и убеждения ученого. Методологической базой исследования избраны проблемно-хронологический, дискурсивно-аналитический, компаративистский методы. Эти методы позволили сравнить позиции исследователей, структурировать и обобщить научные подходы, сформировать целостную картину проблемных вопросов, дискутируемых постсоветскими историками в отношении сложного и важного исторического источника.

Результаты исследования и их обсуждение

Август 1991 года в истории нашей страны стал не только социально-политическим потрясением, спровоцировавшим системные трансформации в государственно-административной структуре, но и перманентным вызовом перед отечественной исторической наукой. Открытие дверей ранее секретных ведомственных архивных фондов, в частности фондов архива КГБ СССР, вызвало определенный диссонанс. С одной стороны, перед отечественной наукой открылись новые горизонты ранее не изученных документов. С другой — антиномия содержащихся в этих документах сведений вызывала серьезные вопросы у ученых, а порой даже скепсис и тотальное неприятие. В этой связи внедрение в научный оборот архивно-следственных дел НКВД как источников изучения истории политических репрессий 1930-х гг. стало краеугольной темой для полемики и дискуссий в постсоветской историографии.

Вопросы, сформулированные исследователями к данным источникам, продемонстрировали наличие широкого спектра источниковедческих проблем. В первую очередь возник первоочередный классический вопрос о полноте и достоверности информации, содержащейся в материалах следственных дел. Эта проблема остро обсуждалась еще и потому, что представителями отечественной науки нередко озвучивались противоположные позиции, ангажированные политической конъюнктурой. Процесс научного погружения в содержание источника выявил очередную проблему — интерпретации сведений, содержащихся в источниках. Исследователи, убежденные в том, что отбрасывать такой важный исторический источник не только невозможно, но и не профессионально, зафиксировали ряд вопросов, на которые способны дать ответ архивно-следственные дела НКВД при их должном изучении. В этой связи, в постсоветской историографии была сформулирована очередная проблема — подходов и методов источниковедческой критики. На сегодняшний день существует принципиально разные по своему методологическому инструментарию подходы. Рассмотрим позиции ученых и разворачивающиеся на этом фоне дискуссии по каждой конкретной проблеме более детально.

Проблема полноты и достоверности

Появление возможности просмотра и изучения целого комплекса судебно-следственной документации вызвало неоднозначные оценки. Порой в отечественной

публицистике звучали крайне эксцентричные призывы — вовсе «не публиковать полностью сфальсифицированные следственные дела эпохи советского тоталитаризма!». На протяжении 1990-х гг. скепсис отечественной публицистики к материалам архивно-следственных дел, нередко подкрепляющийся ангажированной политической позицией, во многом влиял на формирование научно-исследовательского дискурса. Так, А. Л. Литвин писал: «Следственные дела времен Большого Террора — исторический источник российского тоталитаризма, свидетельство его беспощадности, тупой жестокости, отсутствия признания им каких-либо прав человека и человечности» [11]. Однако к концу 1990-х гг. в свет вышел ряд работ, в которых отражалось иное отношение к источнику и признавалось, что высокая степень фальсификации не может быть основанием для отказа от его публикации. В поздних работах Литвин констатировал, что даже в самых сфальсифицированных документах возможно найти действительно подлинные сведения, собирая их по крупицам в отдельных свидетельствах материалов следственных дел [10].

Подобную позицию в академическом тандеме высказывали Б. В. Ананьич и В. М. Панеях. По их мнению, следственные дела НКВД являются «сценарным» произведением эпохи советского тоталитаризма, в котором содержится ограниченное количество слов правды о реальных действиях «жертв» политического террора. Однако, ученые были всецело убеждены в необходимости публикации следственных дел и утверждали, что «в основной своей массе это сфабрикованный источник, но это не может быть основанием для отказа от публикации „дел“ подобного рода» [1].

В. В. Поликарпов разделял тезис об архивно-следственных делах как «сценарных» произведениях. Высказывая собственную оценку по вопросу их полноты и достоверности, он акцентировал внимание на ином качестве этих источников, которое выражалось в том, что показания осужденных содержали в себе заранее продуманный «сценарный замысел». Этим фактом автор объяснял тотальность фабрикации следственных дел.

На позднем этапе постсоветской историографии «сценарный» характер содержания подобных документов обосновывался в работах А. Б. Суслова. Проанализировав деятельность пермских чекистов в 1937-1938 гг., он констатировал: «Работа сотрудников НКВД заключалась не в проведении объективного расследования, а в массовых фальсификациях, основанных на подлоге, насилии и т.д.» [19]. Историк полагает, что на подобных методах строилась работа карательного ведомства в целом, а действия пермских чекистов были очередным проявлением этой методики в частом случае. В статье описывались основные механизмы и методы работы органов НКВД, акцентировалось внимание на том, что протоколы допросов обычно составлялись руководителями следственных групп. Более того, Суслов охарактеризовал такие механизмы работы следственного ведомства как «разделение труда» в процессе фальсификаций, «камерная обработка» заключенных, склонения подследственных к самооговорам, подлоги и т. д.

К началу 2000-х гг. сформировалась иная точка зрения в оценке полноты и достоверности архивно-следственных дел. Часть авторов не приняла тезис о «сценарном» характере содержания этого вида источников и полагала, что при работе с ними необходимо учитывать конкретно-исторический контекст, условия, в которых они создавались. Так, В. И. Бакулин, изучая дело ЦК ТКП пришел к выводу об отсутствии оснований для недоверия к содержащейся в нем информации. Исходя из тезиса о «соответствии процесса следствия контексту эпохи», он утверждает: «Информация, полученная следователями объективна, а показания допрашиваемых не являлись вынужденными самооговорами» [2]. Автор констатировал, что не смог обнаружить в архивах документов, содержащихся сведения о насильственных методах воздействия на обвиняемых.

В этой связи следует обратить внимание на проблему доступа к материалам архивно-следственных дел. Думается, непоследовательный характер процесса рассекречивания этих документов становится причиной манипуляции фрагментарными сведениями в работах ряда историков. Нетривиальные выводы Бакулина вызвали негативную реакцию в исследовательской среде. Так, С. И. Быкова раскритиковала положения, выдвинутые автором, и предъявила справедливые претензии, содержание которых включало требование указания тех источников, «объективность информации которых для Бакулина „несомненна“» [4].

В основе нового подхода к вопросу о полноте и достоверности источников лежало представление о том, что при работе с противоречивыми по своей сути материалами архивно-следственных дел необходимо учитывать целый комплекс объективных и субъективных факторов. Такой позиции придерживались С. Н. Романова, А. В. Репников, А. В. Луцишин, А. Г. Тепляков, А. Ю. Ватлин, А. Р. Дюков, А. Н. Дугин и др.

Романова, изучая архивно-следственные дела духовенства 1937-1938 гг., подчеркивала особенности, на которые необходимо обращать внимание при рассмотрении подобных источников. Историк отмечала, что состав дел внесудебного следствия значительно отличается от дел, рассматривавшихся в судебном порядке. Более того, Романова настаивала на глубоком погружении в контекст создания источников, так как объективная интерпретация сведений, может быть достигнута только после того, как исследователь поймет «основу взаимоотношений авторов» документов [18].

В статье Быковой справедливо резюмировалось: «Нельзя использовать сведения, содержащиеся в протоколах, если нет возможности верифицировать их другими документами» [4]. Думается, такая методологическая операция совершенно справедлива, поскольку восходит к основам классической источниковедческой критики и положению о перепроверке данных иными независимыми источниками. Более того, аргументируя тезис о необходимости учета факторов, способных повлиять на степень фальсификации в конкретном деле, историк обращает внимание на личность следователя, обстоятельства конъюнктурного характера — ведомственные установки и идеологические задачи. Позднее тезис об учете факторов, влияющих на степень достоверности дел, повторили Дюков и Дугин.

Репников также разделял позицию об «осторожности» в процессе изучения источника. По его мнению, следственные дела не только необходимо публиковать, но и вводить в научный оборот «с обстоятельным комментарием» и «наивысшей долей критики» [16].

Убедительной представляется позиция Луцишина, который предлагал рассматривать архивно-следственные дела сугубо конкретно и избирательно. Ученый выразил несогласие с теми историками, которые разделяли тезис о всеобщем «сценарном» характере составления дел и указал на несостоятельность этого утверждения. «Очевидно, не стоит ставить знак равенства между судами над лидерами внутрипартийной оппозиции 1936-1938 гг. и, к примеру, делом ЦК Трудовой крестьянской партии» [12]. Думается, подобный конкретный и избирательный подход уместен и к рассмотрению «массовых» документов следственных дел эпохи политических репрессий 1937-1938 гг.

Олицетворением особого критического подхода к рассмотрению источников является позиция Ватлина, которая получила отражение в фундаментальной работе «Террор районного масштаба: массовые операции НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937-1938 гг.». Историк считал материалы следственных дел «массовым и очень ценным источником о внутренней жизни карательного ведомства, позволяющим увидеть и понять действие механизма репрессий» [5]. Наиболее ценным является всестороннее воссоздание картины процесса ведения следствия на материалах одного из административно-территориальных районов Московской области. Помимо необходимости использования критического подхода, в работе ученый обращал внимание на возможность проверки, перепроверки, уточнения и дополнения информации иными источниками — свидетельствами уцелевших жертв, материалами внутриведомственных и прокурорских проверок. Исследовательскую позицию Ватлина разделяют Тепляков и некоторые другие исследователи.

Таким образом, новый подход в дискуссии о полноте и достоверности источников базируется на идее о противоречивой природе архивно-следственных дел. Принцип конкретности, перепроверки данных, учета разных факторов, т. е. базовые принципы источниковедческой критики явились основой в процессе кристаллизации этого подхода.

Проблема интерпретации сведений

Наряду с проблемой полноты и достоверности материалов архивно-следственных дел, в постсоветской историографии была поставлена проблема интерпретации содержащихся в них сведений. Так, обратив внимание на высокий уровень информативности данного вида источников, Ватлин и Тепляков высказали предположение, что данная оценка относится не только к показаниям жертв репрессий, но и суждениям следователей.

С другой стороны, существует точка зрения о складывании в органах НКВД каноничности формулы обвинения через призму которой крайне трудно определить характер личностей следователя и подследственного. Эту точку зрения

разделяют С. И. Быкова и С. В. Терехов. Так, Терехов указывал, что протоколы допросов дают возможность убедиться только в противоречивости и надуманности предъявляемых обвинений. В свою очередь Быкова считала, что нередко текст московских обвинительных протоколов становился каноном для региональных управлений НКВД.

Помимо критики информативности протоколов допросов, Быкова выделила ряд документов, обладающих высоким информативным потенциалом — справки, характеристики, письма и записки арестованных, их жалобы и заявления, некоторые другие документы, включение которых в научный оборот позволяет проанализировать характер отношений между следователем и подсудимым, реконструировать историю его ареста, условия содержания и факты произвола со стороны сотрудников НКВД. Кроме того, каждый конкретный документ в следственном деле может содержать сведения о настроениях в обществе, процессе формирования в массовом сознании образа «врагов народа», других аспектах истории политических репрессий 1930-х гг.

В этой связи заслуживающими внимания являются взгляды постсоветских историков на воссоздание картины советской повседневности и советской субъективности при помощи материалов архивно-следственных дел. В частности, М. Н. Потемкина считала следственные дела базовым источником изучения сюжетов советской повседневности. Она обратила внимание на многоаспектность информации, содержащейся в архивно-следственных делах, при помощи которой возможно воссоздание панорамы повседневной жизни сталинской эпохи.

В подобной логике выстроена позиция С. В. Бондаренко. На одном из семинаров «Открытого списка» под названием «Как читать следственное дело» он озвучил тезис о «поэтике» следственного дела, отметив, что при его изучении необходимо обращать внимание на мелкие детали в анкете арестованного, ордере ареста и обыска, а также фотографиях, прикрепленных к делу. Бондаренко указывает на способность исследователя к интерпретации каждой детали, на первый взгляд кажущейся несущественной. Таким образом возможно попытаться воссоздать представления рядового советского человека, осужденного по политической статье.

В связи с этим вызывает интерес точка зрения А. В. Репникова, который считает, что протоколы допросов выступают «вынужденными воспоминаниями» подсудимых, от которых «зависела их судьба и жизнь, что не могло не влиять на достоверность сообщаемых ими сведений» [16]. В своей работе автор приходит к оригинальным выводам. Он утверждает, что «вынужденные воспоминания», т. е. показания осужденных, получившие отражение на страницах протоколов допросов, в некоторых случаях могут содержать более достоверные сведения с фактологической стороны в сравнении с их личными мемуарами.

Заслуживающим особого внимания в этой связи является исследование А. Н. Дугина, который на основании ранее не публиковавшихся материалов архивно-следственных дел, обосновал концепцию разворачивающейся в кулуарах центрального аппарата управления НКВД борьбы за власть в 1937-1938 гг.

В частности, изучив протоколы допросов и показания осужденных чекистов И. И. Шапиро, С. Я. Зубкина, В. А. Ульмера, Э. П. Сальня, автор пришел к выводу о существовании в центральном аппарате управления НКВД заговора, целью которого было «насильственное устранение существующих руководства партии и правительства, а также создание нового правительства из числа заговорщиков во главе с Н. И. Ежовым» [6]. Дугин обращает внимание на структуру и продуманную тактику ведения допроса, которая позволила следователям получить наиболее полные и достоверные свидетельства от обвиняемых. Кроме того, на основании анализа данных материалов архивно-следственных дел, автор выдвигает гипотезу о том, что применение мер физического воздействия к заключенным не было обусловлено директивными решениями партийных органов, а только наличием соответствующей санкции руководства УНКВД. В целом, авторская концепция, в основе которой лежат ранее не опубликованные источники имеет право на существование. Однако в процессе рассекречивания новых документов ЦА ФСБ РФ могут появиться сведения, которые либо уточнят положения, выдвинутые историком, либо полностью их опровергнут.

Е. Ю. Нуйкина отмечает наличие в архивно-следственных делах просопографического потенциала. В частности, изучая историю репрессий против духовенства в 1930-1940-е гг., она пришла к выводу, что в некоторых случаях следственные дела являются единственным источником биографии жертв репрессий. Нуйкина указывает, что использование такой уникальной информации «зачастую представляет единственную возможность восстановить обстоятельства последних дней жизни человека» [14].

Е. М. Мишина показала, что привлечение материалов архивно-следственных дел может помочь в изучении социальной истории. В частности, ей удалось реконструировать социальный портрет репрессированных, описать их социальные характеристики. Личные следственные дела, по замечанию исследователя, могут стать основой для восстановления судеб людей и изучения семейной истории [13].

В этой связи необходимо выделить сюжетную линию процесса формирования в постсоветской историографии единой базы данных жертв политического террора. Архивно-следственные дела выступают первичным источником сведений, с помощью которых появляется возможность перманентного пополнения справочной информации об осужденных и репрессированных в 1930-е гг. Этот аспект не раз отмечался в работах и выступлениях Бондаренко и Мишиной, которые являются организаторами проекта «Открытый список», направленного на формирование подобной базы данных.

Таким образом, информативный потенциал материалов архивно-следственных дел неоспорим. Исследователями предложены разнообразные трактовки в сюжетных вопросах истории политических репрессий, а также установлено, что привлечение информации из данного вида источников позволяет восполнить научные пробелы, существенно расширить объем накопленных знаний. Однако краеугольной проблемой, возникающей в этой связи, остается вопрос о методах источниковедческой критики.

Проблема метода источниковедческой критики

Своеобразие развития постсоветской историографии в 1990-е гг. нередко характеризуется термином «парадоксальная ситуация» [8], который предложил архивист А. В. Елпатьевский. В это время часть публицистов поспешила объявить материалы следственных дел тотально сфальсифицированными, обосновывая такой вывод тем, что все показания были «выбиты» из обвиняемых. Это обстоятельство для ряда авторов выступало аргументом в признании непригодности использования этого вида документов в качестве исторических источников. Однако опыт отечественного источниковедения демонстрирует иное качество. Невозможно не согласиться с тезисом С. Н. Романовой, которая писала: «Историческая наука имеет огромный опыт использования судебно-следственных дел, возникших в различные исторические периоды» [16].

Думается, проблема отсутствия полноценного источниковедческого анализа в постсоветской историографии была впервые обозначена А. Л. Литвиным: «Эти дела по праву называют сфабрированными ОГПУ-НКВД. Вероятно, здесь одна из причин — отсутствие критического анализа подобного рода источников. Действительно, зачем обращаться к документу, если уверен в его сфальсифицированном содержании...» [11].

На сегодняшний день существует несколько методологических подходов по работе с материалами следственных дел — «сценарный» метод, «дискурсивный» метод и метод учета факторов и двойной перепроверки данных. Каждый конкретный метод складывался на разных этапах развития постсоветской историографии при учете научных представлений историков о данном источнике и имеет свои достоинства и недостатки.

Б. В. Ананьич и В. М. Панеях впервые предложили научному сообществу полноценный методологический подход по определению достоверности исторических фактов, содержащихся в материалах следственных дел и протоколах допросов следователей НКВД. Формулировка данного подхода может сводиться к следующему положению — крупницы достоверной информации следует искать в случайных показаниях осужденных, не соответствующих «сценарию», который постулировался стороной обвинения.

Думается, «сценарный» подход может распространяться на крупные политические дела, где общепризнан и научно установлен сфабрированный характер их содержания. Однако, применение такого подхода к «массовым» следственным делам невозможно ввиду учета всех обстоятельств составления каждого конкретного дела.

Позицию о «сценарном» характере материалов следственных дел разделял Поликарпов. По мнению историка, материалы допросов содержат полностью сфабрикованные показания и свидетельства, которые фиксируются благодаря заранее выработанному сценарию. Данные документы смогут помочь историку в составлении полной картины деятельности НКВД только тогда, когда в поле зрения исследователя попадут задачи, ставившиеся следователями. Эти задачи

возможно будет выяснить только при наличии в источниковом арсенале материалов оперативного планирования и внутренней переписки [15].

Методологические рекомендации к применению «дискурсивного» подхода были высказаны Луцишиным, который считал, что историку важно уметь фильтровать свидетельства, отбрасывая явно сфальсифицированные факты. Автор говорил о том, что всесторонний анализ протоколов допросов позволит историку корректно и независимо использовать факты в исследовании деятельности НКВД. В первую очередь ученый акцентирует внимание на отбрасывании «коммунистических» ярлыков и эпитетов и сосредоточении на «живых» словах подсудимого. Кроме того, автор убежден в важности привлечения материалов предварительного следствия.

Расширение источниковой базы материалов следственных дел НКВД, особенно в региональном аспекте, доказало, что определение достоверности исторических фактов в подобных свидетельствах является не такой сложной задачей для исследователя. Впервые на данное обстоятельство обратил внимание С. В. Журавлев. Он писал: «Откровенные смысловые фальсификации не носили массового характера, так как в этом не было необходимости» [9].

Журавлев представил рекомендации по определению степени достоверности следственной документации. Эти рекомендации легли в основу очередного источниковедческого метода учета факторов и двойной перепроверки данных, который дополнял «сценарный» и «дискурсивный» подходы. С точки зрения ученого, фальсификацию данных выдают несколько существенных обстоятельств, таких как явная абсурдность изложенных фактов, неправдоподобие следственного вымысла и т. д. Более того, автор указывает на то обстоятельство, что проверка данных, полученных из материалов следственных дел должна осуществляться традиционным методом, который предполагает привлечение независимых источников. Источниковедческий анализ должен включать в себя изучение тех обстоятельств, которые повлияли на возникновение следственных показаний, таких как личность следователя, изменение поведения подследственного, а также хронология протекания следствия.

Методологические рекомендации Журавлева были развиты Дюковым, который сумел сформулировать полноценную методологическую инструкцию, представляющую собой порядок действий, разделенных на несколько этапов источниковедческой критики. В первую очередь, перед исследователем стоит краеугольная задача — дать ответ на ряд содержательных вопросов, предъявляемых к источнику. В частности, речь идет о выяснении порядка следственного дела, задач, стоящих перед конкретным следователем, а также характера показаний и степени свободомыслия осужденного. Таким образом, достигается общая степень фальсификации конкретного дела. Второй этап предполагает перепроверку полученных сведений через привлечение независимых источников. Автор отмечает: «Если зафиксированная в протоколах допросов информация подтверждается независимыми источниками — вопрос о достоверности решен» [7].

Применение каждого из вышеперечисленных методов уместно при рассмотрении конкретного следственного дела. Думается, что метод учета факторов и двойной перепроверки данных, обоснованный Журавлевым и Дюковым, является более гибким, объемлющим и реализуемым к большому количеству конкретных следственных дел.

Выводы

Проведенный анализ показал, что на современном этапе постсоветской историографии нарастает процесс переосмысления подходов к оценке материалов следственных дел НКВД, которые в 1990-е гг. нередко характеризовались как «недостоверные». Одновременно происходят важные перемены в использовании методов источниковедческой критики этого вида источников. Это позволило существенно расширить исследовательское пространство проблемы, обратиться к сюжетам, которые ранее находились на периферии научных интересов историков — внутренняя жизнь карательного ведомства, механизмы репрессивных практик, формирование образа «врага народа», повседневная жизнь и представления человека, оказавшегося под следствием и др. Более того, материалы следственных дел стали основой для формирования единой базы данных жертв политических репрессий, на которой в последние годы базируются исследования по социальной истории. В то же время широкий комплекс архивно-следственной документации остается недоступным для исследователей проблемы. Дальнейшее «смягчение» этих ограничений могло бы стать важным шагом на пути формирования законченного и полноценного научного представления о таком сложном и противоречивом виде исторического источника как следственные дела НКВД периода сталинских репрессий 1930-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьич Б. В. «Академическое дело» как исторический источник / Б. В. Ананьич, В. М. Панеях // Исторические записки. Москва, 1999. № 2. С. 120.
2. Бакулин В. И. Кадровые «чистки» в 1933-1938 гг. в Кировской области и проблемы консолидации советского общества / В. И. Бакулин // Отечественная история. 2006. № 1. С. 148-153.
3. Бакулин В. И. Нижегородская краевая организация Трудовой Крестьянской партии: история возникновения и гибели / В. И. Бакулин // Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. Киров, 2006. С. 175-176.
4. Быкова С. И. Материалы политического следствия 1930-х гг.: от фальсификаций к мистификации / С. И. Быкова // Историографические интерпретации. 2010. С. 130-146.
5. Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937-1938 гг. / А. Ю. Ватлин. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 256 с.
6. Дугин А. Н. Архивно-следственные дела ЦА ФСБ России как исторический источник / А. Н. Дугин // Вопросы истории. Москва, 2020. № 12. С. 168-188.

7. Дюков А. Р. К вопросу о допустимости использования следственных показаний, полученных органами ОГПУ-НКВД / А. Р. Дюков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 74-89.
8. Елпатьевский А. В. Следует ли публиковать документы сфальсифицированных дел? / А. В. Елпатьевский // Отечественные архивы. 2000. № 5.
9. Журавлев С. В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация / С. В. Журавлев // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. Под ред. А. К. Соколова. Москва, 2014.
10. Литвин А. Л. Российская историография государственного террора в стране, 1917-1953 / А. Л. Литвин. Москва: Собрание, 2019. 364 с.
11. Литвин А. Л. Следственные дела как исторический источник / А. Л. Литвин // Эхо веков. 1995. № 2. С. 170-176.
12. Луцишин А. В. К вопросу об использовании материалов следственных дел политических процессов в 20-30-х гг. в качестве исторических источников / А. В. Луцишин // Фундаментальная наука ВУЗам. 2009. № 4. С. 234-242.
13. Мишина Е. М. Социальные характеристики репрессированных на Алтае в 1935-1937 годах: анализ базы данных и архивных материалов / Е. М. Мишина // Пермь: Вестник Пермского университета. 2014. № 4. С. 45-56.
14. Нуйкина Е. Ю. Документы судебного-следственного производства как источник для изучения религиозной политики советского государства. 1917-1930-е годы: дисс. ... канд. ист. наук / Е. Ю. Нуйкина. Москва, 2020. 228 с.
15. Поликарпов В. В. Вступительная статья к публикации / В. В. Поликарпов // Вопросы истории. 1998. № 11-12. С. 3-12.
16. Потемкина М. Н. Перспективы использования архивно-следственных дел 1930-1940 гг. в источниковедческой практике / М. Н. Потемкина // Мир историка и пространство истории: сб. ст. к юбилею профессора Н. Н. Алеврас. Под ред. Н. В. Гришиной, Т. А. Андреевой. Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 275-285.
17. Репников А. В. Из опыта публикации документов следственных дел политического характера / А. В. Репников // Гуманитарный вестник. 2012. № 4. С. 22-29.
18. Романова С. Н. «Дела по обвинению» православного духовенства и мирян, 1937-1938 гг. / С. Н. Романова // Отечественные архивы. 2001. № 4. С. 4-12.
19. Суслов А. Б. Использование фальсификаций в деятельности Пермских чекистов в годы Большого Террора / А. Б. Суслов // Вестник Удмуртского университета. Ижевск. 2014. № 1. С. 95-99.
20. Терехов С. В. Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации / С. В. Терехов. Екатеринбург, 2003. С. 191.

Daniil D. CHEKANOV¹

UDC 930

**INVESTIGATIVE CASES AS A SOURCE FOR STUDYING
POLITICAL REPRESSION IN THE 1930S:
DISCUSSIONS IN POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY**

¹ Master Student of Historical Urbanism,
Institute of Social Sciences and Humanities,
University of Tyumen
stud0000104020@study.utmn.ru

Abstract

The article analyzes the approaches of domestic post-Soviet researchers to the use of the investigative files of the NKVD as a historical source for the reconstruction of the causes, dynamics and consequences of political repressions of the 1930s. The positions of the participants in the discussion on key problematic issues related to the completeness and reliability of the informative potential of investigative cases, the interpretation of the information contained in them, the choice of methodological tools for source criticism are determined. It has been established that at the present stage of the development of historical science, the researcher's appeal to traditional methods and techniques of analysis of the named type of historical sources is combined with the use of new approaches that allow conducting a "dialogue" with the alleged author of the document, which can act as a person under investigation (author of complaints, letters and others), as well as an employee of investigative bodies (compiler of interrogation protocols, reporting information etc.). In combination with other factors, this practice not only expands the research space of the problem, but also shifts the perspective of its scientific analysis to plots that have not been adequately reflected in the works of historians and, at best, are represented by fragmentary information. Recommendations are proposed to improve the effectiveness of scientific research in this area of historical science. In this regard, the problem of limited access of scientists to a wide range of archival and investigative documentation is actualized. It is shown that the removal or "softening" of

Citation: Chekanov D. D. 2021. "Investigative Cases as a Source for Studying Political Repression in the 1930s: Discussions in Post-Soviet Historiography". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 247-261.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-247-261

the remaining restrictions is an important condition for the formation of a holistic and systemic scientific understanding of such a complex and non-trivial form of a historical source as the investigative cases of the NKVD.

Keywords

Political repressions of the 1930s, post-Soviet historiography, archival investigative affairs, “archival revolution”.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-247-261

REFERENCES

1. Ananich B. V., Paneyakh V. M. 1999. “‘Academic business’ as a historical source”. *Historical Notes*. Moscow. No. 2, pp. 120. [In Russian]
2. Bakulin V. I. 2006. “Personnel ‘purges’ in 1933-1938 in the Kirov region and the problems of consolidation of Soviet society”. *National History*, no. 1, pp. 148-153.
3. Bakulin V. I. 2006. “Nizhny Novgorod regional organization of the Labor Peasant Party: the history of the emergence and death”. *Leafing Through the History of the Page: Vyatka Region and all of Russia in the 20th Century*. Kirov. Pp. 175-176. [In Russian]
4. Bykova S. I. 2010. “Materials of the political investigation of the 1930s: from falsifications to hoaxes”. *Historiographic Interpretations*. Pp. 130-146. [In Russian]
5. Vatlin. A. Yu. 2004. *Terror on a Regional Scale. “Mass operations” of the NKVD in the Kuntsevsky District of the Moscow Region 1937-1938*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 256 p. [In Russian]
6. Dugin A. N. 2020. “Archival and investigative affairs of the Central Asia FSB of Russia as a historical source”. *Questions of History*. Moscow. No. 12, pp. 168-188. [In Russian]
7. Dyukov A. R. 2018. “On the question of the admissibility of the use of investigative testimony obtained by the OGPU-NKVD bodies”. *Izvestia of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanitarian Sciences*, no. 3, pp. 74-89. [In Russian]
8. Elpatievsky A. V. 2000. “Should documents of falsified cases be published?”. *Domestic Archives*, no. 5. [In Russian]
9. Zhuravlev S. V. 2014. “Forensic and prison camp documentation”. *Source Study of the Modern History of Russia: Theory, Methodology, Practice*. Edited by A. K. Sokolov. Moscow. [In Russian]
10. Litvin A. L. 2019. *Russian Historiography of State Terror in the Country, 1917-1953*. Moscow: Collection. 364 p. [In Russian]
11. Litvin A. L. 1995. “Investigative cases as a historical source”. *Echo of Centuries*, no. 2, pp. 170-176. [In Russian]
12. Lutsishin A. V. 2009. “On the use of materials from investigative cases of political processes in the 1920s and 1930s. as historical sources”. *Fundamental Science of Universities*, no. 4, pp. 234-242. [In Russian]
13. Mishina E. M. 2014. *Social Characteristics of the Repressed in Altai in 1935-1937: Database Analysis and Archival Materials*. Perm: Perm University Herald. No. 4, pp. 45-56. [In Russian]

14. Nuikina E. Yu. 2020. "Forensic documents as a source for studying religious politics in the Soviet state. 1917-1930s". Cand. Sci. (Hist.) diss. Moscow. 228 p. [In Russian]
15. Polikarpov V. V. 1998. "Introductory article for publication". Questions of History, no. 11-12, pp. 3-12. [In Russian]
16. Potemkina M. N. 2018. "Prospects for the use of archival investigation files 1930-1940 in source study practice". The World of the Historian and the Space of History: Collection of Articles for the Anniversary of Professor N. N. Alebras. Edited by N. V. Grishina, T. A. Andreeva. Chelyabinsk: Encyclopedia. Pp. 275-285. [In Russian]
17. Repnikov A. V. 2012. "From the experience of publishing documents of investigative cases of a political nature". Humanitarian Herald, no. 4, pp. 22-29. [In Russian]
18. Romanova S. N. 2001. "'Cases on the accusation' of the Orthodox clergy and laity, 1937-1938". National Archives, no. 4, pp. 4-12. [In Russian]
19. Suslov A. B. 2014. The Use of Falsifications in the Activities of the Perm Chekists During the Great Terror. Izhevsk: Udmurt University Herald. No. 1, pp. 95-99. [In Russian]
20. Terekhov S. V. 2003. Recruits of a Great Idea. Technicians in the Period Stalinist Modernization. Ekaterinburg. P. 191. [In Russian]

ОБЗОРЫ

Наталья Анатольевна ИВАНОВА¹

Елена Яковлевна ОГНЁВА²

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА КОЛОКОЛЬНИКОВА: НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ БИОГРАФИИ И РОДОСЛОВНОЙ

¹ кандидат физико-математических наук, доцент, профессор кафедры прикладной и технической физики, Физико-технический институт; заведующий научно-исследовательской лабораторией фотоники и микрофлюидики, X-BIO, Тюменский государственный университет
n.a.ivanova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-4121-8765

² независимый исследователь (г. Тюмень)
ogn72@mail.ru

Аннотация

Исследование раскрывает ранее неизвестные факты биографии представителя одной из самых знаменитых тюменских купеческих семей — Марии Николаевны Колокольниковой, внесшей огромный вклад в развитие народного образования в г. Тюмени. История семьи Колокольниковых, начиная от родоначальника на тюменской земле до ныне живущих потомков, детально изучена историками-краеведами. Однако происхождение Марии Николаевны оставалось до настоящего времени загадкой для исследователей. В кругу краеведов и музейном сообществе утвердилась версия о том, что Мария Николаевна родилась в г. Ишиме Тобольской губернии и происходила из дворянского рода Голицыных. В настоящей работе на основе анализа комплекса источников из фондов Государственных архивов Томской области и Пермского края, а также научных трудов по истории промышленности Урала и урало-сибирского купечества, впервые приводятся сведения о семье, из которой происходила Мария Николаевна Колокольникова, датах и местах ее рождения и бракосочетания. Результаты исследования, изложенные в статье, вносят значительный вклад в дело развития исторического краеведения.

Основная часть

Нет среди тюменцев, пожалуй, такого человека, который не слышал бы о Колокольниковых — одной из самых богатых и влиятельных купеческих семей, внесших

весомый вклад в развитие нашего города и оставивших о себе добрую память. Помимо торговых дел Колокольниковы активно занимались общественной и благотворительной деятельностью, в частности, выделяли средства на благоустройство города, на содержание и ремонт храмов, сыграли значительную роль в развитии народного образования и формировании архитектурного облика Тюмени [7-8, 39]. В 1895 г. наследниками Ивана Петровича Колокольникова на капитал, оставленный им в соответствии с завещанием, было организовано предприятие «Торговый дом И. П. Колокольникова. Н-ки», которое возглавили в качестве членов-распорядителей вдова Ивана Петровича Мария Дмитриевна и их старший сын Степан Иванович [40, с. 68-70]. На средства торгового дома в Тюмени на улице Никольской было построено здание частной школы (ныне — вечерняя школа № 2 по ул. Луначарского, 14) и открыто коммерческое 8-классное училище, для которого в 1914 г. возведено одно из самых грандиозных и красивых зданий города (ныне — один из корпусов Тюменского индустриального университета по ул. Луначарского, 2) [8; 39, с. 37-38]. Оба учебных заведения содержались за счет «Торгового дома И. П. Колокольникова. Н-ки», ученики частной школы из бедных семей не только не платили за обучение, но и обеспечивались учебниками, письменными принадлежностями и одеждой, а для содержания одаренных, но не имеющих возможности платить за обучение в училище было создано Общество вспомоществования учащимся коммерческого училища [8; 39, с. 38]. Кроме того, на строительство нового здания женской гимназии (ныне — один из корпусов Тюменского государственного университета по ул. Володарского, 6 — Семакова, 8а) Колокольниковыми было израсходовано 50 тыс. руб. [8; 39, с. 39]. Необходимо подчеркнуть, что все здания учебных заведений, построенные на средства купцов Колокольниковых, до настоящего времени выполняют первоначальную функцию и являются объектами культурного наследия.

Следует отметить, что существенный вклад в общественную деятельность Колокольниковых, связанную с развитием народного образования, внесла супруга Степана Ивановича Мария Николаевна. М. Н. Колокольникова «по должности Члена Попечительного Совета Тюменской женской гимназии» оказала «большие услуги в деле постройки здания для последней», трудилась «в качестве организаторши и руководительницы содержимой Колокольниковыми начальной школы» и в определенный момент «исправлявшей ... должности Директора в Коммерческом училище» [9, л. 3 об.] (см. рис. 1). Также она преподавала в начальной школе, была наставницей и инспектриссой в коммерческом училище, в своем доме на ул. Царской открыла школу для обучения грамоте детей из бедных семей, была инициатором создания Дома трудолюбия при Обществе трезвости [41, с. 163-164]. Дважды, в ноябре 1911 г. и в октябре 1914 г., городской голова П. И. Никольский, согласно постановлениям Тюменской городской Думы, ходатайствовал перед тобольским губернатором о представлении Марии Николаевны Колокольниковой к Высочайшей награде [9, л. 1, л. 1 об.]. Однако, ответов на эти ходатайства, как и на просьбы о присвоении Степану Ивановичу Колокольникову звания почетного гражданина города Тюмени, не последовало [41, с. 161-162].

Интересно, что несмотря на активную общественную деятельность Мария Николаевна, в отличие от других членов семьи Колокольниковых [41], оказалась самой загадочной с точки зрения биографических сведений о ней. До настоящего времени не было никакой достоверной информации о ее происхождении, дате и месте рождения, родителях, дате и месте венчания со Степаном Ивановичем Колокольниковым. Анализ литературы позволил установить три версии о происхождении Марии Николаевны Колокольниковой. По версии, выдвинутой исследователем Л. А. Типикиной [40, с. 80], она родилась в г. Ишиме Тобольской губернии в 1872 г., была потомственной почетной гражданкой и происходила из известного рода Голицыных (упоминается обрывок некоего документа, где фамилия ее родителей начинается на «Гол...»). В подтверждение этого Л. А. Типикина приводит слова внучки Антона Ивановича Колокольникова Л. Н. Бурковой о том, что «Степан Иванович привез жену из Одессы...» и была она



Рис. 1. Фотография Марии Николаевны Колокольниковой [40]

Fig. 1. Photo of Maria Nikolaevna Kolokolnikova [40]

из знатного, но обедневшего дворянского рода [40, с. 80]. С другой стороны, в работе [41, с. 162] приводится свидетельство бывшего служащего Колокольниковых А. В. Некрасова, который утверждал, что Степан Иванович «женится на англичанке и привез из Англии повара и первый в Тюмени автомобиль». И, наконец, в одном из примечаний к статье об Иване Петровиче Колокольникове, размещенной в Википедии, неизвестный автор, неверно интерпретировав дневниковую запись (в которой упоминается М. Н. Колокольникова) русской пианистки, возглавлявшей Музей Рериха в Нью-Йорке, Зинаиды Григорьевны Росдик [40, с. 81-82], предположил, что девичья фамилия Марии Николаевны Колокольниковой — Голенищева-Кутузова [15].

Версия о дворянском происхождении Марии Николаевны вызывает сомнение. Известно, что в купеческой среде брак с представителями дворянства считался удачным, но в условиях существовавшего тогда разделения общества по сословному признаку дворяне такие союзы не приветствовали и это происходило лишь в исключительных случаях, когда брак способствовал улучшению благосостояния и материального положения дворянских семей [16]. Поиск записи о рождении Марии Николаевны в метрических книгах церкви г. Ишима за 1870-1874 гг. [20] результатов не дал.

В этой работе на основе анализа собранного комплекса источников восполнены пробелы в биографических сведениях о Марии Николаевне Колокольниковой и семье, из которой она произошла. Основными источниками, использованными в процессе исследования, стали дореволюционные записи актов гражданского состояния, находящиеся на хранении в Государственном архиве Томской области (ГАТО), Государственном архиве Пермского края (ГАПК), а также работы исследователей об истории уральской промышленности и истории купечества.

Отправной точкой исследования стала обнаруженная в метрических книгах церкви г. Томска запись (см. рис. 2), о том, что 1 июля 1894 г.¹ в Преображенской церкви венчались первым браком «Тюменский 1 гильдии купеческий сын, личный почетный гражданин Стефан Иванов Колокольников» и «Томская купеческая дочь девица Мария Николаева Голдобина» [25, л. 242 об., л. 243]. Жениху на момент бракосочетания было 26, а невесте — 20 лет, оба православного вероисповедания. Таинство брака совершил священник Александр Попов с дьяконом Иоанном Воротынским. Согласно актовой записи поручителями по жениху были «Потомственный дворянин Василий Васильев Богданов и Сын коллежского советника Александр Александров Хохряков», по невесте — «Профессор Томского Университета Евлампий Стефанов Образцов²» и родной брат невесты «Томский купеческий сын Николай Николаев Голдобин» [25, л. 242 об., л. 243].

¹ Здесь и далее даты событий до 1918 г. приведены по юлианскому календарю.

² Образцов Евлампий Степанович (1848-1918) — экстраординарный профессор по кафедре кожных и венерических болезней Томского университета (1892), ординарный профессор по кафедре дерматологии и сифилидологии (1900-1908), заслуженный ординарный профессор Томского университета (1908) [42].

Вытх красн.	Мѣсяцъ и днѣ.	Званіе, имя, отчество, фамиліа и отроковскія имени, и отчества отцовъ.	Лѣтъ женѣ.	Званіе, имя, отчество, фамиліа и отроковскія имени, и отчества отцовъ.	Лѣтъ мужу.
26	1	Александръ Васильевичъ купеческой гильдіи 2-ой почетнѣйшаго граднича Стефанъ Моисѣевичъ Колосковъ, проживающій въ городѣ Пермѣ въ домѣ перемца Фракашова.	26	Полковникъ купеческаго званія Николай Петровичъ Голдобинъ, проживающій въ городѣ Пермѣ въ домѣ перемца Фракашова.	20

Кто соображенъ чѣмъ.	Кто еѣмъ порученъ.	Полна ли численн зѣмѣ по числу.
Свѣщенникъ Николай Ивановичъ Поповъ	Дьяконъ Василий Ивановичъ Рязанцевъ	Полна

Рис. 2. Фото страницы метрической книги с записью о бракосочетании С. И. Колокольникова и М. Н. Голдобиной [25]

Fig. 2. The photo of the parish register page with the record of marriage of S. I. Kolokolnikova and M. N. Goldobina [25]

Мария Николаевна Колокольникова (Голдобина) родилась 1 августа 1873 г. у кунгурского купца 2 гильдии Николая Петровича Голдобина и его жены Марии Васильевны [21, л. 171 об., л. 172]. Крестили ребенка 5 августа 1873 г. в церкви Вознесения Господня при Суксунском железодельном заводе [21, л. 171 об., л. 172], находившимся в Красноуфимском уезде Пермской губернии (ныне на месте Суксунского железодельного завода в рабочем поселке Суксун Пермского края находится ОАО «Суксунский оптико-механический завод»). Эти сведения подтверждаются материалами Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. В переписном листе местом рождения М. Н. Колокольниковой значится Пермская губерния Суксунский завод [35] (см. рис. 3). В записи о рождении в метрической книге обращает на себя внимание англиканское вероисповедание матери новорожденной, Марии Васильевны Голдобинной, а также то, что воспитателями были подданные Великобритании Вильям Тиндель и Маргарита Гакс [21, л. 171 об.-172]. С целью прояснить вопрос о происхождении матери Марии Николаевны Колокольниковой были изучены метрические книги церковью города Кунгура, хранящиеся в Государственном архиве Пермского края, в которых найдена запись о заключении брака 10 ноября 1871 г. в Скорбященской церкви кунгурского гражданина Николая Петрова Голдобина 23 лет (родился в 1847 или 1848 г.) и «Подданного Англии гражданина Василия Тинделя» дочери Марии 18 лет (родилась в 1852 или 1853 г.) [19, л. 523 об., л. 524] (см. рис. 4). По всей видимости, крестный Марии Николаевны, Вильям Тиндель, и ее дедушка, Василий Тиндель, одно и то же лицо. Его английское имя Вильям было переделано на созвучное и более привычное для русского человека Василий. У нас возник вопрос: кто такой Вильям (Василий) Тиндель и как он оказался на Урале? В публикациях исследователей, изучавших работу

качественных изделий [11, с. 72]. Однако, по какой-то причине отправки на родину не случилось, так как дело Отделения казенных горных заводов Горного департамента о выписке из Англии формовых мастеров Тиндля и Брауна, начатое 24 августа 1849 г., было окончено только 7 октября 1854 г. [27]. С определенной долей вероятности можно предположить, что дедушка Марии Николаевны Колокольниковой (Голдобиной) Вильям (Василий) Тиндель являлся этим самым формовщиком Вильямом Тиндлем, к которому к моменту увольнения с казенной службы из Англии на Урал приехала его семья, и ими было принято решение остаться в России. Учитывая, что одним из поручителей по невесте на бракосочетании Николая Голдобина и Марии Тиндель был владелец Кунгурского механического завода Эдуард Петрович Гакс¹ [19, л. 523 об., л. 524], а одной из крестных Марии Николаевны Голдобиной его сестра Маргарита Петровна Гакс [21, л. 171 об., л. 172], можно также предположить, что Вильям Тиндель, оставшись в России, работал у Гаксов, которые ранее владели еще и механической фабрикой в Екатеринбурге [6, с. 31]. Выдвинутая нами версия косвенно подтверждается материалами Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Согласно переписному листу, составленному на проживающих в квартире 1а дома Колокольниковых по ул. Царской в Тюмени, вместе с супругами Колокольниковыми жила тетя Марии Николаевны, вдова чиновника Анна Васильевна Протопопова, родившаяся в г. Екатеринбурге (в 1856 или 1857 г., так как в переписном листе указан ее возраст 40 лет), имевшая англиканское вероисповедание и в качестве родного английский язык [35]. Она была родной сестрой матери Марии Николаевны Колокольниковой, Марии Васильевны Голдобиной (Тиндель), появившейся на свет, вероятно, также в Екатеринбурге. 24 июля 1888 г. в томской Преображенской церкви Анна Васильевна Тиндель обвенчалась с 38-летним отставным надворным советником Константином Алексеевичем Протопоповым [23, л. 122 об., л. 123], после смерти которого, по всей видимости, переехала жить в Тюмень. Занималась ведением домашнего хозяйства в семье Колокольниковых, указав в переписном листе свой род занятий — «экономия» [35].

У родителей Марии Николаевны Колокольниковой (Голдобиной), Николая Петровича и Марии Васильевны, было 9 детей. После рождения Марии, которая была старшим ребенком, на свет еще появились Анна (10 июня 1876 г.) [18, л. 6 об, л. 7], Николай (9 мая 1877 г.) [18, л. 62 об., л. 63], Лидия (8 июля 1878 г.) [18, л. 261 об., л. 262], Василий (2 октября 1879 г.) [18, л. 315 об., л. 316], Вера (28 февраля 1881 г.) [18, л. 112 об., л. 113], Маргарита (1 сентября 1885 г.) [22, л. 122 об., л. 123], Анатолий (16 сентября 1887 г.) [23, л. 22 об., л. 23], Зинаида (19 апреля 1891 г.) [24, л. 71 об., л. 72]. Однако, Анатолий умер в пятилетнем возрасте (4 августа 1892 г.) [24, л. 236 об., л. 237]. Все братья и сестры Марии

¹ Гакс Петр Эдуардович — владелец Кунгурского механического завода, основанного его отцом купцом 1 гильдии Петром Васильевичем Гаксом и производившего пароходы, паровые мукомольные машины, водокачки, рудоподъемники, воздуходувные насосы, механические станки, железные мосты и кессоны [6, с. 42].

Николаевны родились в Томске, куда семья переехала к 1876 г. Согласно актовым записям о рождении восприемниками у детей, как правило, были либо деловые партнеры Николая Петровича: томский 1 гильдии купец Н. И. Грибушин, селенгинский 2 гильдии купец Д. Ф. Маслоков или их жены; либо близкие родственники: «великобританская подданная Анна Яковлева Тиндель» (напомним, что, как сказано выше, жену формовщика Вильяма Тиндля звали Анна), «свояченица Голдобина девица Анна Васильева Тиндель», родные братья и сестры новорожденных. Николай Петрович Голдобин, судя по всему, был человеком трудолюбивым и обладал деловой хваткой, так как смог достичь успеха в торговых делах за достаточно короткий срок. Происходил он из крестьян [5], венчался будучи гражданином города Кунгура (1871 г.) [19, л. 523 об., л. 524], когда родилась дочь Мария, он — кунгурский купец 2 гильдии (1873 г.) [21, л. 171 об., л. 172], а при крещении дочери Анны — уже томский купец 1 гильдии¹ (1876 г.) [18, л. 6 об., л. 7]. Некоторые обрывочные сведения о Н. П. Голдобине удалось найти в работах исследователей, посвященных пермскому и сибирскому купечеству, а также истории Томска [12-14, 17, 26]. В первой половине 1870-х гг. им вместе с купцом 1-гильдии Николаем Ивановичем Грибушиным в г. Томске был основан Торговый дом «Грибушин и Голдобин», занимавшийся продажей чая как в самом городе, так и на крупнейших Нижегородской и Ирбитской ярмарках [26, с. 20-21]. Торговый дом просуществовал несколько лет, затем каждый из его участников организовали собственное дело [26, с. 20]. Н. П. Голдобин продолжил торговать чаем и сахаром, оборот его предприятия к 1889 г. составлял 120 тыс. руб., а прибыль — 6 тыс. руб. в год [17; 26, с. 21]. В статье А. Жирова «Чайный путь и Кяхта» [13, с. 70] приводятся сведения о том, что кяхтинские чаи в Тюмени принимали Голдобины и Колокольников. А это значит, что между этими купеческими семействами существовали деловые связи. Поэтому вполне логичным выглядит брак Степана Колокольникова и Марии Голдобиной — это был равный союз внутри своей среды с целью дополнить предпринимательские связи родственными. Помимо торговли Николай Петрович занимался общественной и благотворительной деятельностью. Во время русско-турецкой войны в 1877 г., проявляя патриотические чувства, по подписке Томской городской Думы вносил пожертвования для оказания помощи больным и раненым воинам [12, с. 338-339]. В 1878 г. он был назначен почетным блюстителем Томского приходского училища [28], в 1880 г. вошел в состав училищной комиссии при Томской городской управе, созданной для забот «о надлежащей постановке городских школ и изыскании средств к умножению их» [12, с. 240]. Был первым председателем Общества садоводства, учрежденного в 1892 г. по инициативе томского губернатора Г. А. Тобизена с целью содействия «развитию садоводства, плодоводства и огородничества в крае, где сельское хозяйство и вообще культура стоит еще на довольно низкой

¹ В соответствии с утвержденным 14 ноября 1824 г. «Дополнительным постановлением об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний» размер объявленного капитала для причисления в купцы 3-й гильдии составлял 8 тыс. руб., 2-й гильдии — 20 тыс. руб., 1-й гильдии — 50 тыс. руб. [37].

ступени» [14, с. 12; 34, с. 1-2]. Н. П. Голдобин помимо уплаты членских взносов внес в бюджет общества единовременное пожертвование 2 тыс. руб., а его супруга Мария Васильевна, также состоявшая членом общества, сделала вклад живыми растениями [34, с. 5, 8, 12]. 13 июня 1896 г. указом Правительствующего Сената Николаю Петровичу Голдобину было присвоено право потомственного почетного гражданства [43]. В соответствии с манифестом «Об установлении нового сословия под названием Почетных Граждан», утвержденным 10 апреля 1832 г. [36], право потомственного почетного гражданства распространялось и на всех членов семьи по нисходящей линии, в том числе и на М. Н. Колокольникову, несмотря на то, что она уже была замужем. Действительно, тюменский уездный исправник 20 апреля 1915 г. в рапорте тобольскому губернатору сообщал, что «жена личного почетного гражданина Мария Николаевна Колокольникова по рождению принадлежит к потомственным почетным гражданам» [9, л. 15]. К 1898 г. семейство Голдобиных переехало в Москву, закрыв торговлю в Томске [17; 26, с. 21]. Согласно справочной книге «Вся Москва», потомственный почетный гражданин Николай Петрович Голдобин значился в списке жителей Москвы с 1899 г. по 1909 г., проживающим сначала по адресу ул. Моховая, д. 4 Голофеева (1899-1901), затем в кв. 12 дома «Российского общества застрахования капиталов и доходов» на углу улиц Моховой и Воздвиженки [1-4, 29-33]. Информации о роде занятий в Москве и дальнейших судьбах Н. П. Голдобина, а также его жены и детей не установлено.

На рис. 5 приведена родословная таблица Марии Николаевны Колокольниковой, составленная на основе сведений, полученных в результате исследования.

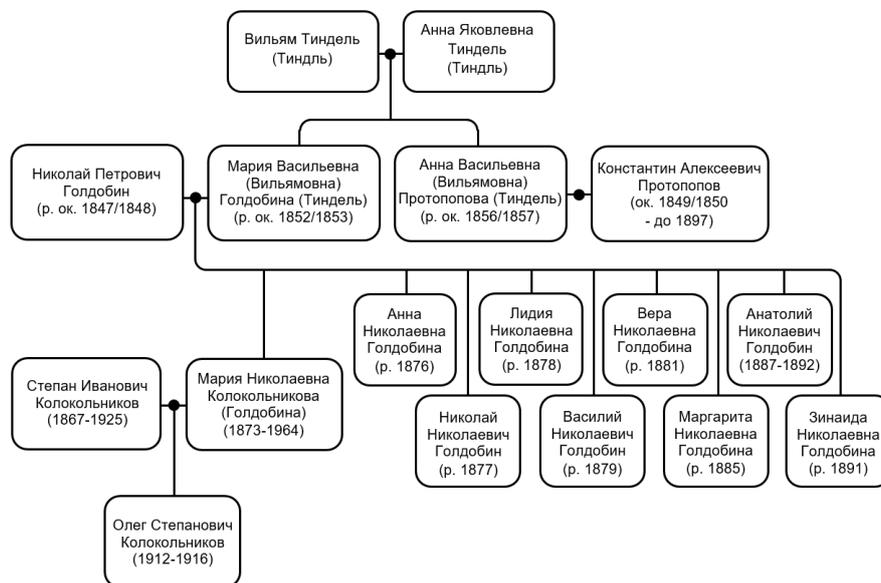


Рис. 5. Генеалогическая таблица М. Н. Колокольниковой

Fig. 5. The generation chart of M. N. Kolokolnikova

Мария Николаевна Колокольникова скончалась 7 августа 1964 г., не дожив 6 дней до своего 91-летия (ее дата рождения по григорианскому календарю 13 августа 1873 г.), через 39 лет после смерти Степана Ивановича. О ее смерти сообщила газета *The New York Times*, заупокойная панихида по Марии Николаевне состоялась во вторник 11 августа 1964 г. в 9 часов утра в русском православном соборе Покрова Пресвятой Богородицы в Нью-Йорке [44]. Супруги Колокольниковы похоронены вместе на кладбище Mount Olivet Cemetery в Нью-Йорке [45].

В результате исследования установлены достоверные факты биографии М. Н. Колокольниковой. Выявленные сведения о ее родителях, опровергают бытовавшую в литературе версию о ее дворянском происхождении. Вместе с тем следует отметить, что нами лишь частично были восполнены генеалогические сведения о семье Голдобиных-Тиндель, из которой происходила Мария Николаевна. К сожалению, не удалось обнаружить какие-либо подтвержденные факты о дальнейшей судьбе близких родственников Марии Николаевны (родителей, братьев, сестер и др.). Однако, имеющаяся информация, относящаяся к периоду 1900-1910-х гг., о людях, которые с определенной долей вероятности могут быть родственниками М. Н. Колокольниковой, позволяет нам продолжить исследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрес-Календарь г. Москвы на 1904 г. «*Вся Москва*» / Издание Московской Городской Управы. М.: Типо-литография «Русского Товарищества печатного и издат. дела», 1904. 657 с.
2. Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы // *Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1905 год* / Издание А. С. Суворина. М: Товарищество типо-литографии Владимир Чичерин в Москве, 1905. С. 99.
3. Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы // *Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1908 год* / Издание А. С. Суворина. М: Городская Типография, 1908. С. 93.
4. Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы // *Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1909 год* / Издание А. С. Суворина. М: Городская Типография, 1909. С. 99.
5. Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII-XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории: монография / В. П. Бойко; под ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2009. 307 с.
6. Бондаренко Ф. В. Британские механики и предприниматели на Урале в XIX — начале XX вв.: монография / Ф. В. Бондаренко, В. П. Микитюк, В. А. Шкерин. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. 86 с.
7. Войнова Н. Тюменское купечество / Н. Войнова // *Тюменская старина* / ред. А. Васильев. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2006. Том 1. С. 147-156.
8. Галян Н. Признательность купцам Колокольниковым / Н. Галян // *Тюменский курьер*. 2011. № 209 (3226). С. 3.

9. Дело о награждении жены личного почетного гражданина Марии Колокольниковой и о присвоении личному почетному гражданину Степану Колокольникову звания почетного гражданина г. Тюмени // Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И152. Оп. 36. Д. 564.
10. Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII — начало XX в.) / отв. ред. докт. истор. наук Е. В. Алексеева. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 405 с.
11. Ермакова О. Противники или союзники? Крымская война и британско-российское техническое сотрудничество на Урале / О. Ермакова // *Quaestio Rossica*. 2015. Том 3. № 3. С. 66-77. DOI: 10.15826/qr.2015.3.112
12. Жеравина А. Н. Томск второй половины XIX — начала XX в. (по материалам дореволюционной печати) / А. Н. Жеравина; под ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 402 с.
13. Жиров А. Чайный путь и Кяхта / А. Жиров // *Земля Иркутская*. 2000. № 12. С. 66-72.
14. Зиновьев В. П. Общественная деятельность купечества Томской губернии в 1880 — феврале 1917 г. / В. П. Зиновьев, В. И. Зиновьева // *Сибирские исторические исследования*. 2016. № 2. С. 9-20. DOI: 10.17223/2312461X/12/2
15. Колокольников, Иван Петрович // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Колокольников_Иван_Петрович#cite_note-4 (дата обращения 15.11.2021).
16. Колокольцева Н. Ю. Семейные ценности сибирского купечества / Н. Ю. Колокольцева // *Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология*. 2020. № 3 (113). С. 63-68. DOI: 10.14258/izvasu(2020)3-10
17. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 томах / Ин-т истории СО РАН, Сиб. купеческое собрание, Корпорация «Стайлинг»; гл. ред. Д. Я. Резун, Д. М. Терешков. Новосибирск: Наука, 1994. Том 1 (А-Е). Кн. 2. 167 с.
18. Метрическая книга Богоявленской церкви г. Томска за 1873, 1874, 1875, 1876, 1878, 1879, 1881, 1882, 1883, 1884 годы // Государственный архив Томской области. Ф. 465. Оп. 1. Д. 3.
19. Метрическая книга г. Кунгура для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1871 г. // Государственный архив Пермского края. Ф. 719. Оп. 7. Д. 152.
20. Метрическая книга о рождении, браке, смерти по церкви «Собор» (01.01.1870-31.12.1874) // Государственный архив Тюменской области. Ф. И255. Оп. 12. Д. 2.
21. Метрические книги Вознесенской церкви Суксунского завода Красноуфимского уезда Пермской губернии за 1871-1873 гг. // Государственный архив Пермского края. Ф. 719. Оп. 6. Д. 7.
22. Метрические книги Преображенской церкви г. Томска за 1885, 1886 гг. // Государственный архив Томской области. Ф. 527. Оп. 1. Д. 221.
23. Метрические книги Преображенской церкви г. Томска за 1887, 1888, 1889, 1890 гг. // Государственный архив Томской области. Ф. 527. Оп. 1. Д. 263.
24. Метрические книги Преображенской церкви г. Томска за 1890, 1891, 1892 гг. // Государственный архив Томской области. Ф. 527. Оп. 1. Д. 319.
25. Метрические книги Преображенской церкви г. Томска за 1893, 1894 гг. // Государственный архив Томской области. Ф. 527. Оп. 1. Д. 385.
26. Мушкалов С. М. Грибушины. Пермской губернии династия / С. М. Мушкалов. Пермь: Раритет-Пермь, 2007. 303 с.

27. О выписке из Англии двух формовых мастеров Тиндля и Бровна // Российский государственный исторический архив. Ф. 37. Оп. 10. Д. 35.
28. О назначении в Томское приходское училище почетных блюстителей Хмелева, Баранова, Грибушина, Голдобина, Петрова и Богомолова // Государственный архив Томской области. Ф. 125. Оп. 2. Д. 649.
29. Общий алфавит жителей г. Москвы // Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1901 год / Издание А. С. Суворина. М: Т-во типо-литографии Владимир Чичерин в Москве, 1901. С. 104.
30. Общий алфавит жителей г. Москвы // Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1902 год / Издание А. С. Суворина. М: Т-во типо-литографии Владимир Чичерин в Москве, 1902. С. 104.
31. Общий алфавит жителей г. Москвы // Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1903 год / Издание А. С. Суворина. М: Т-во типо-литографии Владимир Чичерин в Москве, 1903. С. 105.
32. Общий алфавит жителей г. Москвы // Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1899 год / Издание А. С. Суворина. М: Т-во Типо-литографии Владимир Чичерин в Москве, 1899. С. 65.
33. Общий алфавит жителей г. Москвы // Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1900 год / Издание А. С. Суворина. М: Т-во Типо-литографии Владимир Чичерин в Москве, 1900. С. 77.
34. Отчет Томского общества садоводства с 20 сентября 1892 г. по 15 июня 1894 г. Томск: Губернская типография, 1894. 15 с.
35. Переписные листы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Тобольской губернии, г. Тюмень, ч. 1 // Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 3279. Л. 6.
36. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1825-1881 гг.: в 55 т. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. Том VII: 1832. С. 193-195.
37. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649-1825 гг.: в 45 т. / Под ред. М. М. Сперанского. СПб: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Том XXXIX: 1824. С. 593.
38. Рожков. Об Екатеринбургской механической фабрике / Рожков // Горный журнал, или собрание сведений о горном и соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся. СПб: В типографии И. Глазунова и К°, 1852. Ч. IV. Кн. X. С. 98-115.
39. Ситникова Е. В. Историко-архитектурное наследие купцов Колокольниковых в г. Тюмени / Е. В. Ситникова // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 4. С. 36-48.
40. Типикина Л. А. От Тюмени до Америки (тюменские купцы братья Колокольниковы в эмиграции) / Л. А. Типикина // Земля Тюменская: ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2006 / ред. В. П. Петрова. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та. 2007. Вып. 20. С. 67-84.
41. Типикина Л. А. Тюменские I гильдии купеческие дети Колокольниковы / Л. А. Типикина // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2001 / Ред. В. П. Петрова. Тюмень: Тюменский областной краеведческий музей, 2002. Вып. 15. С. 159-180.

42. Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / Под ред. д-ра ист. наук Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 440 с.
43. Третий департамент Сената. Дела о присвоении прав потомственного почетного гражданства: Голдобины, купцы 1-ой гильдии // Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 40. Д. 1230.
44. Deaths // The New York Times. 1964. 9 August 9. P. 77.
45. Maria Kolokolnikoff / Find a Grave. URL: https://www.findagrave.com/memorial/209625214/maria-kolokolnikoff?_cf_chl_captcha_tk__=0PiSzDt5eIPYpfBpA0o8nVfnftAf7YsPG_Ujpv171A-1637513694-0-gaNycGzNCdE (дата обращения 21.11.2021).

Natalia A. IVANOVA¹

Elena Ya. OGNIOVA²

**MARIA NIKOLAEVNA KOLOKOLNIKOVA:
UNKNOWN FACTS OF THE BIOGRAPHY
AND THE GENEALOGY**

¹ Cand. Sci. (Phys.-Math.), Associate Professor,
Professor, Department of Applied and Technical Physics,
Institute of Physics and Technology,
Head of Photonics and Microfluidics Research Laboratory,
X-BIO Institute, University of Tyumen
n.a.ivanova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-4121-8765

² Independent Researcher (Tyumen)
ogn72@mail.ru

Abstract

The study reveals previously unknown facts about the biography of a representative of one of the most famous Tyumen merchant families — Maria Nikolaevna Kolokolnikova, who made an enormous contribution to the development of public education in Tyumen. Local historians have studied in detail the history of the Kolokolnikov family, beginning from the ancestor on the Tyumen land to the now living descendants. However, the origin of Maria Nikolaevna has remained a mystery to researchers until recently. According to a version that has been established among the local historians and the museum community, Maria Nikolaevna was born in Ishim of Tobolsk province and came from the noble family of the Golitsyns. In this work, based on an analysis of sources stored in the State Archives of the Tomsk Region and the Perm Territory, as well as scientific works on the history of the Urals industry and the Ural-Siberian merchants, for the first time information on the family from which Maria Nikolaevna Kolokolnikova came, the dates and places of her birth and wedding is given. The research results presented in the article make a significant contribution to the development of the local history.

REFERENCES

1. Moscow City Council. 1904. Address-Calendar of Moscow for 1904 “All of Moscow”. Moscow: Tipografiya “Russkogo Tovarishchestva pechatnogo i izdat. dela”. 657 p. [In Russian]

2. Suvorin A. S. 1905. "Alphabetical index of addresses of residents of Moscow". In: Suvorin A. S. 1905. All of Moscow. Address and Reference Book of 1905, p. 99. Moscow: T-vo Tipo-litografii Vladimir Chicherin v Moskve. [In Russian]
3. Suvorin A. S. 1908. "Alphabetical index of addresses of residents of Moscow". In: Suvorin A. S. 1908. All of Moscow. Address and Reference Book of 1908, p. 93. Moscow: T-vo Tipo-litografii Vladimir Chicherin v Moskve. [In Russian]
4. Suvorin A. S. 1909. "Alphabetical index of addresses of residents of Moscow". In: Suvorin A. S. 1909. All of Moscow. Address and Reference Book of 1909, p. 99. Moscow: T-vo Tipo-litografii Vladimir Chicherin v Moskve. [In Russian]
5. Boiko V. P. 2009. Merchants of Western Siberia at the End of the 18th-19th Century. Essays on Social, Sectoral and Mental History: Monograph. Edited by V. P. Zinoviev. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi arkhitekturno-stroitel'nyi universitet. 307 p. [In Russian]
6. Bondarenko F. V., Mikityuk V. P., Shkerin V. A. 2009. British Mechanics and Entrepreneurs in the Urals in the 19th — early 20th Centuries: Monograph. Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii. 86 p. [In Russian]
7. Voinova N. 2006. "Tyumen Merchants". In: Vasiliev A. (ed.). 2006. Tyumen Antiques, vol. 1, pp. 147-156. Tyumen: Tyumenskii izdatel'skii dom. [In Russian]
8. Galyan N. 2011. "Gratitude to Merchants Kolokolnikov". Tyumen Courier, no. 209 (3226), p. 3. [In Russian]
9. State Archive in Tobolsk. "Case of awarding the wife of a Personal Honorary Citizen Maria Kolokolnikova and Conferring the title of Honorary Citizen of Tyumen to Personal Honorary Citizen Stepan Kolokolnikov". F. I152. Op. 36. D. 564. [In Russian]
10. Alekseeva E. V. (ed.). 2011. Diffusion of Technologies, Social Institutions and Cultural Values in the Urals (18th — early 20th Centuries). Yekaterinburg: UrO RAN. 405 p. [In Russian]
11. Ermakova O. 2015. "Enemies or allies? The Crimean War and British-Russian technical cooperation in the Urals". Quaestio Rossica, vol. 3, no. 3, pp. 66-77. DOI: 10.15826/qr.2015.3.112 [In Russian]
12. Zheravina A. N. 2010. Tomsk of the Second Half of the 19th — early 20th Centuries. (Based on the Materials of the Pre-revolutionary Press). Edited by V. P. Zinoviev. Tomsk: Izdatelstvo of Tomsk University. 402 p. [In Russian]
13. Zhironov A. 2000. "Tea Way and Kyakhta". Irkutsk territory, no. 12, pp. 66-72. [In Russian]
14. Zinoviev V. P., Zinovieva V. I. 2016. "Merchants' Public Activity in Tomsk Province from 1880 to February 1917". Siberian historical research, no. 2, pp. 9-20. DOI: 10.17223/2312461X/12/2 [In Russian]
15. Wikipedia. Kolokolnikov, Ivan Petrovich. Accessed on 15 November 2021. https://ru.wikipedia.org/wiki/Колокольников_Иван_Петрович#cite_note-4 [In Russian]
16. Kolokoltseva N. Yu. 2020. "Family Values of Siberian Merchants". Izvestiya of Altai State University. Historical Sciences and Archaeology, no. 3 (113), pp. 63-68. DOI: 10.14258/izvasu(2020)3-10 [In Russian]
17. Rezun D. Ya., Tereshkov D. M. (eds.) 1994. Brief Encyclopedia on the History of Merchants and Commerce of Siberia: in 4 Vols. Vol. 1, No. 2. Novosibirsk: Nauka. 167 p. [In Russian]
18. State Archive of the Tomsk Region. "Metric book of the Epiphany Church of Tomsk for 1873, 1874, 1875, 1876, 1878, 1879, 1881, 1882, 1883, 1884". F. 465. Op. 1. D. 3. [In Russian]

19. State Archive of the Perm Territory. "The metric book of Kungur to record those born, married and deceased in 1871". F. 719. Op. 7. D. 152. [In Russian]
20. State Archive of the Tyumen Region. "Metric Book on birth, marriage, death according to the Church 'Cathedral' (January 1, 1870 — December 31, 1874)". F. I255. Op. 12. D. 2. [In Russian]
21. State Archive of the Perm Territory. "Metric books of the Ascension Church of the Suksunsky plant of the Krasnoufimsky district of the Perm province for 1871-1873". F. 719. Op. 6. D. 7. [In Russian]
22. State Archive of the Tomsk Region. "Metric books of the Transfiguration Church of Tomsk for 1885, 1886". F. 527. Op. 1. D. 221. [In Russian]
23. State Archive of the Tomsk Region. "Metric books of the Transfiguration Church of Tomsk for 1887, 1888, 1889, 1890". F. 527. Op. 1. D. 263. [In Russian]
24. State Archive of the Tomsk Region. "Metric books of the Transfiguration Church of Tomsk for 1890, 1891, 1892". F. 527. Op. 1. D. 319. [In Russian]
25. State Archive of the Tomsk Region. "Metric books of the Transfiguration Church of Tomsk for 1893, 1894". F. 527. Op. 1. D. 385. [In Russian]
26. Mushkalov S. M. 2007. Gribushins. Perm Province Dynasty. Perm: Raritet-Perm. 303 p. [In Russian]
27. Russian State Historical Archive. "On the order from England of two form masters Tindel and Brown". F. 37. Op. 10. D. 35. [In Russian]
28. State Archive of the Tomsk. "On the appointment of Honorary Guardians Khmelev, Baranov, Gribushin, Goldobin, Petrov and Bogomolov to the Tomsk Parish School". F. 125. Op. 2. D. 649. [In Russian]
29. Suvorin A. S. 1901. "The general alphabet of the inhabitants of Moscow". In: Suvorin A. S. 1901. All of Moscow. Address and Reference book of 1901, p. 104. Moscow: T-vo Tipo-litografii Vladimir Chicherin v Moskve. [In Russian]
30. Suvorin A. S. 1902. "The general alphabet of the inhabitants of Moscow". In Suvorin A. S. 1902. All of Moscow. Address and Reference Book of 1902, p. 104. Moscow: T-vo Tipo-litografii Vladimir Chicherin v Moskve. [In Russian]
31. Suvorin A. S. 1903. "The general alphabet of the inhabitants of Moscow". In Suvorin A. S. 1903. All of Moscow. Address and Reference Book of 1903, p. 105. Moscow: T-vo Tipo-litografii Vladimir Chicherin v Moskve. [In Russian]
32. Suvorin A. S. 1899. "The general alphabet of the inhabitants of Moscow". In Suvorin A. S. 1899. All of Moscow. Address and Reference Book of 1899, p. 65. Moscow: T-vo Tipo-litografii Vladimir Chicherin v Moskve. [In Russian]
33. Suvorin A. S. 1900. "The general alphabet of the inhabitants of Moscow". In Suvorin A. S. 1900. All of Moscow. Address and Reference Book of 1900, p. 77. Moscow: T-vo Tipo-litografii Vladimir Chicherin v Moskve. [In Russian]
34. Report of the Tomsk Horticulture Society from September 20, 1892 to June 15, 1894. 1894. Tomsk: Gubernskaya tipografiya. 15 pp. [In Russian]
35. State Archive in Tobolsk. "Census forms of the First General Census of the Russian Empire of 1897 in the Tobolsk province, Tyumen, part 1". F. I417. Op. 2. D. 3279. P. 6. [In Russian]
36. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection Two. 1825-1881: in 55 Vols. 1832. Vol. 7, pp. 193-195. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. [In Russian]

37. Speranskii M. M. (ed.). 1824. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection One. 1649-1825: in 45 Vols. 1824. Vol. 39, p. 593. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. [In Russian]
38. Rozhkov. 1852. "On Yekaterinburg Mechanical Factory". Mining journal, or a collection of information about mining and salt business, with the addition of new discoveries in the sciences related to this subject, vol. 4, no. 10, pp. 98-115. St. Petersburg: V tipografii I. Glazunova i K°. [In Russian]
39. Sitnikova E. V. 2015. "Merchants Kolokolnikov's Historical and Architectural Heritage in Tyumen". Journal of Tomsk State Construction and Architecture University, no 4, pp. 36-48. [In Russian]
40. Tipikina L. A. 2007. "From Tyumen to America (Tyumen Merchants Brothers Kolokolnikovs in Exile)". In: Petrov V. P. (ed.). 2007. Tyumen Territory: Yearbook of the Tyumen Regional Museum of Local Lore: 2006, vol. 20, pp. 67-84. Tyumen: Tyumen State University. [In Russian]
41. Tipikina L. A. 2002. "Tyumen I Guild's Merchant Children Kolokolnikovs". In: Petrov V. P. (ed.). 2007. Tyumen Territory: Yearbook of the Tyumen Regional Museum of Local Lore: 2001, vol. 15, pp. 159-180. Tyumen: Tyumenskii oblastnoi kraevedcheskii muzei. [In Russian]
42. Dmitrienko N. M. (ed.). 2004. Tomsk from A to Z: A Brief Encyclopedia of the City. Tomsk: NTL. 440 p. [In Russian]
43. Russian State Historical Archive. "Third Department of the Senate. Cases on the assignment of hereditary honorary citizenship: Goldobins, merchants of the 1st Guild". F. 1343. Op. 40. D. 1230. [In Russian]
44. The New York Times. August 9, 1964. Deaths. P. 77.
45. Maria Kolokolnikoff. Find a Grave. Accessed on 21 November 2021. https://www.findagrave.com/memorial/209625214/maria-kolokolnikoff?_cf_chl_captcha_tk__=0PiSzDt5eIPYpfBpA0o8nVfnfritAf7YsPG_Ujpv171A-1637513694-0-gaNycGzNCdE

Научное издание

ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. HUMANITATES
2021. Том 7. № 4 (28)

Редакторы	<i>М. О. Сафонова, А. А. Горбунов</i>
Перевод	<i>М. О. Сафонова, А. А. Горбунов</i>
Компьютерная верстка	<i>В. Е. Суслов, Т. П. Сербин</i>
Дизайн обложки	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Печать	<i>А. Е. Котлярова, А. В. Башкиров, В. В. Торопов</i>



Дата выхода в свет 30.12.2021
Формат 70×108/16
Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard EC
Гарнитура Times New Roman
Печать электрографическая
24,5 усл. печ. л., 19,6 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 514

Центр научных периодических изданий
625003, г. Тюмень, ул. Перекопская, 15а
тел./факс: +7 (3452) 59-74-32
vestnik-humanities-r@utmn.ru

Отпечатано в Издательстве ТюмГУ